

Р 36
11

802-17
326

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1892.

№ 15.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 16.

1892.

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1892.

№ 15.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Опытъ изъясненія на посланіе Святаго Апостола Павла къ Филиппійцамъ
(продолженіе). *В. Тернера* 143—172

Нагорная проповѣдь. (Опытъ изъясненія ученія Господа нашего Іисуса
Христа съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною крит-
тикою новейшаго времени) (продолженіе). Овщ. *Т. Бутневича* 173—189

Современное отношеніе римско-католической церкви къ рабочему вопросу
(продолженіе). *Н. Истомина* 190—212

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Религіозное міросозерцаніе историковъ Греціи: Геродота, Фукидида и Исе-
нофонта, въ отношеніи къ идее Божества, по сравненію съ таковымъ же
міросозерцаніемъ другихъ древнѣйшихъ греческихъ историковъ (продолженіе).
Профессора Московской Духовной Академіи *И. Корсунскаго* 83—95

Сердце и его жизнь. Гдѣсь и страхъ. Радость и горе (продолженіе).
Профессора Казанской Духовной Академіи *В. А. Снегирева* 96—124

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Правленія
Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго
училища.—Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.—Отъ Правленія Купин-
скаго Духовнаго училища.—Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный Коми-
тетъ денежныхъ пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ отъ неурожая (продолженіе).—
Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1892.

Πίσται νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Августа 1892 года.

Временно-исправл. должность цензора,
Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

ОПЫТЪ ИЗЪЯСНЕНІЯ

НА ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ФИЛИППІЙЦАМЪ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. •

Апостолъ начинаетъ эту главу словами: „впрочемъ, братія мои, радуйтесь о Господѣ“. Читая посланія апостола Павла, всецѣло проникаешься убѣжденіемъ, что нормальное состояніе духа истиннаго христіанина должно заключаться въ постоянно радостномъ настроеніи, не смотря даже на могущую быть потерю матеріальныхъ и мірскихъ благъ, не смотря на разныя лишенія, страданія и печали, которыя ожидаютъ въ большей или меньшей мѣрѣ каждаго человѣка въ земной жизни. Самъ апостолъ подаетъ намъ въ этомъ отношеніи лучшій примѣръ; не смотря на заточеніе, не смотря на страданія, которымъ онъ подвергается и не смотря на ожиданіе близкой смерти, онъ исполненъ радости, вотъ почему онъ по всякому поводу приглашаетъ и другихъ радоваться: „радуйтесь всегда въ Господѣ и еще говорю радуйтесь“, пишетъ онъ Филиппійцамъ, „всегда радуйтесь“, пишетъ онъ Фессалоникійцамъ (5, 16), это какъ бы постоянный налѣвъ внутренней гармоніи его сердца.

Вдумываясь въ смыслъ словъ апостола, нельзя не замѣтить, что это увѣщаніе: „впрочемъ, братія мои, радуйтесь о Господѣ“, не представляетъ простаго повторенія 18-го стиха предшествующей главы, а является разъясненіемъ того, при какихъ усло-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 13, 1892 г.

вѣяхъ возможно радоваться постоянно, и потому онъ начинаетъ свою фразу словомъ *впрочемъ*, т. е. оговоркой и кончаетъ ее словами о *Господѣ*. Апостолъ очевидно хочетъ выразить этими словами, что онъ имѣетъ въ виду не обыкновенную человѣческую радость, а высшую радость о *Господѣ*. Онъ какъ бы говоритъ Филиппійцамъ: радуйтесь всему этому, т. е. и возвращенію Елафродита и скорому прибытію Тимофея и моему наміренію прійти къ вамъ,—какъ на то указываетъ Св. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ толкованіи,—но *впрочемъ* не забывайте, что всякая человѣческая радость, если она не покоится на неизблемомъ и твердомъ основаніи, т. е. на *Господѣ*, непостоянна, необеспечена, невѣрна и легко можетъ превратиться въ печаль. Въ данномъ случаѣ ожидаемое свиданіе можетъ не состояться, я могу быть принесенъ въ жертву,—а при такихъ условіяхъ человѣческое сердце можетъ радоваться только во *Христѣ*, т. е. въ духѣ любви, вѣры и отреченія; радоваться при всякихъ условіяхъ жизни можно только о *Господѣ* и потому „радуйтесь о *Господѣ*“. Радость о *Господѣ*, вдохновляющая христіанина, это радость не отъ міра сего, а высшая радость, порожденная стяжаніемъ тѣхъ духовныхъ благъ, которыя драгоценнѣе всякаго мірскаго добра, той божественной любви, о которой Св. апостолъ Іоаннъ говоритъ: „въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего въ умилостивленіе за грѣхи наши,—и мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ и увѣровали въ нее—сіе пишемъ вамъ, прибавляетъ съ своей стороны Апостолъ Іоаннъ, чтобы радость ваша была совершенна“; (1 Посл. 4, 10. 16. 1, 4) и того міра, который превъыше всякаго ума, соблюдаетъ сердца наши и помышленія наши во *Христѣ Іисусѣ* (Фил. 4, 7), міра, о которомъ *Христосъ* говоритъ, „миръ оставляю вамъ, не такъ какъ міръ даетъ, Я даю вамъ, да не смущается сердце ваше и да не устрашаетесь“. (І. 14, 27).

„Писать вамъ о томъ-же для меня не тягостно, а для васъ назидательно“, прибавляетъ апостолъ, ибо всестороннее разъясненіе вопроса о томъ—въ чемъ заключается основаніе истинной христіанской радости, тѣмъ болѣе необходимо для Филиппійцевъ, что они окружены людьми, которые ищутъ свою ра-

дость и свою хвалу на ложной дорогѣ и потому не обрѣтають истинной радости.

Такимъ образомъ приглашеніе радоваться естественно связывается въ мысляхъ апостола съ содержаніемъ послѣдующаго стиха: „берегитесь псовъ, берегитесь злыхъ дѣятелей, берегитесь обрѣзанія“.

Но кого разумѣетъ апостолъ подъ словами *псы* и *злые дѣятели*, отъ которыхъ онъ желаетъ уберечь возлюбленныхъ Филиппійцевъ? Послѣдующее содержаніе главы несомнѣнно указываетъ, что Апостолъ имѣетъ здѣсь въ виду главнымъ образомъ іудействующихъ лжеучителей. Настоящее Посланіе, какъ уже выше указано, имѣетъ нѣкоторымъ образомъ характеръ духовнаго завѣщанія. Изъ того, что апостолъ находитъ нужнымъ, въ столь торжественную минуту, предостерегать Филиппійцевъ противъ ожидавшей ихъ опасности, можно заключить, что опасность несомнѣнно уже существовала, и что она сильно беспокоила апостола. Можно предположить, что онъ узналъ отъ Епафродита о стремленіи іудействующихъ пріобрѣсть нѣкоторое вліяніе въ Филиппахъ и внести рознь въ среду общества, по этому апостолъ и увѣщевалъ Филиппійцевъ такъ убѣдительно пребывать въ единеніи. Испытаніе, которому могли подвергнуться Филиппійцы, вѣроятно предстояло мысли апостола, когда онъ приглашалъ ихъ подвизаться въ одномъ духѣ за вѣру евангельскую и не страшиться ни въ чемъ противниковъ, все дѣлать безъ ропота и сомнѣнія,—въ этихъ же видахъ, т. е. чтобы устранить всякое ихъ сомнѣніе, онъ указывалъ имъ на Бога, Который будетъ совершать въ нихъ доброе дѣло до дня Іисусъ Христова и Который производитъ въ нихъ хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволенію.

Злостныя усилія лжеучителей, какъ видно изъ содержанія самаго посланія, еще не увѣнчались успѣхомъ, раздора среди Филиппійцевъ еще не проявилось, но апостолъ считаетъ все же необходимымъ предостеречь Филиппійцевъ противъ ожидавшей ихъ опасности, тѣмъ болѣе, что обстоятельства слагались, повидимому, чрезвычайно благопріятно для ихъ враговъ. Казалось нетруднымъ въ такое время, когда ненавистный имъ апостолъ находился въ далекомъ заточеніи, возбудить въ средѣ

осиротѣлой общины, лишенной совѣта и руководства апостола, разныя сомнѣнія относительно того—дѣйствительно ли евангеліе, проповѣдуемое Павломъ, ведетъ ко спасенію?

Самая рѣзкость, съ которою апостолъ бичуетъ здѣсь лжеучителей, раскрываетъ передъ нами ту тяжелую борьбу, которая происходила въ его душѣ между увѣренностію въ благополучный исходъ христіанскаго дѣла и терзавшими его по этому поводу заботами. Въ этой рѣзкости выражается вмѣстѣ съ тѣмъ святое негодованіе челоуѣка, смертельно ненавидѣвшаго все ложное и злое и ревность любви исполнявшей сердце апостола. Горячо ревнуя о благѣ возлюбленныхъ, онъ немилосердно преслѣдуетъ тѣхъ, которые стремятся вовлечь ихъ въ ужасную опасность отклоненія отъ истиннаго пути христіанскаго спасенія.

Чтобы понять достойно ожесточеніе, съ которымъ апостолъ отзывается о лжеученіяхъ, необходимо перенестись мысленно въ отдаленную эпоху перваго развитія христіанства и дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какую серіозность имѣла эта борьба съ іудействующимъ лжеученіемъ, поставлявшимъ въ опасность самое существованіе христіанства.

Евангеліе Христово возникло въ Іудеѣ. Самъ Христосъ жилъ сообразно съ закономъ, хотя Онъ и не остапаивался предъ порицаніемъ тѣхъ крайностей, которыя фарисеи ввели въ законъ. Церкви, основанныя Его учениками въ Іудеѣ и Галилеѣ, имѣя своимъ центромъ Іерусалимскую церковь, точно также постоянно держались закона. Они вѣровали, что обѣщаніе спасенія, данное еврейскому народу, а чрезъ его посредство и другимъ народамъ,—должно осуществиться со вторымъ пришествіемъ Господа и сдѣлаться достояніемъ всѣхъ видѣвшихъ въ Немъ обѣтованнаго Мессію, Спасителя, Христа, но при этомъ продолжали связывать дѣло спасенія съ соблюденіемъ закона. Первый случай уклоненія проявился при крещеніи сотника Корнилія апостоломъ Петромъ (Д. 12, 10), но этотъ случай оставался единичнымъ и не произвелъ существеннаго измѣненія въ возрѣніяхъ мѣстныхъ христіанъ. Насколько извѣстна исторія древнѣйшихъ христіанскихъ временъ, апостолъ Павелъ первый сталъ сознать, что спасеніе зависитъ уже

не отъ исполненія требованій закона, а отъ вѣры во Христа, что по спасительному плану Божію заповѣдь имѣла только задачею убѣдить людей во грѣхѣхъ: „закономъ познается грѣхъ“, (Р. 3, 20) и тѣмъ самымъ подготовить людей къ пришествію Христа—носителя благодати.

Удостоенный явленія ему Самого Господа на пути въ Дамаскъ, куда онъ отправлялся для преслѣдованія христіанъ, апостоль немедленно приступилъ къ проповѣдыванію евангелія въ Дамаскъ, почитая себя къ тому призваннымъ отъ Господа, одновременно съ своимъ обращеніемъ. Онъ понималъ однако, что его воззрѣніе на евангеліе нѣсколько расходилось съ воззрѣніемъ, которое существовало по этому предмету въ Іерусалимѣ. Сознаніе этой разности могло именно побудить его три года не показываться въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ могъ опасаться не быть принятымъ въ общину и съ другой стороны подвергнуться преслѣдованію прежнихъ своихъ единомышленниковъ.

Первое посѣщеніе Іерусалима, вызванное, можетъ быть, гоненіемъ, которому Павелъ подвергся въ Дамаскъ (2 Кор. 11, 32), имѣло цѣлю свиданіе съ апостоломъ Петромъ, какъ главою христіанской общины, и апостоломъ Іаковомъ, который вмѣстѣ съ Петромъ занималъ самое выдающееся положеніе въ Іерусалимской общинѣ; съ другими же христіанами, во время своего перваго пребыванія въ Іерусалимѣ, апостоль Павелъ не имѣлъ сношеній „другаго же изъ апостоловъ я не видѣлъ никого, кромѣ Іакова брата Господня“ (Гал. 1, 19).

Все это заставляетъ предполагать, что настроеніе іерусалимскихъ христіанъ было вообще не благоприятно Павлу. Можно заключить, однако, что пятнадцатидневное пребываніе его въ Іерусалимѣ привело вѣроятно къ предварительному соглашенію съ этими двумя *столпами* церкви (Г. 2, 9). Послѣ того Павелъ отправляется въ Сирію, римскую провинцію, граничившую съ областію его предшествовавшей дѣятельности, и въ сосѣднюю Киликію, его собственную родину. Четырнадцать лѣтъ евангельской дѣятельности апостоль посвящаетъ этимъ мѣстностямъ, созидая въ нихъ христіанскія общины безъ примѣненія къ нимъ іудейскаго формальнаго закона. Апостоль оче-

видно надѣялся, что самое развитіе духовной жизни этихъ церквей будетъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ возможности обойтись безъ закона. Онъ полагалъ, что въ достигнутыхъ результатахъ іудеи усмотрятъ наконецъ рѣшеніе спорнаго вопроса Самимъ Богомъ и убѣдятся въ правильности Павлова воззрѣнія. Со временемъ до него дѣйствительно стали доходить свѣдѣнія, что въ Іудеѣ радуются его успѣхамъ и прославляютъ Бога. Но то, чего онъ желалъ, и на что онъ надѣялся, т. е. духовнаго съ нимъ единенія все же еще не проявлялось; іудейскіе христіане боязливо держались отъ него въ сторонѣ. Въ Іерусалимѣ стали даже возникать голоса, порицавшіе его дѣятельность и требовавшіе, чтобы всѣ христіане, даже изъ язычниковъ, вполнѣ подчинились іудейскому закону. Тогда апостоль Павелъ рѣшился по откровенію, взявъ съ собою Варнаву, родомъ іудея, и Тита, родомъ грека,—отправиться въ Іерусалимъ, чтобы изложить особо знаменитѣйшимъ благовѣстованіе, проповѣдуемое имъ язычникамъ и предложить имъ вопросъ: „не напрасно ли онъ подвизается и подвизался?“ (Г. 2, 12). Ему удалось, хотя и не безъ труда, отклонить требованіе іерусалимской церкви объ обращеніи язычниковъ-христіанъ въ іудейство и добиться нѣкоторой терпимости въ этомъ отношеніи. Столпы церкви сдѣлали еще болѣе, они подали ему и Варнавѣ руку общенія, „чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ“ (Г. 2, 9) и такимъ образомъ признали общеніе вѣры и спасенія между іудейскимъ и не іудейскимъ христіанствомъ.

Такое признаніе должно было имѣть громадное значеніе для апостола, представляя собою осуществленіе цѣли всѣхъ его стремленій. Безъ такого общенія все его дѣло оставалось бы тщетнымъ, „не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался“. Существованіе единой церкви, которая съ теченіемъ времени должна была объять весь міръ, было немыслимо безъ участія іудейскихъ первоначальныхъ церквей. „Спасеніе отъ іудеевъ“. Церковь греко-христіанская, лишенная религіознаго основанія іудейскихъ историческихъ преданій, іудейской вѣры и іудейскихъ священныхъ писаній, превратилась бы несомнѣнно, какъ не имѣющая твердой подъ собою почвы, въ религіозную секту,

въ арену господствующихъ религіозно-философскихъ мнѣній. Единственное что могло предохранить отъ истощанія мѣстныхъ церкви, возникшія въ средѣ язычниковъ не на основаніи преданія, а на основаніи личнаго убѣжденія,—это было понятіе *царства Божія*, понятія обхватывающаго и прошлое, и будущее, и небо и землю, а это понятіе потеряло бы всякое историческое значеніе и содержаніе, если бы христіанство не водрузилось на іудейскомъ прошломъ.

Успѣхъ достигнутый Павломъ въ Іерусалимѣ не могъ однако еще считаться полнымъ. Въ теоріи, такъ сказать, общеніе было признано,—какія однако трудности представляло осуществленіе этой идеи на практикѣ можно усмотрѣть изъ происшедшаго при посѣщеніи Петромъ Антиохіи, столицы Сиріи. Въ этомъ всемірномъ городѣ, какимъ въ то время была Антиохія, Павелъ достигъ того, что для него представлялось идеаломъ церкви Божіей: христіане какъ изъ подзаконныхъ евреевъ, такъ и не имѣвшихъ закона язычниковъ пребывали между собою въ полнѣйшемъ общеніи; самъ Петръ обращался съ послѣдними безъ опасенія вполне свободно, „ибо до прибытія нѣкоторыхъ отъ Іакова ѣлъ вмѣстѣ съ язычниками“ (Гал. 2, 12), когда же тѣ пришли, „сталъ таиться и устранился, опасаясь обрѣзанныхъ“. Убѣжденія посланныхъ отъ Іакова—что вѣрующіе іудеи и послѣ обращенія въ христіанство должны строжайше соблюдать всѣ предписанія закона и потому избѣгать всякаго сообщенія съ неіудеями, хотя бы и обращенными въ христіанство, подѣйствовали такъ сильно на мѣстныхъ іудеевъ-христіанъ, что Антиохійская церковь подверглась опасности разложенія. Апостолу Павлу стоило не мало труда предотвратить расколъ въ ея средѣ.

Предчувствіе практическихъ трудностей при разрѣшеніи этого вопроса первостепенной въ то время важности и побудило вѣроятно представителей Іерусалимской церкви облечь свое рѣшеніе въ такую форму—что христіане сторонники закона должны проповѣдывать христіанство іудеямъ, а Павелъ и его сподвижники необрѣзаннымъ язычникамъ, не отягчалъ послѣднихъ бременемъ закона. Несомнѣнно, что Павлу, который страстно любилъ свой народъ, не легко было согласиться на

подобное разрѣшеніе вопроса, устранившаго его дѣятельность отъ возлюбленнаго народа и вотъ почему онъ продолжаетъ стремиться къ достиженію болѣе дѣйствительнаго общенія своихъ церквей съ іудейскими. Съ этою цѣлію и въ надеждѣ, что заботливость языко-христіанскихъ церквей о нуждахъ Іерусалимской церкви послужитъ явнымъ свидѣтельствомъ существующаго между ними общенія, было собрано среди языко-христіанскихъ церквей богатое приношеніе для бѣдной Іерусалимской общины. Апостолъ полагалъ вѣроятно, что любовное приношеніе основанныхъ имъ церквей вызоветъ болѣе дѣйствительное сближеніе между ними и Іерусалимомъ, и успокоитъ ревнителей закона, которымъ не удалось провести на Іерусалимскомъ соборѣ свои требованія относительно подчиненія христіанъ изъ язычниковъ всѣмъ требованіямъ еврейскаго обрядоваго закона.

Но они-то именно и не могли ни успокоиться, ни сдружиться съ предложеніемъ объ освобожденіи отъ обрѣзанія христіанъ изъ язычниковъ, даже при дѣленіи христіанской работы въ смыслѣ установленномъ на соборѣ. Повсюду слѣдуя за Павломъ, они продолжали убѣждать обращенныхъ имъ христіанъ къ принятію еврейскаго закона. Павлу приходилось постоянно, до конца своей жизни бороться съ ними, отстаивая существованіе своихъ церквей и въ Галатіи, и въ Коринѣ, и въ Римѣ. Ограждая отъ происковъ лжеучителей своихъ духовныхъ дѣтей, онъ принужденъ былъ безустанно защищать предъ ними свое благовѣствованіе.

Въ виду всего вышеизложеннаго становится вполне понятною та рѣзкость, съ которою Павелъ отзывался о іудействующихъ лжеучителяхъ. Предположеніе, что въ этомъ мѣстѣ апостолъ имѣетъ въ виду исключительно іудействующихъ лжеучителей не можетъ быть ослаблено, какъ полагаютъ нѣкоторые изъяснители, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Св. Писаніи слово „псы“ примѣняется обыкновенно къ язычникамъ, т. е. плотски нечистымъ людямъ, окружающимъ христіанъ. Ап. Петръ во 2-мъ посланіи (2, 22) уподобляетъ псамъ язычниковъ, которые не хотятъ знать истиннаго Бога, служа только своимъ страстямъ и валяясь въ грязи грѣха. Спаситель въ бесѣдѣ съ Хананей-

ской женщиной говорить: „не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросать псамъ“ (Мѡ. 15, 26).

Слово „псы“ дѣйствительно примѣнялось въ то время преимущественно къ язычникамъ, но апостолъ Павелъ клеймилъ этимъ названіемъ іудействующихъ лжеучителей, потому что они не только по своему ложному пониманію и узкому фанатизму извращали сущность христіанства, не признавая, что Христосъ конецъ закона, но вмѣстѣ съ тѣмъ, преисполненные самыхъ грубыхъ стремленій національнаго тщеславія и даже корыстолюбія, не останавливались ни передъ какими средствами для достиженія своей цѣли. Самонадѣянный расчетъ на законъ, искаженіе фактовъ, низкая клевета и нападки на личность апостола, все имъ казалось дозволеннымъ. Преисполненные зависти и злобы, они подъ видомъ служенія Христу главнымъ образомъ заботились объ осуществленіи своихъ личныхъ тщеславныхъ страстей и корыстолюбивыхъ цѣлей. Они не только требовали себѣ почета на народныхъ собраніяхъ, но и въ матеріальномъ отношеніи высасывали сокъ изъ общинъ, подчинившихся ихъ вліянію. Отвратительная смѣсь въ ихъ характерѣ дерзости, хитрости, лицемерія и своекорыстія и заставляла апостола примѣнять къ нимъ употребляемое у іудеевъ и грековъ бранное слово „псы“. О язычникахъ апостолъ уже говорилъ выше и при томъ совершенно въ другомъ тонѣ, а потому не видно, почему бы онъ опять сталъ останавливать на нихъ свое вниманіе, тѣмъ болѣе, что отъ язычниковъ особой духовной опасности для христіанъ не предвидѣлось. Съ другой стороны, вся дѣятельность лжеучителей, какъ бы они ни старались выказать себя полезными и заслуживающими воздаянія дѣятелями, представлялась въ дѣйствительности дѣятельностію вредоносною; они стремились не служить ближнимъ, по примѣру Христа, но поработать ихъ себѣ, они заботились не о спасеніи человѣческихъ душъ, но о своемъ благѣ и томъ, что они считали таковымъ,—они не только не заботились о спасеніи людей, но даже прямо сводили ихъ съ пути спасенія, удаляя отъ своихъ послѣдователей благодать Христову. Вотъ почему апостолъ, не ограничиваясь уподобленіемъ ихъ животнымъ, называетъ ихъ „злыми дѣятелями“, т. е. не хорошими

и лукавыми рабочими на нивѣ Господней, которые болѣе портятъ, чѣмъ созидаютъ.

Того же мнѣнія держится въ своемъ объясненіи и А. М. Бухаревъ. Апостолъ не опредѣляетъ прямо, говорить онъ, кого именно слѣдуетъ остерегаться, вѣроятно, потому что, какъ видно изъ 18 ст. сей главы, у него уже были разсужденія съ Филиппійцами о сихъ опасныхъ людяхъ. Впрочемъ изъ того, что вмѣстѣ съ этимъ апостолъ заповѣдуетъ беречься обрѣзанія,—а подъ этимъ словомъ апостолъ разумѣетъ какъ дѣйствіе обрѣзанія, такъ и самихъ дѣятелей, противопоставляетъ плотскому обрѣзанію духовное обрѣзаніе христіанъ — легко усмотрѣть, что апостолъ имѣлъ въ виду іудействующихъ лжеучителей, которые признавали Іисуса Христа за Мессію и, не смотря на то, основывали спасеніе не на Его заслугахъ, а на соблюденіи закона Моисеева и такимъ образомъ превращали христіанство въ самое его существѣ. Сіи лжеучители, объясняетъ далѣе Бухаревъ, были весьма опасною язвою для апостольской церкви. Они ходили съ своимъ лжеученіемъ по городамъ и селеніямъ изъ корыстныхъ и самолюбивыхъ расчетовъ и для лучшаго успѣха въ своемъ дѣлѣ, принимали видъ апостоловъ Христовыхъ (Гал. 6, 12, 13. 2 Кор. 11, 13, 20. Римл. 16, 18). Имъ помогало то, что будучи сами изъ іудеевъ, они вездѣ удобно могли находить себѣ послѣдователей и сообщниковъ въ іудеяхъ, обыкновенно крайне привязанныхъ къ законной сѣни и всюду распространявшихся тогда по римской имперіи. Случалось, что они возмущали распрями цѣлыя церкви, напр. Галатійскую, которой, по сему случаю, ап. Павелъ писалъ посланіе. Они были подобно псамъ по ихъ безстыдству, наглости и по удаленію отъ истинныхъ чадъ Божіихъ во Христѣ, какъ объясняетъ сіе св. Златоустъ, прибавляя притомъ: „нѣкогда назывались псами язычники, а теперь они (т. е. іудеи и пристрастные къ іудейству христіане), потому что какъ язычники были отчуждены отъ Бога и Христа, такъ нынѣ отчуждены они“. Точно также и Игнатій Богоносецъ называетъ подобныхъ лжеучителей „псами, изподтишка кусающими“. Злыми же дѣятелями они названы безъ сомнѣнія какъ превращающіе благовѣствованіе Христова (Гал. 1, 7), какъ ревнующіе недобре (4,

16) и только разстраивающіе благоустроенное. Когда апостоль называетъ свое служеніе дѣломъ ἐργον (Ф. 1, 22), то ложныхъ учителей и апостоловъ естественно называть злыми дѣятелями τοὺς κακοὺς ἐργάτας.

Порицая религіозныя понятія лжеучителей, апостоль, вмѣстѣ съ тѣмъ, немногими штрихами ярко очерчиваетъ разницу между значеніемъ формальнаго закона и основаніемъ христіанской надежды.

„Потому что обрѣзаніе—мы, служащіе Богу духомъ и хвалящіеся Христомъ Иисусомъ и не на плоть надѣющіеся“.

Ветхій Завѣтъ съ его обрядовымъ закономъ былъ только тѣнію будущаго, а не существомъ спасенія. Такимъ образомъ и обрѣзаніе представляло только символъ; отнятіе грѣховной плоти обозначало подобіе снятія грѣха. Когда же наступило дѣйствительное снятіе грѣха, т. е. осуществилось спасеніе, тогда символъ потерялъ всякое значеніе и обрядъ *обрѣзанія* превратился въ простое *разрѣзаніе* плоти, и вотъ почему апостоль, говоря: бойтесь обрѣзанія, употребляетъ загадочное слово *κατατομή*, означающее разрѣзаніе, чтобы тѣмъ рельефнѣе указать на ничтожество этого дѣйствія, которое, за отнятіемъ его символическаго значенія, уже становится какъ бы членовредительствомъ. По объясненію Св. Златоуста апостоль называетъ обрѣзаніе разрѣзаніемъ, „потому что совершающіе оное не что иное дѣлаютъ какъ только отсѣкаютъ плоть, ибо когда это дѣйствіе перестало быть законнымъ (т. е. когда оно замѣнено духовнымъ обрѣзаніемъ, котораго оно было только образомъ, тѣнію), то оно есть ничто иное какъ сѣченіе и отсѣченіе плоти“. Такая мысль подтверждается и многими другими изреченіями апостола. Такъ, напр. въ Посланіи къ Римлянамъ онъ пишетъ: „ибо не тотъ іудей, кто таковъ по наружности и не то обрѣзаніе, которое наружно по плоти, но тотъ іудей, кто внутренне таковъ и то обрѣзаніе, которое въ сердцѣ по духу, а не по буквѣ“ (2, 28, 29). Іудействующимъ христіанамъ, искавшимъ спасеніе, не смотря на евангеліе въ дѣлахъ закона, ихъ кажущееся преимущество—т. е. внѣшнее соблюденіе закона, обращалось только во вредъ. Ошибочно полагая, что этимъ путемъ они посвящаютъ свою жизнь Богу, они уничтожали въ

себѣ благодать и силу Божию и тѣмъ самымъ обрекали себя на духовное безплодіе. Получивъ обрѣзаніе, какъ символъ за-вѣта, они въ немъ нѣкогда справедливо полагали свою радость. Но они не хотѣли понять, что Христосъ конецъ закона, продолжали радоваться и хвалиться тѣмъ, что уже потеряло значеніе и отвергали тѣ, что составляетъ на все будущее время единственную истинную основу радости и спасенія. Существо обрѣзанія, завершившаго ветхозавѣтный типъ, состоитъ не въ обрядѣ, не въ обрѣзаніи части тѣла, а въ снятіи прежняго грѣховнаго естества, т. е. въ возрожденіи. Видѣть въ обрѣзаніи спасеніе, хвалиться имъ и полагать въ немъ свою радость и надежду можно было только вслѣдствіе совершеннаго непониманія сущности новаго рожденія, символизируемаго означеннымъ дѣйствіемъ. Истинное обрѣзаніе, т. е. новое рожденіе творится не человѣческими руками, а божественною благодатію, тѣмъ, чѣмъ составляетъ всю дѣйствующую силу новой христіанской жизни. Благодать дается христіанамъ въ крещеніи, которое становится такимъ образомъ *истиннымъ духовнымъ обрѣзаніемъ* и совершается Самимъ Христомъ, дарующимъ христіанамъ причастіе Своего духа и входящимъ съ ними въ общеніе. Вотъ почему держащіеся плотскаго обрѣзанія не имѣютъ будущности; всѣ же ихъ кажущіеся преимущества суть въ дѣйствительности принадлежность христіанъ, которые представляютъ собою истинныхъ наслѣдниковъ Израиля, и потому *обрѣзаніе — мы*. Ту же мысль апостолъ проводитъ и въ Посланіи къ Колоссянамъ, говоря: „въ Немъ вы и обрѣзаны обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, совлеченіемъ грѣховнаго тѣла плоти, обрѣзаніемъ Христовымъ. Быть потребены съ Нимъ въ крещеніи, въ Немъ вы и совоскресли вѣрою въ силу Бога, который воскресилъ Его изъ мертвыхъ; и васъ, которые были мертвы во грѣхахъ и въ необрѣзаніи плоти вашей, оживилъ вмѣстѣ съ Нимъ, простивъ намъ всѣ грѣхи“. (2, 11—13).

Тѣломъ грѣховнымъ плоти апостолъ называетъ грѣхи чловѣка и естественную склонность ко злу (Гал. 5, 17, 19). По велику же Господь Іисусъ Христосъ, взявъ на себя грѣхи міра, страданіями и смертію своею загладилъ виновность людей и, воскресши изъ мертвыхъ, даруетъ вѣрующимъ въ Него благодать, оправданіе и освященіе (Р. 4, 25. 5, 18. 19), то вѣру-

ющіе въ Него и крещеніемъ запечатлѣвшіе свою вѣру, получая прощеніе грѣховъ и возраждаясь банею пакибытія и обновленія Духомъ Святымъ (Т. 3, 5), симъ самымъ совлекаются тѣла грѣховнаго плоти или иначе ветхаго человѣка (Р. 6, 6) и въ семъ смыслѣ становятся обрѣзанными истиннымъ духовнымъ обрѣзаніемъ. Вотъ почему мы христіане во истину то, чѣмъ держащіеся обрѣзанія евреи желали быть и къ чему они хотѣли привести тѣхъ, коихъ приглашали принять обрѣзаніе.

Въ христіанахъ законъ получаетъ исполненіе, въ нихъ осуществляется обѣтъ данный Израилю, къ нимъ вообще относятся всѣ писанія ветхаго завета. Также и въ другихъ посланіяхъ къ христіанамъ изъ язычниковъ, апостолъ Павелъ указываетъ на то, что древніе израильскіе отцы настоящихъ христіанъ, что они сѣмя Авраамово (1 Кор. 10, 1. Гал. 3, 7. 8. 29. Р. 14, 12), что они Израиль Божій (Гал. 6, 16) въ противоположность Израилю по плоти и наконецъ присвоиваетъ имъ обѣтованіе: „Я буду ихъ Богомъ и они будутъ Моимъ народомъ“ (2 К. 6, 16).

Въ этомъ положеніи—что христіане суть истинные израильтяне, апостолъ выразилъ спасительную увѣренность, что христіанство, можно сказать, послѣднее слово Божіе. Оно включаетъ въ себѣ все предшествующее, въ немъ сосредоточивается спасительное о людяхъ рѣшеніе Божіе, въ немъ исполняются всѣ обѣтованія,—какъ это подтверждено историческимъ ходомъ послѣдующихъ происшествій, ибо послѣ разоренія Іерусалима іудейскія церкви перестали быть центромъ христіанства,—оно уничтожаетъ всѣ воздвигаемыя ему преграды и не связано ни съ какою внѣшнею формою,—однимъ словомъ христіанство есть исполненіе исторіи, все духовное развитіе до христіанскаго міра находитъ въ немъ свою окончательную цѣль и всѣ надежды челоуѣчества свое удовлетвореніе.

Далѣе апостолъ объясняетъ въ противность убѣжденію еврейскихъ лжеучителей будто бы законъ даетъ имъ способность приблизиться къ Богу,—что не они, а христіане въ дѣйствительности приближаются къ Богу, такъ какъ они служатъ Богу духомъ. Какъ нѣкогда въ Ветхомъ Заветѣ іудеи обладали единственнымъ вѣрнымъ богослуженіемъ, такъ теперь христіа-

не, служащіе Богу духомъ, наслѣдіемъ Христовымъ, полученнымъ въ крещеніи, обладаютъ одни только богослуженіемъ въ истинномъ и благопріятномъ Богу видѣ,—на что они и получили *духъ*. Такимъ образомъ апостолъ высказываетъ здѣсь въ положительной формѣ то, что выражено у него съ отрицательной стороны при изясненіи значенія обрѣзанія. Совекаясь тѣла грѣховнаго плоти или дѣлаясь мертвыми для грѣха, вѣрующіе дѣлаются живыми для Бога (Р. 6, 4, 11) и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ духа сыноположенія, которымъ и зываютъ *Авоа, Отче* (Гал. 4, 6). Разумѣть ли апостолъ въ словахъ *служащіе духомъ*, благодать Духа Святаго по вѣрѣ воспринимаемую человекомъ въ глубину своего духа и служащую въ немъ началомъ истиннаго и благодатнаго служенія Богу, или разумѣть онъ духъ собственно человѣческій, проникнутый и оживотворенный благодатію, которымъ вѣрующій и служить Богу внутренне и истинно въ противоположность наружному іудейскому служенію—очевидно все равно, мысль въ существѣ дѣла одна и та же.

„Хвалящіеся Иисусомъ Христомъ, а не на плоть надѣющіеся“. Христіане хвалятся Христомъ, Который даровалъ имъ всѣ эти блага и на Котораго, а не на законъ, они и полагаютъ всю свою надежду; они не на плоть надѣются, т. е. на нѣчто человѣческое, мірское (на внѣшнюю законную праведность, на національныя преимущества), на что продолжаютъ возлагать главную свою надежду іудейскіе лжеучители, хвалясь своимъ плотскимъ происхожденіемъ и обрѣзаніемъ. Примирившись съ Богомъ и служа Ему въ духѣ, благоугодно, по вѣрѣ въ Иисуса Христа, христіане всѣ свои надежды, все свое благо, всю славу и все необходимое для спасенія полагаютъ на Него и имѣютъ въ Немъ одною.

Испытавъ все это на опытѣ собственной жизни, апостолъ Павелъ могъ тѣмъ убѣдительно увѣрять филиппійцевъ, что только у Христа они могутъ найти истинное благо. Апостолъ опровергалъ значеніе плотскихъ благъ іудейства не потому, чтобы онъ самъ ими не обладалъ, какъ его могли въ томъ упрекать враги, а напротивъ того, потому что, обладая ими лично, онъ на собственномъ опытѣ позналъ истинную ихъ цѣ-

ну. Болѣе другихъ онъ имѣлъ основаніе надѣяться не только на благодать Христову, но и на плоть, т. е. на тѣ преимущества естественной жизни, которыми хвалились іудеи. „Хотя я могу надѣяться и на плоть. Если кто другой думаетъ надѣяться на плоть, то болѣе я“.

Главное, чѣмъ болѣе всего хвалились іудеи и чего преимущественно требовали іудействующіе лжеучители отъ христіанъ изъ язычниковъ—было обрѣзаніе. Этимъ преимуществомъ апостоль всецѣло обладалъ. И я, говоритъ онъ, обрѣзанъ и при томъ въ законное время—въ осьмой день, какъ природный іудей, а не какъ прозелиты, которые были обрѣзаемы въ зрѣломъ возрастѣ послѣ ихъ обращенія. Онъ изъ рода Израилева, т. е. происходитъ отъ благословеннаго сѣмени праотца двѣнадцати колѣнъ Іакова, прозваннаго Богомъ *Израиль* (Быт. 32, 28), отъ котораго іудейскій народъ получилъ почетное названіе *израильтянъ*. Кромѣ того онъ принадлежитъ къ колѣну Веніаминаву, пользовавшемуся изъ всѣхъ двѣнадцати колѣнъ особеннымъ почетомъ. Родоначальникъ этого колѣна былъ сыномъ возлюбленной жены Израиля; это колѣно дало израильскому народу перваго царя, послѣ раздѣленія царствъ оно одно только вмѣстѣ съ іудинимъ колѣномъ оставалось вѣрнымъ закону, богоизбранному царю, святилищу храма и священству; наконецъ это колѣно, возвратившись не смѣшаннымъ изъ плѣна, положило основаніе новому развитію іудейскаго народа. Такимъ образомъ и по роду, и по обряду, и по языку апостоль былъ еврей изъ евреевъ и, какъ таковой, обладалъ всѣми преимуществами истинныхъ членовъ этого теократическаго народа.

Отъ естественныхъ благъ апостоль переходитъ къ перечисленію самопріобрѣтенныхъ благъ, т. е. своего отношенія къ закону: по ученію онъ фарисей, по ревности гонитель церкви Божіей, по правдѣ законной—непорочный. Онъ принадлежалъ къ сектѣ фарисейской, отличавшейся особенною строгостію въ соблюденіи предписаній закона и пользовавшейся потому особеннымъ уваженіемъ среди іудеевъ. Воспитанный при ногахъ Гамаліила, тщательно наставленный въ іудейскомъ законѣ, апостоль преуспѣвалъ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ, „будучи неумѣреннымъ ревнителемъ отеческихъ преданій“ (Д. 22,

3. Гал. 1, 14) и эту свою ревность онъ доказалъ тѣмъ, что болѣе другихъ былъ гонителемъ церкви Божіей, т. е. той общины, которая въ глазахъ невѣрующихъ іудеевъ считалась врагомъ закона. Когда проповѣдь о Христѣ стала проявлять такіе успѣхи въ ущербъ іудейству, что самъ синедріонъ не зналъ, что дѣлать съ новымъ ученіемъ и его послѣдователями, Павелъ, одушевленный ревностію по отеческомъ законѣ, даже до смерти гналъ послѣдователей Христова ученія, связывая и предавая въ темницу мужчинъ и женщинъ, какъ засвидѣтельствуетъ о немъ первосвященникъ и всѣ старѣйшины (Д. 22, 4). Наконецъ, онъ болѣе другихъ строго исполнялъ законъ; и потому, въ отношеніи правды законной, т. е. основанной на исполненіи закона, онъ былъ *непорочнымъ*, по разумѣнію тѣхъ, среди которыхъ онъ жилъ и съ которыми онъ себя сравниваетъ. По воззрѣнію фарисейскому, онъ болѣе чѣмъ кто-либо осуществлялъ идеалъ праведности отъ закона; много было фарисеевъ, но не у всѣхъ была такая ревность, какъ у Павла.

По всему этому апостолъ Павелъ могъ *болѣе другихъ* полагать свою надежду на плоть, обладая въ полнѣйшей мѣрѣ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ славилось іудейство, — и Павелъ вполне сознаетъ цѣну указанныхъ благъ, онъ называетъ ихъ преимуществомъ и замѣчаетъ только, что онъ былъ неумѣреннымъ ревнителемъ отеческихъ преданій. Согласно божественному порядку дохристіанскаго домостроительства спасенія, все это — и быть обрѣзаннымъ, и принадлежать избранному народу, и по мѣрѣ пониманія быть исполнителемъ закона, должно было несомнѣнно считаться преимуществомъ и благомъ и даже высшимъ изъ тѣхъ благъ, которыя были доступны людямъ въ дохристіанское время, такъ какъ на этихъ благахъ каждый іудей основывалъ все свое упованіе и всю свою надежду спасенія; эти блага составляли по справедливости славу и радость іудейскаго народа.

Но то, что ему служило дѣйствительно преимуществомъ, отъ всего этого апостолъ, послѣ своего обращенія ко Христу, отказался и почелъ это за *тщету*, потому что блага, имѣвшія значеніе какъ обѣщаніе спасенія и какъ прообразъ будущаго, потеряли всякое значеніе, сдѣлались тщетными, когда наступило спасеніе. Познавъ, что одинъ Христосъ даруетъ дѣйстви-

тельную праведность, спасеніе и вѣчное блаженство, апостоль оставилъ всякую надежду на правду законную и отказался, ради превосходства познанія Христа, отъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ и плотскихъ преимуществъ, такъ какъ внѣ Христа для апостола все теряло значеніе — разумъ превращался въ безуміе (1 Кор. 1, 20), свобода въ рабство грѣховное (2. П. 2, 19) и весь міръ становился бесполезнымъ, ибо „какая польза человеку, если онъ приобрететъ весь міръ, а души своей повредитъ“ (Мѡ. 16, 26).

Выраженія апостола все усиливаются, онъ не только признаетъ праведность отъ закона *тщетною*, но даже *соромя*, чтобы „приобрѣсть Христа и найтись въ Немъ не своею праведностію, которая отъ закона, но съ тою, которая чрезъ вѣру во Христа, съ праведностію отъ Бога по вѣрѣ“.

Но если принадлежность къ избранному Богомъ народу и правда законная имѣли когда-либо дѣйствительное значеніе, а таковое они имѣли, то какимъ образомъ могли они сдѣлаться вредными? Повидимому, съ наступленіемъ спасенія, они могли потерять прежнее значеніе, сдѣлаться тщетными, но никакъ не вредными.

Чтобы понять—почему апостоль называетъ эти прежнія преимущества соромя, противопоставляя праведность отъ закона, т. е. свою личную праведность, истекающую отъ исполненія закона, праведности отъ Бога по вѣрѣ, необходимо объяснить какъ іудеи вообще понимали слово *праведность*.

По понятіямъ іудеевъ праведность означала не столько извѣстное правственнѡе состояніе человека, сколько его отношеніе къ Богу. Кого Богъ принялъ, кто находится въ правильномъ отношеніи къ Богу, тотъ считается праведнымъ и ему уже не слѣдуетъ опасаться осужденія и гнѣва Божія: „Повѣрилъ Авраамъ и это вмѣнилось ему въ праведность“. (Быт. 15, 6).

Богъ заключилъ завѣтъ съ праотцомъ іудейскаго народа—народъ этотъ сдѣлался народомъ Божиимъ, а *потому* праведность, по понятіямъ іудеевъ, заключалась преимущественно въ принадлежности къ этому народу и внѣ этой принадлежности не была достижима. Обрѣзаніе было знакомъ этой принадлежности къ избранному народу Божию и потому считалось безу-

словно необходимымъ. Затѣмъ іудейскому народу былъ данъ Богомъ законъ, соблюденіе котораго по той же причинѣ считалось обязательнымъ, но это уже являлось второстепеннымъ условіемъ, на первомъ же мѣстѣ, какъ главное условіе праведности, стояла принадлежность къ народу Божию, принадлежность или прирожденная, плотская, естественная, или принадлежность воспринятая по волѣ, чрезъ обращеніе въ іудейство, а потому обрѣзаніе считалось обязательнымъ и для прозелитовъ, какъ налагавшее на нихъ печать закона, свидѣтельствовавшую, что и они вошли въ составъ избраннаго народа Божія.

Но если отъ внѣшней стороны перейти къ внутреннему существу ветхозавѣтнаго закона, то слѣдуетъ прійти къ убѣжденію, что въ домостроительствѣ спасенія какъ ветхозавѣтнаго, такъ и новозавѣтнаго въ сущности дѣйствуютъ тѣ-же два начала *вѣры* и *любви*.

Вѣра въ Бога и въ Спасителя заключается въ сознательномъ принятіи того благодатнаго сыновняго отношенія, которое Богъ даруетъ людямъ во Христѣ. Такая вѣра, такая дѣтская исполненная любви преданность Богу и надежда на Него ставятъ человѣка въ правильное отношеніе къ Богу, т. е. сообщаютъ ему праведность, уничтожая преграду, отдѣлявшую его отъ Бога. Самъ Христосъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ представляетъ намъ изображеніе того, что происходитъ въ этомъ случаѣ въ душѣ человѣка. Когда увѣренность въ любви къ намъ человѣка, котораго мы обидѣли, пробуждается въ насъ и проникаетъ насъ всецѣло,—то немедленно отпадаетъ все то, что составляло духовную преграду между нами и имъ, и какъ бы снимается та злая чара, въ которой находилась наша душа и которая была вызвана нашими проступками и происшедшимъ отъ того убѣжденіемъ, что обиженный нами человѣкъ имѣетъ право на насъ сердиться. Когда мы проникаемся сознаниемъ, что не смотря на всю нашу вину, обиженный нами человѣкъ питаетъ къ намъ не злобу, а душевную любовь—то забывается все прошлое и содѣянное нами зло, омываемое покаяніемъ, перестаетъ служить препятствіемъ къ душевному единенію. Въ насъ устанавливается самое искреннее любовное отношеніе къ человѣку, воздавшему намъ любовію за причи-

ненное ему зло, и это чувство, въ соединеніи съ покаяніемъ, является для насъ источникомъ совершенно новой жизни. То же въ еще большей мѣрѣ происходитъ по отношенію человѣка къ Богу, человѣкъ вполне перерождается вѣрою и любовію.

Та же вѣра во Христа, пришедшаго въ міръ, которая дѣйствуетъ въ Новомъ Завѣтѣ, дѣйствовала и въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ вѣра въ грядущаго Спасителя. Специальность израильскаго народа, отдѣлявшую его отъ всякаго другаго народа, составляло, какъ выше указано, то—что Богъ заключилъ съ нимъ завѣтъ и далъ ему обѣщаніе, что изъ этого народа произойдетъ Спаситель міра. Такимъ образомъ первую руководящую силою народа Божія должна была быть вѣра въ грядущаго Спасителя міра, Мессію. Самъ Господь говоритъ: „изслѣдуйте писаніе: ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную; а они свидѣлствуютъ о Мнѣ“ (І. 5, 39). И дѣйствительно въ выдающихся израильтянахъ эта живительная и спасительная вѣра дѣйствовала могущественно. Вѣрою въ Мессію творили правду ветхозавѣтные праведники, какъ о томъ свидѣлствуетъ все содержаніе 11-й главы посланія къ евреямъ: „вѣрою въ будущее Исаакъ благословилъ Іакова и Исава; вѣрою Моисей *поношеніе Христово* почелъ болѣшимъ для себя богатствомъ нежели египетскія сокровища“. Вѣра въ *будущее* спасеніе, т. е. въ пришествіе Мессіи исполнила всю жизнь праведныхъ іудеевъ. Такъ благочестивый старецъ Симеонъ, когда принесли младенца Іисуса, чтобы совершить надъ нимъ обрядъ обрѣзанія, взявъ Его на руки, благословилъ Бога и сказалъ: „нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему съ миромъ, ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа Твоего, Израиля“.

Другое начало—любовь. Іудеямъ былъ данъ законъ, но законъ есть именно выраженіе любви, только сформулированное въ извѣстныя опредѣленные правила. Первая и вторая заповѣдь гласятъ: возлюби Господа Бога твоего... и возлюби ближняго твоего... То же начало любви, которое дѣйствуетъ въ Новомъ Завѣтѣ, дѣйствовало и въ Ветхомъ Завѣтѣ. „Возлюби Господа Бога Твоего всею душею и всѣмъ сердцемъ и ближняго тво-

его какъ самого себя—*въ этомъ законѣ* и Пророки“, сказалъ Самъ Спаситель. Разница только въ томъ, что въ Ветхомъ Заветѣ, который былъ дѣтководителемъ ко Христу, любовь была облечена въ извѣстные опредѣленные правила, какъ для дѣтей, а въ Новомъ Заветѣ эта любовь свободная, вытекающая изъ любви ко Христу и не пугающаяся уже въ ветхозавѣтномъ дѣтководителѣ, т. е. формулированномъ законѣ, и въ этомъ только смыслъ Спаситель сказалъ: „заповѣди новую даю вамъ“. (І. 13, 34). Въ христіанствѣ любовь принимаетъ высшую, болѣе духовную форму—проявляясь уже не какъ исполненіе повелѣнія, а какъ результатъ свободного влеченія души. Свобода замѣнила законъ. „Гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода“ (2 Кор. 3. 17). Несомнѣнно однако, что полное проявленіе духа любви въ свободѣ осуществляется въ новомъ человѣкѣ, только на столько, на сколько онъ проникнутъ христіанскимъ духомъ и на сколько онъ поборолъ въ себѣ ветхаго человѣка. А такъ какъ этого вполнѣ въ сей жизни никогда не происходитъ, то и мы все еще отчасти остаемся подъ закономъ въ мѣрѣ дѣйствующаго въ насъ ветхаго человѣка.

Съ теченіемъ времени эти два руководящія начала спасенія рода человѣческаго—*вера* и *любовь*, стали терять свое значеніе среди іудейскаго народа и по мѣрѣ ихъ оскуденія, буква закона все болѣе и болѣе стала получать преобладаніе надъ его духомъ. Вышнее исполненіе мельчайшихъ частныхъ формальнаго закона сдѣлалось, по убѣжденіямъ іудеевъ, основнымъ условіемъ праведности, убѣжденіе, которое должно было удалить ихъ отъ достиженія истинной праведности. „Не разумѣя праведности Божіей (т. е. праведности внутренней духовной) и усиливаясь поставить собственную праведность (чисто внѣшнюю), они не покорились праведности Божіей“ (Р. 10, 3). Такимъ образомъ они усматривали основаніе праведности въ принятіи обрѣзанія, въ точномъ исполненіи всѣхъ законныхъ обрядностей и въ совершеніи благочестивыхъ дѣлъ преимущественно наружнымъ образомъ, не заботясь о соотвѣтствіи внутренняго сердечнаго расположенія съ творимымъ дѣйствіемъ. Самое чаяніе Мессіи они низвели въ грубое, чувственное понятіе о Немъ, ожидая явленія не Спасителя міра, а всемо-

гущаго царя іудейскаго и вслѣдствіе того полагали всю свою надежду спасенія на плотское происхожденіе отъ Авраама и на естественную племенную принадлежность къ избранному народу Божію. Вотъ почему, въ противность чаянію праведнаго Симеона, они не только отрицали возможность распространенія спасенія на язычниковъ, но даже приходили въ ярость отъ одного указанія на такую возможность, какъ о томъ повѣствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ. „До этого слова (т. е. я пошлю тебя далеко къ язычникамъ) слышали его (т. е. Павла), а затѣмъ подняли крикъ, говоря: истреби отъ земли такого, ибо ему не должно жить“ (Д. 22, 21, 22).

Ясно, что такая внѣшняя праведность, какъ мнимая, была не только бесполезною, но и вредною. Даже при искренней о ней ревности она могла заслуживать похвалу развѣ только у людей, но не у Бога, „если Авраамъ оправдался дѣлами онъ имѣетъ похвалу, но не предъ Богомъ“ (Р. 4, 2). При умноженіи же внутренняго растлѣнія, внѣшняя праведность фарисеевъ, внутренне исполненная злобы и лицемерія, должна была даже прямо препятствовать развитію истинной праведности Божіей. Между тѣмъ іудействующіе лжеучители хотѣли *поставить* такую праведность въ самомъ христіанствѣ, почитая соблюденіе закона Моисеева, не только по духу, но и по буквѣ, необходимымъ для спасенія.

Этому чисто плотскому пониманію праведности апостолъ противопоставляетъ духовное пониманіе. И для христіанъ праведность есть извѣстное отношеніе къ Богу, основанное на вѣрѣ и любви. И христіане народъ Божій, но только къ этому народу можно присоединиться не плотскимъ происхожденіемъ, не своею прирожденною праведностію и не обрѣзаніемъ, т. е. формальнымъ исполненіемъ закона, а „черезъ вѣру во Христа отъ Бога“.

Теперь понятно, почему апостолъ Павелъ признаетъ всѣ прежнія свои преимущества не только *нищетою*, но и *соромъ*.

Они и даже самый законъ въ ветхозавѣтной его формѣ стали *нищетою*, потеряли всякое значеніе, потому что тѣ, что служило подготовленіемъ къ нему и символомъ уже не могло имѣть значенія, когда осуществилось обѣтованіе, такъ какъ законъ самъ по себѣ не имѣетъ спасительнаго дѣйствія. Законъ по

существо своего содержанія святъ и вѣченъ и въ этомъ смыслѣ не можетъ сдѣлаться *пицетою*, но то, что составляетъ его существо, т. е. выраженіе вѣры и любви, сохранено въ христіанствѣ въ болѣе возвышенной духовной формѣ и вотъ почему ветхозавѣтный законъ, въ его іудейскомъ выраженіи, становится излишнимъ, безсодержательнымъ.

Но онъ не только тщетенъ, онъ даже вреденъ, потому что, отклоняя человѣка отъ Христа, лишаетъ его спасенія.

„Всѣ утверждающіеся на дѣлахъ закона, находятся подъ клятвою. Ибо написано: проклятъ всякъ, кто не исполняетъ постоянно всего, что написано въ книгѣ закона“ (Гал. 3, 10), а такъ какъ никто не въ состояніи постоянно исполнять всего, что требуетъ законъ, то каждый надѣющийся на законъ и на свою праведность, которая происходитъ отъ исполненія закона, остается подъ клятвой, т. е. не получаетъ спасенія. Пониманіе закона, въ этомъ смыслѣ, давая человѣку ложное представленіе удовлетворенія и удерживая его отъ пріобрѣтенія дѣйствительнаго спасенія, которое достигается не по собственнымъ заслугамъ, а благодатію во Христѣ, приноситъ несомнѣнно вредъ и губить человѣка.

Говоря о вредѣ привязанности къ ветхозавѣтнымъ преимуществамъ, апостолъ употребляетъ очень характеристическое греческое слово—*σθώραφον*—означающее не только соръ, отходы, но и плеву, т. е. то, что по выборѣ всего хорошаго и годнаго изъ зерна, остается только бросить. Господь Иисусъ Христосъ представляется зерномъ, безъ котораго все, что ни есть, составляетъ для человѣка пустую и негодную скорлупу, плеву. Пока плева соединена съ зерномъ она имѣетъ нѣкоторое значеніе, но отдѣленная отъ зерна, она становится бесполезнымъ соромъ и можетъ стать даже вредною, когда человѣкъ, помышляя найти въ плевѣ пищу, отказывается отъ хлѣба. Точно также и законъ приноситъ вредъ людямъ, когда, думая найти въ немъ пищу спасенія, они отказываются, изъ за него, отъ истиннаго хлѣба жизни, т. е. Господа нашего Иисуса Христа, составляющаго единственное основаніе нашего спасенія. Къ тому-же, вслѣдствіе истощанія духа закона, т. е. вѣры и любви, въ іудействѣ сохранилось только одно внѣшнее соблю-

деніе формъ и обрядовъ, т. е. тѣ, что по отношенію къ духу закона составляетъ именно скорлупу, плеву и что, лишенное этого живительнаго зерна, превращается въ соръ.

Итакъ апостолъ отказывается отъ всего этого, чтобы познать Христа, противопоставляя это познаніе—познанію закона, которымъ хвалились фарисеи. Онъ считаетъ нужнымъ сдѣлаться какъ бы пустымъ сосудомъ, чтобы ничего не мѣшало его душѣ совершенно исполниться познанія Христа, ибо когда человѣкъ сосредоточиваетъ свои мысли и желанія на какомъ либо предметѣ внѣ Христа, какое бы сей предметъ не имѣлъ самъ по себѣ необходимое и существенное значеніе для обычной жизни, привязанность человѣка ко Христу и соединенное съ нимъ сердечное созерцаніе и познание Христа слабѣютъ. Вотъ почему для познанія Христа апостолъ считаетъ нужнымъ отказаться отъ всего, что не имѣетъ соотношенія ко Христу.

Познать Христа значитъ, съ одной стороны, познать Его божественныя свойства, т. е. уразумѣть Его, какъ вѣчнаго, едиnorodнаго, возлюбленнаго Сына Божія, создавшаго весь міръ и руководящаго его своимъ Божественнымъ Промысломъ, и какъ Судію міра,—а съ другой стороны, проникнуть въ Его отношенія къ людямъ, т. е. постичь Его значеніе въ дѣлѣ нашего спасенія и ощутить сердцемъ необъятную для разума любовь Христову, по коей Онъ принялъ на себя вину людей, искупивъ ее своими страданіями и смертію.

Все это познаніе апостолъ совкупляетъ какъ бы въ три главные момента. Познать Христа значитъ главнымъ образомъ познать силу Его воскресенія, значеніе участія въ Его страданіяхъ и сообразоваться съ Его смертію.

Познать силу воскресенія Его, т. е. познать значеніе для насъ воскресенія Христова—служащаго предвѣстникомъ нашего собственнаго воскресенія и свидѣтельствомъ вѣчной жизни. Воскресеніе Христово есть завершеніе дѣла спасенія. Безъ воскресенія Господа вся наша надежда должна бы рушиться, какъ апостолъ излагаетъ это въ XV главѣ 1 посл. къ Коринѳянамъ.

Вопросъ о смерти дѣйствительно роковой вопросъ. Если съ окончаніемъ настоящей жизни все для насъ оканчивается, то

какое разумное значеніе можетъ имѣть и самая жизнь и стремленіе къ усовершенствованію и духовному развитію, почти всегда соединенное со страданіемъ и отреченіемъ. Въ такомъ случаѣ было бы гораздо благоразумнѣе стремиться испытать до дна ту чашу мірскихъ удовольствій и плотскихъ наслажденій, которую предлагаетъ намъ настоящая жизнь, „для чего мы ежедневно подвергаемся бѣдствіямъ, станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“ (1 Кор. 15, 35. 32). „Отъ страха смерти,—говоритъ апостоль въ другомъ мѣстѣ,—мы всю жизнь были подвержены рабству, ибо сила дьявола есть держава смерти и потому Христосъ воспринялъ плоть, чтобы смертію (и воскресеніемъ) лишить силы имѣющаго державу смерти, т. е. дьявола, и избавить насъ отъ этого страха“ (Евр. 2, 15, 11). Еслибы мы не имѣли надежды воскресенія, то вѣра наша была бы тщетна, „если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастіе достигъ человековъ“ (1 Кор. 15, 19), ибо обольщаемъ себя надеждой, которая никогда не осуществится. „Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ,“ подтверждаетъ апостоль, и тѣмъ даровалъ намъ надежду на наше воскресеніе и славную увѣренность вѣчной жизни. Тѣмъ самымъ онъ даровалъ значеніе и всей нашей земной жизни. Какую важность Самъ Христосъ придавалъ этой увѣренности, видно изъ торжественнаго заявленія сдѣланнаго Имъ Самимъ, „и Я знаю, что заповѣдь Его есть жизнь вѣчная. Итакъ, что Я говорю, говорю, какъ сказалъ Мнѣ Отецъ“. (1. 12, 15). Зналъ, что вопросъ о будущей жизни наиболѣе возбуждаетъ сомнѣнія въ людяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ самое горячее чаяніе всѣхъ людей,—Спаситель считаетъ нужнымъ подтвердить свои слова, заключающія въ себѣ славное обѣщаніе вѣчной жизни, указаніемъ—что Онъ говоритъ имъ то, что сказалъ Ему Отецъ!

Познать участіе въ страданіяхъ Его,—чтобы понять мысль апостола, выраженную въ этихъ словахъ, необходимо вникнуть въ его отношенія ко Христу и въ чувствованія, исполнявшія его сердце. Павелъ былъ до того исполненъ преданности Христу и безусловной къ Нему любви, что онъ постоянно стремился слить свою жизнь съ жизнью Христовой; это отождествленіе со Христомъ проявляется особенно рельефно въ сло-

вахъ апостола: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“. По естественному чувству сердца, когда мы любимъ кого, то готовы дѣлить съ любимымъ существомъ все и даже самыя страданія. Вотъ это чувство въ сильнѣйшей степени апостолъ и вноситъ въ свои отношенія ко Христу. Общеніемъ страданій выражается окончательно дѣйствительное жизненное общеніе. Павелъ до того сообразуется со Христомъ, что считаетъ жизнь Христову своею жизнію и подводитъ свои страданія подъ тотъ же божественный законъ искупленія, которымъ были обусловлены и самыя страданія Христовы. „Я не желаю хвалиться, говоритъ апостолъ, развѣ только крестомъ Господа нашего Иисуса Христа, которымъ для меня міръ раснять и я для міра“, и далѣе: „по мѣрѣ какъ умножаются *ex his* страданія Христовы“ (2. К. 1, 5). На свои страданія въ Римѣ онъ смотритъ какъ на „восполненіе недостатка въ плоти своей скорбей Христовыхъ, за церковь Его“ (Кол. 1, 24), утверждая, что „онъ носитъ язвы Господа на тѣлѣ своемъ“ (Гал. 6, 17).

Полиѣйшее общеніе со страданіями Христовыми приводитъ апостола къ разъясненію цѣли и значенія страданій вообще, этой другой загадки жизни. Всецѣло погрузившись въ страданія Христовы и въ ихъ искупительное значеніе, апостолъ уразумѣлъ, что печаль создаетъ то вѣчное блаженство, которое открылось людямъ въ воскресеніи Христовомъ, „ибо кратковременное легкое страданіе наше произведетъ въ безмѣрномъ избыткѣ вѣчную славу“ (2 К. 4, 17), что „отъ скорби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія опытность, а отъ опытности надежда (Р. 5, 3. 4) и наконецъ, „что любящимъ Бога все (т. е. и страданія и скорби) содѣйствуетъ ко благу“. (Р. 8, 28).

Сколь высокая и спасительная мысль открывается намъ въ подобномъ воззрѣніи. Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ такимъ образомъ смотрѣть на свои страданія, постигая съ одной стороны ихъ усовершенствовательное значеніе и пользу и находя, съ другой стороны, въ такомъ общеніи со Христомъ и радость и постоянную силу для перенесенія самихъ страданій. Представленіе, что такія же страданія, какія мы терпимъ, только въ еще болѣе мѣрѣ претерпѣлъ за наши грѣхи Спаситель и что потому каждое страданіе, съ вѣрою и покорностію

волѣ Божіей воспринимаемое, сближаетъ насъ все болѣе со Христомъ, такое убѣжденіе даетъ человѣку возможность переносить страданія, возлагаемая на него Провидѣніемъ, не только съ покорностію, но и съ радостію и исполняетъ его готовности жить не для себя, а для славы Христовой и приносить себя въ жертву Христу, а въ Немъ, и въ жертву ближнимъ „нынѣ радуюсь въ страданіяхъ моихъ за васъ“ (К. 1, 24).

Наконецъ, подобное общеніе со Христомъ въ Его страданіяхъ присволяетъ намъ спасительное дѣйствіе искупительныхъ скорбей Христовыхъ и тѣмъ утверждаетъ насъ на пути спасенія: „скорбимъ ли мы, скорбимъ для вашего утѣшенія и спасенія, которое совершается перенесеніемъ тѣхъ же страданій, которыя и мы терпимъ“ (К. 1, 24).

Общеніе страданій получаетъ высшее свое выраженіе *въ сообразованіи со смертію Христовою*. Вѣрующій долженъ быть готовъ не только переносить всякія страданія, но если нужно для Христа и ближнихъ жертвовать даже своею жизнію. Сообразоваться со смертію Христовою можно однако еще и въ другомъ смыслѣ и послѣднее апостолъ здѣсь имѣетъ преимущественно въ виду. Сообразоваться съ Его смертію мы можемъ также, умерщвляя прежнее грѣховное наше существо, чтобы затѣмъ вести совершенно новую жизнь въ духѣ Христовомъ, какъ апостолъ выразитъ это въ Посланіи къ Римлянамъ (гл. 6). „Неужели не знаете, что всѣ мы, крестившіеся во Христа Іисуса, въ смерть Его крестились? Итакъ, мы погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть, дабы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни. Ибо если мы соединены съ Нимъ подобіемъ смерти Его, то должны быть соединены и подобіемъ воскресенія, зная, что ветхій нашъ человѣкъ распятъ съ Нимъ, чтобы упразднено было тѣло грѣховное, дабы намъ не быть уже рабами грѣху, ибо умершій освобожденъ отъ грѣха. Такъ и вы почитайте себя мертвыми для грѣха, живыми же для Бога во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ“.

Итакъ, крещеніе является для насъ символомъ смерти ветхаго грѣховнаго человѣка; сообразуясь со смертію Христовой, мы должны стремиться къ совершенному умерщвленію въ насъ

ветхаго человѣка и ко осуществленію въ себѣ новой жизни для Бога во Христѣ Иисусѣ.

При такомъ *познаніи* Христа, говоритъ А. М. Бухаревъ, духъ вѣрующаго, по благодати Христовой въ немъ обитающей и дѣйствующей, вѣрою созерцаетъ свѣтъ истины и любви Божественной и симъ свѣтомъ самъ внутренне освѣщается, проникается и воспламеняется, такъ что по мѣрѣ усовершенствованія познанія Христа вѣрующій самъ внутренне становится совершеннѣе и возрастаетъ въ любви, а по мѣрѣ укорененія и утвержденія въ немъ любви ко Христу, растетъ опять и познаніе Его. Такимъ образомъ, чрезъ вызванное любовію познаніе Христа, вѣрующій приходитъ въ совершеннѣйшее внутреннее общеніе съ Нимъ и исполняется Его совершенствами,—какъ апостолъ поясняетъ это въ Посланіи къ Ефесянамъ въ формѣ пожеланія: „да дастъ вамъ, по богатству славы Своей, крѣпко утвердиться Духомъ Его во внутреннемъ человѣкѣ, вѣрою вселиться Христу въ сердца ваши; чтобы вы, укорененные и утвержденные въ любви, могли постигнуть со всѣми святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота, и уразумѣть превосходящую разумѣніе любовь Христову, дабы вамъ исполниться всею полнотою Божіею“. (3, 16—19).

Въ полнѣйшемъ единеніи со Христомъ, въ готовности общенія страданій и сообразованія со смертію Христовою, Павелъ видитъ залогъ того, что онъ *пріобрѣтетъ* Христа и *найдетъ*ся въ Немъ. Этими словами выражается окончательно то взаимное органическое отношеніе, которое должно существовать между христианиномъ и Христомъ.

Самъ Господь сказалъ въ торжественный моментъ произнесенія своей предсмертной первосвященнической молитвы: „да будутъ всѣ едино: какъ Ты Отче во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ... и Я въ нихъ“ (І. 17, 21. 23).

Нужно *пріобрѣсть* Христа, нужно, чтобы Онъ, по Его собственнымъ словамъ, былъ въ насъ для того, чтобы жить Его благодатною жизнію. Но для полнаго осуществленія этого необходимо и намъ быть въ Немъ, предаться Ему, т. е. всю нашу жизнь погрузить въ жизнь Христову и такимъ образомъ *найтись* въ Немъ. Необходимо, чтобы Его духъ сдѣлался нашимъ

духомъ, Его любовь — нашею любовію, Его послушаніе — нашимъ послушаніемъ, Его вѣра — нашею вѣрой, Его цѣль жизни — цѣлію нашей жизни, такъ, чтобы дѣйствительно можно было сказать: уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ. Подобное всецѣлое погруженіе нашей жизни въ жизнь Христову не лишаетъ насъ однако ни возможности проявленія нашей индивидуальной жизни, ни возможности исполненія нашихъ житейскихъ, мірскихъ обязанностей. Единеніе со Христомъ должно быть только какъ бы духовною атмосферой, которою мы дышемъ въ жизни, тѣмъ постояннымъ настроеніемъ, которое должно проявляться во всѣхъ нашихъ помыслахъ и дѣйствіяхъ; и для физической жизни намъ необходимъ воздухъ, но постоянное дыханіе этимъ воздухомъ не мѣшаетъ намъ исполнять одновременно прочія проявленія нашей жизни.

Когда человѣкъ такимъ образомъ живетъ во Христѣ, онъ получаетъ чрезъ духа Христова непосредственное участіе въ Немъ, истекающую радость и наконецъ *достигаетъ воскресенія мертвыхъ*, т. е. въ этой жизни воскресенія отъ смерти грѣха и возрожденія къ новой духовной жизни, а послѣ смерти, благодатнаго воскресенія праведныхъ, вѣчнаго пребыванія со Христомъ и созерцанія Его славы. „Отче, которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я и они были со мною, да видятъ славу Мою, которую Ты далъ Мнѣ“ (І. 17, 24), — на это указываетъ и апостолъ Петръ словами: „когда вы участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, радуйтесь, да и въ явленіи славы Его возрадуетесь и восторжествуете“ (І. П. 5, 13).

Вышеизложенная картина представляетъ изображеніе столь высокаго идеала христіанскаго настроенія и христіанской жизни, что люди легко могутъ впасть въ уныніе при сравненіи съ нимъ ихъ обычнаго настроенія духа въ виду безпредѣльнаго разстоянія, отдѣляющаго ихъ отъ осуществленія столь недостижимо высокаго идеала. Предвидя своимъ тонкимъ психическимъ чутьемъ подобную опасность и поставляя себя во всемъ примѣромъ филиппійцамъ, апостолъ прибавляетъ съ истинно христіанскимъ смиреніемъ: *говорю такъ не потому, чтобы я уже достигъ или усовершился, но стремлюсь не достигну ли я, какъ достигъ меня Христосъ*. Апостолъ какъ бы останавливается въ раздумьи послѣ начертанія того христіанскаго

идеала, къ которому онъ возносился мысленно въ святомъ воодушевленіи и, смиренно обращая взоръ на самого себя, дважды повторяетъ въ видѣ личной исповѣди, но не думайте, чтобы я усовершился. Несмотря на сознаніе своего несовершенства, апостоль, однако, не колеблется, не ищетъ другаго пути, а стремится только впередъ къ достиженію желаемой цѣли.

Апостоль отъ всего отказался, чтобы пріобрѣсть Христа и найтись въ Немъ, онъ позналъ Христа, какъ высшее благо, онъ находится съ Нимъ въ такомъ общеніи, что можетъ утверждать: уже не я живу, а живетъ во мнѣ Христосъ,—казалось бы, что онъ уже достигъ цѣли. Но то, что мы имѣемъ во Христѣ способно все къ большому присвоенію и вотъ почему апостоль стремится прійти въ мѣру полного возраста Христова (Еф. 4, 13). Познаваніе Христа, какъ высшаго блага, только вызываетъ его на дальнѣйшее стремленіе впередъ, это апостоль и хочетъ показать филиппійцамъ на собственномъ примѣрѣ.

Извѣстно, какую выдающуюся роль въ жизни греческихъ народовъ играли состязанія на ристалищахъ. По своей привычкѣ картинно пояснить свою мысль знакомыми примѣрами изъ обычной жизни, апостоль, желая нагляднѣе представить филиппійцамъ то, къ чему должна быть направлена вся жизнь ихъ,—сравниваетъ свое стремленіе ко Христу, съ стремленіемъ состязающагося на народныхъ играхъ. Какъ бѣгущему въ ристалищѣ должно пробѣжать извѣстное пространство и, предва-ривши всѣхъ состязающихся, достигнуть выставленной меты, чтобы за сіе получить награду, вѣнецъ побѣдителя, такъ подвизающемуся на поприщѣ христіанской праведности слѣдуетъ преодолевать всѣ препятствія и исполнять все потребное для полученія небесной награды. Въ этомъ стремленіи бѣгущаго на ристалищѣ отчетливо и наглядно выражается стремленіе человека къ предназначенной цѣли; онъ бѣжитъ безъ оглядки, безъ отдыха, безъ остановокъ—имѣя въ виду только конечную цѣль. Іоаннъ Златоустъ поясняетъ: „не сказалъ бѣгу, но гоню (стремлюсь) и справедливо, ибо знаете съ какимъ усердіемъ стремится гонящійся: онъ не смотритъ ни на кого, съ великимъ напряженіемъ отталкиваетъ всѣхъ препятствующихъ, и умъ, и взоры, и силы, и душу, и тѣло устремляетъ къ одному“. Такъ дѣйствительно стремился самъ апостоль, во всей жизни

котораго не было ни остановки, ни отрады покая или отдохновенія. Еще подробнѣ Павелъ развиваетъ ту же картину въ 1-мъ посл. къ Коринѳянамъ (9, 24—27). „Не знаете ли, что бѣгущіе на ристалищахъ бѣгутъ всѣ, но одишь получаетъ награду? Такъ бѣгите, чтобы получить. Всѣ подвижники воздерживаются отъ всего: тѣ для полученія вѣнца тлѣннаго, а мы нетлѣннаго. И потому я бѣгу не такъ, какъ на невѣрное, бѣюсь не такъ, чтобы только бить воздухъ; но усмиряю и порабощаю тѣло мое, дабы, проповѣдая другимъ, самому не остаться недостойнымъ“.

Сравнивая стремленіе христіанина къ полнѣйшему единенію со Христомъ, съ бѣгомъ на ристалищѣ, апостолъ указываетъ на двѣ выдающіяся черты бѣгущаго: *простираясь впередъ*—бѣгущей стремится съ выпнутымъ впередъ тѣломъ, какъ бы желая схватить цѣль даже раньше, чѣмъ спѣшащія ноги могутъ донести его до нея, и *забывая заднее*—бѣгущій не останавливается въ пути, чтобы посмотрѣть сколько онъ пробѣжалъ, не думаетъ ни о пройденномъ пространствѣ, ни о задержкахъ встрѣченныхъ на пути, а только стремится къ достиженію цѣли, съ которой онъ не спускаетъ глазъ.

Подобно такому бѣгущему самъ апостолъ въ своемъ духовномъ стремленіи на пути присвоенія Христа, забываетъ все прошедшее и прежнія блага, и прошлыя страданія, и прошлую вину, и достигнутые успѣхи—ибо мысль о всемъ этомъ могла бы только задержать его въ дальнѣйшемъ стремленіи. Воспоминаніе о прошлыхъ грѣхахъ, хотя и искупленныхъ покаяніемъ, могло бы только ослабить силу движенія, принизивъ его духъ, а воспоминаніе о достигнутыхъ успѣхахъ, вызывая ложное сомодовольствіе и побуждая къ лѣнивому покою, могло бы только охладить ревность стремленія. Между тѣмъ все заключается въ томъ пространствѣ, которое предстоитъ еще пробѣжать; въ сравненіи съ послѣднимъ пройденное пространство не имѣетъ никакого значенія, ибо сколько бы состязавшійся ни пробѣжалъ, если онъ не добѣжитъ и остальнаго пространства, отдѣляющаго его еще отъ меты, то не достигнетъ обѣщаннаго.

Θ. Тернеръ.

(Продолженіе будетъ).

НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

(Опытъ изъясненія ученія Господа нашего Иисуса Христа съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою повѣйнаго времени).

(Продолженіе *).

Шестая заповѣдь блаженства.

Μακάριοι οἱ καθαροὶ τὴν καρδίαν διότι
αὐτοὶ θελοῦσιν ἰδεῖ τὸν Θεόν. Ματθ. ε', 8.

„Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрять!“—говоритъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ.

Этого изреченія, какъ и предшествующаго, нѣтъ въ Евангеліи отъ Луки. По этому поводу представители отрицательной евангельской критики дѣлаютъ тѣ же самыя возраженія, какія мы уже разсматривали при изъясненіи пятой заповѣди блаженства. Вотъ почему и намъ здѣсь пришлось бы повторить только то, что уже разъ было сказано, если бы мы захотѣли разбирать возраженія отрицательной евангельской критики, направленныя противъ подлинности текста шестой заповѣди блаженства. Впрочемъ, нужнымъ считаемъ всетаки отмѣтить слѣдующее. Съ цѣлію уменьшить значеніе новозавѣтныхъ истинъ отрицательная критика и здѣсь не забываетъ указать на то, будтобы ученіе Господа нашего Иисуса Христа, возвышенное въ шестой заповѣди блаженства, несамостоятельно, будтобы и оно заимствовано изъ писаній еврейскихъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1892 г., № 14.

раввиновъ. Въ доказательство этого предположенія отрицательные евангельскіе критики ¹⁾ ссылаются на трактатъ талмуда— *Baba Mezia*, изъ котораго выписываютъ слѣдующее мѣсто: „Школа Шамаи учитъ: не только содѣланный грѣхъ, но даже и печистая мысль дѣлаетъ человѣка отвѣтственнымъ предъ Богомъ“.

Само собою понятно, что и въ этомъ случаѣ намъ нѣтъ уже болѣе нужды доказывать подробно, что Свое ученіе о чистотѣ сердца Иисусъ Христосъ не могъ заимствовать изъ мѣста, которое найдено отрицательною евангельскою критикою въ трактатѣ талмуда— *Baba Mezia*, равно какъ нѣтъ болѣе надобности указывать и на то, что раввинскія изреченія, согласныя съ тѣми или другими изреченіями ветхозавѣтныхъ писаній, находятся въ прямой или косвенной зависимости отъ сихъ послѣднихъ. Выводъ, къ которому мы должны прійти въ этомъ случаѣ,—тотъ же самый, который былъ сдѣланъ нами и при объясненіи пяти предшествовавшихъ заповѣдей блаженства, именно,—что ветхозавѣтное Откровеніе не заключаетъ въ себѣ противорѣчія по отношенію къ Откровенію новозавѣтному, какъ дѣйствию одного и того-же промысленія Божія о человѣкѣ.

Дѣйствительно, и богодухновенные писатели ветхаго завета нерѣдко указываютъ на *чистоту сердца*, какъ на высокую добродѣтель, привлекающую къ человѣку милость Божию. Такъ, Псалмопѣвецъ говоритъ: „Тотъ, у котораго руки неповинны и *сердце чисто*, кто не клялся душею своею напрасно и не божился ложно (ближнему своему),—тотъ получитъ благословеніе отъ Господа и милость отъ Бога Спасителя своего. Таковъ родъ ищущихъ Его, *ищущихъ лица Твоего, Боже Іакова!*“ Такой человѣкъ „взойдетъ на гору Господню и станетъ на святомъ мѣстѣ Его“ (Псал. 23, 4--6. 3). И въ другомъ мѣстѣ: „Какъ благъ Богъ къ Израилю, къ *чистымъ сердцемъ!*“ (Пс. 72, 1). „Похваляйтесь всѣ *правые сердцемъ!*“ (Пс. 63, 11). „Торжествуйте всѣ *правые сердцемъ!*“ (Пс. 31, 11). „Отврати лице Твое отъ грѣховъ моихъ, и изгладь всѣ беззаконія мои. *Сердце чисто* сотвори во мнѣ, Боже!“ (Пс. 50, 11. 12).

¹⁾ Ср. напр., *Von der Alm*, Theolog. Briefe, B. 2, стр. 654.

По вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа на небо, ученіе о чистотѣ сердца, какъ высокой, истинно-христіанской добродѣтели, раскрываютъ Апостолы и въ своей устной проповѣди, и въ своихъ посланіяхъ исполнѣ согласно съ ученіемъ Самаго Іисуса Христа. Срв. 1 Тим. 1, 5; 3, 9.

Но что нужно разумѣть подѣ *чистотою сердца*, за которую Спаситель обѣщаетъ блаженство Своимъ послѣдователямъ?

Чтобы лучше выленить, что именно нужно разумѣть подѣ этою христіанскою добродѣтелію, составитель Пространнаго Катихизиса Православной Церкви указываетъ ея отличіе отъ чистосердечія или искренности. По этому поводу онъ говоритъ слѣдующее ¹⁾: „Чистосердечіе или искренность, по которой человекъ не показываетъ лицемѣрно добрыхъ расположеній, не имѣя оныхъ въ сердцѣ, но добрыя расположенія сердца являетъ въ добрыхъ поступкахъ, есть только низшая степень чистоты сердца. Сей послѣдней достигаетъ человекъ постояннымъ и неослабнымъ подвигомъ бдѣнія надъ самимъ собою, отвергая отъ сердца своего всякое беззаконное желаніе и помысленіе, и всякое пристрастіе къ земнымъ предметамъ, и непрестанно соблюдая въ сердцѣ памятованіе о Богѣ и Господѣ Іисусѣ Христѣ съ вѣрою и любовію“. Точно такъ-же объясняютъ, въ чемъ состоитъ чистота сердца, почти всѣ православные русскіе богословы, какъ, напр., еп. Михаилъ ²⁾, протоіерей Н. Матвѣевскій ³⁾, Боголюбовъ ⁴⁾, Лопухинъ ⁵⁾, протоіерей Непитарѣевскій и др.

Св. Іоаннъ Златоустъ ⁶⁾ объясняетъ шестую заповѣдь блаженства такимъ образомъ: „Чистыми здѣсь Онъ (т. е. Іисусъ Христосъ) называетъ тѣхъ, которые пріобрѣли всецѣлую добродѣтель, и не сознаютъ за собою никакого лукавства, или тѣхъ, которые въ цѣломудріи проводятъ жизнь. Ибо для того, чтобы

¹⁾ Простр. Катих. Прав. Церкви, М. 1872 г., стр. 90.

²⁾ Толковное Евангеліе, I, стр. 83.

³⁾ Евангельская Исторія, Спб. 1890 г., стр. 327.

⁴⁾ Толковное Чтеніе Четвероевангелія и Книги дѣяній апостольскихъ, М. 1886 г. стр. 163.

⁵⁾ Руководство къ Библейской исторіи Новаго Заветѣ, Спб., 1889 г., стр. 79.

⁶⁾ Бесѣды на Матѣ. М. 1846 г., ч. 1, стр. 276.

видѣть Бога, мы ни въ чемъ столько не имѣемъ нужды, какъ въ той добродѣтели“. Съ этимъ объясненіемъ великаго Святителя, очевидно, согласно и вышеприведенное толкованіе русскихъ православныхъ богослововъ.

Между западно-европейскими богословами, даже чуждыми, по ихъ собственному выраженію, „догматическихъ предразсудковъ“ или „конфессіональной односторонности“, также можно указать немало такихъ, которые понимаютъ шестую заповѣдь блаженства *почти* такъ же, какъ и богословы Православной Церкви. Такъ, напр., *Неандеръ*, изъясняя эту заповѣдь блаженства *въ связи съ предшествоующими*, говорить слѣдующее ¹⁾: „Уже въ сопоставленіи *тѣхъ* заповѣдей (о духовной нищетѣ, скорби о грѣхахъ, кротости, жаждѣ оправданія и милосердія) можно видѣть, въ чемъ состоитъ собственно сущность христіанства, это—не сознаніе *собственной* нравственной и духовной силы, которую нужно бы только умѣло употребить, чтобы достигнуть цѣли, а напротивъ—сознаніе недостаточности всего собственного,—сознаніе внутренней нищеты и бѣдности, чувство неудовлетворенности отъ собственныхъ подвиговъ и сильная жажда оправданія—суть то, что должны пріобрѣсти все желающіе войти въ общеніе Царствія Божія. Этимъ уже Христосъ прямо возвѣщаетъ, что искупленіе есть только Его собственное дѣло. А поелику Онъ предполагаетъ, что тѣ, у которыхъ уже есть указанное настроеніе духа, вступаютъ въ общеніе Царствія Божія, находятъ въ немъ удовлетвореніе своихъ духовныхъ потребностей, принимаютъ участіе въ искупленіи, получая божественныя силы для своего освященія, то въ силу такого предположенія Онъ и представляетъ ихъ такими, которые *чисты сердцемъ*, но эта чистота иного рода, чѣмъ та, которая можетъ быть достигнута съ точки зрѣнія подзаконной праведности,—и тѣмъ, которые достигли этой чистоты сердца, Онъ обѣщаетъ созерцаніе Бога, совершенное общеніе съ Нимъ и основанное на этомъ общеніи совершенное созерцательное познаніе Божественнаго существа,—въ чемъ и состоитъ блаженство вѣчной жизни“. *Ольсгаузенъ* ²⁾ не ус-

¹⁾ Das Leben Jesu Christi, 1874, стр. 292—293.

²⁾ Bibl. Comm. B. 1, стр. 206.

матриваетъ существеннаго различія между *относительною* чистотою сердца (*καθαρότης τῆ καρδίας*) и справедливостію (*δικαιοσύνη*), а *абсолютную* чистоту сердца онъ прямо отождествляетъ съ постояннымъ созерцаніемъ Бога. По мнѣнію *Мейера* ¹⁾, подъ чистотою сердца, о которой говоритъ Господь въ шестой заповѣди блаженства, нужно разумѣть просто „внутреннюю нравственную незапятнанность“ или „непорочность“. Это объясненіе *Мейера* простое, но за то самое *близкое* къ истинному смыслу слова, которымъ обозначена одна изъ величайшихъ христіанскихъ добродѣтелей.

Но спрашивается: какъ человѣкъ, желающій блаженства, можетъ достигнуть чистоты своего сердца?

Православные богословы отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ: человѣкъ можетъ достигнуть чистоты своего сердца съ одной стороны—черезъ оправданіе и освященіе благодатію Св. Духа, съ другой—черезъ постоянное бодрствованіе надъ собою и бдительное храненіе своего сердца отъ злыхъ чувствованій и нечистыхъ помысловъ. Съ этимъ отвѣтомъ согласны и лучшіе толкователи новозавѣтныхъ писаній среди западныхъ ученыхъ. Нѣсколько странно разсуждаетъ, впрочемъ, *Мейеръ*. Онъ говоритъ ²⁾: „Какимъ образомъ эта чистота (черезъ оправданіе и освященіе вѣрующихъ) достигается въ дѣйствительности,—это теперь остается предоставить еще *будущему, въ которомъ предстоитъ совершиться дѣло искупленія*“ (das Erlöserwerk). Это послѣднее выраженіе *Мейера* намъ представляется болѣе, чѣмъ страннымъ. *Мейеръ*, повидимому, признаетъ все искупительное значеніе крестной смерти Спасителя, а между тѣмъ „дѣло искупленія“ относитъ еще къ какому-то будущему времени. Самый отказъ его представить себѣ, какъ достигается въ дѣйствительности чистота сердца, кажется какъ бы простымъ нежеланіемъ вникнуть въ ученіе слова Божія объ этомъ предметѣ. Правда, въ дѣйствительности среди людей немного встрѣчается такихъ, которые имѣютъ чистое сердце, какъ немного встрѣчается кроткихъ, нищихъ духомъ и т. д.; но всѣмъ дана

1) Krit. exeget. Komm. 1864. 1re Abth., 1re Hälfte, стр. 142.

2) Krit. exeg. Komm., 1864, 1re Abth., 1re Hälfte, стр. 142.

возможность достигнуть чистоты сердца, при рѣшительномъ желаніи и стремленіи къ ней. Подобно старцамъ, которые предстали, по Откровенію Іоанна (7, 13—16), предъ престолъ Бога и Агнца *въ бѣлыхъ одеждахъ*, каждому христіанину крестною смертію Спасителя предоставлена возможность „*омыть*“ свое оскверненное сердце и „*убѣлить*“ его Кровію Агнца“...

Въ виду вышеприведеннаго отказа Мейера, постараемся, насколько возможно, по указанію слова Божія, представить себѣ то, какъ въ дѣйствительности достигается человѣкомъ чистота сердца. Еще въ ветхомъ завѣтѣ премудрый Соломонъ наставлялъ: „Больше всего хранимаго храни сердце твое, потому что изъ него источники жизни“ (Притч. 4, 23). И этому наставленію Премудраго долженъ послѣдовать каждый, желающій достигнуть чистоты своего сердца. Совершенно справедливо утверждаетъ *Златоустъ*, что чистота сердца возможна только для того, кто уже достигъ высокой степени нравственнаго совершенства и утвердился въ добрѣ. Сознавъ предварительно свою духовную нищету, скорбя о своей грѣховности, чувствуя постоянную и сильную жажду въ оправданіи своемъ предъ Богомъ, человѣкъ, наконецъ, осуждаетъ самъ себя, содрагается отъ одной мысли о своей прежней грѣховной нравственно-омраченной и оскверненной жизни и рѣшается начать жизнь новую, святую. Только вмѣстѣ съ этимъ твердымъ и безповоротнымъ рѣшеніемъ идти по пути нравственнаго усовершенствованія и полученіемъ отъ Бога таинственной всеосвящающей благодати св. Духа у человѣка можетъ пріостановиться дальнѣйшее оскверненіе сердца и открывается ему путь къ постепенному достиженію его чистоты. Но подвигъ христіанина этимъ не оканчивается; сердце очищено, но самая чистота его, неспособность къ оскверненію въ будущемъ еще не достигнута. Только ограждая и постоянно оберегая себя и свое сердце отъ вторженія въ него грѣховныхъ помысловъ и грязныхъ похотей, ищущій своего нравственнаго возрожденія становится способнымъ къ сохраненію чистоты сердца, только при этомъ условіи онъ мало-по-малу укрѣпляетъ въ себѣ способность къ воспріятію лишь однихъ добрыхъ намѣреній и къ проявленію однихъ христіанскихъ чувствованій. Когда же сердце человѣка

уже совершенно укрупнится въ добрѣ и станетъ невоспримчивымъ, недоступнымъ для грѣховныхъ помысловъ и злыхъ чувствованій, только тогда человѣкомъ, освященнымъ благодатію Божіею, достигается та чистота сердца, которая открываетъ ему духовныя очи, даетъ ему возможность зрѣть Бога и доставляетъ наивысшее блаженство. Такимъ образомъ, нельзя вполне согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ *Мейера*, по которому чистота сердца есть будтобы только нравственная незапятнанность или непорочность. Самое порочное и оскверненное грѣхами сердце мало-по-малу, при помощи всеисильной благодати Божіей и при усилии воли человѣческой, можетъ достигнуть своей высокой чистоты; для этого нужно только, чтобы человѣкъ сначала внимательно заглянулъ въ свое сердце, увидѣлъ всю его скверну и всю грѣховную грязь, омрачившую его, началъ омывать его своими искренними слезами, а затѣмъ, сознавъ свое собственное безсиліе возвратить ему первоначальную его чистоту, возжаждалъ его очищенія отъ всеисильной и всеосвящающей благодати Божіей. Ни одинъ человѣкъ не являлся еще въ міръ съ непорочнымъ и съ незапятнаннымъ сердцемъ. „Кто,—спрашиваетъ праведный Іовъ (14, 4),—родится чистымъ отъ нечистаго? Ни одинъ“. „Всѣ мы сдѣлались, какъ нечистый,—говоритъ Ісаія (64, 6),—и вся праведность наша, какъ запачканная одежда; и всѣ мы поблекли, какъ листъ, и беззаконія наши, какъ вѣтеръ, уносятъ насъ“. „Небеса нечисты въ очахъ Его,—говоритъ Іовъ (15, 15, 16),—тѣмъ больше нечистъ и растлѣнъ человѣкъ, пьюцій беззаконіе, какъ воду“. Каждый человѣкъ можетъ сказать о себѣ словами Псалмопѣвца: „я въ беззаконіи зачатъ, и во грѣхѣхъ родила меня моя мать“ (Пс. 50, 7). Начинается жизнь человѣка въ грѣхахъ; во грѣхахъ и течетъ она; забилось сердце человѣка; но чѣмъ?—мутнымъ потокомъ нравственной тины и грязи: „изнутри, изъ сердца человеческого исходятъ злыя помыслы, прелюбодѣлія, любодѣлія, убійства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Все это зло,—по слову Спасителя, изнутри исходитъ и оскверняетъ“ (Марк. 7, 21—23). Послѣ этого ясно, что только полное познаніе человѣкомъ своей грѣховности и твер-

далъ рѣшимость его, соединенная съ волею къ Богу,—съ одной стороны, и благодать Божія, крестныя заслуги Спасителя—съ другой могутъ возсоздать сердце человѣка, такъ что оно становится „источникомъ жизни“ (Притч. 4, 23), а не источникомъ грѣха и беззаконій (Марк. 7, 21—23).

Какъ происходитъ это очищеніе полнаго грѣхами и нечистаго сердца человѣческаго, это прекрасно изобразилъ намъ богодухновенный пророкъ ветхаго завета Исаія, описывая одно изъ своихъ видѣній: „видѣлъ я,—говоритъ онъ (Ис. 6, 1—7),—Господа, сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и края ризъ Его наполняли весь храмъ. Вокругъ Него стояли серафимы; у каждаго изъ нихъ по шести крылъ; двумя закрывалъ каждый лицо свое, и двумя закрывалъ ноги свои, и двумя леталъ. И вzywали они другъ къ другу и говорили: Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѣ! вся земля полна славы Его! И колебались верхи вратъ отъ гласа восклицающихъ, и домъ наполнился куреніями. И сказала я: горе мнѣ! погибъ я! ибо я человекъ съ нечистыми устами, и живу среди народа также съ нечистыми устами,—и глаза мои видѣли Царя, Господа Саваоѣ. Тогда прилетѣлъ ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, и въ рукѣ у него горящій уголь, который онъ взялъ клещами съ жертвенника и коснулся устъ моихъ и сказалъ: вотъ это коснулось устъ твоихъ, и беззаконіе твое удалено отъ тебя, и грѣхъ твой очищенъ“. Итакъ, Господь очистилъ пророка Своего отъ грѣховъ и беззаконій его, но—только тогда, когда предварительно пророкъ увидѣлъ себя оскверненнымъ и позналъ, что эта оскверненность, безъ сверхъестественной помощи, повлечетъ его въ погибель.

Вотъ какъ въ дѣйствительности достигается человѣкомъ чистота сердца. Но разъ достигнувъ этой чистоты сердца, человѣкъ—повторяемъ—долженъ внимательно хранить ее, бодрствуя надъ своимъ собственнымъ сердцемъ, чтобы ничто нечистое снова не вошло въ него и снова не осквернило собою. А это новый и трудный подвигъ для христіанина. Но Господь, какъ праведный Мздовоздатель, не оставляетъ его безъ награды. Чистые сердцемъ, по обѣтованію Господа нашего Іисуса Христа, Бога узрѣть,—награда по истинѣ высокая и приличная

тѣмъ, которые приняли на себя великій подвижъ сохраненія въ чистотѣ своего сердца. Впрочемъ, мы должны здѣсь сказать, что въ книгахъ св. Писанія новаго завіта блаженство праведниковъ изображается нерѣдко подъ видомъ лицеушій Бога. Такъ, указывая возлюбленному ученику Господа Іоанну на праведниковъ, „облеченныхъ въ *бѣлыя* одежды“, одинъ праведный старецъ въ таинственномъ откровеніи сказалъ: „это—тѣ, которые пришли отъ великой скорби; они *омыли* одежды свои и *убѣлили* одежды свои *Кровію Агнца*. За это они пребываютъ нынѣ предъ престоломъ Бога и служатъ Ему день и ночь въ храмѣ Его, и Сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ. Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать, и не будетъ палить ихъ солнце и никакая зноя“ (Апок. 7, 13—16). „Рабы Его (Бога и Агнца) будутъ служить Ему. И *узрѣтъ* лице Его, и имя Его будетъ на челахъ ихъ“ (Апок. 22, 3—4). Самъ Іоаннъ Богословъ говоритъ: „мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что *увидѣли* Его, какъ Онъ есть“ (1 Іоан. 3, 2). Апостолъ Павелъ также наставляетъ христіанъ изъ евреевъ: „Старайтесь имѣть миръ со всѣми и *святость* (т. е., чистоту сердца), безъ которой никто не *увидѣтъ* Господа“ (Евр. 12, 14; срв. 1 Кор. 13, 12).

Какъ же пужно понимать то блаженство, которое, по слову Господа, получать чистые сердцемъ?

Нѣкоторые изъ западныхъ богослововъ, напр., *Кюноль*, *Фринче* и др. ¹⁾ смотрятъ на него, только какъ на образное представленіе *мессіанскаго блаженства* вообще; *Толмекъ* понимаетъ его лишь въ смыслѣ *внутренняго* созерцанія Бога, познанія Бога, тѣснѣйшаго общенія съ Богомъ. *Анне* ²⁾ объясняетъ обѣтованіе Спасителя о томъ, что чистые сердцемъ Бога узрѣтъ, такимъ образомъ. „Это созерцаніе Бога,—говоритъ онъ,—должно осуществиться какъ непосредственнѣйшее вѣдѣніе и опытное познаніе промысленія Бога и Его существа, какъ оно открывается во всемъ мірѣ, поэтому оно и посредствуется духовнымъ

¹⁾ Meyer's Krit. exeg. Komm. 1° Abth., 1° Hälfte, 1864, стр. 142.

²⁾ Das Leben Iesu, 3tes, Buch, 2tes Theil, стр. 586.

созерцаніемъ Христа, въ Которомъ открылся принципъ міровой жизни, явился равнообразъ Бога. Возможность того, что Богъ можетъ быть созерцаемъ, обусловливается этимъ именно откровеніемъ Бога, которое выѣстъ съ тѣмъ есть и преображеніе міра,—существомъ Христа (durch das Wesen Christi). Также и возможность того, что сердце можетъ сдѣлаться чистымъ, обусловливается вѣрующимъ созерцаніемъ положительной, очищающей божественной чистоты въ Немъ. Такимъ образомъ,—говоритъ *Ланге*,—по этому обѣтованію, очищеніе сердца должно быть существенно родственнымъ съ подъемомъ духа до богосозерцанія. Отсюда слѣдуетъ, что познавательная сила человѣка, сила его духовнаго вѣдѣнія самый существенный нервъ свой имѣетъ въ жизни его сердца. Если онъ безуменъ въ своемъ мышленіи, то онъ безуменъ и въ своемъ сердцѣ¹⁾; а изъ испорченности его сердца возрастаетъ и извращенность его понятій. Человѣкъ мудрый и въ своемъ сердцѣ: страхъ Божій есть начало премудрости. Такимъ образомъ, наивысшая форма вѣдѣнія есть не абстрактное пониманіе философствующаго мышленія, но духовное созерцаніе, въ которомъ всѣ силы духа, такъ сказать, священнодѣйствуютъ въ живѣйшемъ единствѣ,—созерцаніе, въ которомъ вся жизнь становится познаніемъ и все познаніе—полною жизнію, глазъ—одно съ сердцемъ и притомъ—одно въ ясѣйшемъ созерцаніи Бога, какъ оно происходитъ изъ единенія съ Богомъ въ чистотѣ сердца. Человѣческое сердце, говоритъ *Ланге*, съ самаго начала освящается въ мѣсто для *Возпространственнаго*, въ измѣненіе времени для *Неограниченнаго времени*, въ единичность откровенія для *вѣчнаго Бога*²⁾. Это объясненіе ученаго нѣмецкаго профессора слишкомъ туманно, заоблачно и спутанно, чтобы на немъ можно было остановиться.

*Кеймс*²⁾ понимаетъ обѣтованіе шестой заповѣди блаженства такимъ образомъ: „блаженны чистые въ сердцѣ тѣ, которые

¹⁾ При этомъ *Ланге* имѣетъ въ виду изреченіе Псалмопѣнца: «сказалъ безуменъ оъ сердце своемъ: нѣтъ Бога». Пс. 13, 1.

²⁾ Geschichte Jesu, 1875 г., стр. 183.

никому не завидуютъ и не ненавидятъ ближнихъ, вотъ почему они, какъ *богоподобные*, Бога узрятъ“.

Близко къ этому объясненію Кейма разсуждаетъ и русскій богословъ—*Боготпозв* ¹⁾. „Христіанинъ, говоритъ онъ, есть храмъ Божій (1 Кор. 3, 16). Но его ожидаетъ еще высшее блаженство: созерцаніе Бога не духовно только, какъ теперь, но онъ увидитъ Его, какъ Онъ есть (1 Иоанн. 3, 2). Но имѣющій сію надежду долженъ очищать себя, такъ какъ Богъ чистъ (тамъ-же ст. 3). Поэтому онъ долженъ сохранять чистымъ самымъ источникъ всѣхъ душевныхъ дѣятельностей и состояній—*сердце* (Мѣ. 15, 19. Лук. 6, 45). Подобнымъ образомъ Давидъ требуетъ чистоты сердца, какъ необходимаго условія, чтобы быть достойнымъ присутствовать въ храмѣ Божиѣмъ (Пс. 24, 4). Это *богоподобіе* дѣлаетъ человѣка достойнымъ и способнымъ созерцать Бога“.

Въ смыслѣ наивысшаго богопознанія понимали обѣтованіе шестой заповѣди блаженства и древніе церковные толкователи Св. Писанія—*Григорій Нисскій* и *Теофилактъ*, сравнивающіе чистую душу съ чистымъ зеркаломъ. „Какъ зеркало,—говоритъ, напр. *Теофилактъ*,—только тогда отражаетъ образы, когда оно чисто, такъ можетъ созерцать Бога и разумѣть писаніе только чистая душа“ ²⁾.

Толкованія западно-европейскихъ ученыхъ, за исключеніемъ толкованій Лянге и Кейма, на которыхъ мы уже указали, не представляютъ собою ничего оригинальнаго.

Такъ,—*Де-Ветте*... подъ созерцаніемъ Бога разумѣетъ только „непосредственное духовное общеніе съ Богомъ *здесь* и *тамъ*“, т. е., и въ этой жизни, и въ будущей ³⁾.

Паулосъ ⁴⁾ понимаетъ обѣтованіе шестой заповѣди блаженства въ смыслѣ „наилучшаго познанія“ Бога.

Неандеръ, подобно двумъ предшествующимъ рационалистамъ,

¹⁾ Учебное руководство къ толковому чтенію Четвероевангелія и книги дѣяній апостольскихъ, М. 1886, стр. 163.

²⁾ Благорѣств. ч. 1, стр. 94. У *Мейера* Krit. exeg. Komm. 1te Abth. 1te Hälfte, 1864, стр. 142; у *Маттевскаго* Еванг. Ист. стр. 327.

³⁾ У *Мейера* Krit. exeg. Komm. 1te Abth. 1te Hälfte, 1864, стр. 142.

⁴⁾ Das Leben Iesu, 2ter Theil, стр. 78.

разумѣя подѣ обѣтованнымъ созерцаніемъ Бога также „*совершенное* общеніе съ Нимъ и основанное на этомъ общеніи совершенное созерцательное познаніе Божественнаго существа, въ чемъ (по его мнѣнію) и состоитъ блаженство вѣчной жизни“,—говорить ¹⁾ далѣе слѣдующее: „Хотя это обѣтованіе относится вполнѣ къ совершенному осуществленію въ вѣчной жизни или къ совершенному царствію Божію, тѣмъ не менѣе чрезъ это не исключается и его отношеніе къ тому, что начинается уже и въ земной жизни вмѣстѣ съ участіемъ въ царствіи Божіемъ, какъ и въ предшествующихъ обѣтованіяхъ также должно быть признаваемо постепенное осуществленіе въ продолжающемся развитіи до наступленія полнаго совершенства. Изъ этой связи понятій вытекаетъ то, что познаніе божескихъ дѣлъ должно исходить отъ жизни, отъ чистоты сердца, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ къ общенію съ Богомъ,—и что земная жизнь предназначена для того, чтобы чрезъ очищеніе души сдѣлать человѣка воспримчивымъ къ совершенному познанію Божественнаго существа. Впрочемъ, это обѣтованіе, кажется, образуетъ переходъ къ тѣмъ, которыя собственно относятся къ будущему состоянію вѣчной жизни или совершеннаго царствія Божія, потому что они предполагаютъ такое состояніе, которое слѣдуетъ за борьбою въ земномъ существованіи“.

Составитель Пространнаго Катихизиса Православной Церкви—митрополитъ *Филаретъ* объясняетъ обѣтованіе шестой заповѣди блаженства вполнѣ согласно съ древними святоотеческими толкованіями. „Слово Божіе,—говоритъ онъ ²⁾,—уподобляетъ сердце человѣческое оку, и приписываетъ совершеннымъ христіанамъ *просвѣщенныя очеса сердца*. Ефес. I, 18. Какъ чистое око способно видѣть свѣтъ: такъ чистое сердце способно созерцать Бога. Поелику же лицезрѣніе Божіе есть источникъ вѣчнаго блаженства, то обѣщаніе зрѣть Бога есть обѣщаніе высокаго степени блаженства вѣчнаго“.

Протоіерей *Матвѣевскій* ³⁾, повидимому, хотѣлъ бы соеди-

¹⁾ Das Leben Iesu Christi, стр. 293.

²⁾ Простр. Катих. Прав. Церкви, М., 1872, стр. 90.

³⁾ Еванг. Исторія, стр. 327.

пить вмѣстѣ всѣ вышеуказанныя толкованія, и нужно пожалѣть, что ему не удалось сдѣлать этого. *Допухинъ* ¹⁾ оставляетъ безъ всякаго разъясненія обѣтованіе блаженства, которое предназначено для чистыхъ сердцемъ.

Еп. *Михаилъ* ²⁾ признаетъ, что „чистые сердцемъ Бога узрять не только въ духовномъ созерцаніи, но и *тѣлесными* очами въ Его явленіяхъ (Іоан. 14, 21—23), и не только въ будущемъ вѣкѣ, когда они вмѣстѣ со всѣми святыми будутъ наслаждаться лицезрѣніемъ Божиимъ, но и въ настоящемъ, когда они по чистотѣ своего сердца болѣе другихъ способны „въ собственной лѣпотѣ своей“ (Аоан. Вел.) видѣть Бога и вступать въ общеніе съ Нимъ“.

Св. *Іоаннъ Златоустъ* ³⁾ говоритъ объ этомъ обѣтованіи Спасителя въ довольно общемъ выраженіи, но за то, кажется, вѣрнѣе всѣхъ толкователей: „Видѣніе здѣсь (Иисусъ Христосъ) разумѣетъ такое, какое только возможно для человѣка“.

Всѣ приведенныя нами выше объясненія того блаженства, которое Господь нашъ Иисусъ Христосъ общаетъ людямъ, достигнувшимъ чистоты сердца, собственно говоря, болѣе или менѣе вѣрныя и каждое изъ нихъ имѣетъ для себя, безъ сомнѣнія, вполне достаточное основаніе. Имъ можно сдѣлать упрекъ развѣ только за неполноту или односторонность.

Никто не можетъ отрицать, не отрицая подлинности шестой заповѣди блаженства, что обѣтованіемъ лицезрѣнія Божія Иисусъ Христосъ указалъ на то величайшее блаженство, которое вообще всѣ чистые сердцемъ послѣдователи Его получаютъ отъ Бога какъ въ сей жизни, такъ и въ будущемъ вѣкѣ (*αἰὼν μέλλων*). По образному представленію ветхозавѣтныхъ израильтянъ, какъ и многихъ другихъ народовъ, имѣть право и возможность постоянно зрѣть царя, видѣть его очи—значить быть самымъ приближеннымъ къ царю лицомъ, пользоваться его довѣріемъ и расположеніемъ, быть высокопоставленнымъ, знатнымъ, уважаемымъ, пользоваться счастьемъ и благополучіемъ. Такъ, въ

¹⁾ Руководство къ Библ. Исторіи новаго заветѣ, Спб., 1889, стр. 79.

²⁾ Толковое Евангеліе, I., стр. 83.

³⁾ Бесѣды на Матѣ. стр. 276.

книгѣ *Есфирь* (1, 14) мы читаемъ: „*приближенными* къ нему (царю Антаксерксу) тогда были Каршена, Шеаръ, Адмаа, Оарсисъ, Мересъ, Марсена, Мемуханъ—семь князей Персидскихъ и Мидійскихъ, *которые могли видѣть лице царя и сидѣли первыми въ царствѣ*“. Въ третьей книгѣ царствъ (10, 8): „*блаженны* люди твои, которые всегда предстоятъ предъ тобою и слышать мудрость твою“. Вотъ почему нельзя не назвать справедливымъ предположеніе *Томкина* и *Лянгс*, что „начало духовнаго обѣтованія о богосозерцаніи вытекаетъ изъ условій жизни восточныхъ народовъ¹⁾. Восточные цари,—говорить *Лянгс*,—удаляютъ себя отъ очей своихъ подданныхъ; поэтому созерцаніе царскаго лица и признается у восточныхъ народовъ особеннымъ благоволеніемъ и преимуществомъ“. Но если, по представленію ветхозавѣтныхъ евреевъ, лицезрѣніе обыкновенныхъ царей дѣлаетъ людей *блаженными*, то какъ велико, очевидно, должно быть то блаженство чистыхъ сердцемъ, которое произойдетъ отъ лицезрѣнія Бога, Царя царей, Владыки всего міра! Съ этимъ же образнымъ значеніемъ лицезрѣнія, какъ наивысшаго блаженства, нераздѣльно и понятіе о близости къ Богу, общеніи съ Нимъ, познаніи Его. Приближенные царя земнаго, видя постоянно его лицо, естественно предполагаются и близкими къ царю, находящимися съ нимъ въ постоянномъ общеніи, знающими его. Тоже самое нужно сказать и о тѣхъ, которые удостоятся зрѣть Бога.

Что чистые сердцемъ будутъ видѣть Бога просвѣщенными *очами сердца* (Ефес. 1, 18), это можно утверждать только о блаженствѣ, котораго удостоиваются чистые сердцемъ еще здѣсь, на землѣ. „Богъ *просвѣтилъ очи сердца вашего*,—говоритъ Апостолъ (Ефес. 1, 18. 19),—дабы вы познали, въ чемъ состоитъ надежда призванія Его, и какое богатство славнаго наслѣдія Его для святыхъ, и какъ безмѣрно величіе могущества Его въ насъ“. Но этимъ созерцаніемъ Бога чрезъ просвѣщенные очи сердца нельзя ограничивать блаженства, обѣтованнаго послѣдователямъ Иисуса Христа, достигшимъ чисто-

¹⁾ Правильнѣе сказать: внутренний смыслъ этого обѣтованія объясняется обычаями восточныхъ народовъ.

ты сердца. Несомнѣнно, что они будутъ видѣть Бога болѣе, чѣмъ только очами сердца или духовно. Слово Божіе свидѣтельствуешь, что пророкъ Исаія, еще будучи живымъ, на землѣ видѣлъ глазами своими Господа Саваоѳа во всемъ величіи славы Его (Ис. 6, 5). Раньше Исаія Господа Бога не только видѣлъ, но и принималъ у себя Авраамъ въ образѣ трехъ странниковъ. Моисей и Илія, если и не видѣли лица Божія, созерцали однако-же отблескъ славы Божіей отъ непосредственнаго присутствія Божія; пророкъ Іеремія, подобно Исаіи, видѣлъ Господа въ величіи славы Его; затѣмъ Господа видѣли и многіе другіе пророки; ап. Павелъ видѣлъ Господа нашего Іисуса Христа уже послѣ Его вознесенія на небо; а по свидѣтельству ап. Іоанна, также въ пророческомъ духѣ видѣвшаго Бога и Агнца, всѣ истинные христіане *увидятъ Его, какъ Онъ есть* (1 Іоан. 3, 2). Въ чемъ будетъ состоять это *видѣніе Бога, какъ Онъ есть*,—въ точности мы безсильны нынѣ уразумѣть по своей грѣховности и ограниченности своихъ познавательныхъ способностей. Поэтому-то хотя и довольно неопредѣленное, но вполнѣ вѣрное объясненіе того блаженства, которое будетъ предоставлено чистымъ сердцемъ, какъ мы сказали уже, даетъ св. Златоустъ: „видѣніе разумѣть (Христосъ) такое, какое только возможно для человѣка“.

Многіе церковные богословы, равно какъ и нѣкоторые западно-европейскіе ученые, свободные отъ давленія тѣхъ или другихъ школьно-философскихъ тенденцій, въ своихъ объясненіяхъ шестой заповѣди блаженства ограничиваютъ блаженство чистыхъ сердцемъ только видѣніемъ Бога очами сердца, общеніемъ съ нимъ или познаніемъ Его, какъ кажется, лишь потому, что отрицательная евангельская критика возражаетъ имъ своею ссылкою на многія мѣста ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ писаній, свидѣтельствующія о томъ, что Бога видѣть невозможно. Въ самомъ дѣлѣ,—ап. Іоаннъ Богословъ ясно говоритъ: „Бога не видѣлъ никто никогда“ (Іоан. 1, 18); у него же Самъ Іисусъ Христосъ говоритъ: „Это указаніе на слова пророка Исаіи (54, 13) не то, чтобы кто видѣлъ Отца, кромѣ Того, Кто есть отъ Бога; Онъ видѣлъ Отца“ (Іоан. 6, 46). Апостолъ Павелъ также говоритъ, что Іисусъ Христосъ „есть

образъ Бога *невидимаго*“ (Колос. 1, 15), а Самаго Бога называсть „единымъ имѣющимъ безсмертіе, Который обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, Котораго никто изъ человѣковъ не видѣлъ и видѣть не можетъ“ (1 Тим. 6, 16). Вполнѣ согласно съ этимъ свидѣтельствовалъ Самъ Богъ о Себѣ еще въ ветхомъ завѣтѣ избраннику Своему Моисею (Исх. 33, 20): „лица Моего не можно тебѣ увидѣть, потому, что человѣкъ не можетъ увидѣть Меня и остаться въ живыхъ“.

Что сказать объ этихъ мѣстахъ Св. Писанія въ связи съ приведеннымъ возраженіемъ отрицательной евангельской критики?

На это возраженіе отрицательной критики отвѣтъ даетъ уже бывший профессоръ богословія въ эрлангенскомъ университетѣ *Германъ Ольсгаузенъ*. По его мнѣнію ¹⁾, всѣ приведенныя нами выше мѣста изъ Св. Писанія ветхаго и новаго завѣтовъ „относятся къ первоосновѣ (Urgrund) божескаго существа, Отцу; Богъ же можетъ быть созерцаемъ только въ Сынѣ“. По объясненію другого нѣмецкаго комментатора новозавѣтныхъ писаній—*Мейера* ²⁾, всѣ указанныя нами изреченія „относятся только къ созерцанію чрезъ *земное* око. Созерцаніе же Бога, Который хотя и духъ, однако-же имѣетъ Свою особенную форму явленія (Фил. 2, 6), будетъ нѣкогда завершеніемъ достигнутаго чрезъ Христа доступа—*προσαγωγή* (Рим. 5, 2). Изъ русскихъ православныхъ богослововъ преосвященный *Михаилъ* даетъ объясненіе вполнѣ согласное съ объясненіемъ вышеуказанныхъ западныхъ богослововъ. „Это обѣтованіе („Бога узрѣть“), говоритъ онъ ³⁾, не противорѣчитъ тѣмъ мѣстамъ Писанія, въ которыхъ говорится о невозможности для человѣка видѣть Бога (Исх. 33, 20. Іоан. 1, 18. 6, 46. 1 Тим. 6, 16 и др.); ибо въ сихъ послѣднихъ мѣстахъ говорится о полномъ видѣніи или познаніи Бога въ Его существѣ, что дѣйствительно невозможно; но о видѣніи Бога человѣкомъ, „насколько то возможно“ (Злат.) для сего послѣдняго, часто говорится въ Писаніи: ибо Богъ открывается человѣку въ доступныхъ ему образахъ, хотя Самъ въ Себѣ Духъ чистѣйшій“.

¹⁾ Bibl. Comm. B. 1, стр. 206.

²⁾ Krit. exeget. Komm. 1re Abth. 1re Hälfte, 1864, стр. 142.

³⁾ Толковое Евангеліе, I, стр. 83

Что въ указанныхъ мѣстахъ Св. Писанія нѣтъ никакого противорѣчія обѣтованію Господа нашего Іисуса Христа о томъ, что чистые сердцемъ Бога узрять, это можно видѣть уже изъ того, что во всѣхъ указанныхъ нами мѣстахъ Св. Писанія рѣчь идетъ только о невозможности видѣть Бога для человѣка обыкновеннаго, падшаго, чувственнаго, погрязшаго во грѣхахъ, имѣющаго еще сердце, оскверненное грѣховными страстями и помысленіями, а Іисусъ Христосъ въ шестой заповѣди блаженства говорить о человѣкѣ искупленномъ, оправданномъ, освященномъ, очищенномъ и „убиленномъ Кровію Агнца“. Но что невозможно для человѣка грѣшнаго, то будетъ доступно для человѣка чистаго сердцемъ и оправданнаго. По ученію Самаго Іисуса Христа, истинные послѣдователи Его въ царствіи небесномъ будутъ подобны Ангеламъ (Матѣ. 22, 30); а „Ангелы,—говоритъ Онъ (Матѣ. 18, 10),—на небесахъ *всегда видятъ лице Отца Моего Небеснаго*“. Здѣсь, очевидно, говорится болѣе, чѣмъ о видѣніи Бога „очами сердца“. Тѣмъ не менѣе, если даже для апостола Іоанна Богослова, свидѣтельствующаго, что истинные христіане *увидятъ Бога, какъ Онъ есть*, невозможно было уяснить, въ чемъ именно будетъ состоять это видѣніе Бога, потому что и для него „еще не открылось, что будемъ“, то тѣмъ болѣе неразрѣшимымъ въ своихъ частностяхъ, какъ мы сказали уже и выше, этотъ вопросъ долженъ остаться для насъ. „Знаемъ только, что, когда откроется (что будемъ), будемъ подобны Ему (нашему Господу и Спасителю), потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть“ (1 Іоан. 3, 2).

Свящ. Т. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Современное отношеніе римско-католической церкви къ рабочему вопросу.

(Продолженіе *).

Х.

Въ своей энцикликѣ по рабочему вопросу папа рѣшаетъ этотъ вопросъ съ теократической точки зрѣнія: но именно эта точка зрѣнія поставляетъ его въ глубокое противорѣчіе съ современнымъ строемъ жизни европейскіхъ народовъ, съ ихъ политико-экономическими воззрѣніями и нерѣдко даже съ общераспространеннымъ среди нихъ христіанскимъ ученіемъ. О. Владиміръ Гетте, подвергая обсужденію папскую энциклику именно съ этой стороны, приходитъ къ тому заключенію, что папа рѣшительно незнакомъ съ современнымъ политико-экономическимъ движеніемъ европейскихъ народовъ вообще и рабочимъ вопросомъ въ частности, и рассуждаетъ о такомъ предметѣ, который далеко уходитъ за черту его научныхъ свѣдѣній. Конечно, сужденіе это надобно признать крайнимъ. Но вѣрно то, какъ мы сказали, что папа, выставивъ и послѣдовательно развивая свою теократическую точку зрѣнія, нерѣдко впадаетъ въ глубокое противорѣчіе и съ современною европейскою жизнью и наукою, и съ общепринятымъ среди нихъ христіанствомъ въ частности.

Въ своей энцикликѣ папа является проповѣдникомъ новыхъ идей, но въ старой теократической формѣ; онъ хочетъ воскресить

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 8, 1892 г.

средніе вѣка, но въ новыхъ политико-экономическихъ условіяхъ. Онъ хочетъ примирить старое съ новымъ. Именно въ виду этого намъ надобно было одновременно признать существующія учрежденія и общераспространенныя понятія, не затрогивая по возможности господствующихъ интересовъ; но въ тоже время ему надобно было, въ нѣкоторомъ родѣ, дать высшую санкцію новому движенію и указать надлежащее направленіе ему, примѣнивъ его къ средневѣковымъ формамъ жизни и къ теократической точкѣ зрѣнія. Задача была трудная, даже неразрѣшимая; и именно она вызвала въ энцикликѣ логическое смѣшеніе возрѣній и неизбежную путаницу и ненослѣдовательность сужденій.

Современное социалистическое движеніе нана выводитъ изъ прошловѣковой французской революціи, послѣ того какъ средневѣковые цехи были разрушены окончательно и никакая организація не заняла ихъ мѣста; отсюда, въ связи съ другими обстоятельствами, произошло то, что рабочіе, изолированные и беззащитные, были преданы зачеретвѣлости своихъ патримоніальныхъ и своекорыстныхъ неограниченнаго соперничества. Итакъ современные бѣдствія европейскихъ народовъ возникли отъ французской революціи, т. е. отъ развитія революціонныхъ идей, которыя разрушили средневѣковыя учрежденія, не замѣнивъ ихъ другими. Остановившаяся на этой мысли, о. Владиміръ Гетте говоритъ, что одно это мифіе энциклики доказываетъ, что *непогрѣнимый ученый (Infaillible si docte)* не знаетъ исторіи. О. Владиміръ, напротивъ, объясняетъ паденіе средневѣковыхъ учрежденій тяжкими злоупотребленіями духовныхъ и свѣтскихъ господъ въ отношеніи къ сельскимъ и городскимъ рабамъ, и въ современныхъ социалистахъ видитъ обездоленныхъ потомковъ этихъ же самыхъ рабовъ. Намъ очень мало интересуется это различіе научныхъ, или историческихъ мифій. Мы обращаемъ вниманіе лишь на ту сторону его, по которой будто бы средневѣковыя учрежденія были наилучшими, идеальными; и народы, жившіе въ формахъ средневѣковыхъ учрежденій, были самыми довольными и самыми счастливыми. Именно это утверждаетъ папская энциклика и клерикальные католическіе

журналы почти ежедневно употребляютъ все усилія, хотя и тщетно, доказать это. Откуда протекаетъ такое грубое заблужденіе? Намъ кажется не отъ незнанія исторіи, а отъ чисто теократической точки зрѣнія. Никогда панство не достигало наибольшаго могущества, какъ въ средніе вѣка; никогда народы не находились въ большемъ подчиненіи духовенству, какъ въ это время; словомъ, никогда католическая теократія не достигала большаго развитія, какъ въ эти времена. Отсюда само слѣдуетъ, что средніе вѣка должны быть признаны идеальными и западные народы въ это время *должны были* благоденствовать. Такъ ли это однако? Конечно, нѣтъ. Теперь не сомнѣваются, что само католическое духовенство несетъ значительную долю вины во французской революціи. Если бы, напримѣръ, говорить Генри Джорджъ, французское духовенство не подставило, убаюкивая свою совѣсть, благотворительность вмѣсто справедливости, то революція и чудовищныя злоупотребленія *ancien régime* не довели бы страну до ужасовъ великой революціи ¹⁾. Справедливо поэтому замѣчаетъ о. Владиміръ Гетте: «Эти благочестивые (т. е. католическіе) журналы не хотятъ принять въ расчетъ той борьбы, которую народъ выдержалъ противъ своихъ угнетателей, и того всеобщаго народнаго движенія, которымъ условливалось разрушеніе средневѣковыхъ учреждений. Если народъ благоденствовалъ подъ средневѣковымъ режимомъ, то почему онъ домогался разрушенія его?»

Если прославлять средніе вѣка, то, повидимому, не должно имѣть ничего общаго съ современнымъ социальнымъ движеніемъ. И однако же наша въ извѣстномъ смыслѣ авторизируетъ это движеніе и дружественно протягиваетъ руку современнымъ рабочимъ. Какъ могла совершиться съ нами эта эволюція? Гдѣ скрываются ея первоначальныя корни и подъ вліяніемъ какихъ условій она развилась и возрасла?

Мы замѣтили уже, что первоначальная идея христіанскаго со-

¹⁾ Открытое письмо Генри Джорджа къ палѣ Лью XIII. См. «Сѣверн. Вѣсти.» 1892. № 1. Стр. 276.

ціализма не принадлежит папѣ; она даже не принадлежит и всей католической церкви. Ее впервые высказалъ Сень-Симонъ, основатель общества сенсимонистовъ. Въ 1825 году, въ сочиненіи своемъ «Новое христіанство» (*Nouveau christianisme*), онъ обратился къ папѣ съ слѣдующими словами: «ваши предшественники достаточно усовершенствовали теорію христіанства, они достаточно распространили ее. Теперь истинное христіанство должно сдѣлать людей счастливыми не только въ небѣ, но и на землѣ. Ваша забота должна состоять теперь въ организованіи человеческого рода сообразно съ основными началами божественной нравственности. Вы не должны ограничиваться проповѣдію вѣрующимъ только о томъ, что бѣдныя суть возлюбленные дѣти Божіи; надобно, чтобы Вы свободно и энергично воспользовались всею властію и всеми средствами воинствующей церкви для быстрого улучшенія нравственнаго и физическаго состоянія наиболѣе многочисленнаго класса людей». Папа остался глухимъ къ этому призыву; сочиненія по социальному вопросу занесли въ *Index librorum prohibitorum* и добрые католики должны были чуждаться ихъ подѣ страхомъ вѣчнаго осужденія. Эту же самую идею, хотя и нѣсколько видоизмѣненную, въ 1831 году развили затѣмъ аббатъ Ла-Мене въ своемъ сочиненіи „*Будущее*“ (*L'Avenir*). Онъ не сомнѣвался, что папа долженъ стать на сторону демократическихъ стремленій и сдѣлаться защитникомъ всѣхъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. И когда папа отказался послѣдовать его совѣтамъ, раздраженный аббатъ въ апокалиптическихъ выраженіяхъ призналъ папу и его духовенство измѣнниками Евангелія и отступниками отъ закона любви; онъ укорялъ ихъ за ихъ союзъ съ угнетателями и эксплуататорами народа и за безсердечіе въ отношеніи къ бѣднымъ и *малымъ*, которыхъ Христосъ пришелъ спасти. Тѣмъ не менѣе идея христіанскаго социализма съ папою во главѣ мало по малу стала распространяться въ католическомъ мірѣ, къ ней сочувственно отнеслись многіе зажиточные люди, она нашла себѣ защитниковъ даже въ еврейской печати. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ папѣ еврейскій банкиръ Перейра по поводу христіанскаго

соціализма: «Какимъ образомъ, писалъ онъ, церковь можетъ не понимать, что глубокое преобразование, совершающееся въ мірѣ, вмѣсто того, чтобы быть дѣломъ нечестивымъ и разрушительнымъ для христіанства, напротивъ, есть дѣло провиденціальное, есть примѣненіе христіанскихъ идей къ тому, что наиболѣе справедливо и наиболѣе возвышенно? Никогда не появлялось дѣла болѣе достойнаго для церкви и болѣе сообразнаго съ ученіемъ ея Божественнаго Учителя. Не есть ли она по самому принципу своему мать всѣхъ малыхъ и покровительница всѣхъ угнетенныхъ? Пусть вспомнитъ она свою исторію и свои преданія. Послѣ уничтоженія античнаго рабства и феодальнаго крѣпостничества, она должна заняться теперь улучшеніемъ участи современнаго рабочаго. Этимъ путемъ она восполнитъ дѣло всемірнаго искупленія (sic), которое ея Божественный Основатель выразилъ слѣдующими двумя правилами: «не возбраняйте приходить ко мнѣ малымъ» и «любите другъ друга»¹⁾. Однако это не было убѣдительно для папъ. Конечно, римская церковь всегда сознавала свое призваніе *evangelizare pauperibus* (благословствовать нищимъ); но она никогда не принимала на себя задачи устроенія временной ихъ судьбы, улучшенія ихъ соціальнаго положенія. И вотъ папы, въ виду новыхъ требованій, обращенныхъ къ нимъ, пришли въ смущеніе; они колебались. Ни Пій IX, ни Левъ XIII не хотѣли выступать на новый для нихъ путь. И только послѣ того, когда іезуиты, какъ мы видѣли, взяли это дѣло въ свои руки, Левъ XIII заявилъ себя защитникомъ рабочихъ и положилъ прочныя основы христіанскаго соціализма. Умная и расчетливая политика, хотя и своекорыстная, подсказала полезность захватить соціальное движеніе въ руки духовенства и направить его въ новую сторону. Итакъ, Левъ XIII является величайшимъ реформаторомъ своей церкви; его энциклика *de conditione operarii* (о положеніи рабочихъ) полагаетъ новый фундаментъ для возведенія новаго зданія католической церкви. Прочно ли только будетъ это новое зданіе и выстроится ли оно?..

¹⁾ Revue des Deux Mondes, ibid. p. 728.

Во всякомъ случаѣ, новымъ направлѣніемъ своей дѣятельности папа поставляетъ себя въ глубочайшее противорѣчіе съ историческимъ развитіемъ папства, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ историческимъ развитіемъ прошлой европейской жизни. Съ одной стороны, онъ хочетъ сохранить за собой все свои средневѣковыя прерогативы; онъ даже хочетъ укрѣпить и усилить ихъ; но съ другой стороны, онъ уже порываетъ свои прежнія историческія связи съ тѣми людьми, при помощи которыхъ возшелъ на высочайшую высоту власти и украсилъ свою голову тремя коронами. Въ этомъ отношеніи нынѣшняго папу сравниваютъ съ древнимъ пророкомъ Ваалаамомъ, который, будучи призванъ изречь проклятiя на новыя демократическія племена, странствующія въ наши времена по безплоднымъ европейскимъ пустынямъ, вмѣсто этого шлетъ имъ свое благословеніе и обѣщаетъ всевозможныя блага, если только они останутся безусловно покорными его власти.

Папа разрываетъ свои связи съ правящими и зажиточными классами и переходитъ на сторону демократовъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Лероа-Болле: «Римъ объявилъ, что демократія, республика, современныя социальныя формы (европейскихъ народовъ) несколько не ужасаютъ его. Онъ не боится уже улыбаться современному (демократическому) обществу; вмѣсто того, чтобы преграждать ему путь анаемами, онъ обѣщаетъ ему расчистить путь. Именно къ людямъ незнатнымъ и бѣднымъ (*petites*), къ рабочимъ, переносящимъ тяжесть дневнаго зноя, преимущественно обращается свергнутый съ престола папа; и онъ говоритъ съ ними о томъ, что наиболѣе близко къ сердцу этихъ бѣдныхъ людей, поглощенныхъ заботами жизни,—онъ говоритъ имъ о трудѣ, о платѣ, о насущномъ хлѣбѣ. Ватиканъ, пріучившій всѣхъ смотрѣть на него, какъ на неподвижный устой, въ свою очередь пришелъ въ движеніе. Само папство «идетъ въ народъ», само папство становится «народнымъ». —Какъ объяснить это странное явленіе, столь противорѣчащее всей прежней исторіи папства? Развѣ папа не знаетъ, что современныя демократическія массы рабочихъ вовсе не имѣютъ въ виду создавать или возсоздавать теократическое

царство Христа? Развѣ онъ не знаетъ, что эти массы, стремясь разрушить царства буржуазіи и капитала, хотятъ лишь создать свое социалистическое или демократическое царство? Вотъ какъ объясняетъ это явленіе тотъ же писатель, Лероа-Волье: «правда, говоритъ онъ, Римъ не можетъ игнорировать всего этого; но Римъ, не смотря на все это, имѣетъ основанія быть можетъ менѣе не довѣрять демократіи и народу, чѣмъ среднимъ классамъ и буржуазіи. Церковь римская всегда оказывала мало довѣрія ко всѣмъ легистамъ и парламентаристамъ, въ которыхъ воплотился буржуазный духъ. Она находила въ нихъ своихъ противниковъ самыхъ опасныхъ, если уже не самыхъ запальчивыхъ; она менѣе боялась грубости, безразсудныхъ вымысловъ и безразсудныхъ дѣйствій (*coups de tête et coups de main*) невѣжественныхъ массъ, чѣмъ вѣроломнаго коварства и лицемернаго уваженія людей закона. Не эти ли послѣдніе, подъ покровомъ либерализма, больше заботились о господствѣ, чѣмъ о свободѣ, обезсилили ея авторитетъ, лишили ее имущества, и что особенно больно, послѣдовательно изгнали ее изъ всѣхъ сферъ общественной жизни? Демократія съ своимъ ожесточеніемъ, съ своими стремленіями и увлеченіями; народъ съ своею грубостію и озлобленіемъ, есть варваръ, есть дикарь, если вамъ угодно; но подобныхъ варваровъ и дикарей церковь такъ много встрѣчала во время продолжительнаго своего существованія, она столь многихъ изъ нихъ крестила, что льститъ себя надеждою справиться и съ этими. Звѣрь не страшень ей, она думаетъ, что съумѣетъ укротить его» ¹⁾. Итакъ вотъ откуда возникаетъ у папы первое противорѣчіе съ современнымъ европейскимъ обществомъ; папа потерялъ довѣріе къ буржуазнымъ правительствамъ, ко всѣмъ парламентаристамъ и легистамъ; и думаетъ скорѣе достигнуть своихъ цѣлей при посредствѣ рабочихъ массъ, составляющихъ громадное большинство въ европейскихъ государствахъ. Само собою разумѣется, что и теперь папа нисколько не отказывается отъ своихъ теократическихъ мечтаній;

¹⁾ Ibid. p. 729, 731, 738.

онъ только подыскиваетъ новыхъ союзниковъ и перемѣняетъ свою воинственную тактику; онъ хочетъ перелить прежнее вино, но только въ новыя мѣхи. Еще за нѣсколько лѣтъ до изданія папской энциклики, добрые католики уже предсказывали это и говорили, что, не опасаясь произвести соблазнъ, можно предугадать, что съ папствомъ произойдетъ республиканская эволюція. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка оно часто вступало въ союзъ съ свободными общинами противъ сѣверныхъ императоровъ и южныхъ королей: такъ можетъ въ одинъ день, согласно съ отвергнутыми имъ совѣтами Ламене, «оставить королей для народа» и вмѣстѣ съ бѣдными и униженными во Христѣ перейти къ демократической политикѣ. У нея не будетъ недостатка въ евангельскихъ текстахъ, авторизирующихъ подобное превращеніе. Даже болѣе того. Ничто не запрещаетъ святому престолу воспользоваться тактикою, испытанною католиками во многихъ государствахъ, искать партію соціальныхъ метителей, обратить въ свою пользу интересы обездоленныхъ классовъ и проповѣдывать міру, во имя христіанскаго братства, экономическую революцію среди нашихъ старинныхъ обществъ. Предсказанія эти сбываются въ наши дни. Современную папскую эволюцію, не смотря на ея противорѣчіе европейскому строю общественной жизни, многіе предвидѣли, ее предсказывали, ее даже требовали многіе добрые католики.

Но противорѣчія этимъ еще не оканчиваются; папа не только, повидимому, переходитъ на сторону демократіи, но и дѣлаетъ это во имя божественнаго полномочія. Правда онъ дѣлаетъ это очень сдержанно, очень осторожно; онъ говоритъ пока лишь о томъ, что рѣшеніе рабочаго вопроса исключительно должно принадлежать церкви, т. е. папѣ; и если рѣшается допустить *«interventionisme»*, участіе въ рѣшеніи его стороннихъ *элементовъ*, то лишь какъ мѣру временную и пока неизбежную. Но дорого начало; среди католиковъ впервые раздался властный голосъ верховнаго вождя католической церкви въ пользу демократическихъ стремленій рабочихъ. *Roma locuta est*. Какъ же смотреть или какъ должны смотрѣть на этотъ голосъ добрые католики? Говорить ли

папа, какъ непогрѣшимый христіанскій учитель *ex cathedra*, или же онъ преподастъ лишь добрые совѣты и наставленія, чисто практическаго характера? Вопросъ этотъ остался еще открытымъ; но онъ требуетъ окончательнаго рѣшенія. И если одни католики, съ архіепископомъ алжирскимъ Лавижери во главѣ, усвояютъ папской энцикликѣ непогрѣшимое значеніе; то другіе утверждаютъ, что папскія рѣшенія только тогда должны быть признаваемы непогрѣшимыми, когда сопровождаются анафемами всѣмъ непокоряющимся этимъ рѣшеніямъ; и такъ какъ папа не изрекаетъ въ своей энцикликѣ никакихъ анафемъ, то голосъ его по данному вопросу не имѣетъ догматическаго характера. Впрочемъ въ настоящее время добрые католики спорятъ не о догматическомъ значеніи энциклики, а объ ея смыслѣ и правильномъ пониманіи ея ученія.

Какъ бы то ни было, папа говоритъ, что рѣшеніе рабочаго вопроса должно принадлежать церкви. Эту мысль онъ подтверждаетъ и историческими фактами изъ прежней церковной жизни и нѣкоторыми общими соображеніями. «Мы утверждаемъ безъ колебанія, говоритъ папа, что всѣ старанія людей окажутся тщетными, если только церковь останется въ сторонѣ. Лишь церковь возвыщаетъ то ученіе, почерпнутое изъ евангелія, которое можетъ положить конецъ соціальной распрѣ или, по меньшей мѣрѣ, уменьшить ее; церковь употребляетъ всѣ усилія не только просвѣтить душу, но и исправить своими правилами всю жизнь и поведеніе людей». Разсуждая о рабочихъ союзахъ, которые должны отличаться религиозно-нравственнымъ характеромъ, папа приравниваетъ ихъ къ монашескимъ орденамъ и говоритъ: «Насколько они носятъ на себѣ религиозный характеръ, они исключительно должны находиться въ вѣдѣніи церкви. Государство не имѣетъ никакого права и никакого полномочія вмѣшиваться въ ихъ внѣшнее управленіе. Напротивъ, оно обязано уважать ихъ, охранять и защищать (*vereri, conservare et injuriâ prohibere*). Въ другомъ мѣстѣ энциклики, разсуждая исключительно о католическихъ рабочихъ союзахъ, папа говоритъ: «Государство обязано подавать имъ руку помощи, но оно не должно вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла;

потому что стороннее вмѣшательство разрушительно дѣйствуетъ на ихъ внутреннюю жизнь, которая должна развиваться изъ своихъ собственныхъ началъ, т. е. религіозно-нравственныхъ» ¹⁾. Но именно эти убѣжденія папы находятся въ глубокомъ противорѣчій съ современнымъ направленіемъ европейской мысли. Справедливо то, что современный социализмъ не есть какая-то законченная и во всѣхъ подробностяхъ разработанная система общественной жизни; и церковь, въ виду злонамѣреннаго и даже анти-христіанскаго рѣшенія рабочаго вопроса, имѣетъ право заявлять свой голосъ и предъявлять свои законныя требованія. Справедливо также и то, что въ наше время наиболѣе просвѣщенные умы уже далеки отъ мысли о всемогуществѣ государства, которое одно призвано рѣшать всѣ возможные вопросы. Тѣмъ не менѣе въ наше время «на помощь рабочимъ призывается прежде всего государство, т. е. та сила, которая уничтожила крѣпостное право. Значительная часть представителей экономической науки присоединяется именно къ этому требованію общества» ²⁾. Откуда-то возникъ и слагается на Западѣ, такъ называемый «государственный социализмъ»; его-то преимущественно проповѣдуютъ германскіе профессора новой политико-экономической школы (Katheder-Socialisten). Папа думаетъ иначе. Вопреки государственному социализму, онъ говоритъ о «христіанскомъ социализмѣ», хотя и не употребляетъ этого названія. Итакъ существуетъ-ли какой-то «христіанскій социализмъ»? До сихъ поръ христіанство не слышало ничего подобнаго. Даже въ католическомъ мірѣ выраженіе это до сихъ поръ вызывало сильнѣйшіе протесты. Не далѣе какъ прошлою осенью, Брюссельскій адвокатъ Дюмонсо, на католическомъ конгрессѣ въ Миланѣ, предлагалъ католикамъ не быть враждебными къ социализму и не страшиться этого слова; но его предложеніе вызвало сильнѣйшіе протесты со стороны каноника Винтерера и епископа Гюльста. Послѣ бурныхъ диспутовъ, конгрессъ принялъ слѣдующее рѣшеніе Гельпота, профессора Лувенскаго католическаго университета:

¹⁾ Randschreiben et cet. S. 70, 74.

²⁾ «Экономическая жизнь и церковь» *тамъ-же*, стр. 645 и 6.

«Христiанскій социализмъ, сказалъ онъ, основывается на принципахъ, отвергаемыхъ всеми социалистами; чтобы употреблять это выраженiе, надобно было бы измѣнить смыслъ слова. Но уже очень поздно это дѣлать: Карлъ Маркъсъ, Бебель, Либкнехтъ утвердили этотъ смыслъ. Можно сожалѣть, что оно досталось на ихъ долю; какъ я, съ своей стороны, сожалѣю, что слово либерализмъ досталось на долю либераламъ: но эти сожалѣнiя бесплодны. Слово демократiя, напротивъ, присвоили профессоръ, не конфисковано еще, и такъ какъ оно выражаетъ идею очень сообразную съ Евангелiемъ, то мы принимаемъ его и думаемъ, что будемъ правы» ¹⁾. Но дѣло не въ выраженiяхъ. Назовутъ-ли католики идеи папской энциклики «христiанскимъ социализмомъ» или «христiанскимъ демократизмомъ», самыя идеи отъ этого нисколько не перемѣняются своего характера. Что же это за идеи? Это прежде всего идея ненормальныхъ условiй жизни рабочихъ и ихъ хозяевъ; идея ихъ взаимнаго недовѣрiя, антагонизма, вражды и пр. Если бы папа ограничился въ своей энцикликѣ примѣненiемъ христiанской нравственности къ ненормальнымъ условiямъ общественной европейской жизни, тогда ничего не могло бы быть лучше. Никто лучше папы не долженъ сознать глубокаго противорѣчiя между нравственными христiанскими идеалами и осуществленiемъ ихъ въ общественной европейской жизни. И если-бы папа, какъ моралистъ, ограничился указанiемъ лишь на это противорѣчiе: тогда его авторитетный голосъ могъ бы быть выслушанъ съ должнымъ вниманiемъ не только католиками, но и протестантами, равно какъ и всеми искренними христiанами. Но не то происходитъ съ папою: онъ мѣняетъ кафедру моралиста на кафедру политико-эконома; онъ хочетъ создать для христiанскаго мiра новую политико-экономическую науку въ новомъ евангельскомъ духѣ. И вотъ при этомъ случаѣ ему приходится оставлять твердую христiанскую почву моралиста и для доказательства своихъ положенiй ссылаться то на неустойчивое естественное право, то на спорныя поли-

¹⁾ *Revue des Deux Mondes*, *ibid.* p. 753.

тико-экономическія теоріи, то, наконецъ, прибѣгать къ выраженіямъ слишкомъ общимъ, неопредѣленнымъ и двусмысленнымъ; потому что нѣтъ единой Христіанской политико-экономической науки, какъ нѣтъ христіанской химіи, христіанской физики, христіанской физиологіи и т. п. Но наша полагаетъ основы христіанской политико-экономической науки. Какъ смотрѣть на это? Попытки создать христіанскую социальную экономію не составляютъ новости среди христіанскихъ народовъ; онѣ существовали и существуютъ, какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ; но онѣ страдаютъ однимъ кореннымъ недостаткомъ: онѣ хотятъ примирить служеніе Христу съ служеніемъ міру, соединить работу Богу съ работою мамонѣ, а потому впадаютъ въ глубокое противорѣчіе и другъ съ другомъ и съ христіанскимъ нравоученіемъ. Папская энциклика по рабочему вопросу тоже не избѣгаетъ этого противорѣчія. Прекрасно поэтому говорить Лероа-Болье: «Сколь многіе свѣтскіе люди убѣждены, будто Евангеліе пропикнуто социализмомъ! И атеисты Прудона, и еврея Маркса почти признаютъ безсознательными учениками Іисуса. Но здѣсь сказывается глубокое недоразумѣніе. То, что называютъ Евангельскимъ социализмомъ, не только не похоже на извѣстный намъ социализмъ, но даже противоположно ему. Христіанскій социализмъ порожденъ самоотверженіемъ, а не страстію; онъ имѣетъ своимъ принципомъ отрпцаніе, а не жажду богатствъ. Мнимый евангельскій социализмъ есть социализмъ монастырей и первый параграфъ его есть обѣтъ бѣдности. Вотъ единственный социализмъ, который можетъ осуществиться и существовать; но это не тотъ социализмъ, о которомъ мечтаетъ нашъ вѣкъ. Съ обѣтомъ бѣдности общеніе имуществъ перестаетъ быть утопіей. Легко обезпечить мирное житіе маленькихъ (монастырскихъ) общинъ, въ которыхъ каждый членъ съ радостію лишаетъ себя всего, чѣмъ онъ владѣетъ. Монастырская община, основанная на евангельскомъ общеніи имуществъ, является прямою противоположностію химерической эгалитарной общинѣ, къ которой стремится современный социализмъ. Монастырскій социализмъ основывается на жертвѣ, на любви и

на свободномъ повиновеніи; современный же социализмъ зиждется на алчности и зависти, и своимъ архитекторомъ можетъ имѣть только принужденіе. Такимъ образомъ, социализмъ, вмѣсто того, чтобы быть осуществленіемъ христіанскаго идеала, можетъ сопровождаться только разрушеніемъ всей социальной экономіи христіанской»¹⁾.

Да и самый христіанскій социализмъ, о которомъ говоритъ папа и который имѣетъ своихъ представителей въ различныхъ католическихъ странахъ стараго и новаго свѣта и преимущественно въ Англіи, папская энциклика тоже понимаетъ съ своей исключительной точки зрѣнія. Папа не довольствуется уже призываніемъ къ энергической дѣятельности представителей церкви по рабочему вопросу къ помощи бѣднымъ и обездоленнымъ; онъ хочетъ рѣшить социальный вопросъ на новыхъ христіанскихъ началахъ; онъ требуетъ, чтобы этотъ вопросъ находился исключительно въ рукахъ духовенства. Онъ признаетъ этотъ вопросъ внутреннимъ вопросомъ своей церкви и предлагаетъ мѣры полухристіанскія и полусоциалистическія. Такимъ образомъ самъ папа не избѣгаетъ упрека въ *социализмъ*. Именно англійскіе экономисты упрекаютъ его въ этомъ, говоря, что папа своими воззрѣніями весьма близко прижимается къ умѣренной партіи социалстовъ; а по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, именно по вопросу о стачкахъ рабочихъ, онъ производитъ даже соблазнъ крайностію выводовъ и заключеній теорій христіанскаго социализма. Отсюда возникаетъ новая опасность для католической церкви; папа открываетъ, или, по крайней мѣрѣ, своимъ авторитетомъ освящаетъ новую борьбу въ пѣдрахъ своей церкви; и на этотъ разъ не противъ только однихъ свѣтскихъ правительствъ, но и противъ всѣхъ тѣхъ, которые не могутъ раздѣлять его теократическихъ воззрѣній. Папа полагаетъ, что его церковь можетъ сдѣлать все при рѣшеніи рабочаго вопроса. Но это жестокое заблужденіе. «Почему же, спрашиваетъ о. Владиміръ Гетте, до сихъ поръ въ сущности она созы-

¹⁾ Revue des Deux Mondes, *ibid*, p. 756.

вала только католическіе конгрессы и высказывала безполезныя разсужденія, на которыхъ ея ораторы постоянно повторяли одно и то же? Церковь эта можетъ привлечь милліоны и милліоны денегъ; почему же до сихъ поръ она не приобрѣтала ихъ въ пользу рабочихъ? Въмѣсто того, чтобы прійти къ нимъ на помощь, она эксплуатировала ихъ всевозможными способами. Папа, превознося свою церковь, свои доктрины и свои социальныя дѣйствія, высказываетъ теорію, противъ которой будутъ протестовать всѣ знающіе папскую церковь». Въ самомъ дѣлѣ, когда утверждаютъ, что католическая церковь и призвана, и можетъ рѣшить рабочій вопросъ; тогда въ то же время должны показать, почему церковь эта ничего, или почти ничего не дѣлала до сихъ поръ; и преимущественно, почему она ничего не дѣлала въ средніе вѣка, когда обладала полнотою власти? Между тѣмъ именно въ эти времена простой народъ былъ наиболѣе бѣднымъ и былъ погруженъ въ глубокій мракъ невѣжества. А потому не должны ли опасаться, что съ возвращеніемъ римскому духовенству полноты власти, воскреснутъ и средніе вѣка, хотя, быть можетъ, и въ новой формѣ? Опасенія эти имѣютъ основанія; и они распространены не только въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, но и среди рабочихъ классовъ народа.

XI.

Теократическая точка зрѣнія, такъ послѣдовательно и такъ логически развиваемая папою въ энцикликѣ примѣнительно къ социальнымъ условіямъ жизни, нерѣдко поставяетъ его въ противорѣчіе не только съ общераспространенными воззрѣніями на условія этой жизни, но и съ господствующими юридическими и христіанскими понятіями современныхъ народовъ. Представимъ наиболѣе выдающіеся примѣры. Папа въ сильныхъ и энергичныхъ выраженіяхъ порицаетъ коммунистическія теоріи. Это прекрасно. Въ наше время коммунистическія теоріи служатъ только указаніемъ, до какихъ нелѣпостей можетъ доходить умъ человѣческій подъ вліяніемъ гордости, самооболащенія и страстнаго увлеченія, или ослѣпленія. Но когда энциклика, отвергая коммунизмъ, про-

должасть утверждать, что все блага земныя принадлежать «сообща» всемъ людямъ и слѣдовательно, все люди имѣють одинаковыя права на эти блага; то не поддерживаетъ ли она одною рукою то, что другою разрушаетъ? «Какъ часть и цѣлое (смыслается наша на слова Фомы Аквината) суть въ некоторомъ смыслѣ тождественны, такъ часть можетъ въ некоторомъ отношеніи требовать того, что принадлежитъ цѣлому». Или еще: «человѣкъ не долженъ смотрѣть на свои мірскія блага лишь какъ на свои собственные, но какъ на общія всемъ, чтобы быть въ состояніи подѣлиться ими съ тѣми людьми, которые находятся въ нуждѣ... Правда, наша говоритъ при этомъ только объ общихъ правахъ, принадлежащихъ всемъ людямъ, а не о фактическомъ владѣніи, которое принадлежитъ уже немногимъ; но и въ этомъ ограниченномъ видѣ, такое ученіе подастъ опору коммунизму, и не можетъ выдержать строгой критики. Христіанство говоритъ намъ о томъ, что Богъ есть верховный раздатель и временныхъ и вѣчныхъ благъ, что Онъ убожить и богатить, возвышаетъ и унижаетъ; но оно никогда не говорило и не можетъ говорить о всеобщей равноправности въ социальномъ отношеніи. Правда, даѣе, теократическая равноправность, судя по энцикликѣ, не то же, что социальное равенство. Наша отвергаетъ социальное равенство въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ и объявляетъ неравенство слѣдствіемъ первороднаго грѣха; но признаніе теократической равноправности *от возможности* и отрицаніе равенства въ *социальной действительности* несколько не рѣшаетъ рабочаго вопроса. Рабочіе домогаются дѣйствительной, а не возможной равноправности. Что же можетъ сдѣлать римско-католическая церковь для рабочаго въ этомъ направленіи? Ровно ничего. А это еще разъ доказываетъ, что наша энциклика задалась цѣлію рѣшить такой вопросъ, который не подтежеть ей вѣдѣнію.

Но этого мало. Именно изъ высказаннаго нами положенія вытекаетъ, что «право болѣе настоятельно, нежели договоръ». Это значитъ, что отношенія между рабочимъ и хозяиномъ должны основываться не на свободномъ договорѣ, а на теократической равно-

правности, или лучше—на требованіяхъ природы, болѣе настоятельныхъ и древнихъ, нежели всякій договоръ между однимъ и другимъ человѣкомъ. А это въ свою очередь значить, что вознагражденіе должно опредѣляться не договоромъ, а дѣйствительными потребностями договаривающихся. Такимъ образомъ, если рабочій, побуждаемый крайнею нуждою, страхомъ бѣдности или другими обстоятельствами, принимаетъ условія договора, не соответствующія дѣйствительнымъ потребностямъ его: тогда при заключеніи договора нарушено право, нѣтъ справедливости и рабочій является жертвой насилія и жестокости. Что же дѣлать при подобномъ положеніи дѣлъ? Энциклика не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ; она только рекомендуетъ устройство посредническихъ бюро или обществъ; а если эти средства окажутся неэффективными, тогда нужно будетъ прибѣгать къ какимъ-либо другимъ мѣрамъ. Но какими же? Энциклика оставляетъ вопросъ безъ отвѣта. Очевидно, правильное и справедливое рѣшеніе этого вопроса можетъ принадлежать только государству. А это снова доказываетъ, что рѣшеніе рабочаго вопроса не должно быть усвояемо церкви, если только церковь не мечтаетъ превратиться въ какое-то самодѣльное государство.

Папа вполне освящаетъ своимъ авторитетомъ право собственности и выражаетъ желаніе, чтобы каждый членъ католической церкви владѣлъ необходимою собственностію (жилищемъ, землею, сбереженіемъ и пр.). Это прекрасно. Въ подтвержденіе своего ученія онъ ссылается какъ на откровенный законъ, такъ и на *естественное право* каждого человѣка.—Быть можетъ, надобно было бы кое-что возразить противъ пресловутыхъ естественныхъ правъ человѣка; но вообще въ этомъ отношеніи папа согласенъ со многими экономистами, которые собственность признаютъ естественнымъ восполненіемъ человѣческой личности и основу ея полагаютъ въ трудѣ и сбереженіи. Законность собственности папа подтверждаетъ естественнымъ правомъ, а также индивидуальнымъ, семейнымъ и общественнымъ интересомъ. Можно также согласиться и съ тѣми папскими воззрѣніями, по которымъ онъ не признаетъ правъ собственности въ абсолютномъ, римскомъ смыслѣ въ отно-

шенія къ имуществу излишнему, незаконно пріобрѣтенному и опасному для общественнаго благосостоянія. Во всякомъ случаѣ, кромѣ удовлетворенія насущныхъ потребностей, папа принимаетъ въ расчетъ условія приличія, требованія общественнаго положенія, сохраненіе и развитіе вліянія и т. п., что было бы невозможно безъ извѣстнаго обилія средствъ. Но въ папскихъ воззрѣніяхъ на право собственности есть одна черта, которая можетъ подвергаться сильному пререканіямъ. Папа справедливо говоритъ, что право владѣть частною собственностію протекаетъ отъ природы, а не отъ человѣка, и государство можетъ только упорядочивать пользованіе имъ въ интересахъ общественнаго блага, а не отмѣнять его. Но въ тоже время папа признаетъ права собственности вполне независимыми отъ государства на томъ основаніи, что собственность появляется прежде возникновенія государства. Государство является наслѣдникомъ уже развитой собственности; поэтому государство призвано охранять, защищать и возстановлять нарушенныя права собственности; но оно не имѣетъ права вмѣшиваться въ нихъ, ограничивать ихъ, видоизмѣнять, отмѣнять и т. п. Очевидно, что въ данномъ случаѣ папа намѣренно или не намѣренно смѣшиваетъ два различныя юридическія термина, а именно: фактическое владѣніе и гражданское право собственности. Но право собственности опредѣляется не нашимъ индивидуальнымъ отношеніемъ къ фактическому владѣнію, а отношеніемъ къ цѣлому обществу, узаконяющему право собственности. Признакъ организованной защиты служитъ существеннымъ моментомъ въ понятіи всякаго права; поэтому право собственности на самомъ дѣлѣ возникаетъ только тогда, когда гражданское общество принимаетъ фактическое владѣніе подъ свою защиту и узаконяетъ имущественное владѣніе на основаніи юридическаго правила: *Suum cuique*. Во всякомъ случаѣ, если не матеріальное, то формальное право появляется только съ возникновеніемъ государства. Папа смотритъ на это дѣло иначе. Почему же? Потому что, согласно съ своею абсолютистическою точкою зрѣнія, существеннымъ моментомъ права собственности, какъ и всякаго другого

права, онъ признаетъ не организованную защиту со стороны гражданскаго общества, а теократическую или нравственную оцѣнку этихъ правъ. Иное дѣло право владѣть имуществомъ, а иное дѣло правильно употреблять его. Все же подпадающее этой последней оцѣнкѣ по своимъ глубочайшимъ основамъ должно находиться въ вѣдѣніи папы и его ближайшихъ агентовъ епископовъ. Конечно, нельзя думать, чтобы подобныя воззрѣнія могли найти распространеніе даже въ вѣдрахъ католическихъ государствъ. Отсюда же возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ понятій, съ которыми тоже не можетъ согласиться современная намъ юридическая наука.

Если права собственности должны быть упрочены, обеспечены и сохранены навсегда, и если владѣльцы собственности должны быть увѣрены въ неприкосновенности своихъ правъ, то, въ свою очередь, и рабочіе должны пользоваться свободою проявленія своихъ правъ, полною защитою и покровительствомъ при осуществленіи этихъ правъ. Папа именно это и утверждаетъ въ своей энцикликѣ. Но гдѣ же границы свободному проявленію этихъ правъ? Гдѣ предѣлы осуществленію ихъ? Если всѣ люди имѣютъ одинаковыя права на блага міра, а въ отношеніи къ самымъ правамъ нѣтъ различія между богатымъ и бѣднымъ, какъ утверждаетъ это энциклика; тогда кто скажетъ рабочему: «ты не долженъ желать большаго, чѣмъ сколько имѣешь, или, чѣмъ сколько тебѣ дано». Христіанское правило: «имѣя нищу и одежду, будемъ довольствоваться этимъ», совершенно не удовлетворительно съ точки зрѣнія папской энциклики. Да и самъ папа говоритъ, что по его высшей евангельской теоріи, кромѣ матеріальныхъ интересовъ рабочихъ, существуютъ еще духовныя и умственныя, которые должны выступить на первый планъ и должны вызвать особенное къ себѣ вниманіе, какъ самихъ рабочихъ, такъ и ихъ хозяевъ. Именно поэтому энциклика говоритъ, что ни рабочіе, ни хозяева не имѣютъ права устанавливать такія условія договора, которыя вредятъ духовнымъ и умственнымъ интересамъ рабочихъ и принижаютъ ихъ человѣческое достоинство. Но если существуетъ надобность защищать бѣдныхъ рабочихъ отъ жестокосердія жад-

ныхъ предпринимателей: то не можетъ ли открыться болѣе настоятельная надобность спасать самихъ предпринимателей отъ непомѣрнаго предъявленія правъ со стороны рабочихъ и отъ ихъ завистливыхъ притязаній на все блага, какъ матеріальныя, такъ и духовныя? Энциклика не достаточно освѣщаетъ эту сторону дѣла, а между тѣмъ эта сторона тоже имѣетъ очень важное значеніе. Во всякомъ случаѣ можно думать, что рабочіе, проникнутые сознаниемъ своихъ правъ, будутъ добиваться не только возвышенія заработной платы, но и достиженія всехъ духовныхъ и интеллектуальныхъ благъ, именно во имя этихъ же правъ, и такъ или иначе будутъ принуждать хозяевъ удовлетворить ихъ требованію; самъ папа оправдываетъ ихъ домогательства во имя этихъ правъ. Папа предполагаетъ, что существуетъ справедливый размѣръ вознагражденія, которое хозяева должны желать уплачивать, а рабочіе должны желать довольствоваться. Но такъ ли это? Немного надобно для того, чтобы убѣдиться, что всегдашнее недовольство составляетъ основную черту человѣческой природы, которая, правда, возвышаетъ человѣка надъ всеми животными и служить однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ человѣческаго прогресса; но она же ведетъ его и къ величайшимъ злоупотребленіямъ. Именно изъ этого кореннаго свойства человѣческой природы и возникаетъ невозможность установить размѣръ взаимныхъ справедливыхъ требованій со стороны рабочихъ и хозяевъ. Какой бы ни былъ установленъ размѣръ этихъ отношеній между ними, онъ всегда будетъ представляться то той, той другой сторонѣ ниже справедливаго. Вообще мысль о томъ, что существуютъ какія-то врожденные человѣку права на трудъ, на справедливое вознагражденіе за него и на все блага міра, сближаетъ папскую энциклику съ социалистическими теоріями и подвергаетъ ее упрекамъ въ социализмъ даже со стороны нѣкоторыхъ политико-экономовъ.

Но самое главное противорѣчіе теократической точки зрѣнія съ существующимъ порядкомъ жизни состоитъ въ томъ, что папа усволяетъ себѣ большую свободу въ отношеніи къ гражданскимъ постановленіямъ и узаконеніямъ, т. е. усвоетъ себѣ право со-

глашаться съ ними или не соглашаться, одобрять ихъ или отвергать. Конечно папа признаетъ появленіе, развитіе и продолженіе государственной жизни, совершающимися подъ управленіемъ божественнаго промысла. Папа учитъ, что владѣть Вышній царствами человѣческими и кому хотѣть дать ихъ; Его силою царствуютъ царь и сильные иишуть правду. Сообразно съ этимъ онъ утверждаетъ, что имѣть власти, *еще не отъ Бога*; а потому повиненіе этимъ властямъ столько же обязательно для добраго католика, какъ и для всякаго другаго христіанина. Именно эти истинны папа развиваетъ въ своей энцикликѣ отъ 10 января 1890 г. (*Über die wichtigsten Pflichten christlicher Bürger*). Тѣмъ же менѣе въ своей энцикликѣ по рабочему вопросу онъ говоритъ уже, что государственные законы и постановленія на столько обязательны, на сколько согласны съ разумомъ и съ вѣчнымъ закономъ Божиимъ (*Eatenus obtemperandum legibus, quoad cum recta ratione adeoque cum lege Dei sempiterna consentiant*). И въ подтвержденіе истинности своихъ убѣжденій папа ссылается на слѣдующія слова Тома Аквината: «человѣческій законъ настолько имѣетъ свойства (rationem) истиннаго закона, насколько бываетъ согласенъ съ разумомъ; и соотвѣтственно съ этимъ выводится изъ вѣчнаго закона. Но кѣмъ скоро онъ уклоняется отъ разума, тогда называется несправедливымъ закономъ и пріобрѣтаетъ свойство (rationem) не закона, но нѣкотораго насилія» (*S. Thom. Summ. Theol. I. 11 qu. 93 a. 3 ad. 2*). Итакъ согласіе съ разумомъ и логическая выводимость изъ вѣчнаго закона—вотъ существенные признаки истиннаго закона, всѣ же другіе признаки не имѣютъ въ глазахъ папы важнаго значенія. Надобно согласиться, что это очень свободное толкованіе авторитетности человѣческихъ или государственныхъ законовъ; оно никакъ не мирится, напримѣръ, съ слѣдующимъ юридическимъ положеніемъ: *«dura lex, sed lex»* (тяжелый законъ, но законъ). Мы ничего уже не говоримъ о томъ, что подобное толкованіе предоставляетъ католическому духовенству, или, по крайней мѣрѣ непогрѣшному папѣ, широкое право опредѣлять согласіе или несогласіе даннаго гражданскаго закона съ

разумомъ и логическую выводимость или невыводимость его изъ вѣчнаго закона. Правда, пана ничего не говоритъ о томъ, надобно ли, или не надобно повиноваться гражданскимъ законамъ, съ католической точки зрѣнія, не согласнымъ съ разумомъ и съ вѣчнымъ закономъ. Но это въ виду вышеприведенныхъ оснований само собою понятно. По мнѣнію, напримѣръ, французскихъ епископовъ повиновеніе подобнымъ законамъ и правительственнымъ распоряженіямъ для католиковъ не обязательно. Когда французскій министръ исповѣданій Фаллиеръ запретилъ въ недавнее время устранять наломничества рабочихъ и отправляться въ Римъ безъ разрѣшенія правительства; то архіепископъ Московскій Гутъ-Сударъ рѣшительно отказался подчиниться правительственному распоряженію и въ письмѣ къ министру заявилъ, что онъ не можетъ смотрѣть на церковь—не болѣе какъ на собраніе католиковъ, которымъ разрѣшается соединяться въ общества для отправленія религіозныхъ обязанностей подобно всякому иному обществу гражданъ; а на себя, епископа, не можетъ смотрѣть какъ на чиновника административнаго вѣдомства, подчиненнаго министру исповѣданій на равнѣ со всѣми другими чиновниками этого же вѣдомства. А епископъ аннесійскій Изоларъ писалъ министру: «Для васъ не существуютъ интересы, создаваемые религіозными отношеніями, и потому вы не считаете нужнымъ существованіе права, охраняющаго эти интересы въ томъ видѣ, какъ они понимаются католиками. Но мы требуемъ законнаго признанія нашихъ интересовъ, какъ католиковъ, мы требуемъ признанія вытекающихъ изъ нихъ правъ. Это требованіе всегда и вездѣ отстаивалось епископами католической церкви и когда они убѣждались, что вѣра христіанская находится въ опасности, они поступали всегда согласно велѣнію апостольскому—не повиноваться людямъ болѣе, чѣмъ Богу. Я надѣюсь, что мы не будемъ вынуждены къ выбору между повиновеніемъ законамъ человѣческимъ и закону Божію». Такимъ образомъ теократическая точка зрѣнія уполномочиваетъ добрыхъ католиковъ не только относиться критически къ гражданскимъ постановленіямъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и положительно от-

рицать ихъ. Во Франціи, наиримѣрь, дѣло обострилось до того, что уже стали говорить о полномъ разрывѣ между церковію и государствомъ; и только, благодаря разумнымъ мѣрамъ папы, разрыва не послѣдовало. Когда французскіе епископы, воодушевленные папскою энцикликою, открыли настоящую агитацію противъ республиканскаго правительства Франціи, папа поспѣшилъ издать новую энциклику для огражденія республиканскаго правительства отъ нападокъ французскаго духовенства. Въ новой своей энцикликѣ папа говоритъ, что «всякая форма правленія хороша, лишь бы она сносились общему благу. Коль скоро правительство установлено законнымъ образомъ, то всѣ граждане обязаны признавать его и ничего не предпринимать съ цѣлію произвести перемѣну въ формѣ правительства. Этой политики церковь постоянно держалась, что бы тамъ ни утверждали ея клеветники». Прекрасно. Но какъ же быть съ тѣми правительственными постановленіями, которыя не только идуть противъ теократическихъ мечтаній католическаго духовенства, но перѣдко и противъ существенныхъ требованій христіанства? «Надобно, говоритъ папа, различать установленныя власти отъ законодательства, которое бываетъ хорошимъ или дурнымъ, смотря по тому, какими принципами проникнуты законодатели. Законныхъ властей должно слушать и уважать, но никакъ нельзя одобрять законодательныхъ мѣръ, враждебныхъ религіи и Богу. Надобно помогать исполненію законовъ, но въ тоже время не должно угрожать существующей конституціи» ¹⁾. Отвѣтъ уклончивый и неопредѣленный. Во всякомъ случаѣ, папа открыто высказывается противъ новаго ультрамонтанскаго ученія, которое, подъ маскою христіанской теократіи, дѣлалось въ нѣкоторомъ родѣ ученіемъ революціоннымъ». Въ этомъ нельзя не видѣть благоразумной умѣренности папы и даже его глубокаго политическаго такта. Безъ сомнѣнія, иначе поступилъ бы покойный папа Пій IX, который подъ вліяніемъ своихъ теократическихъ притязаній разошелся

¹⁾ «Нов. Вр.» 1892 г. № 5733.

почти со всѣми европейскими правительствами. Но въ сущности почему папа дѣлаетъ эту уступку? Это объяснить уже въ Парижѣ французскимъ монархистамъ и роялистамъ папскій нунцій Феррати, сказавши имъ: «А можете ли вы и ваши друзья давать церкви по 50 милліоновъ франковъ въ годъ, какъ даетъ ихъ республиканское государство?» Вотъ сущность папской уклончивости и неопредѣленности. Такимъ образомъ папа рѣшительно не хочетъ открытой борьбы своего духовенства съ республиканскимъ правительствомъ; онъ ясно видитъ убыточность этой борьбы и ея неблаговременность. Но значитъ ли это, что онъ уже отказывается отъ своихъ теократическихъ прерогативъ?...

К. Истоминъ.

(Окончаніе будетъ).

РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОСОЗЕРЦАНІЕ ИСТОРИКОВЪ ГРЕЦІИ:

Геродота, Фукидида и Ксенофонта, въ отношеніи къ идеѣ Божества, по сравненію съ таковымъ же міросозерцаніемъ другихъ древнѣйшихъ греческихъ историковъ.

(Продолженіе *).

3. Теперь спрашивается: какое ученіе о существѣ и свойствахъ Божіихъ можно извлечь изъ исторіи Фукидида? Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи Фукидидъ мимоходомъ затрагиваетъ вопросъ о постижимости Божества для нашего разума. Именно, въ разговорѣ аеинянъ съ мелійцами аеиняне говорятъ между прочимъ: „относительно Божества мы догадываемся, относительно же человѣка знаемъ навѣрное“ (τὸ τε θεῶν δοῦναι, τὸ ἀνθρώπων τε σαφές, V, 105). Однако во многихъ мѣстахъ своего историческаго труда Фукидидъ вызываетъ изъ своего религіознаго сознанія многіе признаки понятія о Богѣ, какъ уже данные, безъ особеннаго усилія создать ихъ собственнымъ размышленіемъ. Такъ, прежде всего, мы считаемъ нужнымъ сказать, что Фукидидъ нигдѣ не допускаетъ, подобно тому, какъ то иногда допускаетъ Геродотъ, чтобы ставить что-либо выше Божества, напр., хотя бы судьбу. Напротивъ, вездѣ, гдѣ онъ упоминаетъ о судьбѣ (называя ее τύχη), онъ или подчиняетъ ей только человѣка, или ее саму подчиняетъ Божеству. Такъ, напр., Гермократъ въ своей рѣчи къ сицилійцамъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „я не настолько глупъ и неуступчивъ, чтобы считать себя одинаково власт-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», № 10-й, 1892 г.

нымъ и надъ своимъ рѣшеніями и надъ судьбою, которою я не располагаю (*καὶ ἥ οὐκ ἄρχω τύχης*), и думаю, что необходимо поступаться, сколько слѣдуетъ" (IV, 64)¹⁾. Съ другой стороны, въ переговорахъ между афинянами и мелійцами ясно высказывается мысль, что между тѣмъ какъ люди „безсильны, зависятъ отъ одного мановенія судьбы" (V, 103), Божество само управляетъ судьбою. „Мы вѣруемъ (*πιστεύομεν*), что судьба, управляемая Божествомъ (*τῇ μὲν τύχῃ ἐκ τοῦ θεοῦ*), не допустить нашего пораженія“, говорили мелійцы (V, 104, срав. гл. 112). Затѣмъ и въ связи съ тѣмъ, изъ того, что Фукидидъ ясно противопоставляетъ въ человѣкѣ тѣло духу, какъ превосходнѣйшей части въ составѣ человѣка, нужно думать, что онъ имѣлъ представленіе и о духовности существа Божественнаго, конечно настолько же высшей, насколько выше человѣка само Божество²⁾. Именно, еще въ началѣ своей исторіи Пелопонесской войны Фукидидъ, сообщая о постоянномъ развитіи непріязненныхъ отношеній между афинянами и лакедемонянами (спартацами), въ рѣчи коринфянъ къ послѣднимъ проводитъ между прочими слѣдующую мысль о первыхъ: „тѣло (*σῶμα*) свое они отдаютъ за родину такъ, какъ будто оно вовсе не принадлежитъ имъ; напротивъ, духъ (*τῇ ψυχῇ*) берегутъ какъ не отъемлемую собственность для государства, для служенія ему" (I, 70). При всемъ томъ историкъ не любитъ такъ много распространяться о Божествѣ, этомъ духовномъ, высшемъ Существомъ, какъ Геродотъ. Изъ свойствъ ума Божія слабый намекъ на *всеобщіе* можно находить лишь въ его сообщеніяхъ объ оракулахъ и ихъ вѣщаніяхъ, при чемъ онъ самые оракулы именуетъ прямо Божествомъ (*ὁ θεός*, I, 126 и др.), ближе всего, конечно, разумѣя то Божество (главнымъ образомъ Аполлона), отъ котораго исходятъ оракулъ (срав. I, 25, 28, 103, 118, 123, 126, 134, 135; II, 17, 54; III, 92; V, 16, 32; VIII, 1). Другія указанія Фукидида отно-

¹⁾ Срав. выше приведенныя слова рѣчи Перикла изъ II, 64.

²⁾ И это тѣмъ болѣе, что между Божествомъ и людьми стоятъ еще герои и полубоги, которые, по словамъ Θεопомпа, по природѣ ниже Бога, по вышестепенности и силѣ — *θεοὶ μὲν ἀφαιστέτερος* — рѣшь о Силѣ — *τὴν φύσιν, ἀνθρώπου δὲ κραίτερον καὶ θανάτου ἤν*). См. отрыв. 76, стр. 290 Muller. I.

сятся главнымъ образомъ къ свойствамъ воли Божіей. Такъ, ближе всего, *свободу* воли Божіей Фукидидъ указываетъ въ наименованіи Зевса „Освободителемъ“ (ἐλευθεριος), которому греки совершали жертвоприношеніе на Платейской площади по освобожденіи Еллады отъ мидянъ, т. е. персовъ (II, 71). Затѣмъ *осеомощество* воли Божіей указывается у Фукидида въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится или о вседержительствѣ Божіемъ или о невидимой помощи Божіей людямъ при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ сила человѣческихъ однѣхъ недостаточно было бы для совершенія какого-либо дѣла. Такъ напр., царь Спартанскій Арандаты въ молитвѣ своей вызываетъ: „вѣхъ боги, властвующіе (θεοὶ ὅσοι... ἔχετε) въ Платейской землѣ, и герои будьте свидѣтелями“ и пр. (II, 74). Въ другомъ случаѣ спартанскій полководецъ Бразидъ, при осадѣ города Лекнеа, гдѣ было святилище Аѳины, по взятіи города приступомъ, „полагая, что укрѣпленіе это взято не человѣческими средствами (ἀλλὰ τινὶ τρόπῳ ἢ ἀνθρώποις), пожертвовалъ тридцать мишь богинѣ (τῇ θεῷ) въ ея святилище, стѣны Лекнеа срылъ, мѣсто очистилъ отъ построекъ и все посвятилъ Божеству“ (IV, 116). Иначе сказать, Бразидъ признавалъ, что лишь съ помощію Божества онъ взялъ городъ съ его укрѣпленіемъ. Еще яснѣе о такой помощи свыше высказывается у Фукидида въ самомъ началѣ его исторіи Пелопоннесской войны. Предъ началомъ этой войны Лакедемоняне, хотя уже и рѣшили воевать съ Аѳинянами, однако „послали еще въ Дельфы спросить Божество (τὸν θεόν, т. е. Аполлона), выгодна ли будетъ для нихъ война. Какъ рассказываютъ,—добавляетъ Фукидидъ,—Божество отвѣчало, что они одержать побѣду, если воевать будутъ по мѣрѣ силъ; само же Оно. будетъ ли признано, или нѣтъ, станетъ побороть за нихъ“ (ἐκλήψεσθαι, I, 118). И далѣе Коринѳяне, вызывая Лакедемонянъ на войну съ Аѳинянами, говорили имъ въ своей рѣчи: „Идите смѣло на войну... потому что Божество одобрило ее и обѣщало помогать вамъ“ (гл. 123). Исходъ войны, въ которой Лакедемоняне, какъ извѣстно, одержали верхъ надъ Аѳинянами, сломивъ ихъ могущество и униживъ гордость, показалъ, что обѣщаніе Божества было не ложно и

сила Его не оборима для человѣческаго могущества, хотя бы и въ совокупныхъ силахъ выступавшаго на борьбу съ тѣми, за которыхъ поборола Божество. - Всемогущество воли Божіей Ѳукидидъ нерѣдко связываетъ съ *правосудіемъ* ея, преимущественно карающимъ. Такъ напр. въ послѣднемъ приведенномъ отрывкѣ рѣчи Коринѳянъ къ Лакедемонянамъ полный составъ словъ его таковъ: „идите смѣло на войну по многимъ причинамъ: и потому, что Божество одобрило ее и обѣщало помогать вамъ, и потому, что остальная Еллада будетъ на вашей сторонѣ частію изъ страха, частію ради выгоды. Къ тому же не вы первые нарушите договоръ, который признаетъ поруганнымъ и Божество, когда велитъ воевать (*ὅς, τ. ε. σπονδὰς, καὶ ὁ θεὸς καλεῶν πολεμεῖν νομίζει παραβῆσθαι*); скорѣе вы будете мстителями за его нарушеніе (*ἤδικημένοις δὲ μᾶλλον βοηθήσετε*). Ибо нарушители не тѣ, которые защищаются, а тѣ, которые нападаютъ первые“ (I, 123). Равнымъ образомъ и упомянутая выше молитва Архидамы, въ полномъ ея видѣ, читается у Ѳукидида въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Всѣ боги, властвующіе въ Платейской землѣ, и герои, будьте свидѣтелями, что мы и съ самаго начала не совершили неправды, ибо Платейне измѣнили общей клятвѣ, когда вошли въ эту землю, въ которой отцы наши молили васъ о дарованіи побѣды надъ Мидянами, и гдѣ вы милостиво даровали Еллинамъ успѣхъ въ борьбѣ; и теперь мы не будемъ виновны, если употребимъ противъ нихъ какія либо мѣры, потому что мы многократно предъявляли Платейцамъ справедливыя требованія и не получили отъ нихъ удовлетворенія. Разрѣшите же, чтобы первые, учинившіе неправду, понесли наказаніе, а справедливые каратели исполнили мщеніе“ (II, 74). Въ другихъ случаяхъ Ѳукидидъ также не разъ упоминаетъ о карающемъ, наказующемъ правосудіи, какъ напр. въ I, 128; VII, 77 и др. Правосудіе же вообще, правду Божественную, имѣетъ онъ въ виду въ тѣхъ мѣстахъ своей исторіи, гдѣ говоритъ о „законѣ Божескомъ“ (*θεῖος νόμος*) въ противоположность людскимъ дѣяніямъ противозаконнымъ или когда приводитъ такіа слова просьбы Платейцевъ къ Лакедемонянамъ: „Даруя намъ жизнь, вы разсудите дѣло по бо-

жески (ὅσα ἂν δικάζετε), во вниманіе къ тому, что мы добровольно отдались вамъ, простирая руки съ мольбами, а законъ Еллиновъ возбраняетъ убивать молящихся о пощаду, что кромѣ того мы всегда были вашими друзьями... Вы поступите противоположно этому, если разсудите не по справедливости“ (μὴ ὀρθῶς, III, 58). Въ молитвѣ Архидамъ видѣли мы указаніе на невѣрность клятвъ, допущенную Платейцами, по мнѣнію Лакедемонянъ. Это даетъ намъ основаніе говорить объ истинности или вѣрности воли Божіей по Фукидиду. Въ этомъ именно смыслѣ Фукидидъ называетъ боговъ „хранителями клятвы“ (θεοὺς ὀρκίους), какъ напр. въ I, 71. 78, II, 71, срав. V, 30. 47. Такъ Платейцы въ рѣчи своей къ Лакедемонянамъ говорятъ: „Мы призываемъ въ свидѣтели боговъ, которые тогда стояли на стражѣ клятвы, а также боговъ отцовъ вашихъ и нашихъ туземныхъ и повелѣваемъ вамъ не обижать Платейской земли, не преступать клятвы (μὴ ἄδικεῖν μηδὲ παραβαίνειν τοὺς ὀρκίους), оставить насъ жить независимо, какъ почиталъ справедливымъ Павсаній“ (II, 71). Равно также Коринояне, оправдывая себя въ глазахъ Лакедемонянъ, послѣ перемирія между послѣдними и между Аѳинянами, говорили, что „они не нарушаютъ клятвы, когда не вступаютъ въ договоръ съ Аѳинянами; напротивъ, давши клятву вѣрности имеемъ боговъ, они нарушили бы ее предательствомъ (θεῶν γὰρ πίστεις ὀρκισάντες ἐκείνοισι οὐκ ἂν εὐορχεῖν προδιδόντες αὐτοῖς). Было сказано, продолжали они: если бы не было препятствія со стороны боговъ и героевъ, а данная клятва и кажется намъ препятствіемъ со стороны Божества“ (V, 30). Въ этомъ-то смыслѣ еще раньше тѣ же Коринояне, возбуждая Лакедемонянъ къ войнѣ съ Аѳинянами, говорили Лакедемонянамъ: „Мы пребудемъ вѣрными вамъ, если вы пожелаете намъ помочь, потому что не постоянствомъ мы оскорбили бы боговъ, да и не нашли бы другихъ союзниковъ“ (I, 71). — Болѣе этическое, близкое къ истинности, свойство, указываемое у Фукидида, есть святость воли Божіей. Въ этомъ именно смыслѣ у Фукидида Божество называется „преподобнымъ“ ¹⁾ (τῶν σεμνῶν θεῶν, I, 126), не-

1) Переводъ проф. Мищенко.

премѣнно требующимъ очищенія и очистительныхъ обрядовъ для лицъ или предметовъ, такъ или иначе оскверненныхъ, запятнанныхъ кощунствомъ и под. (I, 126 и дал. 135, 139; V, 1; VI, 27. 53. 60; VIII, 53. 138; III, 104 и др.). Такъ, напр., выше сообщенный рассказъ о Килонѣ оканчивается тѣмъ, что тогда какъ самъ Килонъ, послѣ неудачи своей попытки, съ нѣкоторыми успѣлъ убѣжать, „остальные, изъ которыхъ многіе уже умерли отъ голода, находились въ стѣсненномъ положеніи, сѣли у алтаря на акрополѣ въ качествѣ молящихъ о защитѣ. Когда Аѣиняне, на которыхъ возложена была охрана, увидѣли, что осажденные умираютъ въ святилищѣ, то предложили имъ удалиться, при чемъ обѣщали отпустить невредимыми, но когда вывели ихъ оттуда, то всѣхъ перебили; кромѣ того лишили жизни еще нѣсколько чловѣкъ, усѣвшихся на пути подлѣ алтарей преподобныхъ богинь. Отсюда и сами убійцы, и потомство ихъ получили названіе нечестивцевъ и осквернителей богини (*ἀλιτῆριοι τῆς θεῶς*). Оскверненныхъ гражданъ Аѣиняне изгнали; впослѣдствіи изгнали ихъ и Лакедемонянинъ Клеоменъ при помощи возставшихъ Аѣинянъ; оставшіеся въ живыхъ были изгнаны, а кости умершихъ вырты изъ земли и выброшены“ (I, 126) ¹⁾. Подобнымъ же образомъ былъ очищенъ Аѣинянами и оскверненный островъ Делосъ, священный по своему значенію (I, 8; III, 104; V, 1); въ томъ же смыслѣ Аѣиняне требовали отъ Лакедемонянъ „изгнанія запятнанныхъ скверною на Тенарѣ“ (I, 128) и т. д., хотя, съ другой стороны, и здѣсь Фукидидъ не упустилъ случая раціоналистически отнестись къ вопросу о святилищѣ и очищеніи. По окончаніи сейчасть приведеннаго рассказа о Килонѣ и его приверженцахъ, онъ продолжаетъ: „Очищенія отъ этой скверны (тобто τὸ ἄγος) и требовали Лакедемоняне отъ Аѣинянъ, какъ бы ратуя больше всего за боговъ (τοὺς θεοὺς πρῶτον τιμωροῦντες). Они знали, что со стороны матери причастенъ къ преступленію и Периклъ, сынъ Ксанѣиппа, и рассчитывали, что по изгнаніи его Аѣинскія дѣла

¹⁾ Однако впослѣдствіи,—добавляетъ Фукидидъ,—изгнанники возвратились, а потомки ихъ живутъ въ городѣ еще и теперь (I, 126).

пойдутъ у нихъ успѣшнѣе. Впрочемъ Лакедемоняне не столько надѣялись на изгнаніе Перикла, сколько на то, что требованіе это вызоветъ въ народѣ раздраженіе противъ Перикла, ибо причиною войны будетъ отчасти его нечестіе. Будучи въ свое время вліятельнѣйшею личностію и руководителемъ въ государственныхъ дѣлахъ, Периклъ во всемъ дѣйствовалъ наперекоръ Лакедемонянамъ и не допускалъ уступокъ, напротивъ возбуждалъ Аѳинянъ къ войнѣ (I, 127). Въ начальной части разсказа о Килонѣ, раньше приведенной нами, Фукидидъ упоминалъ уже имя „Зевса Милосерднаго“. Это побуждаетъ насъ рассмотреть послѣднее изъ свойствъ Божіихъ по Фукидиду, также относящееся къ волѣ, — *благость* Божію. Зевсъ называется „Милосерднымъ“ (μελῖχος), какъ защитникъ тѣхъ, которые призываютъ его и ублажаютъ жертвами очищенія или умиловительными жертвами. Мы помнимъ также, какъ Архидамъ въ своей молитвѣ говорилъ, что боги „милостиво (εὐμενῇ) даровали Еллинамъ успѣхъ въ борьбѣ“ съ Персами (II, 74). Не забыли мы, конечно, и того свидѣтельства Аѳинянъ предъ Беотянами о своей религіозности, въ которомъ они, оправдываясь отъ нареканія въ оскверненія святилищъ, говорили, что „навѣрное и само Божество снисходитъ отчасти (ἐγγυωρόν τι πρὸς τοῦ θεοῦ) къ людямъ, удрученнымъ войною и опасностями“ (IV, 98), тѣмъ болѣе, что „алтари служатъ убѣжищемъ для невольныхъ грѣшниковъ“ (τῶν ἀκούσιων ἀμαρτημάτων, — тамъ же). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, кромѣ связи съ рассмотрѣннымъ сейчасъ свойствомъ — святостію, устанавливается и понятіе о прощающемъ грѣхъ и грѣшника милосердіи Божіемъ, о благосклонности (εὐμενές), *благости* Божіей. Но яснѣе всего это свойство воли Божіей выражается у Фукидида въ связи съ извѣстнымъ намъ изъ Геродотовой исторіи представленіемъ о зависти въ Божествѣ. При раскрытіи этого представленія у Геродота мы старались показать, что глубочайшее основаніе зависти Божіей заключается въ стремленія Божества сломать гордыню и уравнять смертныхъ. Нагляднѣе это основаніе представляется у преемника Геродотова Фукидида. Когда въ первые годы Пелопоннесской войны персѣвъ былъ на сторонѣ Аѳинянъ, то Лакедемоняне, обы-

кновенно не словоохотливые, всѣми силами стараясь склонить Аѳинянъ къ миру, произнесли предъ ними необычайно длинную рѣчь, въ которой между прочимъ говорили слѣдующее: „Вы имѣете возможность прекрасно воспользоваться нынѣшнимъ счастливымъ случаемъ ¹⁾, сохраняя за собою и то, что есть у васъ, и еще стяжая себѣ почетъ и славу. Вамъ не подобаетъ душевное состояніе, свойственное людямъ сверхъ ожиданія достигающимъ какого-либо успѣха: эти послѣдніе, преисполненные надеждою, всегда жаждаютъ большаго, такъ какъ и то счастье, которое досталось имъ сей разъ, было для нихъ неожиданностью. Напротивъ, людямъ, испытавшимъ многочисленныя превратности, слѣдуетъ относиться къ своему счастью крайне недовѣрчиво. Такое отношеніе должно быть присуще и вашему государству, и разумѣется въ особенности намъ. Познайте это въ виду теперешнихъ бѣдъ нашихъ. Мы, пользующіеся среди Еллиновъ величайшимъ почетомъ, обращаемъ къ вамъ съ просьбою, хотя раньше скорѣе себя считали властными даровать другимъ то, просить чего явились теперь къ вамъ. Однако мы подверглись такому несчастію не по недостатку могущества и не потому, что возгордились его усиленіемъ, но потому, что ошиблись въ расчетахъ, исходя отъ повседневныхъ отношеній, а возможности подобныхъ ошибокъ подвержены всѣ одинаково. Вотъ почему теперешняя мощь вашего государства съ его владѣніями ²⁾ не должна внушать вамъ увѣренности, будто судьба всегда будетъ на вашей сторонѣ. Къ благоразумнымъ людямъ принадлежатъ тѣ, которые ради безопасности почитаютъ благополучіе состояніемъ невѣрнымъ, да и къ неудачамъ такіе съумѣютъ отнести болѣе здраво. Что касается войны, то имъ должно быть извѣстно, что нельзя заключить ее въ предѣлы, какіе кому желательны, но что воюющими распоряжаются случайности судьбы. Подобные люди терпятъ крушеніе наирѣже, ибо они не полагаются на

¹⁾ Разумѣется послѣдняя побѣда Аѳинянъ надъ Лакедемонянами у г. Цилоса въ Мессеніи.

²⁾ Колоніальными по преимуществу.

удачи, не возносятся гордынею и при счастливыхъ обстоятельствахъ заключаютъ миръ весьма охотно. Поступить теперь такъ по отношенію къ намъ было бы прекрасно для васъ, Аѳиняне, чтобы впослѣдствіи, если только вы не внемлете намъ и потерпите неудачу,—а это часто случается,—не подумали бы другіе, что и нынѣшними удачами вы обязаны только игрѣ случая. Между тѣмъ вы можете, не подвергаясь опасности, передать и на будущія времена славу о вашемъ могуществѣ и проницательности“ (IV, 17, 18). Извѣстно, что аѳиняне, гордые своимъ могуществомъ и успѣхами, уклонились отъ заключенія мира съ лакедемонянами и подъ разными предлогами продолжали непріязненные противъ нихъ дѣйствія. Мало того, для увеличенія блеска своей славы и могущества они, какъ мы припомнимъ, снарядили военную экспедицію въ Спцилію, къ чему особенно возбуждалъ ихъ страстный искатель приключеній и славы Алкивіадъ, сынъ Клінія. Желая стать во главѣ экспедиціи, но обвиняемый за свое поведеніе и, между прочимъ, за безумную роскошь въ образѣ жизни, онъ, оправдываясь, указывалъ на эту роскошь, какъ на великолѣпіе, доставляющее ему съ его предками славу, а отечеству пользу, ибо „Еллены, при видѣ великолѣпія, съ какимъ я выступилъ въ олимпійскомъ празднествѣ,—говорятъ онъ о себѣ,—рѣшили, что государство наше могущественнѣе, чѣмъ имъ казалось; между тѣмъ до этого они были увѣрены, что оно истощено войною... Далѣе, тотъ блескъ, съ какимъ я каждый разъ выступаю въ городѣ при устроеніи хоровъ или по какому-нибудь другому поводу, неизбѣжно возбуждаетъ зависть въ гражданахъ, но для иноземцевъ онъ есть свидѣтельство мощи. Такимъ образомъ и это безуміе мое не бесполезно, потому что на собственные средства я приношу пользу не себѣ только, но и государству. Совершенно справедливо, если человѣкъ гордый не равняется со всѣми, потому что и человѣкъ, попавшій въ бѣду, ни съ кѣмъ не дѣлитъ ея. Подобно тому, какъ въ несчастіи никто не обращается къ намъ съ привѣтствіемъ, такъ точно люди должны терпѣть пренебреженіе счастливыхъ или же тогда требовать для себя равной доли, когда сами будутъ давать столько же.

Я знаю, что счастливыцѣ и вообще всѣ люди, возвышающіеся въ какомъ нибудь отношеніи, при жизни наиболѣе непріятны равнымъ себѣ, а потомъ и всякому, съ кѣмъ живутъ; за то въ потомствѣ такіе люди вызываютъ притязанія на родство съ ними, хотя бы на самомъ дѣлѣ его и не было, а государство, которое было ихъ родною, гордится ими не какъ чужими и провинившимися, но какъ родными и совершившими славныя дѣла“ (VI, 16). Извѣстно также, чѣмъ кончилась Сицилійская экспедиція. И вотъ почти въ самомъ концѣ ея, отправившіеся въ качествѣ полководца вмѣстѣ съ Алкивиадомъ, но по отозваніи послѣдняго вслѣдствіе обвиненія въ кощунствѣ (низверженіе статуи Ерма) оставшіеся единственнымъ главнокомандующимъ аѳинскихъ войскъ въ Сициліи полководецъ Никій, видя неудачи своихъ войскъ и упадокъ духа въ нихъ, успокоивалъ ихъ такими соображеніями: „Близокъ, вѣроятно, конецъ нашимъ неудачамъ, такъ какъ мѣра счастья непріятелей исполнилась, и если походомъ своимъ мы возбудили зависть въ какомъ-либо Божествѣ, то за это понесли уже достаточную кару (*καὶ εἴ τῳ θεῷ ἐπ' ἐφόνοισι ἐστρατεύσαμεν, ἀποχρώντως ἦδη τέτιμωρήμεθα*). Вѣдь и другіе люди предпринимали военные походы, и за дѣянія, свойственныя природѣ челоѳка, понесли умѣренное наказаніе. Намъ также слѣдуетъ уже надѣяться на благодѣ Божества, потому что теперь мы достойны не столько зависти, сколько жалости ихъ“ (*ἡμᾶς εἰσὸς ὦν τὰ τε ἀπὸ τοῦ θεοῦ ἐλπίζειν ἡττώτερὰ ἔσεν ὀλίγου γὰρ ἀπ' αὐτῶν ἀξιώτεροι ἦδη ἐσμεν ἢ φόβου*, VII, 77). Уже сицилійскою экспедиціею достаточно была сломлена гордыня Аѳинянъ, и они не только уравнены были съ Лакедемонянами, но унижены по сравненію съ ними, не внявъ ихъ благоразумному совѣту, — въ время заключить миръ въ пагубной для обѣихъ сторонъ Пелопоннесской войнѣ. Естественно было поэтому взывать уже къ благодѣи и милости Божіей, что и дѣлаетъ благочестивый Никій. — Однако, „однѣ въ полѣ не войны“, — говоритъ пословица. Не много было среди Аѳинянъ такихъ благочестивыхъ людей какъ Никій. Напротивъ, большинство было далеко не такихъ гражданъ, какъ онъ, и это-то большинство, благодаря демократическому

образу правленія въ Аѳинскомъ государствѣ, рѣшило, вопреки болѣе благоразумнымъ голосамъ меньшинства, вопросъ о Сицилійской экспедиціи въ положительномъ смыслѣ, ища славы, завоеваній и богатства, а возвратясь изъ Сициліи съ позоромъ. Къ такому же большинству принадлежалъ и Фукидидъ, религіозное міросозерцаніе котораго вообще и отношеніе къ идеѣ божества въ частности мы видѣли теперь въ предшествующемъ. Мы видѣли, какъ скудно содержаніемъ это міросозерцаніе и отношеніе по сравненію съ богатствомъ общаго содержанія Пелопоннесской войны, какъ мало интересовало историка Божественное по сравненію съ человѣческимъ, — небесное по сравненію съ земнымъ, — возвышенное по сравненію съ низменнымъ ¹⁾. Классическимъ мѣстомъ религіознаго міросозерцанія Фукидида вообще и понятія о Богѣ въ особенности считается нѣкоторая часть переговоровъ Аѳинянъ съ Мелійцами, нѣсколько уже знакомая намъ изъ предшествующаго. Мы приведемъ теперь всю эту часть въ подтвержденіе сей-часъ сказаннаго нами. Убѣждая Мелійцевъ, колонистовъ Лакедемонянъ и слѣдовательно уже по этому одному противниковъ Аѳинянамъ, послѣдніе между прочимъ говорили имъ: „Не подвергайте себя крушенію, вы, безсильные, зависящіе отъ одного мановенія судьбы, не уподобляйтесь толпѣ ²⁾, которая, имѣя еще возможность спастись человѣческими средствами и покинувши въ бѣдѣ ясныя надежды, обращается къ

¹⁾ Не даромъ въ самомъ началѣ своей исторіи Фукидидъ, указывая на задачу своего труда и на важность предмета его, говорилъ, что война Пелопоннесская болѣе важна и достопримѣчательна, чѣмъ всѣ предшествовавшія. А заключалъ онъ такъ изъ того, что обѣ стороны (т. е. и Пелопоннесцы или Лакедемоняне и Аѳиняне) имѣли всѣ приспособленія къ этой войнѣ въ наилучшемъ состояніи, а также изъ того, что прочіе Элліны, какъ онъ видѣлъ, принимали то къ одной, то къ другой сторонѣ, одни тогда же, другіе намѣревались присоединиться послѣ. Дѣйствительно, событіе это было величайшимъ потрясеніемъ для Элліновъ, нѣкоторой части варваровъ и, можно даже сказать, для огромнаго большинства всѣхъ народовъ (I, 1) и т. д. все въ томъ же родѣ. Война, предпринятая изъ за низкаго вопроса о преобладаніи между Элліническими же племенами и погубившая столь много и людей и добраго въ Эллінахъ, Фукидиду казалась достопримѣчательною и важною!...

²⁾ Переговоры велись между лучшими представителями съ обѣихъ сторонъ, а не предъ народамъ.

падеждамъ смутнымъ, къ гаданію, оракуламъ и ко всему тому, что ведетъ питающихся надеждою къ погибели“. Мелійцы отвѣчали на это: „Мы сами, не сомнѣвайтесь въ томъ, убѣждены, что трудно бороться противъ вашего могущества ¹⁾ и противъ счастья, если оно будетъ на сторонѣ сильнѣйшей. Однако мы вѣримъ, что судьба, управляемая Божествомъ, не допустить нашего пораженія, ибо мы богобоязненные (*θεοφοί*) и стоимъ противъ людей несправедливыхъ ²⁾, а на помощь недостаточнымъ силамъ нашимъ прибудетъ союзъ Лакедемонянъ... Но Аѳиняне возражали на это Мелійцамъ: „Да, но мы надѣмся, что Божество и насъ не оставитъ своею благостію (*εὐμενείᾳ*), ибо мы не требуемъ и не дѣлаемъ ничего, противнаго почитанію Божества людьми или настроенію людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, относительно Божества мы догадываемся, относительно же человека знаемъ навѣрное, что вездѣ, гдѣ люди имѣютъ силу, они властвуютъ по непререкаемому велѣнію своей природы. Не мы первые установили право сильнѣйшаго, и не мы первые примѣнили его; мы получили его уже готовымъ и оставимъ потомкамъ, такъ какъ оно будетъ существовать вѣчно (*ἐς αἰεί*). Согласно съ нимъ мы и поступаемъ въ увѣренности, что и вы, и другіе, по достиженіи одинаковаго съ нашимъ могущества, дѣйствовали бы точно такъ же ³⁾. Такимъ образомъ, что касается Божества, то при подобающемъ отношеніи къ Нему мы не боимся пораженія. Относительно надежды на Лакедемонянъ, которые, по вашему мнѣнію, подадутъ вамъ помощь изъ чувства чести, то мы восхищаемся вашею наивностію, но не завидуемъ вашей глупости. Правда, ради самихъ себя и собственныхъ учрежденій они въ большинствѣ слу-

¹⁾ Это было еще въ то время, когда блестящій успѣхъ сопровождалъ военныя дѣйствія Аѳинянъ противъ Лакедемонянъ.

²⁾ И это мѣсто служитъ подтвержденіемъ нашего разъясненія представленія о зависти Божества, какъ имѣющей цѣлю уравнивать смертныхъ, не давая однимъ изъ нихъ чрезмѣрно возноситься по сравненію съ другими, не допуская исключительнаго преобладанія однихъ въ отношеніи къ другимъ.

³⁾ Срав. I, 75 и 76. Могущественнѣйшими, по Фукидиду, побужденными къ сему служить: честолюбіе, страхъ и выгода (I, 76).

чаевъ дѣйствуютъ доблестно; о поведеніи же ихъ относительно другихъ можно было бы долго говорить, но въ немногихъ словахъ вѣрнѣе всего сказать, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ они съ наибольшею откровенностію признають угодное имъ прекраснымъ, а полезное справедливымъ. Вотъ почему въ нынѣшнемъ положеніи эти расчеты на спасеніе напрасны" (V, 103--105). Этимъ исчерпывается все содержаніе разсматриваемаго „классическаго" мѣста ¹⁾, болѣе чѣмъ скудное съ интересующей насъ стороны. О томъ, какіе выводы изъ него можно извлечь, нельзя сказать болѣе того, что мы уже сказали частію въ началѣ, частію же въ концѣ нашего настоящаго изслѣдованія о Фукидидѣ.—Переходимъ къ послѣднему изъ главныхъ историковъ разсматриваемаго періода—Ксенофону.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Таковымъ оно считается, напр., у Линдемана въ упомянутомъ его сочиненіи о Геродотѣ, Фукидидѣ и др. на стр. 44.

СЕРДЦЕ И ЕГО ЖИЗНЬ.

(Психологическій очеркъ).

(Продолженіе *).

Теперь обратимся къ характеристикѣ частныхъ явленій самочувствія, самолюбія, къ характеристикѣ самолюбивыхъ или эгоистическихъ чувствованій.

Постоянная забота и попеченіе о лицѣ или даже вещи и отвлеченномъ предметѣ, какъ наука, напр., способствуютъ въ заботящемся развитію нѣжнаго чувства, любви къ предмету заботы. Этотъ фактъ входитъ даже въ составъ чувства родительской и дѣтской любви, въ чувство дружбы и т. п. Въ виду этого, весьма легко понять, какъ изъ темнаго инстинкта самосохраненія, который заставляетъ насъ ежеминутно заботиться о себѣ и который въ періодъ дѣтства выражается въ грубо-животномъ эгоизмѣ, мало-по-малу развивается нѣжное чувство по отношенію къ своей личности, вырабатывается болѣе благородная, человѣческая форма эгоизма, любовь къ себѣ, то, сопровождающее всю нашу жизнь и дѣятельность и, потому, едва замѣчаемое или вовсе незамѣчаемое нами, волненіе, которое отрицательно охарактеризовалъ Спаситель въ словахъ: *„никтоже когда свою плоть возненавидѣтъ, но питаетъ и утѣшаетъ ю“*.—Развитое правильно, это чувство служитъ источникомъ многихъ прекрасныхъ явленій въ человѣческой жизни. Оно заставляетъ человѣка разумно и съ энергіею со-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 14, за 1892 г.

звѣдать свое благосостояніе, заботиться о своемъ развитіи и совершенствованіи. Оно ложится въ основу самодовольства, самоуваженія, сознанія собственного достоинства и служить опорою счастья, потому что истинное счастье—быть довольнымъ собою, довольнымъ, разумѣется, разумно и на разумныхъ основаніяхъ. Блаженство, „*μαρτυρίαι Βοηθίαι σκυτέρω σας εστιν*“, говоритъ Христосъ. Съ этой точки зрѣнія чувство любви къ себѣ служитъ даже самую прочною основою любви къ другимъ, къ ближнимъ. Недовольство людьми, нелюбовь къ людямъ, мизантропія всегда и прежде всего коренятся въ недовольствѣ собою, въ нелюбви къ себѣ, которая, какъ мы увидимъ, весьма часто и весьма легко развивается. Дайте мизантропу чувство внутренняго довольства, чувство любви и нѣжности къ себѣ—и его точка зрѣнія на людей немедленно измѣнится. Получивъ возможность снисходительно отнестись къ своей личности, къ самому себѣ, онъ снисходительно относится и къ другимъ. „Кто говоритъ, что любить Бога и въ то же время не любить ближняго, тотъ обманываетъ себя и другихъ; потому что, какъ онъ можетъ любить Бога, Котораго никогда не видѣлъ, когда не любитъ ближняго, котораго видитъ“. Этотъ превосходный и тонкій анализъ апостола-философа можно продолжить далѣе. Можно сказать съ несомнѣнностью, что тотъ, кто воображаетъ, что любить ближняго, любить человѣка и человѣчество, а въ то же время не любить себя,—обманываетъ себя и другихъ. Какъ онъ можетъ любить ближняго, который непостоянно съ нимъ находится и котораго онъ знаетъ всегда меньше, чѣмъ себя, когда онъ не умѣетъ любить себя самого, свою личность, которая постоянно съ нимъ и хорошо ему извѣстна? Тотъ не въ состояніи никогда оцѣнить достоинства другихъ, кто не умѣетъ отыскать въ себѣ самомъ ни одного достоинства. А, вѣдь, нѣтъ такого „дряпного“ человѣка на свѣтѣ, въ которомъ, при внимательномъ изслѣдованіи и наблюденіи, нельзя бы было открыть большой доли достоинствъ.

Послѣ этихъ общихъ указаній на происхожденіе и значеніе чувства любви къ себѣ, понятными и удобно объяснимыми становятся слѣдующіе факты. Люди, рано предоставленные

самимъ себѣ, много потрудившіеся надъ собой и своей обстановкой, въ большинствѣ случаевъ отличаются сознаниемъ собственного достоинства и разумнымъ вниманіемъ къ себѣ и своимъ дѣламъ. У людей, которымъ жизнь дается легко и играючи, чувство это принимаетъ пныя, очень непрочныя и эфемерныя формы. Они любятъ не себя, а свое положеніе, свое происхожденіе, свою обстановку, свое богатство, свою фигуру и т. под. Лишите ихъ этихъ аксессуаровъ, оставьте ихъ съ самими собою,—и они немедленно провякнутъ презрѣніемъ, отвращеніемъ къ себѣ и, пожалуй, посадятъ себѣ пулю въ лобъ. У нихъ нѣтъ внутренней опоры, нѣтъ этой нѣжной связи, которая связываетъ, такъ сказать, человѣка съ самими собою, съ жизнью и людьми, нѣтъ любви къ себѣ, и нѣтъ потому, что не было благопріятныхъ условій къ ея развитію. А это приводитъ насъ къ дальнѣйшему важному выводу, что человѣкъ безъ этого „благороднаго самолюбія“, безъ разумной любви къ себѣ есть нравственный уродъ, неспособный къ энергической дѣятельности, неспособный къ жизни общественной,—гнилой, негодный членъ и, въ добавокъ, несчастнѣйшее существо въ мірѣ.

Здѣсь мы разумѣемъ „самолюбіе“ въ самомъ идеальномъ его видѣ, любовь къ себѣ разумную, не переступающую предѣловъ. Но это чувство до такой степени деликатное, подвижное и неопредѣленное, что положить ему даже идеальныя границы чрезвычайно трудно, а практически почти невозможно. Оно всегда усложняется, уклоняется въ своемъ направленіи и портится нехорошими, искажающими примѣсами. Только самыя счастливыя и высокія натуры могутъ сохранить, и то относительно, чистоту его. Какъ бы то ни было, задатки этого чувства есть у каждаго человѣка, и есть въ жизни каждаго человѣка моментъ, когда оно, сформировавшись въ первый разъ, съ явленіемъ самосознанія, является въ дѣйствительномъ, чистомъ видѣ. Развить его послѣ этого правильно,—есть одна изъ величайшихъ проблемъ воспитанія. Иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, обстоятельства и природныя свойства человѣка, помимо всякаго воспитанія и воспитателей, укрѣпляютъ и дѣлаютъ разумнымъ; но въ огромномъ большинствѣ

случаевъ немедленно начинаются отклоненія въ самыхъ различныхъ направленіяхъ.

Чаще всего, еще у дѣтей, „любовь къ себѣ“ получаетъ форму *суетности*, которая заѣдаетъ человѣческій родъ. Вниманіе дитяти обращается, напр., на виѣшнюю его фигуру: ему начинаютъ говорить, что оно прекрасное, ангелъ и т. п.,—дитя начинаетъ „торчать“ передъ зеркаломъ, находитъ, что похвала справедлива, и постепенно, по общимъ законамъ развитія нѣжнаго чувства, проникается любовью къ своей виѣшности. Постоянныя заботы объ этой виѣшности, естественно начинающіяся съ этого момента, опять, въ силу свойства нѣжнаго чувства, питаютъ и усиливаютъ его еще болѣе. Процессъ этотъ давно подмѣченъ и изображенъ въ прекрасномъ греческомъ сказаніи о Нарцисѣ. Compliments и похвалы служатъ тоже пищею чувству: они укрѣпляютъ и какъ бы неопровержимо доказываютъ мнѣніе о себѣ всякаго нарциса. Понятно, какъ этимъ обстоятельствомъ чувство усиливается, становится интенсивнѣе и пріятнѣе. Отсюда любовь къ тѣлесному своему виду переходитъ, естественно, въ любовь къ complimentамъ, жажду похвалы и удивленія,—далѣе,—въ любовь ко всему, что украшаетъ фигуру, возвышаетъ ея красоту, увеличиваетъ удивленіе, любовь къ нарядамъ и т. п. Въ результатъ всего этого получается одна изъ самыхъ распространенныхъ формъ суетности. Ею отличаются, какъ извѣстно, особенно женщины, въ самой природѣ которыхъ весьма много благопріятныхъ условій для развитія любви къ себѣ, именно, въ этомъ направленіи. Суетность выражается въ любви къ нарядамъ, вообще къ роскошной виѣшной обстановкѣ, впрочемъ, еще увеличивается другими ассоціаціями, именно, пріятностью чувства силы и превосходства. Отсюда люди нерѣдко любятъ не только красивыя, но и дорогіе наряды, иногда даже уродливыя, но дорогіе. И эта форма проявленія чувства силы—въ особенности у женщины—тѣмъ сильнѣе, чѣмъ, опять, уже кругъ ея дѣятельности. гдѣ можно выказать чисто нравственное превосходство.

Другую форму неправильнаго, ненормальнаго развитія любви къ себѣ составляетъ *самодовольство*. Извѣстная доля само-

довольства есть необходимый спутникъ и самой разумной и умѣренной любви къ себѣ. Чувство это вращается въ разумныхъ предѣлахъ до той поры, пока оно внушается дѣйствительными достоинствами. Но въ такомъ чистомъ видѣ самодовольство встрѣчается очень рѣдко, потому что всегда почти въ человѣкѣ больше такихъ или другихъ недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. Самодовольство часто дѣлается преобладающимъ настроеніемъ человѣка, тономъ всей его жизни и дѣятельности. Что бы ни сдѣлалъ, что бы ни выдумалъ такой человѣкъ, онъ всегда находитъ, что его мысль и дѣла превосходны; онъ услаждается, когда сдѣлаетъ или придумаетъ капитальнѣйшую нелѣпость, услаждается, даже иногда смутно сознавая, что услаждаться вовсе нечѣмъ. Онъ, вообще, не можетъ не быть довольнымъ, не услаждаться собою, потому что у него образовалась привычка къ самоуслажденію, образовалась прочная невольная ассоціація этого чувства со всякимъ своимъ дѣйствіемъ. Какъ можетъ образоваться и образуется такая ассоціація—видѣть легко. Человѣкъ, вообще, по закону нѣжнаго чувства, которое питаетъ къ себѣ, склоненъ преувеличивать свои достоинства и относиться хорошо къ своимъ мыслямъ и дѣйствіямъ. На этомъ общемъ фонѣ и зиждется постепенно чувство самодовольства въ описанномъ видѣ. Случайно иному субъекту придется испытать отъ своихъ дѣйствій въ данный періодъ времени больше удовольствія, чѣмъ неудовольствія, т. е. поступать умно и хорошо, заслужить одобреніе и пр.—и въ этомъ для него дается уже достаточный поводъ къ самодовольству. Далѣе, чувство удовольствія прочно ассоціируется съ собственными дѣйствіями человѣка извѣстнаго рода, и, вслѣдствіе частаго повторенія ассоціируется, наконецъ, съ дѣйствіями собственными, какъ такими. Ассоціированіе это облегчается общею людямъ склонностью преувеличивать достоинства свои. Сумма случаевъ самодовольства значительно увеличивается этимъ, и, отъ частаго повторенія ассоціаціи удовольствія и нѣжности къ себѣ даже съ дурными дѣйствіями своими, —получается, наконецъ, ассоціація ихъ почти со всѣми, а вмѣстѣ съ тѣмъ является невозможность быть недовольнымъ собою. Люди, дошедшіе

такъ или иначе до подобнаго состоянія — самые счастливые люди, но въ то же время, конечно, смѣшныя и жалкіе: они не способны ни къ какому серьезному усовершенствованію и развитію. Самодовольство чаще является въ болѣе односторонней частной формѣ и сосредоточивается на какой-нибудь одной сторонѣ „я“. Въ этомъ случаѣ оно почти всегда переходитъ въ суетность, иногда въ гордость. (Противоположное чувству самодовольства есть недовольство собою, которое образуется, *mutatis mutandis*, тѣмъ же путемъ).

Въ *самоуваженіи* основное чувство любви къ себѣ, нѣжности къ своему „я“, усложняется чувствомъ силы. Какъ по отношенію къ другимъ это чувство возбуждается въ человѣкѣ обнаруженіемъ нравственнаго могущества или даже физической силы, такъ относительно себя это чувство можетъ пробудиться при условіи существованія силы. Преимущественно человѣкъ уважаетъ себя и другихъ не за таланты, умъ и т. п., а за силу воли, за выдержанность и ровность характера, за самостоятельность и т. п. Также точно и, наоборотъ, противоположное чувство — *презрѣнія къ себѣ* развивается преимущественно не у глупыхъ и безталантныхъ людей, а у людей слабохарактерныхъ. Такимъ образомъ, чувство самоуваженія сложено изъ любви къ себѣ, или нѣжности, и сознанія силы; презрѣніе, — наоборотъ, изъ любви къ себѣ и сознанія безсилія. Самоуваженіе, вообще, хорошее чувство и служитъ признакомъ сильнаго характера, но оно часто распространяется на всѣ свойства „я“, на умъ и на чувство. Сознавая власть, силу надъ собою, — дѣлать или не дѣлать что-либо дурное или хорошее, человѣкъ, естественно, можетъ придти къ мысли, что и умъ его силенъ и чувство богато и т. п. Тогда самоуваженіе вырождается въ гордость. Кромѣ того, это чувство весьма часто развивается совершенно независимо, т. е. при отсутствіи въ самомъ „я“ всякихъ поводовъ и стимуловъ къ его возбужденію, оттого, напр., что человѣкъ обладаетъ, по своему положенію, чисто внѣшнею силою, — властію, капиталомъ и т. п. Имѣя въ своемъ распоряженіи эту силу внѣшнюю и постоянно пользуясь ею, человѣкъ легко переноситъ центръ ея въ себя самого, себя считаетъ источникомъ ея и не можетъ мыс-

леть безъ нея себя. Истинная природа такого самоуваженія обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ лишается внѣшней силы, и тогда обнаруживается, что его „я“ само по себѣ бессильно и вовсе не заслуживаетъ уваженія. Такой, часто повторяющійся, случай художественно воспроизведенъ Шекспиромъ въ „Король Лиръ“.

Любовь къ себѣ, соединенная съ крайнею степенью самодовольства и самоуваженія, даетъ въ результатѣ чувство *гордости*. Это чувство, потому, есть одно изъ самыхъ сложныхъ въ этой группѣ и, можетъ быть, вслѣдствіе этого, одно изъ самыхъ сильныхъ, интенсивныхъ, и легко переходитъ въ самое крайнее и смѣшное послабленіе по отношенію къ себѣ. Къ указаннымъ элементамъ въ немъ еще привходитъ сознаніе дѣйствительнаго или мнимаго превосходства надъ всѣмъ окружающимъ. Смотря по степенямъ силы и развитія ея составныхъ частей, гордость имѣетъ множество степеней силы. Когда эти элементы гордости основываются на ложныхъ представленіяхъ и ассоціаціяхъ, то и гордость является ложною, несоотвѣтствующею дѣйствительнымъ качествамъ внутреннимъ „я“. Когда такая ложная гордость случайными, внѣшними или мнимыми преимуществами стоитъ въ слишкомъ рѣзкой противоположности съ беспіемъ, недостатками, мизерностью гордящагося субъекта, который, потому, съ особенною силою представляетъ на показъ свои внѣшнія и мнимыя преимущества, тогда гордость называется „спѣсью“. Обладающіе истинными достоинствами, возбуждающими гордость, люди большею частію не обнаруживаютъ этого чувства и даже скрываютъ его, довольствуясь внутреннимъ удовольствіемъ отъ этого чувства; но тѣмъ съ большею силою и рѣзкостію оно выступаетъ въ благоприятныхъ случаяхъ. Противоположное гордости чувство есть „смирненіе“, самоуничиженіе.

Любовь къ почестямъ, т. е. къ возвышенію надъ другими, заявленіямъ со стороны другихъ уваженія, почтенія и т. п., имѣя въ основѣ любовь къ себѣ, есть собственно новая форма самодовольства, самоуваженія, отчасти суетности. Зная, что знаки уваженія оказываются людямъ, заслуживающимъ этого, обладающимъ пзвѣстными достоинствами, — честолюби-

вый человѣкъ видитъ въ заявленіи этихъ знаковъ, въ почетѣ, доказательство своихъ достоинствъ и проникается пріятнымъ волненіемъ самодовольства, самоуслажденія, самоуваженія. Большею частію случается такъ, что особенно любить почетъ именно такой человѣкъ, у котораго мало внутреннихъ достоинствъ, заслуживающихъ его. Ему особенно пріятно это вѣнчаніе возбужденіе волненій самодовольства и самоуваженія, именно, потому, что у него нѣтъ внутреннихъ поводовъ къ его развитію. И наоборотъ, истинное достоинство чаще всего скромно, потому что человѣкъ, обладающій внутренними достоинствами, и безъ вѣнчаній возбужденій самодовольствія и пр. имѣетъ въ себѣ много случаевъ и поводовъ къ его явленію. Но глупый честолюбецъ, окруженный постоянною лестію, почетомъ, легко, наконецъ, находитъ въ себѣ достоинства, имъ соотвѣтствующія.

Наконецъ, прямое апомальное развитіе инстинкта самосохраненія и первоначальной, естественной и законной любви къ себѣ, развитіе почти безъ всякихъ примѣсей, доставляетъ *узкій эгоизмъ*, эгоизмъ въ дурномъ смыслѣ этого слова. Постоянно заботясь о себѣ и имѣя мало случаевъ заботиться о другихъ, эгоистъ мало-по-малу замыкается въ тѣсномъ и узкомъ кругѣ своего личнаго бытія и готовъ приносить въ жертву все окружающее ради малѣйшаго удобства своей личности. Дѣло въ томъ, что, силою опыта и постоянного повторенія усиленная, излишняя забота о своемъ „я“ обращается въ привычку, въ простую ассоціацію, которая всегда беретъ перевѣсъ въ душѣ эгоиста надъ всеми другими чувствами. Девизъ эгоиста есть: „лишь бы мнѣ было хорошо, до другихъ нѣтъ дѣла“. Эгоизмъ можетъ образоваться и другимъ путемъ, діаметрально противоположнымъ указанному, и тогда онъ представляетъ особенно уродливое явленіе. Именно, отсутствіе необходимости заботиться о себѣ, удовлетвореніе съ дѣтства всѣмъ потребностямъ, прихотямъ и капризамъ дѣлаетъ человѣка неспособнымъ понимать нужды и страданія другихъ людей. Эгоизмъ здѣсь развивается, прежде всего, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія нѣжности къ другимъ и симпатическихъ чувствованій, превращающагося въ полную неспособность

человѣка къ симпатіи. Такіе эгоисты теряютъ всякое чувство правды и законности и паивно воображаютъ, что другіе для нихъ должны трудиться и даже жертвовать жизнію, что иначе и быть не можетъ. Въ самой уродливой формѣ этотъ эгоизмъ является, напр., у французскихъ Бурбоновъ XVIII вѣка и ихъ дворѣ, девизомъ которыхъ было знаменитое изреченіе: „après nous déluge“.

Гнѣвъ и страхъ.

Основаніе для сближенія волненій гнѣва и страха.—Гнѣвное органическое возбужденіе и послѣдующіе моменты гнѣва въ сферѣ психической.—Значеніе гнѣва въ жизни людей.—Связь волненія гнѣва съ чувствомъ самосохраненія; обнаруженіе ея при неудовлетвореніи потребностей физическихъ и духовныхъ.—Потребность мести въ разгнѣванномъ.—Физиологическая основа этого явленія.—Трудность объясненія чувства удовольствія при видѣ страданій другого; факты, помогающіе этому объясненію.—Градации способовъ мести.—Состояніе тѣла и души при волненіи страха.—Противоположность между страхомъ и гнѣвомъ, при одинаковости общихъ условій возникновенія того и другого.—Частныя обстоятельства, обуславливающія возникновеніе страха въ различныхъ формахъ его.

Всѣ виды любви, имѣющіе въ своей основѣ одно, одинаковое, въ сущности, волненіе, называемое нѣжностью, въ жизни человѣка играютъ роль силы *связующей* идеально и даже объединяющей человѣка съ другими людьми,—со всѣми предметами міра чувственного и идеальнаго и даже съ самимъ собою. Противоположное вполне значеніе въ жизни имѣютъ волненія, объединяемыя понятіями гнѣва и страха. Представляя тоже весьма большое количество видоизмѣненій, эти волненія служатъ основною *разведеніемъ* людей между собою, принципомъ отталкиванія вообще между міромъ внѣшнимъ и личностію человѣческою, отраженіемъ также внутренняго разлада человѣка съ самимъ собою.

Гнѣвъ характеризуется быстрымъ и сильнымъ—моментальнымъ развитіемъ общей жизнедѣятельности,—въ сильномъ раздраженіи нервовъ и быстромъ, сильнымъ взрывѣ нервной энергіи. Затѣмъ необходимо слѣдуетъ усиленіе обращенія крови и сильныя, неудержимыя рефлексы въ мускульной системѣ. Все это сопровождается особеннымъ специфическимъ ощущеніемъ, котораго характеръ извѣстенъ всякому по собствен-

ному опыту. Ощущеніе это бываетъ безпредметнымъ и безпричиннымъ, является какъ результатъ еще неизслѣдованнаго и неопредѣленнаго болѣзненнаго разстройства и служитъ основою бѣшенства, бѣшеннаго помѣшательства. При нормальномъ состояніи организма, разнообразныя условія и причины обнаруженія и развитія гнѣва опредѣляются и характеризуются причиненіемъ зла физическаго или духовнаго, — боли, ущерба въ интересахъ, обиды и т. п., — въ связи съ чувствомъ. Самое гнѣвное возбужденіе, при этомъ, есть только одна половина, начало явленія. За этимъ возбужденіемъ слѣдуетъ неудержимая потребность, стремленіе отплатить тѣмъ же врагу, причинить ему физическое или духовное зло. Заключительнымъ актомъ является или удовольствіе при видѣ страданій врага, во всякомъ случаѣ, пріятное чувство, извѣстное подъ именемъ „злорадства“; или постепенное успокоеніе, потуханіе, остываніе гнѣва, или же превращеніе его въ чувство постоянное — присущее душѣ, при чемъ оно прямо ассоціируется съ лицомъ, причинившимъ вредъ, и усиливается отъ повторенія, воспроизведенія своего по законамъ ассоціаціи. Въ этомъ случаѣ оно получаетъ названіе „злости“, „ненависти“. Когда это чувство, питаясь многими предметами, является постоянно и легко, при самомъ ничтожномъ возбужденіи, оно называется „злобностью“, или „злостью“. — Бурное по обнаруженіямъ и разрушительное по своимъ, на первый взглядъ, неестественнымъ послѣдствіямъ и акцессуарамъ, чувство гнѣва играетъ большую и весьма сложную роль въ жизни человѣка. Оно составляетъ, если не единственную основу, то душу всѣхъ раздоровъ, несогласій, вражды, преслѣдованій и взаимныхъ оскорбленій въ жизни частныхъ людей. Гнѣвъ есть первоначальная основа войны, и безъ него она даже доселѣ, при всей искусственности и усложненіяхъ въ жизни и отношеніяхъ людей, едва мыслима.

Волненіе гнѣва, какъ и чувство страха, стоитъ въ очевидной связи съ чувствомъ самосохраненія, и предназначено къ выполненію весьма важной и благодѣтельной для индивидуума функціи въ борьбѣ за существованіе. Напрягая до послѣдней степени нервную и мускульную энергію, это чувство

возбуждаетъ до maximum'a энергію живаго, чувствующаго существа—энергію въ устраненіи вреда, опасности, зла, и оно является, какъ легко видѣть, именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ опасность особенно велика и гдѣ чувство самосохраненія само по себѣ не можетъ дать достаточно силы и энергіи въ борьбѣ. Вѣрность этой мысли констатируется многими случаями развитія гнѣва. Какъ извѣстно, чувство гнѣва весьма рано обнаруживается у дѣтей. Чувствуя, напр., голодъ или боль, дитя начинаетъ плакать сначала монотонно; но чѣмъ дальше голодъ не удовлетворяется, тѣмъ характернѣе становятся звуки его плача и, наконецъ, въ нихъ начинаютъ ясно слышаться гнѣвные мотивы и ноты. вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается до послѣдней степени мускульная дѣятельность, прерывающаяся въ конвульсивные рефлексъ по всему организму. Связь чувства гнѣва съ чувствомъ голода, т. е. съ процессомъ питанія—одною изъ важнѣйшихъ и основныхъ функцій органической жизни,—составляетъ ходячую истину. Ссоры между людьми всего чаще и удобнѣе развиваются до обѣда, особенно когда его приходится дожидаться долго. Голодающіе члены пролетаріатскихъ семействъ находятся въ постоянномъ гнѣвномъ возбужденіи другъ противъ друга и вѣчно ссорятся. Развитіе чувства гнѣва и злобы съ голодомъ вмѣстѣ, главнымъ образомъ, побуждаетъ отвращеніе къ человѣческому мясу у людей, принужденныхъ обстоятельствами обратиться къ такому средству утоленія голода. Неудовлетвореніе и другихъ важныхъ потребностей жизненныхъ и отравленій также всегда почти сопровождается чувствомъ гнѣва. Когда человѣкъ, привыкшій къ періодическимъ приѣмамъ наркотическихъ веществъ—въ родѣ чаю, табаку и т. п., рѣшится освободиться отъ привычки или поставленъ будетъ въ необходимость не удовлетворять ей, то, за чувствомъ недовольства, пустоты, недостатка въ чемъ то, у него непременно слѣдуетъ развитіе раздражительности. Далѣе, сильное чувство боли, производя возбужденіе во всѣхъ системахъ организма, не только этимъ самымъ предрасполагаетъ человѣка къ чувству гнѣва, но большею частію очевиднѣйшимъ образомъ сопровождается имъ. Человѣкъ, чувствующій боль, какъ извѣстно,

становится капризнымъ, вспыльчивымъ и иногда прямо испытываетъ припадки гнѣва. Наконецъ, чувство гнѣва развивается вслѣдствіе неудачи въ устраненіи какихъ-либо препятствій, въ потребности все большей и большей силы для этого. Въ этомъ случаѣ гнѣвъ возбуждаютъ часто самые ничтожные предметы, назойливо полагающіе препятствія, не только людямъ, но и животнымъ. Исторія съ комаромъ и львомъ въ баснѣ имѣетъ глубокое психологическое основаніе. Муха, ползающая по лицу занимающагося человѣка, послѣ многократныхъ усилій отогнать ее, можетъ привести въ бѣшенство, заставить вскочить человѣка и сдѣлать неспособнымъ на нѣкоторое время продолжать свою работу. Подобнымъ же образомъ дѣйствуютъ и всѣ другія неудачи устранить препятствія. Основною гнѣва здѣсь, вѣроятно, служитъ постоянное напряженіе энергіи мускуловъ, а затѣмъ слѣдуетъ и цѣльное органическое возбужденіе, то невѣдомое состояніе всѣхъ тканей организма, которое даетъ вообще начало гнѣву и сообщаетъ ему его специфическій характеръ. Фактъ во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, хотя и трудно объяснять его удовлетворительно. Если неудовлетвореніе физическихъ потребностей организма само собою предрасполагаетъ человѣка къ гнѣву и вызываетъ это волненіе, то подобная же связь должна существовать между неудовлетвореніемъ высшихъ, духовныхъ потребностей и чувствомъ гнѣва. Въ этомъ и другомъ случаѣ, какъ извѣстно изъ опыта, состояніе нашего организма почти одно и то же. Потребность молиться, потребность предаваться извѣстную часть дня умственнымъ занятіямъ, — чтенію, напр., — потребность эстетическихъ удовольствій — всѣ эти потребности сопровождаются, при неудовлетвореніи ихъ, чувствомъ такого же почти недовольства и пустоты, какъ чувство голода, жажды и т. п. Отсюда и фигуральныя выраженія для обозначенія этихъ потребностей: „гладь души“, „жажда души“, „пища души“ и т. п.

Чувство боли духовной, т. е. чувство обиды, чувство причиненія вреда нашимъ интересамъ, чувство неудачи въ своихъ усиліяхъ приводятъ организмъ въ состояніе аналогическое съ состояніемъ боли физической. Воплощеніе ихъ въ мускуль-

ной системѣ, во всякомъ случаѣ, почти или совершенно даже одинаково, что, опять, даетъ чисто органическую почву для развитія гнѣва подѣ влияніемъ этихъ духовныхъ процессовъ. А что они сопровождаются волненіемъ гнѣва— это не подлежитъ сомнѣнію. Когда человѣкъ публично позоритъ насъ, намъ это въ высшей степени непріятно, болѣзненно непріятно. За этимъ чувствомъ слѣдуетъ особое органическое состояніе и затѣмъ гнѣвъ, какъ при чувствѣ боли физической. Неудача въ развитіи какой-нибудь мысли, въ заученіи чего-нибудь, въ выкладѣхъ и т. п. приводятъ насъ въ гнѣвъ на томъ же основаніи. Глупость учениковъ приводитъ въ бѣшенство нѣкоторыхъ учителей по тому же самому закону, по какому бѣситъ назойливость мухи и т. п.

Гнѣвное органическое возбужденіе—волненіе есть, какъ было указано, только часть всего чувства. Прежде всего, съ нимъ неразрывно связана потребность *мести*, потребность причинить страданіе лицу, заставившему страдать насъ. Какъ является такое неестественное, разрушительное стремленіе, и какъ оно вяжется съ волненіемъ гнѣва? Связь здѣсь чисто органическая, можно сказать, даже механическая. Чувство гнѣва тѣсно связано, какъ мы видѣли, съ наплывомъ, накопленіемъ и сильнымъ возбужденіемъ нервной энергіи, которая находитъ себѣ ближайшій исходъ въ мускульныхъ рефlekсахъ. И чѣмъ сильнѣе гнѣвъ, тѣмъ сильнѣе, невольнѣе и неудержимѣе эти рефlekсы, при чемъ первное возбужденіе достигаетъ такого напряженія, что разстроиваетъ на нѣкоторое время дѣятельность нервной системы, и съ тѣмъ вмѣстѣ и душевную дѣятельность, что выражается потерей сознанія: человѣкъ вскакиваетъ, начинаетъ бѣгать, машетъ руками, топаетъ ногами, скрежещетъ зубами, рветъ на себѣ волосы, неистово кричить, иногда невольно, безсознательно бьетъ и ломаетъ все, что ему попадаетъ подъ руки. Всѣ эти дѣйствія служатъ, очевидно, только средствомъ траты, разряженія внутренней энергіи, — вызываются непроизвольно ея накопленіемъ. Необходимость ихъ до того сильна, что человѣкъ разгнѣванный, когда ему почему-либо нужно задержать рефlekсы, сцѣпляеть до послѣдней степени зубы, бусаеть съ силою ногти

и губы и этимъ путемъ, такъ сказать, разряжается. Только самые сильные люди въ состояніи никакимъ движеніемъ не выказать гнѣва, когда это не нужно; но съ прекращеніемъ этой необходимости, они нерѣдко предаются наединѣ совершеннѣйшему неистовству. Описанный сейчасъ фактъ въ связи съ гнѣвомъ мускульныхъ рефлексовъ служить исходнымъ пунктомъ и первоначальною основою мести. Потребность прицѣпить вредъ врагу есть первоначально, а слѣдовательно, и въ сущности, потребность дать выходъ нервной энергіи въ движеніяхъ. Все остальное въ этомъ состояніи есть результатъ привычки и различныхъ ассоціацій, изъ которыхъ большая часть дается человѣку въ воспитаніи и которыя до такой степени всеобщы, что кажутся совершенно простыми и непронизуемыми состояніями и актами. Понятное дѣло, почему и какъ возбужденные гнѣвомъ рефлексы ребенка или дикаря обращаются прежде всего на тотъ предметъ, который причиненіемъ боли вызвалъ гнѣвное волненіе. Это дѣлается по тому же самому закону, по какому нога обезглавленной лягушки прикасается къ мѣсту, обожженному сѣрною кислотою, и треть его. Получивши боль, чувствующее существо слѣпо, безсознательно, инстинктивно бросается на причину боли, тѣмъ болѣе, что самое движеніе обуславливается съ необходимостію волненіемъ, требующимъ выхода себѣ. За этимъ движеніемъ, если оно совершено успѣшно, слѣдуетъ взрывъ радостнаго, пріятнаго чувства,—злорадства. Источникомъ его, прежде всего, служитъ сознаніе силы и превосходства; къ нему присоединяется чувство освобожденія отъ опасности. Но къ этому еще присоединяется удовольствіе при видѣ страданій другого, удовольствіе, легко развивающееся вслѣдствіе того, что присутствіе гнѣвнаго волненія не даетъ никакого мѣста, устраняетъ самую возможность развитія нѣжности и симпатіи, которыя весьма часто являются у человѣка, когда пылъ гнѣва пройдетъ, и поле дѣятельности, такъ сказать, для этихъ чувствованій очистится. Этимъ объясняется только, впрочемъ, условіе развитія этого чувства. Положительное же присутствіе чувства удовольствія при видѣ страданій другого въ разгнѣванномъ—даже самомъ гуманномъ и нѣжномъ че-

ловѣкъ—объяснить довольно трудно. Есть факты помогающие этому объясненію; но все же—нерѣшительные и необъясняющіе дѣла совершенно.

Всякому извѣстно, что дѣти и идіоты, вообще, даже слабоумные любятъ мучить животныхъ, и конвульсіи страдающаго животнаго доставляютъ имъ величайшее удовольствіе. Значить, есть что-нибудь въ этихъ конвульсіяхъ, въ этихъ выраженіяхъ боли и страданія,—что пріятно аффицируетъ нервы, какъ замѣчалъ Бэнъ. Другой фактъ: на казни чело­вѣка обыкновенно собираются толпы зрителей, преимущественно людей необразованныхъ. Въ зрѣлищѣ этомъ есть своего рода наслажденіе, которое влечетъ эту толпу. Наконецъ, еще фактъ самый обычный, который можетъ, кажется, объяснить намъ отчасти природу и источникъ удовольствія при видѣ страданій другаго. Видъ страданій умирающаго чело­вѣка и самый фактъ смерти въ дѣйствительности производятъ на всѣхъ какое-то подавляющее впечатлѣніе и портитъ расположеніе духа, особенно на чело­вѣка чувствительнаго. Но вы идете въ театръ и видите на сценѣ картину самой страш­ной и мучительной смерти, воспроизведенную талан­тливымъ артистомъ съ полною и всестороннею вѣрностью дѣйствительности. Вы волнуетесь, но это волненіе пріятное,—можно сказать,—пріятное въ высшей степени: оно не портитъ хорошаго расположенія духа, но, напротивъ, способно возстановить его. Отчего это? Оттого, что изображаемая страданія волнуютъ насъ, заставляютъ переживать эти состоянія, идеально воспроизводясь по законамъ рефлекса и ассоціаціи въ нашей душѣ; но въ то же время не ассоціируются съ печальными мыслями о собственныхъ страданіяхъ, о неминуемо ожидающей насъ смерти и т. п. Напротивъ, имъ сопутствуетъ мысль, что это фикція и, кромѣ того, сопутствуетъ представ­леніе объ искусствѣ артиста и т. п. Нѣчто подобное бываетъ и у дѣтей и идіотовъ. Рефлексы, происходящіе въ нихъ подъ вліяніемъ конвульсій и криковъ мучимаго, пріятно щекочутъ ихъ нервы и не переходятъ въ непріятное чувство или въ симпатію, потому что они не имѣютъ понятія о разбѣрахъ причиняемаго ими зла. Пусть животное умретъ отъ этихъ пы-

токъ, и мучитель первый проникнется непритворнымъ горемъ о погибшемъ животномъ. Неспособность опредѣлить и понять всю великость несчастія, постигающаго разстѣваемаго человѣка и т. п., дѣлаетъ для перазвитой толпы пріятнымъ зрѣлищемъ казни. Ничто подобное бываетъ и въ припадкѣ гнѣва: съ идеальнымъ воспроизведеніемъ страданій, пріятнымъ по своей природѣ, составляется рядъ самыхъ пріятныхъ мыслей, ассоціированныхъ съ мыслями о своемъ превосходствѣ, о свободѣ отъ опасностей—и т. п. Такъ, вѣроятно, получается, въ результатѣ, чувство злорадства, чувство, впрочемъ, весьма пріятное,—до такой степени пріятное, что стремленіе испытывать его можетъ сдѣлаться потребностью человѣка и положить основу звѣрскаго характера.

Являясь чисто механически, какъ необходимый рефлексъ—месть, послѣ нѣсколькихъ опытовъ ея, соединенныхъ съ злорадствомъ и, во всякомъ случаѣ, съ чувствомъ удовольствія и удовлетворенія, превращается въ сознательную потребность въ гнѣвѣ причинить вредъ врагу. Опытъ научаетъ человѣка, что зло, причиненное ему, не только облегчается этимъ путемъ, но какъ бы вознаграждается. Мысль о причиненіи вреда врагу мало по малу прочно ассоціируется съ волненіемъ гнѣва и всегда вызывается этимъ послѣднимъ и превращается у дикарей обыкновенно въ правило жизни и дѣятельности. Такъ какъ въ раннія эпохи своего развитія человѣкъ преимущественно чувствителенъ, даже, можно сказать, исключительно—къ злу физическому, къ боли и т. п., то форма мести первоначально есть нанесеніе побоевъ и т. п., тѣмъ болѣе, что первная энергія всего удобнѣе разряжается этимъ путемъ. Когда человѣкъ начинаетъ гнѣваться и по поводу обидъ духовныхъ, идеальныхъ, онъ по привычкѣ совершаетъ месть въ той же формѣ. Но уже является и замѣна ея. Зная по собственному опыту, что слова могутъ глубоко оскорблять и уязвлять человѣка, человѣкъ начинаетъ изливать гнѣвъ этимъ, болѣе человѣческимъ уже, путемъ. Такъ являются ругательства. Ихъ энергичность пропорціональна силѣ гнѣва, ихъ образность и пластичность соотвѣтствуютъ силѣ нервнаго возбужденія. Частое употребленіе такого способа мести и разряженіе гнѣвнаго

волненія производить то, что нѣкоторыя слова брани становятся стереотипными, и каждое человѣческое общество создаетъ особый лексиконъ брани и ругательствъ, переходящей изъ рода въ родъ. У развитыхъ людей исчезаетъ и этотъ способъ и превращается въ еще болѣе утонченный. Самый благородный изъ этихъ утонченныхъ способовъ есть жалоба обществу на обидчика.

Гнѣвное волненіе, источникъ вражды и ненависти, характеризуется подъемомъ жизненной энергіи въ физической и психической сферахъ при побѣжденіи всякаго рода сопротивленій и препятствій, какъ пассивнаго, такъ и активнаго—агрессивнаго характера,—сопротивленій и препятствій, угрожающихъ благу личности. Волненіе это, при особенномъ специфическомъ характерѣ—неразложимомъ далѣе,—состоитъ, потому, всегда изъ воспріятія или живого представленія препятствія—вреда и сознанія силы или способности побѣждать его. И, обыкновенно, чѣмъ сильнѣе и опредѣленнѣе это послѣднее—чувство силы, тѣмъ сильнѣе самое волненіе. Даже такъ называемая беспильная злоба и гнѣвъ возникаетъ всегда только въ связи съ сознаніемъ большого количества силы, безъ возможности только обнаружить ее.

Совершенно противоположными чертами характеризуется волненіе *страха*, во всѣхъ его видахъ и на всѣхъ ступеняхъ силы. Оно прямо характеризуется упадкомъ всѣхъ силъ физическихъ и душевныхъ, остановкою жизнедѣятельности, кончающеюся иногда потерей сознанія, смертію, помѣшательствомъ и т. п. Въ страхѣ всѣ мускулы ослабляются, иногда моментально, и начинаютъ дрожать, какъ порванная натянутая струна; нижняя челюсть опускается, и ротъ остается открытымъ, принимая почти круглую форму; глаза, вслѣдствіе ослабленія окружающихъ мышцъ, сильно раскрываются и выступаютъ изъ орбитъ; ослабляются даже внутреннія мышцы кишечнаго канала; выдѣленіе слюнныхъ железъ прекращается и получается сухость во рту; голосовые органы парализуются; дыханіе почти останавливается; то же дѣлается съ кровообра-

щеніемъ, вслѣдствіе чего получается крайняя степень блѣдности, что оправдываетъ поэтический эпитетъ ужаса— „блѣдный“.—Нѣчто весьма близкое къ этому выраженію безсилія совершается и въ психической сферѣ. И здѣсь происходитъ моментальная остановка дѣятельности: мышленіе почти вовсе прекращается, т. е. останавливается цѣлесообразное и управляемое волею сочетаніе идей, сравненій и различеній; съ тѣмъ вмѣстѣ падаетъ способность оцѣнки и критики; но въ то же время получаютъ силу произвольныя сочетанія идей, аналогичныя съ произвольными выдѣленіями въ сферѣ органической, и начинаетъ дѣйствовать фантазія. И какъ за моментальнымъ ослабленіемъ мускуловъ иногда въ страхѣ начинается рядъ движеній, съ цѣлью устранить его причину, и эти движенія отличаются судорожностью, произвольностью, неправильностью и даже нецѣльностью и безцѣльностью (бѣгство, закрытіе головы, схватываніе за предметы, немогущіе удержать и т. п.), и развивается огромное количество силы физической,—такъ и въ области мысли, за первымъ подавленіемъ мыслительныхъ операцій, начинается иногда напряженная дѣятельность—тоже въ направленіи устраненія причины страха,—являются болѣею частію самыя нецѣльныя соображенія и выводы, причемъ причина страха сильно преувеличивается и осложняется творческими прибавками.

Такимъ образомъ, страхъ связанъ съ состояніемъ организма и души, прямо противоположными тѣмъ, которыя существуютъ при гнѣвѣ, и есть полная и прямая противоположность этой послѣдней. При этомъ, онъ вызывается тѣми же самыми обстоятельствами—внѣшними и внутренними, т. е. всегда является въ виду опасностей—препятствій всякаго рода, угрожающихъ благу личности, особенно жизни. Только здѣсь воспріятіе или идеальное представленіе опасности, насиліе того или другого рода вызываетъ сознаніе безсилія,—и чѣмъ сильнѣе чувство безсилія, тѣмъ сильнѣе и чувство страха. Поэтому, страхъ есть воспріятіе или представленіе опасности, соединенное съ чувствомъ безсилія, и, во всякомъ случаѣ, эти два элемента составляютъ необходимое условіе его возникновенія. Самый же характеръ волненія дается особеннымъ,

специфическимъ измѣненіемъ души, неразложимымъ дѣлѣ, а потому необъяснимымъ. И какъ гнѣвъ, коль скоро является сознание безсилія, переходитъ прямо иногда въ крайнюю степень страха, такъ и страхъ, съ явленіемъ сознанія силы, быстро превращается иногда въ сильнѣйшую степень гнѣва. (Жестокость возставшихъ рабовъ).

Пытался объяснить самый характеръ гнѣва, психологи связываютъ его съ ощущеніемъ голода, добываніемъ средствъ утоленія его и самымъ процессомъ насыщенія; также точно страхъ связываютъ съ ощущеніемъ удушія, дѣлая изъ этого послѣдняго какъ бы прототипъ и зародышевую форму волненія страха. Ощущеніе удушія, также воспріятіе и представленіе дѣятелей, угрожающихъ остановкою дыханія, — дѣйствительно, всего легче и скорѣе вызываютъ, и притомъ въ сильнѣйшихъ степеняхъ, страхъ. Съ разстройствомъ дыхательныхъ процессовъ, слабостію груди и легкихъ всегда связана бываетъ пугливость. Кромѣ того, въ сильныхъ припадкахъ страха, дыханіе, какъ мы видѣли, задерживается; дыхательные органы ослабляются, и ощущеніе удушія является само собою, такъ что родство между характеромъ ощущенія и страхомъ нельзя отрицать.

Обращаясь къ наблюденію частныхъ обстоятельствъ и условій возникновенія страха, мы всюду видимъ присутствіе главнаго элемента его — чувства безсилія въ большей или меньшей степени, и все страшное въ мірѣ можно опредѣлить или охарактеризовать, по крайней мѣрѣ, какъ опасное, грозное, способное вызвать сознание и чувство безсилія. Потому, одни и тѣ же предметы, явленія, — вообще, обстоятельства и условія угрожающаго характера, въ одномъ человѣкѣ вызываютъ страхъ въ сильнѣйшихъ степеняхъ, въ другомъ — нѣтъ; смотря потому, вызываютъ эти обстоятельства въ данномъ субъектѣ чувство безсилія, или нѣтъ. И у одного и того же человѣка одинъ и тотъ же предметъ вызываетъ страхъ въ одномъ случаѣ, когда является чувство безсилія или слабости, — а въ другомъ — противоположное волненіе.

Мало того, простое возникновеніе чувства слабости и безсилія въ какомъ нибудь отношеніи, при полномъ отсутствіи

всякой опасности, даже отсутствія всякой мысли объ опасности—всегда почти сопровождается чувствомъ страха, иногда въ очень сильныхъ степеняхъ. Это чувство безсилія весьма часто, можно сказать, во всѣхъ сложныхъ случаяхъ вызывается прямо ослабленіемъ мыслительныхъ операцій и просто невозможностью приложить силу ума къ оцѣнкѣ окружающихъ обстоятельствъ. Съ этой точки зрѣнія, вполне вѣроятно предположеніе, что страхъ—въ своей сущности и основѣ—есть прямое воспріятіе душею своей безпомощности и безсилія, даннаго въ разстройствѣ, ослабленіи или полной остановкѣ мыслительныхъ операцій. Такъ, самая низшая и первичная форма страха—испугъ подъ вліяніемъ неожиданнаго повышенія или ослабленія, все равно—пріятнаго или непріятнаго,—внѣшнихъ впечатлѣній, производится прямо невозможностью продолжать внутреннюю дѣятельность, оцѣнить немедленно данное неожиданное измѣненіе и оріентироваться. Такъ, другая низшая форма страха—робость въ незнакомомъ обществѣ, въ новой обстановкѣ, при началѣ новой—непривычной дѣятельности и т. п. обуславливается разстройствомъ умственныхъ операцій и всего теченія душевной жизни, вслѣдствіе напряженнаго вниманія къ новому положенію и невозможности оцѣнить послѣдствія.

Такъ и сильнѣйшая форма и степень страха—страхъ паническій, охватывающій особенно цѣлую массу людей,—зависитъ прямо отъ неспособности оцѣнить положеніе и остановку умственной дѣятельности, при чемъ и самая причина страха часто никому неизвѣстна. И вообще, всѣ обстоятельства, препятствующія процессу оцѣнки окружающаго, лишаяющія человѣка способности оріентироваться, предвидѣть ходъ событій и т. п., вызывая прямо чувство безпомощности, составляютъ самое благопріятное условіе для развитія и возникновенія страха, которымъ уже затѣмъ вызывается самая идея опасности, нерѣдко фантастическая. Вслѣдствіе этого—тьма, дремучій лѣсъ, глубокія воды, также пустыня, непривычное уединеніе—благопріятствуютъ развитію страха,—именно, вызывая чувство безпомощности, подъ вліяніемъ прямого сознанія невозможности оріентироваться здѣсь и употребить

силу ума. Ночь, лѣсъ и др. потому населяютъ разными ужа-сами. Къ этому же началу сводится развитіе страха передъ силами природы подъ вліяніемъ невѣжества и простого созна-нія силъ природы—страха такъ называемаго суевѣрнаго. Страхъ смерти зависитъ отъ того же—неизвѣстности будущаго. (Страхъ рабскій—вообще—страхъ подчиненныхъ безправныхъ).

Страхъ—самое мучительное чувство, унижительное и вред-ное во всѣхъ отношеніяхъ,—источникъ всякихъ золъ.

Радость и горе.

Преобладаніе интеллектуальнаго элемента въ волненіяхъ радости и горя надъ стихійными, въ противоположность волненіямъ любви, гнѣва и страха.—Понятіе о волненіи радости.—Тѣлесное выраженіе радости, въ связи съ соответствующими психическими измѣненіями.—Веселость, ея причины и средства возбужде-нія.—Формы радости.—Волненіе горя и его вѣднѣе выраженіе; психическая сто-рона горя.—Условія ослабленія и уничтоженія горя.

Волненія любви, гнѣва и страха, во всѣхъ ихъ формахъ и видоизмѣненіяхъ, характеризуются, между прочимъ, весьма малымъ участіемъ въ нихъ интеллектуальныхъ дѣятельностей,—яснаго представленія, пониманія, оцѣнки, вообще. Въ нихъ преобладаетъ нѣчто слѣпое и стихійное, независящее отъ дѣятельности различенія и умственнаго созерцанія. Въ любви, напримѣръ, какъ альтруистической, такъ и эгоистической, оцѣнка объекта любви прямо зависитъ отъ самаго волненія, и умственный анализъ его качествъ прямо опредѣляется уже возникшимъ подъ другими вліяніями волненіемъ,—что выра-жается и въ извѣстномъ афоризмѣ: „не по хорошу мѣлъ, а по милу хороши“. Если и бываетъ наоборотъ, то въ рѣд-кихъ, исключительныхъ случаяхъ, и при этомъ, всегда получа-ются низшія по степени силы, мало страстныя формы любви. Предварительное размышленіе, оцѣнка являются, потому, гово-ря вообще, антагонистами этого чувства и, во всякомъ слу-чаѣ, скорѣе препятствуютъ, чѣмъ способствуютъ его возник-новенію и развитію въ душѣ. Тоже самое—гнѣвъ вызывается непосредственнымъ чувствомъ—сознаніемъ препятствія, наси-лія и т. п., въ связи, опять, съ непосредственнымъ сознаніемъ силы устранить препятствіе, противоодѣйствовать насилію.

Оцѣнка и анализъ предметовъ только въ рѣдкихъ случаяхъ способны вызвать это волненіе и въ огромномъ большинствѣ препятствуютъ его возникновенію и развитію. Что касается, наконецъ, страха, то это волненіе, какъ мы старались доказать, имѣетъ своею главною причиною отсутствіе или крайнее ослабленіе критической способности и чувство интеллектуального преимущественно безсилія.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются волненія *радости и гора*, хотя они, какъ аффекты, имѣютъ много общаго съ предъидущими волненіями. Въ нихъ интеллектуальный элементъ является преобладающимъ: оцѣнка предметовъ и явленій есть необходимое условіе ихъ явленія, *conditio, sine qua non* ихъ бытія въ душѣ. Можно сказать прямо и безъ преувеличенія, что эта оцѣнка есть причина ихъ возникновенія во всѣхъ случаяхъ и способна, затѣмъ, по мѣрѣ своего развитія, повышать или ослаблять ихъ напряженность и силу. Въ силу этого, они занимаютъ средину между аффектами и высшими волненіями—эстетическими, нравственными и религіозными—и законно занимаютъ послѣднее мѣсто въ группѣ аффектовъ.

Радостью называется особаго рода возбужденіе души, всегда довольно сильное и пріятное, являющееся подъ вліяніемъ пріобрѣтенія или ожиданія пріобрѣтенія какого-либо блага—источника удовольствій, дѣйствительнаго или воображаемаго, также подъ вліяніемъ самаго удовольствія—настоящаго или ожидаемаго. Такимъ образомъ, радость можетъ быть опредѣлена, какъ удовольствіе по поводу удовольствія, удовольствіе, вызываемое другимъ удовольствіемъ, настоящимъ или ожидаемымъ. Въ этой зависимости радости отъ какого-либо другого удовольствія, какъ прямой причины ея, и заключается специфическій характеръ этого волненія, выдѣляющій его, какъ особый видъ душевнаго—эмоціональнаго измѣненія, изъ всѣхъ другихъ. Этимъ же объясняется и высшая степень пріятности волненія радости: она есть всегда двойное удовольствіе, или, если можно такъ выразиться, удовольствіе, помноженное на удовольствіе.

При этомъ, чѣмъ болѣе и важнѣе пріобрѣтаемое или ожи-

даемое благо и чѣмъ, слѣдовательно, сильнѣе наличное или предвкушаемое удовольствіе, тѣмъ сильнѣе и волненіе радости. Самая оцѣнка степени значенія даннаго блага, понятное дѣло, всегда чисто субъективна и зависитъ отъ характера, степени развитія, соціальнаго положенія и т. п. личности, — вообще, отъ личныхъ интересовъ, своихъ у каждаго человѣка. И чѣмъ яснѣе и отчетливѣе пониманіе цѣнности какого-либо пріобрѣтенія, тѣмъ, опять, сильнѣе самое волненіе.

Волненіе радости возникаетъ также и въ тѣхъ случаяхъ, когда устраняется какое-либо зло, прекращается страданіе и т. п.; но сущность волненія отъ этого нисколько не измѣняется: оно все-таки остается удовольствіемъ отъ воспріятія удовольствія, такъ какъ устраненіе зла, прекращеніе страданія всегда сопровождается очень ясно, даже особенно ясно — сознаваемымъ удовольствіемъ.

Волненіе радости имѣетъ очень опредѣленное и характерное выраженіе, правда, близкое по своему составу къ общему выраженію удовольствія, что само собою понятно изъ природы этого волненія, но не тождественное съ нимъ. Подъ вліяніемъ радости кровообращеніе и дыханіе усиливаются, что сопровождается особымъ ощущеніемъ въ области сердца, которое кажется трепещущимъ („сердце трепещетъ отъ радости“). Повышеніе дѣятельности кровообращенія при этомъ отличается отъ подобнаго же явленія, на примѣръ, въ гнѣвѣ, отличающагося правильностью и какъ бы ритмичностью. Только въ самыхъ сильныхъ степеняхъ волненія, наступающаго, при томъ же, неожиданно, усиленіе кровообращенія бываетъ чрезмернымъ въ первый моментъ и причиняетъ иногда смерть или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую степень отупѣнія.

Подъ вліяніемъ быстрой и правильной циркуляціи крови, повышается дѣятельность мозга, глаза вслѣдствіе этого получаютъ особенный, неподдающійся описанію блескъ, мускулы лица приходятъ въ самое легкое и удобное для нихъ движеніе, принимаютъ самое легкое, пріятное и удобное для нихъ положеніе, слагаясь въ цѣломъ въ то, что называется улыбкою, которая затѣмъ легко переходитъ въ смѣхъ, въ связи съ особеннымъ положеніемъ органовъ дыханія. Голосъ повы-

шается и въ немъ обнаруживается стремленіе къ ритму, вѣроятно, вслѣдствіе постояннаго повторенія однороднаго пріятнаго возбужденія, на которомъ всецѣло сосредоточивается вниманіе. Въ силу этого, голосовыя выраженія радости переходятъ весьма часто въ пѣніе. Тоже самое стремленіе къ ритмическимъ движеніямъ обнаруживается во всей двигательной системѣ. Получается хлопанье руками, пальцами, правильныя притопыванія ногами, превращающіяся въ пляску и танцы. Кожа слегка окрашивается, особенно на лицѣ, и всѣ, затѣмъ, процессы жизненные соотвѣтственно повышаются, напримѣръ, пищевареніе, уподобленіе и т. п. — Аналогичныя этимъ органическимъ измѣненіямъ происходятъ измѣненія и въ психической сферѣ. Мышленіе и теченіе идей становятся быстрѣе и правильнѣе, хотя и направляются болѣею частію односторонне, обуславливаясь въ содержанія своемъ волненіемъ, по общему закону вліянія волненія на мышленіе; энергія воли и сознаніе силы повышается, и человѣкъ становится способнымъ на самыя смѣлыя дѣйствія; всѣ непріятныя волненія подавляются и устраняются до невозможности даже возникнуть въ данный моментъ. Особенно легко возникаютъ волненія симпатическія—нѣжности и, въ связи съ инстинктивнымъ, присущимъ всякому пріятному волненію, стремленіемъ возможно долѣе поддержать и усилить радостное настроеніе, вызываютъ потребность доставить удовольствіе другимъ, обрадовать другихъ, видѣть около себя радостныя лица и т. п. Это стремленіе не совсѣмъ точно называется „потребностью подѣлиться радостью съ другими“. Какъ бы то ни было, отсюда возникаетъ празднованіе радостныхъ событій — обѣдами, балами и т. п.

Вслѣдствіе того, что радость имѣетъ опредѣленное, этому волненію спеціально свойственное тѣлесное выраженіе и воплощеніе,—оно можетъ явиться безъ всякихъ внѣшнихъ поводовъ, въ силу только того, что организмъ приходитъ въ то состояніе, въ какомъ онъ бываетъ при радости. Получается общее радостное настроеніе, называемое „веселостью“, особенно, когда окружающія обстоятельства способствуютъ возбужденію удовольствія или не даютъ поводовъ къ страданію и печали. Въ такомъ настроеніи, напримѣръ, находятся здоро-

вые молодые люди, не имѣющіе поводовъ испытывать страданіе или горе. Настроеніе это, какъ коренящееся въ чисто органическихъ причинахъ, можетъ стать постояннымъ и болѣзненнымъ, формою помѣшательства, также можетъ возбуждаться искусственно, нѣкоторыми ядами,—алкоголемъ, гашишемъ, опиумомъ и т. п. (Радость въ этихъ случаяхъ подчинена тому же закону, какъ и всѣ остальные волненія—любовь, гнѣвъ, страхъ).

Что касается различныхъ формъ или видовъ радости, то они могутъ быть удобно сведены къ тремъ главнымъ.

а) Радость, испытываемая подъ вліяніемъ приобрѣтенія благъ, имѣющихъ значеніе исключительно для отдѣльной личности, вообще подъ вліяніемъ собственныхъ удовольствій и надеждъ. Эту форму радости, отчего бы она ни зависѣла, можно назвать радостью эгоистическою. б) Вторая форма есть радость, испытываемая при видѣ приобрѣтеній благъ, удовольствій другими людьми, цѣлымъ обществомъ и даже цѣлымъ человѣчествомъ. У нѣкоторыхъ людей волненіе радости въ этой формѣ является даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приобрѣтеніе благъ другими сопровождается потерями и страданіями для нихъ самихъ. Она является особенно часто подъ вліяніемъ любви и можетъ быть названа радостью альтруистическою. в) Третью форму радости составляетъ радость, возникающая по поводу страданія, несчастія, горя другихъ людей. Источникъ ея есть удовольствіе, испытываемое подъ вліяніемъ гнѣва и чувства мести при видѣ страданія, возбудившихъ гнѣвъ, людей и называется обыкновенно „злорадствомъ“.

Горе и печаль составляютъ полную противоположность волненіямъ радости, хотя по своему составу психическому вполне съ нимъ аналогично. Оно есть страданіе—неудовольствіе, возникающее подъ вліяніемъ потери какого-либо блага, удовольствія, также подъ вліяніемъ наличнаго или ожидаемаго страданія, бѣдствія. Оно, слѣдовательно, можетъ быть опредѣлено, какъ страданіе по поводу страданія,—естъ, потому, всегда двойное и повышенное страданіе. Его высшее выраженіе и воплощеніе, точно также какъ выраженіе радости, отличается тоже особенною опредѣленностью и рельефностью, притомъ, вполне противоположно выраженію этого послѣд-

наго волненія. Выраженіе это характеризуется подавленностью всѣхъ органическихъ отправленій, отличною, впрочемъ, отъ подавленности въ волненіи страха: въ послѣднемъ случаѣ подавленность близка къ остановкѣ всѣхъ отправленій и имѣетъ острый характеръ; въ горѣ оно есть общее тяжелое и гнетущее, какъ бы массивное пониженіе въ теченіи жизни органической. Кровообращеніе и дыханіе ослабляются до послѣдней степени, вслѣдствіе чего получается общая блѣдность кожи и лица особенно: мозгъ обезкровливается и теряетъ, потому, напряженность, вслѣдствіе чего глаза тускнѣютъ и вваливаются въ орбиты, мускулы лица ослабляются и принимаютъ самое неестественное для нихъ положеніе, сильно растягиваясь пассивно; тоже бываетъ съ мускулами глотки. Ослабляются и всѣ остальные мускулы,---руки опускаются и кажутся тяжелыми, ноги какъ-бы отказываются слушать, „подкашиваются“, какъ говорится, получается потребность опереться на что-нибудь, упасть и т. п. Внутренніе мускулы тоже ослабляются и процессы питанія, уподобленія почти прекращаются, что выражается лишеніемъ аппетита и позыва на пищу. Результатомъ описаннаго положенія мускуловъ лица и глотки получается, съ одной стороны, давленіе на слезныя железы, чѣмъ вызывается обильное выдѣленіе слезъ, затѣмъ спазматическое судорожное сжатіе глотки, затѣмъ слѣдуютъ судорожныя вдыханія и выдыханія, сопровождающіяся особымъ звукомъ, извѣстнымъ подъ именемъ плача и рыданія. Выдѣленіе слезъ и плачъ-рыданіе, будучи прямыми спутниками и выраженіемъ горя, въ то же время служатъ средствомъ его ослабленія и облегченія, какъ это общеизвѣстно. Дѣло въ томъ, что страданіе горя, вызывая описанное состояніе организма, тѣмъ самымъ создаетъ добавочное физическое страданіе и достигаетъ высшей, удвоенной степени напряженія, пока процессъ дыханія и кровообращенія и состояніе мускуловъ остаются въ положенія, которое придается имъ возбужденіемъ горя, т. е. въ положенія крайняго ослабленія. Съ началомъ выдѣленія слезъ, криковъ и рыданій начинается реакція чисто рефлексивная и механическая. Мускулы переходятъ въ другое, болѣе дѣятельное состояніе, процессъ окисленія усиливается сильными вдыханіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ

усиливается и кровообращеніе, кровеносные сосуды мозга наполняются постепенно достаточнымъ количествомъ крови и дѣятельность мозга постепенно восстанавливается и становится энергичнѣе. Съ тѣмъ вмѣстѣ физическая причина страданія, усугубляющая и стѣсняющая часто душевное возбужденіе горя, исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, ослабляется въ весьма значительной степени. Прямымъ слѣдствіемъ этого является общее облегченіе страданій горя, его ослабленіе путемъ устраненія одной изъ его частей. Такое же точно значеніе имѣютъ, наступающія иногда за первоначальнымъ ослабленіемъ мускуловъ всего туловища, судорожныя порывистыя движенія, — метаніе, удары въ грудь, рванье волосъ, схватываніе головы, нанесеніе себѣ ранъ и т. п. Движенія эти составляютъ реакцію первоначальному тягостному ослабленію двигательной системы и облегчаютъ страданія на томъ же самомъ основаніи. Съ восстановленіемъ, путемъ всѣхъ этихъ двигательныхъ реакцій, состоянія организма, близкаго къ нормальному, остающаяся все-таки общая подавленность отпавленій нейтрализуется въ области дыханія — глубокими вдыханіями или вздохами, повторяющимися чрезъ болѣе или менѣе правильныя промежутки времени, въ области лица и глотки, — выдѣленіемъ тихихъ слезъ и стономъ...

Въ психической сферѣ наблюдается въ припадкахъ горя нѣчто аналогичное съ тѣмъ, что совершается въ организмѣ. И здѣсь ходъ душевной жизни, напримѣръ, теченіе идей — подавляется до того, что онѣ кажутся вполне какъ бы отсутствующими, всякія желанія и стремленія прекращаются, и воля вполне парализуется. Получается въ высшей степени мучительное сознаніе какой то пустоты душевной, безпомощности, непониманія, что дѣлается, какъ и почему. Но вслѣдъ затѣмъ всегда почти начинается судорожное возбужденіе мысли и воли: являются нелѣпыя соображенія, несбыточныя надежды, странныя желанія и планы, чѣмъ страданіе до извѣстной степени облегчается, въ силу просто поднятія уровня внутренней энергіи. При этомъ причина горя мало-по-малу опредѣляется, положеніе выясняется и возникаетъ новый приступъ горя, которое теперь находитъ выходъ и облегченіе въ ясныхъ до мельчайшихъ подробностей образахъ относи-

тельно причины горя, образахъ, которые стремятся выразить-ся въ словахъ — въ формѣ причитаній, напримѣръ, или подробнаго разсказа и описанія своего горя другимъ. Это высказываніе, „изліяніе“ горя, какъ извѣстно, тоже облегчаетъ его, вѣроятно, путемъ простаго отвлеченія вниманія отъ волненія и сосредоточенія его на интеллектуальныхъ операціяхъ. Но значительное облегченіе горя получается также, когда огорченный видитъ сочувствіе себѣ, т. е. сознаетъ, что и другіе испытываютъ часть страданій, имъ испытываемыхъ. Выраженія сочувствія, особенно видъ выраженія печали другими, — печальнаго лица, слезы — все это уменьшаетъ горе и дѣлаетъ перенесеніе его болѣе легкимъ. Явленіе это на первый взглядъ кажется — страннымъ и неимѣющимъ основанія. Повидимому, въ обстановкѣ сочувствія и пр. горе должно бы увеличиваться — по закону отраженія симпатическаго, и, во всякомъ случаѣ, нѣтъ резона, повидимому, уменьшаться ему въ виду страданія другихъ людей или всѣхъ окружающихъ. Обыкновенно явленіе это объясняется положеніемъ, что „горе раздѣляется“ и потому ослабляется; но это, конечно, метафора, также точно какъ и объясненіе облегченія горя путемъ его пересказа и описанія — „изліяніемъ“. Раздѣлить по частямъ внутреннее волненіе, а тѣмъ болѣе раздать его другимъ нельзя, конечно, точно также какъ и отлить часть его, какъ какой-нибудь жидкости. Всего вѣроятнѣе, что видъ горя въ окружающихъ — просто измѣняетъ масштабъ измѣренія своего — собственнаго горя — страданія. Что это, дѣйствительно, такъ — показываютъ случаи усиленія горя при видѣ веселья, даже возникновенія со всею первоначальною силою забытаго и ослабленнаго до извѣстной степени горя. Какъ бы то ни было, люди, близкіе такъ или иначе къ горяющему и даже совсѣмъ чужіе всегда стараются сдѣлать грустную физіономію, даже когда вовсе не сочувствуютъ горю. Этому уже требуетъ простое приличіе и обычай, имѣющій, какъ очевидно, весьма разумное основаніе и тенденцію — ослабить горе ближняго. Такимъ вліяніемъ выраженія горя другими людьми на его ослабленіе, можетъ быть, объясняется и древній обычай напимать плакальщицъ по умершимъ, собраніе людей на поминки и т. п.

Какъ и радость,—горе, печаль, вълѣдствіе своей связи съ органическими опредѣленными измѣненіями, можетъ явиться безъ виѣшняго повода, въ силу чисто органическаго расположенія, можетъ принимать болѣзненные формы—въ родѣ меланхоліи, у нѣкоторыхъ можетъ искусственно вызываться ядами, напримѣръ, алкоголемъ.

Наколенъ, всякое, самое большое горе ослабляется черезъ болѣе или менѣе продолжительное время отъ своего первоначальнаго возникновенія. И время въ этомъ случаѣ представляется какимъ-то дѣлителемъ ранъ душевныхъ. Но это опять, конечно, метафора: время само по себѣ есть простая форма, — отвлеченіе смѣны явленій. Ослабленіе постепеннаго волненія здѣсь совершается другими, реальными дѣателями и силами. Горе ослабѣваетъ точно такъ же, какъ и всякое душевное волненіе,—отъ простого утомленія одною и тою же дѣятельностью; далѣе, отъ постепеннаго ослабленія своихъ возбудителей, сосредоточенія вниманія на другихъ предметахъ, измѣненія жизненныхъ условій, интересовъ и т. п. Во множествѣ случаевъ оно изглаживается совершенно; въ нѣкоторыхъ оставляетъ слѣдъ на всю жизнь въ формѣ такъ называемой *грусти*, въ которой печаль-горе осложняется пріятными воспоминаніями, связанными съ потерей, причинившею горе. Этою то связью собственно и объясняется самое пребываніе постоянное слѣдовъ горя въ формѣ грусти. Не смотря на постоянные факты ослабленія горя отъ времени указанными способами, сильно горящіе люди всегда питаютъ иллюзію невозможности его прекращенія. Человѣку, потерявшему что-либо очень цѣнное, напримѣръ, любимаго другого человѣка, всегда кажется, что горе, имъ испытываемое, останется навсегда. И самый нелѣпый способъ утѣшенія, потому,—указаніе на этотъ фактъ. Иллюзія эта объясняется вообще подавленностью интеллектуальной силы въ горѣ и невозможностью при полной силѣ его сосредоточить вниманіе на чемъ нибудь другомъ, и тѣмъ болѣе вообразить и создать въ своемъ умѣ условія и обстоятельства, при которыхъ горе не существуетъ.

Веніаминъ Снегиревъ.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Августа № 15. 1892 года.

Содержаніе. Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семипарин.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.—Отъ Правленія Купинскаго Духовнаго училища.—Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный комитетъ денежныхъ пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ отъ неурожаа (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Въ пользу нуждающихся въ пропитаніи учанщихъ и учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты мѣстностей Харьковской епархіи, пострадавшихъ отъ неурожаа, поступило: 1) при отношеніи причта Харьковской Димитріевской церкви—15 р. 60 к.; 2) при отношеніяхъ предсѣдателя Харьковскаго уѣзднаго отдѣленія, протоіерея Павла Копалевскаго: отъ наблюдателя священника І. Мантулина—2 руб., 10 коп., отъ наблюдателя 1-го Харьковскаго округа священника Полкварна Пономарева—17 р., отъ наблюдателя 4-го округа свящ. Щенинскаго—2 руб., итого—21 р. 10 к.; 3) при отношеніи наблюдателя—священника Димитрія Региневскаго отъ церквей 3 Харьковскаго округа—10 р.; 4) при отношеніи Богодуховскаго уѣзднаго отдѣленія, отъ церквей Богодуховскаго уѣзда—50 р. 22 к.; 5) при отношеніи о. предсѣдателя Валковскаго отдѣленія свящ. Гавріила Павловскаго отъ оо. завідующихъ школами Валковскаго уѣзда—13 р.; 6) при отношеніяхъ Волчанскаго отдѣленія отъ церквей Волчанскаго уѣзда—54 руб. 60 коп.; 7) при отношеніяхъ Изюмскаго отдѣленія отъ церквей Изюмскаго уѣзда—45 р. 93 к.; 8) при отношеніяхъ Старобѣльскаго отдѣленія, собранные оо. наблюдателями школъ—43 р. 50 к.; 9) при отношеніяхъ Сумскаго отдѣленія, собранные въ церковно-приходскихъ школахъ уѣзда—35 р. 79 к. Итого съ 16 марта по 1-е августа текущаго года поступило—289 р. 74 коп., а всего съ прежде поступившими—417 р. 74 к.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

29 іюля сего года въ Правленіе Семинаріи поступило 20 руб., пожертвованныхъ священникомъ села Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда, о. Григоріемъ Поповымъ, въ пользу семинарской Іоанно-Богословской церкви.

Увѣдомляя о семъ, Правленіе Семинаріи считаетъ долгомъ выразить глубокую благодарность о. Григорію Попову за его пожертвованіе.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, Совѣтъ училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что вступительные экзамены во всѣ классы училища назначены на 1-е и 2-е сентября н. г., а переекзаменовка во всѣхъ классахъ на 3-е и 4-е сентября; причемъ Совѣтъ училища предупреждаетъ, что всѣ дѣвицы, которыя не явятся въ назначенные дни къ экзамену или переекзаменовкѣ, не будутъ впослѣдствіи допущены къ экзамену вовсе, а къ переекзаменовкѣ—безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неявки своевременно.

Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.

Предметы занятій съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа, имѣющаго открытъ свои засѣданія 16 сентября 1892 г., слѣдующіе: 1) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію Харьковскаго духовнаго училища и училищнаго общежитія въ 1893 г.; 2) разсмотрѣніе журнала ревизіоннаго комитета по повѣркѣ экономическаго отчета за 1891 г.; 3) избраніе двухъ членовъ Правленія отъ духовенства; 4) избраніе трехъ членовъ ревизіоннаго комитета для повѣрки экономической отчетности по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1892 г. и наблюденія за произваствомъ расходовъ въ 1893 г.; 5) разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за 1891 г., и 6) другія текущія дѣла, подлежащія обсужденію съѣзда.

Отъ Правленія Купянскаго Духовнаго училища.

Правленіе Купянскаго Духовнаго училища симъ объявляетъ, что начало ученія въ Купянскомъ духовномъ училищѣ отсрочено по

случаю холерной эпидеміи до 15 сентября, а переекзаменовки и пріемные экзамены назначены на слѣдующіи числа сентября: переекзаменовки: приготовительному и 1-му классамъ на 1 и 2 число, 2-му классу на 3 число, 3-му классу на 4 число, 4-му классу на 5 число, экзамены не державшимъ оныхъ до вакацій на 7 число, пріемные экзамены въ приготовительный классъ на 9 и 10 число и въ остальные классы на 11 и 12 число.

Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный Комитетъ денежныхъ и пищевыхъ пожертвованій, съ 15 сентября 1891 г. по 1 января 1892 г., въ пользу соотечественниковъ, бѣдствующихъ отъ неурожая.

(Продолженіе *).

Черезъ благочиннаго 2 округа, Богодуховскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Успенской ц. заштат. г. Краснокутска 5 р. 36 к., Николаевской г. Краснокутска 3 р. 40 к., Арх. Михайловской, г. Краснокутска 3 р., Успенской сл. Рублевки 3 р., Арх. Михайловской, сл. Рублевки 1 р. 80 к., Покровской, с. Бригадировки 1 р., Николаевской, с. Лихачевки 1 р., Георгіевской, с. Филенкова 6 р., Успенской, сл. Колонтаевки 3 р. 50 к., Николаевской, сл. Колонтаевки 5 р., Преображанской, сл. Колонтаевки 17 р., 20 к., Покровской, с. Любовки 1 р. 40 к., Константин. Еленовской, с. Константиновки, 3 р., Покровской, с. Пархомовки 3 р. 7 к., Покровской, с. Козѣвки 3 р., 50 к., Антоно-Феодосіевской с. Куньевахи 2 р., Николаевской, с. Городнаго 2 р., Успенской, сл. Полковой Никитовки 8 р. 29 к., Рожд. Богородичной с. Губаревки 3 р., Николаевской, сл. Мурафы 3 р. 64 к., Арх. Михайловской сл. Мурафы 2 р. Отъ священника Петра Мигулина 1 р., Сорокъ Мученической с. Мирнаго 1 р., Успенской, сл. Хрущевой Никитовки 3 р., Благовѣщенской с. Шаровки 2 р., Александрово-Невской с. Александровки 1 р. 2 к., Георгіевской, с. Павловки кружечнаго и отъ продажи хлѣба 28 р. Отъ учениковъ, Качаловской народн. школы 1 р. 82 к. (всего черезъ благочиннаго 2 округа Богодуховскаго уѣзда 120 руб. Отъ Ахтырскаго Троицкаго монастыря кружечн. сбора за ноябрь 3 р. Черезъ благочиннаго 3 округа, Харьковскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за октябрь: Троицкой, с. Мироновки 1 р. 75 к., Арх. Михайловской, с. Лопани 7 р. 96 к., Николаевской с. Березовки 2 р., Владимірской, с. Должика 8 р. 12 к., Николаевской, хут. Ка-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1892 г., № 14.

зачка 2 р., Христорождественской с. Одноробовки 3 р., Николаевской г. Золочева 3 р., Вознесенской, г. Золочева 2 р., Успенской г. Золочева 3 р., Успенской, с. Дементьевки 2 р. 50 к., Рожд. Богородичной, сл. Деркачей 4 р., Рожд. Богородичной, с. Удъ 4 р. 20 к. Отъ священника Семена Петровскаго 50 к., псаломщика Ивана Андропова 20 к., священника Филарета Антонова 5 р., причта Успенской цер. г. Золочева 3 р., священника Иакова Вѣликова 1 р. Черезъ благочиннаго 2 округа Валковского уѣзда кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Знаменской с. Знаменскаго 56 к., Петро-Павловловской, с. Княжнаго 4 р., Рожд. Богородичной, с. Карованскаго 6 р., Успенской, с. Камышеватаго 7 р., Вознесенской, с. Люботина 5 р. 10 к., Покровской с. Минювки 4 р. 95 к., Троицкой, с. Михайловки 1 р., Покровской с. Новаго Мерчика 50 к., Крестовоздвиженской Новаго села 2 р. 4 к., Воскресенской, сл. Новой Водолаги 10 р. 30 к., Николаевской, сл. Новой Водолаги 2 р. 50 к., Преображенской, сл. Новой Водолаги 4 р., Покровской, с. Огульцевъ 1 р. 40 к., Троицкой, с. Одринки 6 р., Всѣхсвятской, с. Старога Мерчика 1 р., Покровской, сл. Старой Водолаги 4 р., Предтеченской, сл. Станичной 3 р., І.-Вогословской, сл. Черемушной 2 р. 50 к.; отъ причтовъ: Рожд.-Богородичной, с. Караваннаго 1 р., Успенской, с. Камышеватаго 1 р., Вознесенской, с. Люботина 1 р., Покровской, с. Липковки 1 р. 5 к., Крестовоздвиженской, Новаго села 7 р. 70 к., Покровской, с. Огульцовъ 1 р.; отъ прихожанъ: Рожд.-Богородичной, с. Карованскаго 1 р., Крестовоздвиженской, Новаго села 50 к., Николаевской, сл. Новой Водолаги 50 к., Преображенской, сл. Новой Водолаги 1 р., Покровской, с. Огульцовъ 2 р. 91 к., Троицкой, с. Одринки 4 р. 63 к., отъ экономіи стат. совѣтн. Г. Духовскаго 30 р., отъ общества крестьянъ села Станичнаго 10 р. 18 к. (всего черезъ благочиннаго 2 округа Валковского уѣзда 129 р. 32 к.); черезъ члена комитета К. П. Уткина вырученные отъ продажи разныхъ старыхъ вещей 61 р. 30 к.; черезъ члена комитета Н. А. Жевержеева: отъ неизвѣстнаго 20 р., неизвѣстнаго 10 р., Морозова А. Н. 30 к., дѣтей начальной школы Шамоевой 1 р. 30 коп.; черезъ благочиннаго 2 округа Волчанскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Петропавловской, сл. Печенѣгъ 10 р. 20 к., Преображенской, сл. Печенѣгъ 1 р. 80 к., Успенской, сл. Артемовки 2 р., Рожд.-Богородичной, сл. Мартовой 5 р. 41 к., Покровской, сл. Хотомли 7 р. 85 коп., Николаевской сл. Хотомли 1 р. 86 к., Введенской, сл. Нижн. Писаревки 1 р. 80 к.,

Николаевской сл. Ново Бурлучка 1 р. 5 к., Троицкой, сл. Юрченковой 3 р., Покровской, с. Великаго 28 руб. 30 к., Троицкой, с. Нижн.-Бурлучка 2 р. 9 к. Покровской, с. Василенкова 3 р. 20 к., Митрофаніевской, с. Отраднаго 3 р. 42 к., Предтечевской, сл. Вазалѣвки 2 р., Покровской, сл. Большой Бабки 3 р., Параскевіевской, с. Песчаного 67 коп., Христорождественской, с. Питницкаго 65 к.; отъ служащихъ при Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ 1% изъ полученнаго жалованья за декабрь 1 руб. 35 к., чрезъ благочиннаго 3 округа Ахтырскаго уѣзда кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Григорьевской, с. Турья 20 руб., Богородичной, сл. Пушкарной 2 р., Покровской сл. Покровской 2 р. 10 к., Димитріевской, сл. Риснаго 1 р., Троицкой, с. Мизиновки 1 р. 60 к., Успенской, сл. Краснополя 2 р., Предтечевской, с. Видновки 35 к., Успенской, с. Успенскаго 25 к., Преображенской, сл. Краснополя 2 р. 30 к., Преображенской, с. Гречаниковки 1 р. 10 к., Питницкой, с. Бранцовки 65 к., Ильинской, с. Угрюмъ 1 р., Покровской, сл. Жигайловки 2 р., Троицкой, с. Славгородка 9 руб., Борисоглѣбской, с. Ясенки 47 к.; чрезъ благочиннаго 3 округа Изюмскаго уѣзда кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за сентябрь и октябрь мѣсяцы: Успенской, сл. Варвенковой 11 р. 85 коп., Георгіевской, сл. Варвенковой 25 р., Екатерининской, сл. Протопопки 13 р., Николаевской, сл. Вережкиной 3 руб., Николаевской, сл. Грушевахи 80 к., Митрофаніевской, Валвеннина 4 р., Преображенской, сл. Петровской 5 р., Александромучен., с. Ново-Александровки 7 р. 52 к., Александр-Невской, с. Александровки 20 р., Покровской, Дмитровки 9 р., Воскресенской с. Надеждовки 2 р. 8 коп., Іосифо-Обручницкой, сл. Мочбиловой 1 р., отъ крестьянъ слоб. Варвенковой: Никиты Ситникова, Гр. Пономаренко, Дмитрія Плаксія, Алексѣя Лашенка и другихъ 8 р. 51 к., отъ причта и церковнаго старосты Николаевской церкви сл. Вережкиной 2 р., отъ прихожанъ Николаевской церкви сл. Грушевахи 41 р. 6 к., отъ Цыгеровскаго общества 28 р. 75 к., Маргаритовскаго общества 13 р. 28 к., причта и п. Александр-Мученической, с. Ново-Александровки 17 р., отъ крестьян. Евсея Тарашнаго 9 р. (всего чрезъ благочиннаго 3 округа Изюмскаго уѣзда 221 р. 85 к.), чрезъ благочиннаго 1 округа, Богодуховскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь мѣсяцъ: Успенской, г. Богодухова 15 р., Троицкой, г. Богодухова 18 р., Покровской г. Богодухова 5 р., Вознесенской, с. Яблочнаго 9 р., Покровской, сл. Ясиной 8 р., Успенской, с. Вольнаго 6 р., Успенской, сл. Больш. Писаревки 4 р., Николаевской

сл. Больш. Писаревки 3 руб., Покровской, сл. Больш. Писаревки 1 р. 10 коп., Троицкой, с. Поповки 3 р., Предтечевской, с. Лютовки 5 р., Троицкой, сл. Сѣнной 2 р., 2 к., Богородичной сл. Сѣнной 1 р. 70 к., Георгіевской, с. Лѣсковки 1 р. 17 к., Николаевской, с. Новой Рябины 2 р., Николаевской, с. Гниловки 2 руб., Екатерининской, с. Поличковки 1 р. 5 к., Дмитріевской, с. Тарасовки 1 р., Богородичной, с. Ивановъ 1 р., Покровской с. Матвѣевки 97 к., Николаевской, с. Ряснаго 67 коп., отъ общества с. Стар. Рябины 10 р. 99 к., отъ священ. Ст. Бойкова 1 р. 20 к., отъ церкви Стар. Аременики и церковника Дзюбиннова 40 к.; чрезъ благочиннаго 3 округа Зміевскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Арх. Михайловской, сл. Малиновой 3 р., Рожд.-Богородичной, с. Масловки 1 р., Арх.-Михайловской, с. Лебяжяго 4 р., Троицкой, с. Граковъ 1 р. 37 к., Успен. с. Коробочки 9 руб., Нерукотвореннаго Спаса, с. Мохнача 1 руб. 50 к., Предтечевской, Ново-Ивановки 1 р. 48 коп., Рожд.-Богородичной, с. Шелудковки 3 руб., Николаевской, с. Шелудковки 2 руб. 10 к., Архангело-Михайловской, с. Лимапа 1 руб. 13 коп., Крестовоздвиженской, с. Лимапъ 3 р. 69 к., Рожд.-Богородичной, с. Андреевки 4 р., Георгіевской с. Моспановъ 1 р. 55 к., Митрофаніевской, с. Волчяго Яра 1 р. 20 к., Нерукотворен. Спаса, с. Богодарова 2 р. 70 к., Троицкой, Волохова яра 9 р., Воскресенской, с. Андреевки 25 р., Иоан.-Богословской, г. Бригадировки 6 р. 72 к., Вознесенской, с. Борщевой 2 р. 10 к., Николаевской, с. Яковенковой 3 р. 25 к., Преображенской, с. Вербовки 2 р. 87 к., Троицкой, с. Пришиба 1 р. 10 к., Успенской, с. Балаклен 3 руб. 30 коп., Покровской, с. Балаклеп 14 р.; чрезъ благочиннаго 1 округа, Старобѣльскаго уѣзда, собранные свещ. Старобѣльской гимназіи, Гавріиломъ Поповымъ 16 р.; чрезъ благочиннаго 5 округа, Старобѣльскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Архангело-Михайловской, сл. Старой Айдары 10 р., Николаевской, сл. Березовской 128 р. 70 к., Дмитріевской, с. Свято-Димитріевской 76 руб. 8 коп., Покровской, сл. Трехизбинска 15 руб., Троицкой, сл. Черниговки 8 руб. 14 коп., Покровской, сл. Лашиновки 8 р., Петро-Павловской, сл. Петропавловки 3 р. 14 к., Успенской, сл. Петропавловки 3 р., Николаевской, сл. Муратовой 2 р., Рожд.-Богородичной, сл. Смольяниновой 1 р. 20 к., Архангело-Михайловской, сл. Новой Айдары 3 р., Николаевской, сл. Новой Айдары 50 к., Рождество-Богородичной, сл. Штромовой 8 р., Успенской, сл. Алексѣевки 1 р., Предтечевской, с. Варваровки 1 р. 78 коп.,

Вознесенской, сл. Чебановки 1 р. 72 к., Покровской, сл. Спѣва-
ковки 4 р., Петро-Павловской, сл. Деметриѣвой 1 р. 20 к., Ка-
занской, сл. Безгиновой 1 руб. 24 коп., Николаевской, сл. Волко-
давой 7 руб., Николаевской, сл. Райгородка 36 руб., Архангело-
Михайловской, сл. Бѣляевки 1 руб. 65 коп., Троицкой, сл. Бах-
мутовки 1 руб. 52 коп., Архангело-Богородичной, сл. Ново-Ахтыр-
ки 1 р. 2 коп., Рождество-Богородичной, сл. Михайловской 12 р.,
Успенской, с. Гречишкѣ 53 коп. (всего чрезъ благочиннаго 5-го
округа, Старобѣльскаго уѣзда, 337 р. 42 коп.); чрезъ благочин-
наго 1 округа, Зміевского уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей
сего округа за ноябрь: Троицкой, г. Зміева 12 руб., Успенской,
г. Зміева 6 р., Покровской, г. Чугуева 15 р., Рожд.-Богородичной,
г. Чугуева 4 р., Николаевской, г. Чугуева 7 р. 73 к., Свободен-
ской, г. Чугуева 1 р. 2 к., Богородичной, с. Кочетка 5 р., 75 к.,
Іоанно-Богословской, с. Тетляги 6 руб. 20 коп., Васильевской,
с. Зарожнаго 1 р. 50 к., Николаевской, с. Каменной Яруги 1 р.
27 к., Покровской, с. Ново-Покровскаго 1 р. 20 коп., Успенской,
с. Старо-Покровскаго 1 р., Введенской, с. Введенскаго 1 р. 50 к.,
Богоявленской сл. Терновой 1 руб., Борисоглѣбской, с. Водянаго
50 к., Христорожжественской, с. Бороваго 1 р. 50 к., Рождество-
Богородичной, с. Константиновки 50 к., Успенской, сл. Соколова
1 руб., Архангело-Михайловской, с. Соколова 1 р., Николаевской,
сл. Замостья 3 руб. 50 коп., Преображенской, сл. Звѣдокъ 4 руб.,
Преображенской, с. Борокъ 2 р., Арх. Михайловской, сл. Тара-
новки 26 р. 50 к., І. Предтечевской, с. Дудковки 3 р., отъ попе-
чительства Николаевской церкви сл. Замостья 38 р. 51 к., (всего
чрезъ благочиннаго 1 округа Зміевского уѣзда 147 руб. 28 к.), отъ
преподователей и служащихъ при Харьковск. Дух. Семинаріи 1⁰/₀
изъ полученнаго жалованья за декабрь 20 р. 29 к., отъ служащихъ
мастеровыхъ и рабочихъ при Рафинадномъ заводѣ Харьковского
Товарищества 1⁰/₀ изъ полученнаго жалованья за ноябрь 106 р.,
отъ служащихъ Харьковского Земледѣльческаго училища 1⁰/₀ изъ
полученнаго жалованья за декабрь 20 р. 73 к., чрезъ благочиннаго
3 округа Старобѣльскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего
округа за ноябрь: Преображенской, сл. Марковки 10 р., Успенской,
сл. Марковки 3 р., Троицкой, сл. Марковки 5 р., Богословской,
сл. Крымской 1 р. 20 к., Николаевской, сл. Сычевки 40 к., Рожд.
Богородичной, сл. Бондаровки 40 к., Вознесенской сл. Курячевки
1 р. 50 к., Покровской, сл. Кобычиной 1 р. 5 к., Вознесенской,
сл. Просяной 2 р. 97 к., Николаевской, сл. Богодаровой 1 р. 25 к.,

Митрофаніевской, сл. Паптюхиной 1 р., Николаевской, сл. Каменки 1 р. 56 к., Тихоновской. Гапусовки за 2 мѣсяца 1 р. 10 к., Рожд. Богородичной сл. Ново-Вѣленской 5 р. 7 к., Миротопецкой, сл. Ново-Вѣленской 2 р., Покровской, сл. Вѣлолуцкой 57 к., Преображенской сл. Вѣлолуцкой 1 р. 50 к., Александро Невской, с. Рогова 1 р., Вознесенской, сл. Осиповой 2 р. 15 к., Успенской, сл. Осиповой за 2 мѣсяца 3 р. 26 к., Николаевской, с. Ново-Пскова 2 р. 14 к., Рожд. Богородичной, сл. Новой Россоніи 68 к., Троицкой, сл. Новой Россоніи 1 р. 20 к., Покровской, сл. Донцовки 1 р. 55 к., отъ Высочинновскаго Николаевскаго монастыря кружечнаго сбора за ноябрь 2 р. 55 к., отъ служащихъ Куниинскаго дух. училища 1⁰/₀ изъ полученнаго жалованья за декабрь 11 р., чрезъ благочинническій совѣтъ 1 округа Харьковск. уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь мѣсяцъ: Введенской, с. Артемовки 3 р. 3 к., Арх. Михайловской, с. Бобаевъ 2 р., Покровской, сл. Безлюдовки 1 р., Ильинской, сл. Верезовой 63 к., Дмитріевской, с. Васищева 3 р., Николаевской с. Гіевки 6 р. 22 к., Николаевской, с. Мѣхари 2 р., Екатеринбургской, с. Комаровки 45 к., Николаевской и Р. Богородичной сл. Мурафы 14 р., Покровской, с. Островерховки 2 р., Предтечевской, сл. Озеринки 2 р. 80 к., Арх. Михайловской, с. Ракятнаго 1 р. 21 к., Успенской, сл. Сороковки 70 к., Вознесенской, с. Хорошева 70 к., Арх. Михайловской, с. Шубиной 1 р. 40 к., отъ служащихъ при Харьковскомъ Дух. Училищѣ 1⁰/₀ изъ полученнаго жалованья за декабрь 11 р. 44 к., чрезъ канцелярію Харьковскаго епархіальнаго архіерея: отъ дѣст. ст. сов. А. Г. казначеевъ 3 р., отъ Рясинскаго Свято-Дмитріевскаго монастыря 200 р., отъ неизвѣстнаго 3 р., чрезъ благочиннаго 4 округа Старобѣльскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Троицкой, сл. Вѣловодска 8 р. 43 к., Николаевской сл. Вѣловодска 2 р., Вознесенской сл. Семикозовки 1 р. 55 к., Николаевской сл. Деркульскаго завода 2 р., Михайловской сл. Даниловки 5 р., Успенской сл. Поповки 5 р., Покровской сл. Городица 1 р., Вознесенской сл. Богдановки 1 р., Крестовоздвиженской сл. Нижебарановки 3 р., Р.-Богородичной сл. Барановки 2 р., Вознесенской сл. Зеликовки 1 р., Троицкой сл. Моисеевки 1 р., Успенской сл. Стрѣлецковки 4 р., Спасской сл. Стрѣleckаго завода 5 р. 10 к., Петро-Павловской сл. Великотейской 9 р., Благовѣщенской Зорпковки 1 р., Трехсвятительской сл. Морозовки 3 р., Р.-Богородичной сл. Шелестовой 1 р., Николаевской сл. Никольской 1 р. 10 к., Свято-Духовской сл. Кононовки 30 к.,

Богородичной сл. Рымаровки 1 р. 20 к., Александр.-Невской, Лимаревск. завода 3 р., Р.-Богородичной сл. Шулькиной 22 к., Успенской сл. Литвиновки 1 р. 60 к., Покровской сл. Брусовки 1 р. 50 к., Константино-Еленов. сл. Варячной 1 р.

(Продолженіе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Заплатный священникъ Петръ *Федоровскій* уволенъ, согласно прошенію, отъ должности духовника 1-го благочинническаго округа, Сумскаго уѣзда, а утверждаются въ этой должности священники: Александръ *Степурскій* и Константинъ *Новопольскій*.

— Священники церквей: сл. Артемьевки, Волчанскаго уѣзда, Стефанъ *Виноградскій*, и сл. Боровки, Ахтырскаго уѣзда, Павелъ *Ступинскій*, согласно ихъ прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи Сергій *Косыминъ* опредѣленъ на праздное священническое мѣсто при Троицкой церкви, сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда.

— Студентъ Семинаріи Леонидъ *Прядкинъ*, опредѣленный священникомъ Николаевской церкви, сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, рукоположенъ въ санъ священника.

— Окончившій курсъ Семинаріи Александръ *Поповъ*, опредѣленный священникомъ Петро-Павловской церкви, г. Ахтырки, рукоположенъ въ санъ священника.

— Окончившій курсъ въ Полтавской Духовной Семинаріи Петръ *Шербина* рукоположенъ въ санъ священника къ Предтечской церкви, с. Видновки, Ахтырскаго уѣзда.

— Священникъ Георгіевской церкви, с. Дерновой, Ахтырскаго уѣзда, Павелъ *Шербина*, волею Божіею умеръ.

— Священникъ Троицкой церкви, сл. Рѣвекъ, Сумскаго уѣзда, Максимъ *Поповъ*, волею Божіею умеръ.

— Діаконскій сынъ Алексѣй *Евфимовъ* допущенъ къ исправленію должности псаломщика при церкви села Терноваго, Волчанскаго уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ 4-го класса Харьковской Духовной Семинаріи, Григорій *Носинскій*, опредѣленъ псаломщикомъ Архангело-Михайловской церкви, с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви, с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Александръ *Поповъ*, исключенъ изъ духовнаго званія.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: къ Соборно-Покровской, г. Ахтырки, куп. Феодоръ *Куриловъ*; къ Архангело-Михайловской, села Кургана, Лебединскаго уѣзда, кр. Іаковъ *Диденко*.

— Крестьянинъ Михаилъ *Шило* уволенъ, согласно прошенію, отъ должности церковнаго старосты при Николаевской церкви, слободы Боровеньки, Лебединскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Предстоящее чествованіе пятисотлѣтія блаженной кончины преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца.—Чудеса, явленные отъ иконы Божіей Матери, именуемой «Живоносный Источникъ».—Доблестный пастырь.—Мѣры къ предупрежденію на будущее время занесенія холеры въ предѣлы нашей имперіи изъ Персіи.—Мѣстности, пораженныя холерой.—Количество жертвъ холерной эпидеміи.—Вѣдомость о ходѣ холерной эпидеміи въ Харьковской губерніи.—Закладка дома для Харьковскаго училища слѣпыхъ дѣтей.—Курсы пѣнія и музыки въ училищѣ слѣпыхъ.—Общество покровительства бѣднымъ матерямъ и ихъ дѣтямъ въ С.-Петербургѣ.—Дневное убѣжище для дѣтей бѣдныхъ рабочихъ въ Саратовѣ.—Пріютъ для дѣтей ссыльных.—Законопроектъ объ усиленіи наказаній за оскорбленіе общественной нравственности.—Установленіе отѣтственности за недобросовѣстную покулку хлѣба у крестьянъ.—Помощь правительства крестьянкамъ, пострадавшимъ въ текущемъ году отъ неурожая.—Учрежденіе министерства земледѣлія.—Южно-русское общество поощренія земледѣлія и сельской промышленности.—Предполагаемая женская школа сельскаго хозяйства въ Петербургской губерніи.—Попытка въ перенесенію чайнаго производства въ предѣлы Россіи.—Предполагаемая выставка русскихъ кустарныхъ издѣлій въ Гамбургѣ.—Продленіе срока дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи.—Чтенія по нѣмѣцкѣ въ земскихъ школахъ.—Установленіе образовательнаго цѣвза для попечителей народныхъ школъ.—Учрежденіе бібліотекъ въ волостяхъ.—Книжный складъ учебниковъ и пособій при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты.—Проектъ учрежденія въ губерпскихъ городахъ центральныхъ складовъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.—Плодотворная дѣятельность Общества распространенія Св. Писанія въ Россіи.—Настоятельныя нужды церковно-приходской жизни.—Духовное врачеваніе отъ пьянства.—Вліяніе алкоголизма на потомство.—Международный конгрессъ противъ злоупотребленія спиртными напитками.—Открытіе международнаго конгресса доисторической археологіи и антропологіи въ Москвѣ.—Колумбовы празднества въ Испаніи и Генуѣ.—Родина Христофора Колумба.—Любопытныя свѣдѣнія объ одномъ римскомъ монастырѣ.—Характерные случаи смерти отъ холеры.

— Троицко-Сергіевская лавра, какъ сообщаютъ московскія газеты, готовится къ празднованію 500-лѣтія блаженной кончины своего основателя, преподобнаго Сергія Радонежскаго. Еще въ прошломъ году она напечатала второе изданіе извѣстнаго труда: «Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры», съ новыми приложеніями и дополненіями, и второе изданіе роскошно напечатаннаго «Житія преподобнаго Сергія». Въ текущемъ году лаврою вынуждено множество «Троицкихъ Листковъ», которые раздаются по праздникамъ всѣмъ страстикамъ. Кромѣ того, художественно напечатана, въ 16 красокъ, картина «Предсмертное причащеніе преподобнаго Сергія», и готовится множество образковъ, для раздачи въ праздникъ богомольцамъ, которыхъ ожидается нѣсколько десятковъ тысячъ. Но изъ всего, чѣмъ обитель рѣшила ознаменовать этотъ день, самымъ главнымъ является—большой страннопримный домъ на тысячу человекъ, въ которомъ будутъ

имѣть пріютъ многочисленныя богомольцы изъ простаго народа. Постройка обойдется около 80.000 рублей. На фронтонѣ зданія будетъ красоваться надпись, съ заповѣдью угодника: «Страннолюбія не забывайте!» Братія лавры, съ своей стороны, готовятъ весьма своеобразное на престольное Евангеліе, въ стилѣ XIV вѣка. Оно будетъ напоминать Евангеліе, которое было пожертвовано въ самый годъ кончины преподобнаго Сергія и до сихъ поръ хранится въ ризницѣ лавры. Евангеліе предназначено въ трапезную церковь, которая посвящена имени самого первоначальника обители и виновника торжества. Московская духовная академія готовитъ изданіе житія преподобнаго Сергія, написаннаго профессоромъ Голубинскимъ, и составленнаго пмъ-же описанія лавры въ историко-археологическомъ отношеніи. Многія обители и даже приходскія церкви готовятъ приношенія Троицкой лаврѣ въ день юбилея въ видѣ пѣконъ, особенно тѣ монастыри, которые основаны учениками преподобнаго Сергія.—Ко дню праздника въ Лавру придутъ ея настоятель Московскій митрополитъ съ викарными архіереями и нѣкоторые епархіальныя архіереи ближайшихъ изъ Московской епархій. Въ день праздника, по окончаніи литургій, будетъ совершѣнъ крестный ходъ кругомъ обители, при чемъ митрополитъ со всѣми архіереями, сотворивъ земные поклоны предъ мощами преподобнаго, вынутъ изъ серебряной раки деревянный гробъ съ мощами и понесутъ его въ крестномъ ходѣ, въ которомъ примутъ участіе всѣ лаврскіе свѣтыни и чудотворныя иконы: Явленія Божіей Матери преподобному Сергію и св. Сергія. Процессія остановится для чтенія Евангелія и совершенія литій на четырехъ сторонахъ лавры. Мощи преподобнаго будутъ несены митрополитомъ, архіереями и архимандритами на особо устроенныхъ носилкахъ, при пѣніи лаврскими пѣвчими канона и стихирь, затѣмъ будутъ поставлены на средину собора для поклоненія богомольцевъ, послѣ чего положатся опять въ серебряную раку и поставятся на прежнее мѣсто. Помимо этого въ Москвѣ ко дню праздника организуется крестный ходъ въ лавру; въ Сергіевскомъ посадѣ его встрѣтитъ и къ нему присоединится крестный ходъ изъ всѣхъ церквей посада. Крестные ходы въ лавру придутъ къ началу всенощной.

— Священникъ пригорода Биларска, Чистопольскаго уѣзда (Казанск. губ.), Василій Діаконовъ, довелъ до свѣдѣнія епархіальнаго начальства, что съ разрѣшенія послѣднiго въ маѣ мѣсяцѣ 1891 года съ чудотворной иконою Божіей Матери, име-

пущей «Живоносный Источникъ», молебствовалъ онъ въ селахъ Новоспасскѣ, Спасскаго уѣзда, и Алексѣевскомъ, Лапшевскаго уѣзда. Путешествія въ этихъ селахъ ознаменованы необыкновенными событіями, свидѣтельствующими объ особенной благодати Божіей, почивающей на сей иконѣ, милующей съ усердіемъ къ ней притекающихъ и вразумляюще—наказующей относящихся къ ней безъ благоговѣнія. Въ село Новоспасское привелось пронести святую икону 18 мая чрезъ татарскую деревню—Тигоны. Священникъ Діаконовъ съ биларскимъ церковнымъ старостой и псаломщикомъ шли впереди св. иконы, и, проходя черезъ деревню Тигоны, слышали гнусныя насмѣшки надъ духовенствомъ татарчать, паучаемыхъ взрослыми, на что священникъ хоти и обратилъ вниманіе, но съ своими спутниками даже и не обмѣнялся по этому поводу ни однимъ словомъ, старался забыть оскорбленіе поклонниковъ ислама. На обратномъ пути изъ Новоспасска, чудотворный образъ Источной Богоматери, 20 мая, привелось пронести тою же самою татарскою деревнею Тигонами, а причтъ слѣдовалъ за иконою приблизительно на разстояніи двухъ верстъ и, не доѣзжая версты до деревни, смотреть, и что же?—пожаръ.. възжалоутъ въ деревню и спрашиваютъ провожавшихъ икону женщинъ села Куркула, — что горитъ? Тѣ отвѣчали: «это наказаніе Источницы за то, что татары, лежа на лужкѣ передъ домомъ, который послѣ загорѣлся, смѣялись надъ иконою». И дѣйствительно,—какъ только икону вынесли изъ деревни, домъ, передъ которымъ она была оскорблена, отъ неизвѣстной причины загорѣлся и сгорѣлъ только одинъ, не смотря на сильнѣйшій вѣтеръ, сложное строеніе и очень плохую помощь, такъ какъ воду для тушенія пожара носили только ведрами. Въ село Алексѣевское съ тою же чудотворною иконою священникъ Діаконовъ отправился 24 мая и продолжалъ тамъ молебствовать по 2-го іюня включительно. Алексѣевцы съ благоговѣніемъ, понесшій достойнымъ похвалы, встрѣтили святую и она явила имъ свою благодать обиліемъ выпавшаго дождя на нивы ихъ. Икона въ Алексѣевское была принесена вечеромъ 24 мая, и тотчасъ же было отслужено, при массѣ молящихся, всенощное бдѣніе, а на другой день, еще при гораздо большемъ количествѣ молящихся,—божественная литургія, послѣ которой до двухъ часовъ пополудни совершались молебствія по полямъ, и, уже въ третьемъ часу пополудни, начались молебствія по домамъ. Одинъ молебенъ священнику Діаконову привелось служить въ домѣ, гдѣ нѣкоторые

члены семьи—упорные старообрядцы; но, несмотря на то, и они съ видимымъ усердіемъ и моленіемъ (а молиться имъ съ еретиками, какъ они называютъ православныхъ, нельзя) прослушали молебенъ Богоматери съ акафистомъ и водоосвященіемъ и, въ концѣ молебна, чрезъ мѣстнаго о. діакона попросили священника положить св. крестъ на столъ и приложиться къ нему, св. Евангелію и св. иконѣ. Такое смирненіе старообрядческихъ сердець тронуло священника до глубины души, и онъ, никому не говоря ни слова, какъ будто по какому указанію свыше, передъ этимъ домомъ отслужилъ литію съ когѣнепреклоненіемъ, прочиталъ молитву Богородицѣ, сдѣлалъ иконою на четыре стороны осененіе, и тотчасъ же послѣ того пошелъ проливной дождь и шелъ онъ весь тотъ день и ночь. Сія благодать Божія, дарованная чрезъ чудотворную икону Божіей Матери, зажгла искру истиннаго свѣта и въ старообрядцахъ села Алексѣевского, что подтверждаетъ фактъ принятія иконы въ свои дома всѣми старообрядцами, исключая только пяти домовъ ихъ начетчиковъ, которые хотя къ себѣ въ дома икону не принимали, но къ ней прикладывались въ домахъ другихъ. На обратномъ пути изъ Алексѣевска св. икону привелось проносить мимо села Шенталы. Мѣстный причтъ съ крестнымъ ходомъ и крестьяне села Шенталы встрѣтили икону, а мѣстный сельскій староста распорядился было, въ знакъ благоговѣнія передъ святыней, остановить мелющую вѣтряную мельницу, но содержатель мельницы не согласился на предложеніе, азартно сказавъ: «Развѣ я не хозяинъ мельницы и развѣ не могу распорядиться? Это дѣло мое». Продолжалъ молотѣ, и что же? едва отнесли икону отъ мельницы на разстояніе пятидесяти сажень, какъ мельница загорѣлась въ полчаса превратилась въ совершенный пепелъ.

«Воск. Д.».

— По сообщенію «Нов.», въ Тюмени удручающее впечатлѣніе произвела смерть досточтимаго пастыря о. Іоанна Тихомірова, священника Зарѣченской Георгіевской церкви, у котораго приступы холерныхъ припадковъ обнаружались во время богослуженія. По всему иѣроятію, о. Іоаннъ заразился при напутствіи холерныхъ больныхъ, которыхъ онъ, вообще, охотно и усердно посѣщалъ.— «Вы-бы поберегли себя, батюшка»,—иногда говорили ему. — Берегись? А развѣ, напутствуя умирающихъ, я не берегу душу!—отвѣчалъ онъ. Отецъ Іоаннъ Тихоміровъ, въ своихъ рѣчахъ, всегда совѣтовалъ прихожанамъ, что надо въ началѣ болѣзни, а не въ послѣдній уже часъ, прибѣгать къ религіи, чтобы приготовить

духъ къ борьбѣ со смертію. — «Человѣкъ съ твердымъ духомъ, — говорилъ онъ, — всегда выше своихъ несчастій».

— Министерство иностранныхъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вступило въ настоящее время въ переговоры съ персидскимъ правительствомъ по вопросу о принятіи энергичныхъ мѣръ къ предупрежденію на будущее время занесенія холерной эпидеміи въ предѣлы нашей Имперіи изъ Персіи, гдѣ эта болѣзнь свила себѣ прочное гнѣздо. Предполагается учредить постоянную смѣшанную русско-персидскую комиссію, которая будетъ имѣть бдительный врачебно-санитарный надзоръ за пограничными съ русскими владѣніями мѣстностями Персіи. Въ составъ означенной комиссіи войдутъ русскіе врачи, специалисты по санитарной части и другія лица. Комиссія начнетъ свои дѣйствія, какъ сообщаютъ петербургскія газеты, въ началѣ августа текущаго года. По слухамъ, начальникомъ комиссіи назначается одинъ изъ высшихъ чиновъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Къ ежедневнымъ официальнымъ бюллетенямъ, сообщаемымъ въ «Прав. Вѣстѣ», со времени появленія эпидеміи въ предѣлахъ Имперіи, къ 1 августа холерою были поражены слѣдующія мѣстности: Закаспійскій край, Кавказъ, Область Войска Донскаго, губерніи: Полтавская, Харьковская, Енаверпнославская, Курская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, Рязанская, Московская, Воронежская, Владимірская; поволжскія губерніи: Астраханская, Саратовская, Симбирская, Казанская, Нижегородская, Костромская и Ярославская; губерніи: Пермская, Уфимская, Оренбургская, Вятская и Уральская область и въ Сибири: губерніи Тобольская и Томская и области Акмолинская и Семирѣченская. Въ Ташричской губерніи тоже были случаи смерти отъ холеры. Къ 1 августа холера появилась и въ Петербургѣ.

— По официальнымъ свѣдѣніямъ во всей Имперіи со времени появленія холерной эпидеміи по 1-е августа всего умерло 71,880 человѣкъ. Въ Харьковской губерніи съ начала появленія эпидеміи по 1-е августа (по свѣдѣніямъ, полученнымъ 1-го августа включительно) умерло 792 человека.

— По распоряженію г. Харьковскаго губернатора въ канцеляріи его ведется подробная вѣдомость о ходѣ холерной эпидеміи въ Харьковской губерніи. Въ вѣдомость эту вносятся всякіи населенный пунктъ, гдѣ появились случаи холерныхъ заболѣваній, и по каждому пункту отмѣчается ежедневно число заболѣвшихъ

и умершихъ. До настоящаго времени такихъ пунктовъ по уѣздамъ отмѣчено: въ Ахтырскомъ 1, Лебединскомъ 2, Богодуховскомъ 3, Сумскомъ 4, Харьковскомъ 6, Валковскомъ 7, Змиевскомъ 16, Волчанскомъ 27, Купянскомъ 27, Изюмскомъ 30, Старобѣльскомъ 60. Всего 183 пункта. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что въ вѣдомость заносятся всѣ мѣстности, гдѣ появились случаи холерныхъ заболѣваній, хотя бы послѣдніе были единичными и потому не возобновлялись. Къ такимъ мѣстностямъ относится, напр., Лебединъ, гдѣ 25-го и 30-го іюля было по одному случаю заболѣванія и съ тѣхъ поръ заболѣваній не было. «Хар. Губ. Вѣд.».

— Въ Харьковѣ 9-го августа, въ 12 часовъ дня, состоялась закладка дома для Харьковскаго училища слѣпыхъ дѣтей, по Сумскому шоссе, близъ военного госпиталя. По сообщенію мѣстныхъ газетъ, въ распоряженіи Харьковскаго отдѣленія попечительства о слѣпыхъ въ настоящее время имѣется капитала 55,806 р. 25 коп., состоящаго: въ процентныхъ бумагахъ—20450 р., въ конторѣ государственнаго банка по расчетной книжкѣ—30,600 р., въ торговомъ банкѣ на текущемъ счету—4,725 р. и въ кассѣ 31 р. 25 коп. Искренно цужно пожелать дальнѣйшаго развитія чрезвычайно полезнаго и симпатичнаго дѣла воспитанія слѣпыхъ дѣтей и призрѣнія слѣпыхъ. Сочувствующіе этому дѣлу, можно надѣяться, не примнутъ вступить въ число членовъ попечительства; членскіе взносы и пожертвованія ежедневно принимаются въ губернскомъ казначействѣ казначеемъ Н. С. Горбаневымъ.

— Столичные газеты сообщаютъ, что С.-Петербургское Александро-Маріинское училище слѣпыхъ, практически убѣдившись въ особенной склонности слѣпыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ къ занятіямъ музыкою и пѣніемъ, признало весьма полезнымъ ввести преподаваніе этихъ предметовъ въ курсъ училища. Для ознакомленія съ постановкою этихъ предметовъ въ заграничныхъ институтахъ и училищахъ для слѣпыхъ, Совѣтомъ Маріинскаго Попечительства о слѣпыхъ командировано въ Западную Европу особое лицо.

— Въ средѣ петербургскихъ фабрикантовъ возникъ проектъ основанія Общества покровительства бѣднымъ матерямъ и ихъ дѣтямъ, на подобіе существующаго уже такого-же благотворительнаго Общества въ Варшавѣ. Означенный проектъ встрѣченъ весьма сочувственно, и изъ первыхъ «скромныхъ лептъ» на осуществленіе проекта собралось уже около 9,000 рублей. Общество предполагаетъ немедленно, по полученіи разрѣшенія подлежащихъ властей, открыть безплатный родильный домъ. «М. Цер. Вѣд.»

— Въ Саратовѣ, въ приходѣ Покровской (на горахъ) церкви какъ сообщаетъ «Цер. Вѣсти.», открыто дневное убѣжище для дѣтей бѣдныхъ рабочихъ, подъ названіемъ «Дѣтская дневка». Итътѣ нужды говорить, насколько полезны, благотѣтельны и прямо необходимы подобнаго рода учрежденія и насколько они заслуживаютъ искренняго и сердечнаго сочувствія. Вѣдний рабочий людъ необходимостію вынуждается, ради заработка, оставлять свой домъ и бросать дѣтей своихъ безъ всякаго призора. Печальныя слѣдствія такого положенія дѣла извѣстны: увѣчья безпризорныхъ дѣтей и другія несчастія, часто лишающія рабочего человѣка послѣдняго крова и послѣднихъ средствъ жизни,— обычное явленіе среди рабочихъ людей. Нельзя не пожелать, чтобы благое дѣло нашло себѣ подражаніе и примѣръ Покровскаго церковно-приходскаго попечительства не прошелъ безслѣднымъ. Къ этому призываютъ жалость къ малымъ дѣтямъ и необходимость обезопасить имущественную состоятельность бѣдныхъ тружениковъ отъ несчастныхъ случайностей,—пожаровъ и пр., причиной которыхъ такъ часто бываютъ безъ призора оставляемые дѣти.

— Нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ высшему кругу, приняли на себя, какъ сообщила «Р. Ж.», начинъ составленія проекта устройства пріютовъ въ мѣстностяхъ расположенія ссыльно-каторжныхъ спеціально для дѣтей этихъ послѣднихъ. Съ учрежденіемъ означенныхъ пріютовъ, слѣдующія въ ссылку за своими родителями ни въ чемъ неповинныя дѣти будутъ имѣть возможность получить хотя элементарное образованіе, а не принуждены будутъ оставаться невѣждами на всю жизнь.

— Новый законопроектъ, выработанный въ министерствѣ юстиціи и касающійся усиленія наказаній за оскорбленіе общественной нравственности, распадается, по словамъ «Суд. Газ.», на двѣ части. Въ первой сгруппированы различные роды наказаній за безнравственное поведеніе, попустительство и принужденіе къ разврату и т. д. Во второй части законопроекта предусматривается возможность учрежденія особыхъ попечительствъ надъ несчастными жертвами общественнаго темперамента, которые были вовлечены на путь проституціи родственниками, ради корыстныхъ цѣлей. Лица, уличенныя въ послѣднемъ преступленіи, навсегда лишаются права воспитывать не только чужихъ, но и своихъ дѣтей. Помимо того, родители, сознательно толкнувшіе своихъ дѣтей на путь разврата, подвергаются лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и приговариваются

къ тюремному заключенію на срокъ до трехъ лѣтъ. Попечительства надъ проститутками учреждаются подъ контролемъ судебныхъ властей.

— На дняхъ опубликованъ новый законъ, которымъ устанавливается особое наказаніе за недобросовѣстную покупку хлѣба у крестьянъ. Въ силу этого закона лица, занимающіеся скупкой хлѣба у крестьянъ, за пріобрѣтеніе у нихъ по несоразмѣрно низкой цѣнѣ хлѣба на корню, снопахъ или зерномъ, если при совершеніи сдѣлки завѣдомо воспользовались крайне тягостнымъ положеніемъ продавца, подвергаются въ первый разъ аресту на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, во второй и послѣдующіе разы заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ. Сверхъ того покупатель обязанъ доплатить продавцу разницу между уплаченной послѣднему суммой и дѣйствительной цѣной проданнаго хлѣба. Правила эти не примѣняются къ покупкѣ наличнаго хлѣба у крестьянъ на базарахъ, ярмаркахъ при условіи немедленной передачи покупщику пріобрѣтеннаго имъ хлѣба. Новый законъ, подобно недавно изданному закону о ростовщичествѣ, стремится защитить бѣдняковъ въ особенные трудные моменты ихъ экономической жизни отъ алчныхъ инстинктовъ тѣхъ безсовѣстныхъ хищниковъ, которые ловятъ эти самые моменты, чтобы выжать изъ нихъ грошъ изъ тощаго кошелька бѣдняка. Новый законъ имѣетъ въ виду тѣхъ хищниковъ, которые рыщутъ по деревнямъ, попадая туда какъ разъ въ трудные моменты деревенской жизни и «выручая» ея жителей изъ бѣды, или, говоря общепонятнымъ языкомъ, обездоливая, а иногда и разоряя ихъ. Ограниченіе, устанавливаемое новымъ закономъ для случаевъ покупки наличнаго хлѣба на базарахъ при условіи немедленной передачи его покупщику, еще болѣе подчеркиваетъ цѣль закона: наказаніе именно за злоупотребленіе тягостнымъ положеніемъ продавца крестьянина.

— Высочайше повелѣно производить крестьянамъ мѣстностей, пострадавшихъ въ текущемъ году отъ неурожаа, бесплатный отпускъ изъ казенныхъ дачъ, въ теченіе предстоящихъ осени и зимы, дровъ и хвороста изъ валежнаго лѣса. «Хар. Губ. Вѣд.».

— Вопросъ объ учрежденіи министерства земледѣлія близится, какъ сообщаетъ «Русская Жизнь», къ концу. Согласно рѣшенію государственнаго совѣта, состоявшемуся въ концѣ истекшей сессіи, учреждается особое совѣщаніе, которое будетъ состоять подъ предсѣдательствомъ директора департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. На означенное совѣщаніе возлагается

обязанность выработать положеніе о новомъ министерствѣ. Въ настоящее время отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ командированы за-границу чиновники особыхъ порученій, для ознакомленія съ постановкою дѣла министерства земледѣлія и сельской промышленности въ иностранныхъ государствахъ.

— По сообщенію «Юж. Кр.», министерствомъ государственныхъ имуществъ утвержденъ уставъ южнорусскаго Общества поощренія земледѣлія и сельской промышленности. Это Общество учреждается въ Кіевѣ съ цѣлью содѣйствія сельскимъ хозяевамъ губерній: Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Полтавской, Херсонской и Бессарабской въ приобрѣтеніи, по возможно дешевой цѣнѣ, продуктовъ потребленія хорошаго качества, а также всѣхъ вообще необходимыхъ въ сельско-хозяйственной промышленности предметовъ, и въ выгодномъ сбытѣ произведеній ихъ хозяйствъ.

— По словамъ «Нов. Вр.», близъ Царскаго Села проектируется открыть первую въ Петербургской губерніи женскую школу сельскаго хозяйства.

— «Хар. Губ. Вѣд.» сообщаютъ, что представитель известной чайной фирмы К. С. Попова, занимаясь издавна чайной торговлей, задался цѣлью перенести чайное производство въ предѣлы Россіи, для чего имъ были изучены на мѣстѣ въ Китаѣ условія культуры чайнаго куста и обработка продукта. Наибольше благоприятнымъ пунктомъ для культуры чая оказался, по мнѣнію Попова, батумскій округъ, вслѣдствіе мягкости его климата, достаточной теплоты и влажности, гдѣ онъ и намѣренъ съ будущаго лѣта начать свои опыты. Такъ какъ болѣе важнымъ и трудно достижимымъ является не столько выращиваніе чайнаго куста, сколько обработка чайнаго листа въ продуктъ, сушка и т. п., то Поповъ предполагаетъ выписывать изъ Китая тамошнихъ рабочихъ, знающихъ въ совершенствѣ секреты своего ремесла.

— По сообщенію тѣхъ же газетъ, председатель уполномоченныхъ «русскаго кустарнаго комиссіонерства» В. В. Гулевичъ занятъ въ настоящее время сборомъ образцовъ русскихъ кустарныхъ издѣлій для предположенной къ устройству комиссіонерствомъ въ Гамбургѣ выставки русскихъ кустарныхъ издѣлій.

— Комитетъ министровъ, выслушавъ записку министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 21-го мая 1892 года (по деп. пол.), о продленіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи еще на одинъ годъ срока дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ, полагалъ: 1) въ гу-

беріяхъ: С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Кіевской, Подольской и Волынской; въ городахъ: Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ, Нахичевани и селѣ Касперовкѣ, области Войска Донскаго, а также въ С.-Петербургскомъ и Одесскомъ градоначальствахъ, въ Николаевскомъ военномъ губернаторствѣ и въ мѣстностяхъ подвѣдомственныхъ кронштадтскому военному губернатору, срокъ дѣйствія введеннаго въ нихъ, согласно Высочайшаго повелѣнія 30-го іюня 1891 года, положеніи объ усиленной охранѣ продолжить съ 4-го сентября 1892 г. еще на одинъ годъ, предоставивъ кронштадтскому военному губернатору, по званію главнаго командира кронштадтскаго порта, права, указанныя въ ст. 15 и 16 прилож. въ ст. 1 (прим. 2) уст. о пред. и пресѣч. прест., т. XIV св. закон., изд. 1890 г., — и 2) въ мѣстностяхъ Имперіи, не объявленныхъ въ состояніи усиленной охраны, сохранить дѣйствіе ст. 28, 29, 30 и 31 полож. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

«Хар. Губ. Вѣд.»

Государь Императоръ, 19-го іюня 1892 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

— Земствами многихъ губерній возбуждены ходатайства о разрѣшеніи въ мѣстныхъ земскихъ школахъ чтеній по гигиенѣ, доступныхъ для пониманія учащихся, а также и о томъ, чтобы этого рода чтенія могли устраиваться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ среди грамотныхъ крестьянъ.

«Хар. Губ. Вѣд.»

— «Гражд.» слышалъ, что для лицъ, избираемыхъ въ попечители народныхъ школъ, предполагается установить образовательный цензъ, дающій право разсчитывать на полезное съ ихъ стороны вліяніе на школу.

— На-дняхъ на разсмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія вносится проектъ учрежденія въ волостяхъ бібліотекъ изъ специальныхъ книгъ, предназначаемыхъ для народнаго чтенія и посвященныхъ, преимущественно, какъ полезнымъ указаніямъ, касающимся обработки полей и скотоводства, такъ равно и объясненію выгодъ и способовъ производства такихъ ремеслъ и промысловъ, которые легко могутъ получить практическое примѣненіе въ средѣ крестьянства.

«М. Цер. Вѣд.»

— Въ прошломъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, при находящемся при Святѣйшемъ Синодѣ училищномъ совѣтѣ былъ устроенъ книжный складъ удешевленныхъ учебниковъ и учебныхъ пособій для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты; цѣль учрежденія этого склада — наивозможно болѣе удешевить книги для школъ. Въ теченіе пс-

текашаго года изъ склада было отпущено 1.315,360 экземпляровъ разныхъ книгъ и учебниковъ на сумму 202,134 р. Изъ книгъ: св. евангеліе разошлось въ количествѣ 90,674 экземпляровъ, часослова 91,654, учебной псалтири 80,157 экземпляровъ, славянскаго молитвослова 120,558 экземпляровъ. Особенно много требовалось учебниковъ по Закону Божию: книга «Наставленіе въ Законъ Божіемъ» протоіерея Смирнова разошлась въ 110,591 экземплярахъ; «Синодальной азбуки» было вытребовано 80,796 экземпляровъ. Въ настоящее время складъ постоянно пополняется новыми лучшими книгами и изданіями, и въ непродолжительномъ времени открываетъ продажу по удешевленной цѣнѣ учебныхъ пособій по чистописанію и арифметикѣ.

«М. Цер. Вѣд.»

— Въ хозяйственномъ отдѣленіи Святѣйшаго Синода выработаны на-дняхъ проектъ учрежденія въ губернскихъ городахъ центральныхъ складовъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Главная цѣль открытія подобныхъ складовъ—избавить крестьянское населеніе отъ такъ называемой лубочной литературы и предоставить ему возможность полезнаго чтенія.

«Юж. Кр.»

— Въ 1863 г., вскорѣ послѣ появленія синодальнаго изданія Библіи на русскомъ языкѣ, въ г. С.-Петербургѣ возникъ частный кружокъ, задавшійся цѣлью возможно широкаго распространенія книгъ Св. Писанія въ Россіи. 2-го мая 1869 г., по Высочайшему соизволенію, этотъ кружокъ былъ переименованъ въ «общество», которое неутомимо продолжаетъ свою полезную и высокопросвѣтительную дѣятельность до настоящаго времени. Не можетъ подлежать спору, что названное «общество» заслуживаетъ самаго глубокаго сочувствія, а потому нельзя не пожелать, чтобы симпатіи къ нему возрастали все болѣе и болѣе. Преслѣдуя исключительно религіозно-просвѣтительныя цѣли по частному почину, «общество» нуждается и въ нравственной и въ матеріальной поддержкѣ всѣхъ ревнителей религіознаго знанія въ возможно широкихъ кругахъ. Въ этихъ видахъ обращаемъ вниманіе на послѣдній печатный отчетъ «общества», который правленіемъ оного (С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 1-я апрѣля, д. № 6)—по требованію—высылается бесплатно. Здѣсь читатель найдетъ и самый уставъ «общества», а равно и всѣ свѣдѣнія о теперешнемъ состояніи его дѣлъ. Но помимо этого тутъ же сообщается много и другихъ интересныхъ данныхъ, наиримѣръ, о дѣятельности труженниковъ по распространенію книгъ Св. Писанія—книгоношъ, о способахъ распространенія, о вліяніи слова Божія на народъ и т. д. Преводимъ для плю-

страціи нѣкоторыя выдержки изъ корреспонденціи членовъ общества по послѣднему пункту. Такъ, одинъ татаринъ, прослушавъ чтеніе Евангелія, пожелалъ принять христіанскую вѣру, а раскольникъ, читая русскую Библію, съ благодарностію отозвался, что въ ней все очень понятно, но что прежде онъ понималъ Св. Писаніе иначе. Одинъ старичекъ-крестьянинъ, долго, по тщетно искавшій пріобрѣсть себѣ Евангеліе, получивъ его наконецъ, снялъ шапку и, обратясь къ церкви, долго молился тихо... затѣмъ, перекрестясь, воскликнулъ: «Слава Тебѣ, Господи!» и поцѣловалъ крестъ на книгѣ. Батарейный командиръ горячо благодарилъ и «общество», и книгошну за св. книги, доставленные послѣднимъ въ его батарею. «Я забываю,—говорилъ онъ,—что когда солдаты Евангеліе читаютъ, такъ становятся хорошими солдатами».

По поводу этихъ фактовъ пробужденія религіозной пытливости въ народѣ, отчетъ восклицаетъ: «Какое благодатное поприще (при удовлетвореніи ея) для дѣятельности достойныхъ пастырей Церкви!» Дѣйствительно, нельзя не пожелать, чтобы пастыри дружно шли на встрѣчу пробуждающейся религіозной пытливости народа и въ помощь достопочтенному «обществу распространенія Св. Писанія въ Россіи».

— Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Церкви. Вѣстника» излагается помѣщенная въ іюльской книжкѣ «Русск. Вѣстника» статья, посвященная задачамъ церковно-приходской жизни. Между прочимъ, въ этой статьѣ раскрывается та мысль, что въ настоящее время преимущественно двѣ потребности въ приходской жизни неотложно ждуть своего удовлетворенія: первая потребность заключается въ поднятіи уровня религіозно-нравственной жизни прихода и вторая — въ организаціи помощи нуждающимся прихожанамъ, иначе—задачи просвѣтительная и благотворительная. Въ ряду средствъ для достиженія просвѣтительной задачи на первомъ мѣстѣ авторъ ставитъ устное слово пастыря въ формѣ проповѣди или виѣбослужебной бесѣды, устройство церковныхъ бібліотекъ, церковно-приходскихъ попечительствъ, разныхъ просвѣтительныхъ обществъ, братствъ и, совмѣстно съ этимъ, живой примѣръ личной христіанской жизни самого проповѣдника. Но теперь, къ сожалѣнію, продолжаетъ онъ, одного личнаго высокаго примѣра жизни пастыря недостаточно для того, чтобы возвысить этимъ до извѣстной степени уровень религіозно-нравственной жизни насомыхъ. Общенародное нравственно-религіозное сознаніе настолько понизилось, силы настолько ослабли, что получилось теперь два

критерія нравственной высоты: одинъ для служителей алтаря, для пастырей, другой—для пасомыхъ. Отсюда и страшно строгое отношеніе къ порокамъ духовенства и болѣе легкій взглядъ народа на свои собственные слабости и пороки. Если священникъ является собою примѣръ христіанской жизни, то это такъ и нужно, потому что онъ «батюшка», а «ужъ намъ простымъ людямъ, гдѣ же такъ жить». Поэтому, по мнѣнію автора, всѣ религіозно-нравственные общества и братства получаютъ въ настоящее время особенно важное значеніе для народной жизни, потому что примѣръ воздержанія и христіанской жизни, являемый своими же односельчанами, своими сосѣдями, «простыми людьми», дѣйствуетъ неотразимымъ образомъ. Этотъ примѣръ есть лучший способъ для того, чтобы возбудить ревность къ духовной жизни въ прихожанахъ, лучшее средство въ рукахъ пастыря для подъема религіозно-нравственной жизни въ приходѣ. Въ каждомъ, конечно, приходѣ есть нѣсколько лучшихъ людей въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Теперь каждый изъ этихъ лучшихъ прихожанъ поглощается общимъ теченіемъ жизни всего прихода, каждый подчиняется общему: «я какъ и всѣ», «я за другими». Это самое трудное препятствіе, которое встрѣчается пастырю въ стремленіяхъ къ поднятію религіозно-нравственной жизни его прихожанъ. Но разъ это препятствіе нарушится, разъ священнику удастся выдѣлить изъ общей толпы лучшихъ людей и объединить ихъ для одной лучшей цѣли—эти люди представятъ уже нравственную силу, не распыляющуюся не поглощаемую общимъ теченіемъ жизни, а стоящую внѣ этого теченія. Всякій лучший прихожанинъ, видя себя не одного уже, а въ сообществѣ съ другими, соединенными вмѣстѣ одной высшей идеей,—почувствуетъ себя смѣлѣе и безбоязненно устроитъ свою жизнь не по общему шаблону, а по руководящей идеѣ. Увлекая отдѣльныя личности примѣромъ доброй христіанской жизни, эти лучшие люди прихода войдутъ кинкомъ въ жизнь прихода, отдѣляя постепенно лучшіе элементы отъ худшихъ. Въ этомъ все громадное значеніе нарождающихся обществъ трезвости и разныхъ другихъ обществъ, пмѣющихъ нравственные задачи. Современный приходъ, какъ онъ есть, безъ всякихъ проявленій общественно-религіозной жизни,—это ничто иное какъ простая совокупность православныхъ христіанъ, приходящихъ въ одинъ и тотъ же храмъ. Приходъ же, въ которомъ развивается дѣятельность какого-либо общества съ религіозно-нравственными задачами, представляетъ изъ себя совокупность прихожанъ, изъ которыхъ часть по край-

ней мѣръ соединена между собою не только принадлежностью къ извѣстному храму, но и болѣе твердою связью единства стремленій къ христіанскому самоограниченію и совершенствованію. Такой приходъ представляетъ изъ себя уже компактную массу, въ которой началась органическая жизнь. Но въ связи съ развитіемъ религіозно-нравственной жизни прихода стоитъ еще не менѣе важное общественное дѣло—помощь неимущимъ и несчастнымъ членамъ того же прихода. Благотворительныя учрежденія должны возникать и развиваться при приходскихъ храмахъ, потому что храмъ, школа и благотворительныя учрежденія связаны между собою тѣсною, органическою связью. Если школа есть преддверіе храма и имѣетъ своей задачей приготовленіе сознательныхъ христіанъ, то благотворительныя учрежденія въ приходѣ—суть живое воплощеніе учительной силы церкви и духа ея, воплощеніе осязательное, видимое и потому назидательное для души. И эту обязанность священникъ можетъ выполнить только при помощи тѣхъ же лучшихъ, уже обособленныхъ людей прихода. Такимъ образомъ объединеніе лучшихъ силъ прихода является исходной точкой для плодотворной практической дѣятельности пастыря. Это объединенное «малое стадо» и есть то ядро, безъ котораго невозможно развитіе нормальной церковно-приходской жизни. Что же нужно дѣлать для образованія этого «малаго стада»? По мнѣнію автора, для этого не нужно никакой придуманной организаціи, никакихъ уставовъ; нужны прежде всего доброе желаніе и энергія пастыря, призывающаго себѣ помощниковъ; нужно затѣмъ добровольное согласіе лучшихъ прихожанъ, избранныхъ пастыремъ, согласіе слѣдовать во всемъ за нимъ, являть примѣръ послушанія ему и подчиненія церковнымъ уставамъ. Естественное главенство пастыря, единство его съ избранными имъ самими помощниками себѣ и солидарность ихъ всѣхъ въ стремленіи къ намѣченной цѣли—вотъ тѣ условія, которыя необходимы для того, чтобы образовалось ядро церковно-приходской жизни.

— Въ Тульской губерніи, пишетъ въ «Цер. Вѣст.» священникъ о. Феодоръ Черкасскій, есть село Раево. Туда къ священнику постоянно стекаются съ разныхъ сторонъ страждущіе запоемъ. Нѣкоторыхъ даже, говорятъ, везутъ туда связанными или въ безпамятствѣ отъ водки. Этотъ священникъ, при добровольномъ вознагражденіи за трудъ, служитъ молебны разнымъ святымъ, читаетъ заклинанія, и запой прекращается, бывшій пьяница осуждаетъ прежніе свои поступки и становится полезнымъ членомъ въ

своей семьѣ и обществѣ. Замѣчательно, что весьма трудно бываетъ уговорить запойнаго обратиться къ названному священнику за помощью. Онъ отговаривается разными неудобствами и недосугами, а иной чистосердечно сознается, что отъ такого предложенія у него волнуется сердце. Когда запойный приближается къ мѣсту исцѣленія, с. Раеву, то, судя по рассказамъ, дорогою въ немъ увеличивается тоска и, наконецъ, нападаетъ страхъ. Кто сильнѣе привязанъ къ водкѣ, тотъ и болѣе ощущаетъ тяготу, и наоборотъ. Это явленіе мы,—замѣчаетъ о. Черкасскій,—наблюдали и надъ учителемъ нашей школы, который хотя любилъ водку, но не напивался до безобразія и не опускалъ своихъ занятій. Онъ при первомъ предложеніи высказалъ согласіе и охотно поѣхалъ въ Раево на сырной недѣлѣ прошлаго года. Но предъ молебномъ и онъ почувствовалъ такую тоску, что вернулся-бы назадъ, если-бы не было съ нимъ другого лица. Послѣ перваго молебна тоска у него прошла и появилось желаніе присутствовать на другомъ. Теперь онъ пытается даже отвращеніе къ водкѣ.—Считаемъ нужнымъ добавить, что у означеннаго священника села Раева родитель-священникъ такимъ-же способомъ избавлялъ многихъ отъ запоя, а что нынѣшній священникъ-сынъ находится въ преклонныхъ лѣтахъ».

—Нѣсколькимъ французскимъ врачамъ, какъ передаютъ «М. Вѣд.», пришло на мысль пробврить, насколько алькоголизмъ проявляетъ свое дѣйствіе среди потомства людей, предававшихся при жизни чрезмерному потребленію спиртныхъ напитковъ. Для этой цѣли они прослѣдили и изслѣдовали психическое и физическое состояніе, за нѣсколько лѣтъ прямого потомства, десяти семействъ алкоголиковъ, состоявшихъ изъ 47 чел., и пришли къ слѣдующимъ печальнымъ выводамъ: изъ 47 дѣтей завѣдомыхъ пьяншихъ, 25 умерли грудными младенцами, 6 оказались идиотами, 5 наблюдалось чрезвычайное замедленіе роста, 5 оказались эпилептиками и 5 страдали хроническимъ разстройствомъ пищеварительныхъ путей. Такимъ образомъ, только одинъ человекъ въ этомъ потомствѣ представлялъ собою исключеніе, обладая крѣпкимъ и правильно развитымъ организмомъ. У десяти семействъ, родители которыхъ вели умѣренный образъ жизни и воздерживались отъ излишняго употребленія вина, дѣти, въ числѣ 60, по большей части, отличались здоровымъ тѣлосложеніемъ. Изъ нихъ только 5 умерли въ дѣтскомъ возрастѣ отъ простудныхъ болѣзней, 4 страдали нервнымъ разстройствомъ, быстро поддававшимся лѣченію, и только двое оказались съ органическими

пороками. Изъ этихъ данныхъ французскіе врачи вывели заключеніе, что дѣти пьяницъ по большей части обречены на страдальческую жизнь и если не умираютъ въ раннемъ возрастѣ, то становятся или эпилептиками, или идіотами, а въ большинствѣ случаевъ обязательно страдаютъ катарральнымъ разстройствомъ желудка, дѣлающимъ людей чрезвычайно воспріимчивыми ко всякому болѣзнетворному началу и вообще заразнымъ заболѣваніямъ.

— Петербургское общество трезвости на дняхъ получило изъ Голландіи предложеніе принять участіе, присылкой своего делегата, въ устраиваемомъ тамъ 8 сентября (нов. ст.) настоящаго года четвертомъ международномъ конгрессѣ противъ злоупотребленія спиртными напитками. Обсужденію конгресса, какъ видно изъ приглашенія, будутъ предложены слѣдующіе вопросы: 1) алкоголизмъ въ нравственномъ, гигиеническомъ и медицинскомъ отношеніяхъ; 2) принятія предупредительныя и другія мѣры противъ злоупотребленія спиртными напитками союзами, обществами, прессой и при народныхъ торжествахъ; 3) о принудительныхъ мѣрахъ, состоящихъ въ распоряженіи законодателя и властей для предотвращенія и борьбы съ пьянствомъ. Занятія конгресса продолжатся нѣсколько дней.

— Въ Москвѣ 1 августа въ залѣ университета состоялось открытіе международного конгресса доисторической археологіи и антропологіи въ присутствіи почетнаго Предсѣдателя Великаго Князя Сергѣя Александровича и Великой Княгини Елисаветы Теодоровны. 2 августа въ историческомъ музеѣ состоялось открытіе географической и археологической выставокъ.

— Съ 3-го августа въ Хуэньвѣ, въ Испаніи, начались празднества въ честь Колумба. Какъ извѣстно, и папа Левъ XIII издалъ особую энциклику о торжественномъ церковномъ празднованіи 400-лѣтія открытія Америки. И, однакожь, первому же церковному торжеству этого событія въ Палосѣ, андалузскомъ прибрежномъ городѣ, изъ гавани котораго Колумбъ 3-го августа 1492 г. отплылъ съ своими тремя каравелами, не посчастливилось. Прибывшимъ въ церковь Палоса почетнымъ гостямъ пришлось напрасно два часа прождать священника, который не явился для отправленія богослуженія.
«М. Цер. Вѣд.»

— Въ Генуѣ 4-го августа (н. с.) въ университетѣ, въ присутствіи факультетовъ въ полномъ составѣ, властей, городскихъ представителей и множества приглашенныхъ состоялась торжественная передача городскому синдикату акта о празднованіи четырехсотлѣтняго юбилея. Въ это же время торжественно открытъ памятникъ Мад-

зии. Вечеромъ устроенъ былъ факельцугъ, въ которомъ участвовали 700 студентовъ и рабочихъ. Кортѣжъ направился на Колумбову выставку, гдѣ нѣкоторыми профессорами и представителями произнесены были рѣчи о всеобщемъ мирѣ и замѣнѣ войны международнымъ третейскимъ судомъ. Торжество окончилось въ 11^{1/2} часовъ вечера. «Кіев. Сл.».

— Въ историческомъ архивѣ въ Мадридѣ недавно найденъ автографъ сына Христофора Колумба. Этотъ документъ уничтожаетъ всякіе споры о мѣстѣ рожденія великаго мореплавателя. Содержаніе документа несомнѣнно доказываетъ, что родина Колумба — мѣстечко Савонна въ Лигурии.

«М. Цер. Вѣд.».

— Таинственные стѣны, окружавшія римскій монастырь, названный «Sepolte vive» (заживо погребенныхъ), отчасти рушились съ тѣхъ поръ, какъ монастырь этотъ посѣтилъ префектъ. Такихъ убѣжищъ для заживо погребенныхъ нѣсколько въ Италіи: два въ Римѣ, одно въ Неаполѣ и нѣсколько въ римскихъ провинціяхъ. Одному изъ журналистовъ удалось проникнуть въ монастырь «Sepolte vive» подъ предлогомъ, будто онъ намѣренъ помѣстить туда свою родственницу; онъ описываетъ это посѣщеніе слѣдующимъ образомъ: «Патеръ провелъ меня черезъ двери, которую охранялъ монахъ, помощникъ исповѣдника, въ мрачныя, ничѣмъ необставленные сѣни. Здѣсь съ лѣвой стороны была дверь съ надписью: «Parlatorio»; съ правой — открывался корридоръ, выкрашенный сѣрою краской, въ концѣ котораго былъ выступъ, въ родѣ печки, выпинною въ человѣческій ростъ, съ вынутою желѣзною заслонкой. Эта заслонка запираетъ отверстіе, называемое «ruota» (колесо), чрезъ которое можно говорить съ настоятельницею, и чрезъ которое «fattore», или экономъ, передаетъ кушанье и все, что требуется для монастырскихъ обитательницъ. Надъ этимъ колесомъ виситъ доска, съ надписью: «Кто хочетъ быть счастливымъ въ этихъ стѣнахъ, тотъ долженъ отказаться отъ свѣтскихъ желаній и стремленій». Настоятельница, судя по раздавшемуся вдали голосу, должна быть энергическая дама; она, въ надеждѣ на новую сестру-монахиню, немедленно велѣла провести насъ въ «parlatorio». Это пріемная, куда родителямъ дозволено являться четыре раза въ годъ, чтобы поговорить со своими дѣтьми чрезъ желѣзную заслонку у окна, которая раздвигается лишь на 1 сантиметръ. Обширная комната совершенно пуста, только на стѣнахъ висятъ грубо написанная извѣстная лурдская Богоматерь, нѣсколько другихъ картинъ духовнаго содержанія, и опять доски съ философскими изреченіями въ родѣ слѣдующихъ: «Вы

должны взирать на міръ и на жизнь, какъ взирать на нихъ умирающій». Мы еще осматривались кругомъ въ этомъ помѣщеніи, какъ вдругъ передъ четырехъ-угольнымъ окномъ раздался голосъ настоятельницы, которая пришла ознакомить насъ съ правилами монастырскаго ордена, во главѣ котораго она поставлена. Цѣль ордена ясна изъ самаго названія: «умерщвленіе плоти и непрестанное моленіе», рядомъ съ которымъ идетъ строгій аскетизмъ, наказанія и безжалостное поработченіе всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Какъ скоро дѣвушка поступаетъ въ монастырь по собственной волѣ или противъ воли—она обязана выдержать двухъ-лѣтнее испытаніе, — время пекуса, въ теченіе котораго она, отдѣленная отъ свѣта, не видитъ даже своихъ родителей. Одѣтая въ саванъ изъ толстаго полотна, съ длиннымъ покрываломъ на головѣ, она проводитъ время въ молитвѣ и въ размышленіяхъ, сидя въ сырой кельѣ, съ спертымъ, могильнымъ воздухомъ, освѣщенной небольшимъ окномъ, продѣланнымъ въ верхней части стѣны; она не смѣетъ говорить ни съ кѣмъ другимъ кромѣ своего духовника; питается скудною пищею, изъ которой навсегда исключено все мясное, обѣдаетъ въ опредѣленные дни, какъ зѣбрь, на полу, ложится отдохнуть на жестокую постель, и знаетъ впередъ, что выйти отсюда нельзя, что здѣсь не помогутъ ни слезы, ни раскаяніе, ни тоска. И вотъ отчаяніе переходитъ въ тихую, удручающую грусть, затѣмъ въ апатію; умъ помрачается, ощущенія замираютъ, и дѣвушка обращается къ полуидіотку. Сестры снѣтъ не раздѣваются; встаютъ въ часъ ночи, и въ теченіе 10 минутъ, пока читаютъ «Miserere», бьютъ себя плетью по голой спинѣ, что называется «disciplina». Въ 5 час. идутъ въ церковь, гдѣ монахини поютъ хоромъ. Вообще весь день проводятъ въ чтеніи положеннаго числа молитвъ и въ моленіи за здравіе знатныхъ семействъ, отпускающихъ суммы на содержаніе монастыря. Въ «Sepolte vive» царствуетъ полное молчаніе; сестеръ отучаютъ скучать по ихъ оставленнымъ родственникамъ тѣмъ, что никогда не упоминаютъ о нихъ, не сообщаютъ послушницѣ даже о смерти отца или матери. Черезъ два года послушница посвящается въ сестры-монахини и кончаетъ тѣмъ, что, наконецъ, мѣняетъ свою надземную могилу на болѣе тѣсную подъ землею.

— «Воляж. Донск. Л.» рассказываетъ о слѣдующемъ характерномъ случаѣ смерти отъ холеры. Сынъ псаломщика Вольшой-Ивановки, Царицынскаго уѣзда, Смѣловскій, 35 лѣтъ, весьма крѣпкаго здоровья, всѣмъ хвалился, что онъ не боится холеры, и если

она его заберетъ, то онъ съ нею легко справится. Въ началѣ истекшей недѣли его дѣйствительно забрала холера, конечно—не вслѣдствіе похвалы безстрашіемъ, а потому, что Смѣловскій не соблюдалъ никакихъ предосторожностей. Припадки холерные застигли храбреца въ степи, за полевыми работами, и онъ по своему сталъ бороться съ холерою, поглощая массу сырой воды. Само собою разумѣется, что отъ такого лѣченія холера только развивалась. Когда пришлось, наконецъ, везти больного домой въ слободу, на пути онъ, при встрѣчѣ каждаго озера, соскакивалъ съ повозки, садился въ воду и сидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока силою его оттуда ни вытаскивали. По пріѣздѣ домой Смѣловскій вскорѣ умеръ, оставивъ послѣ себя старика отца, жену и кучу дѣтей. — Подобный разсказанному случай былъ въ Царицынѣ. Бывшій поваръ И. В. Мельникова, утверждая на базарѣ около квасницъ, что холеры пѣтъ, въ доказательство этого при всемъ народѣ, съѣлъ 6 огурцовъ, запилъ квасомъ и сталъ закусывать дыней. Но не успѣлъ онъ съѣсть и половины куска, какъ съ нимъ сдѣлались самые бурные припадки холеры и чрезъ два часа онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„ЖИВОЕ СЛОВО“

ПРЕОСВЯЩЕННАГО АМВРОСІЯ,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Цѣна книги 50 коп. съ перес.

Съ требованіями надобно обращаться: г. Харьковъ, въ редакцію журн. „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи.

802-17

327

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1892.

№ 16.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Тялографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 16.

1892.

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1892.

№ 16.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Московский періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи *И. Корсунскаго* 213—234
- « Отношеніе раскола къ государству въ царствованіе Петра I-го. *С. Г. С.* 235—259
- « Современное отношеніе римско-католической церкви къ рабочему вопросу (окончаніе). *Н. Истомина* 260—276

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Изысканія литературы и философія (продолженіе). Профессора Кіевской Духовной Академіи *П. Линицкаго* 125—151
- Очеркъ исторіи философіи (продолженіе). *Н. Страхова* 152—174

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный Комитетъ денежныхъ пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ отъ неурожаа (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петропскій пер., д. № 16.
1892.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Августа 1892 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Московский періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

„Предъ обѣтомъ“ сердобольныхъ вдовъ и „при напутствіи избранныхъ для попеченія о раненыхъ и больныхъ дѣйствующей арміи“ святитель Московскій говорилъ въ Маріинской церкви Вдовьяго дома 30 іюля 1855 года бесѣду на текстъ: *Болезнь, и посѣтите Мене* (Матѳ. 25, 36), о человеколюбіи, въ различныхъ его видахъ и между прочимъ въ посѣщеніи болящихъ. При этомъ вѣтя, обращаясь къ сердобольнымъ вдовамъ, говоритъ: „Вамъ, призванныя и удостоенныя служительницы царскаго человеколюбія, открывается нынѣ путь къ особенному подвигу христіанскаго человеколюбія и къ Христовой за оный наградѣ. Иные проходятъ подвиги человеколюбія и для такихъ несчастныхъ, которыхъ несчастье не ознаменовано никакою чертою достоинства, или даже есть слѣдствіе собственной ихъ вины: должное дѣло и сіе, по конечно не такъ пріятное, какъ подлежащее вамъ. Вашъ подвигъ будетъ въ пользу страдальцевъ, которыхъ страданія ознаменованы печатію достоинства и добродѣтели, въ пользу подвижниковъ, которые отъ мужественныхъ подвиговъ за вѣру, Царя и Отечество перешли къ подвигу великодушнаго претерпѣнія ранъ и болѣзней. Любовь христіанская, любовь

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», № 14-й, 1892 г.

къ Царю, любовь къ достойнымъ соотечественникамъ и къ отечеству соединятся, чтобы подкрѣплять васъ въ подвигѣ вашемъ. Надѣмся, что вы явитесь дѣятельно вѣрными подвигу, въ который вступаете, не только потому, что избраны, но и потому, что сами возжелали. Надѣмся, что небесный Человѣколюбецъ осѣнитъ вашъ подвигъ Своимъ всевышнимъ благословеніемъ, и ниспослетъ вамъ свою благодатную помощь: потому что вы къ Нему первѣе *открываете путь* свой въ общихъ съ нами молитвахъ и Его Божественною пищею себя напутствуете. Надѣмся увидѣть въ вашемъ дѣйствованіи то же человѣколюбивое сердоболіе, ту же крѣпость духа, неутомимость, благотворность, какія и издалика видимъ у вашихъ предшественницъ, и благословляемъ человѣколюбца Бога, и Его благословеніе призываемъ на нихъ и на васъ¹⁾. Подвиги человѣколюбія, которые требовались отъ этого новаго отряда сердобольныхъ вдовъ, имѣли для себя благотворный источникъ, одушевляющее одобреніе и побужденіе въ новой Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, къ которой, вмѣстѣ съ именемъ, перешли и всѣ учрежденія такъ называемаго вѣдомства Императрицы Маріи, основанныя въ большей своей части ея августѣйшею Бабкою, императрицею Марією Ѳеодоровною. Императрица Марія Александровна, со времени переѣзда своего въ Россію слившаяся всѣмъ сердцемъ и всѣми мыслями своими съ русскимъ народомъ, обладая отъ природы идеальными чертами женственности, скромности и кротости, а равно глубокою преданностію за вѣтамъ христіанства, всю жизнь свою посвятила счастію царскаго семейства и дѣламъ воспитанія и милосердія. Во время Крымской войны, когда вообще въ Европѣ еще такъ мало думали о жертвахъ войны, Государыня Императрица первая обратила вниманіе на нихъ и съ участіемъ истинно любящей матери заботилась объ участи больныхъ и раненыхъ. Воодушевленные теплымъ участіемъ и живыми заботами самой Царицы, молодые люди врачебнаго персонала и сердобольныя женщины съ усердіемъ спѣшили на помощь нашимъ

1) Соч. Фил. V, 312—113.

героямъ, беззавѣтно отдаваясь святому дѣлу милосердія и не взирая на предстоявшія имъ опасности военнаго времени. Тогда еще не было и рѣчи о правильной организаціи общества Краснаго Креста, получившаго свое начало также потомъ, благодаря заботливости Царицы, и отсутствіе удобныхъ путей сообщенія затрудняло до крайности доставленіе транспортовъ съ щедрыми царскими дарами и пособіями на театръ военныхъ дѣйствій. Однако, благодаря любвеобильному попеченію Царицы, Матери Отечества, дѣлано было все возможное къ облегченію участи больныхъ и раненыхъ, къ наилучшей организаціи помощи имъ и къ ускоренію доставки означенныхъ даровъ и пособій. Эту-то основную черту новой Царицы, въ связи съ другими чертами ея человѣколюбія, и представлялся митрополиту Филарету случай живо изобразить въ бесѣдѣ на день тезоименитства Ея Величества 22 іюля 1855 г., при чемъ онъ не опустилъ изъ вниманія и Августѣйшихъ сотрудницъ Императрицы въ дѣлахъ человѣколюбія и милосердія. Именно въ этой бесѣдѣ свититель-витія, указавъ на подходящія черты изъ жизни св. равноапостольныя Маріи Магдалины, вытекавшія изъ ея безпредѣльной любви къ Господу Іисусу, особенно же на человѣколюбіе, въ концѣ бесѣды говорятъ: „Переходя мыслію отъ церковнаго къ отечественному значенію настоящаго дня, съ утѣшеніемъ усматриваю новое умиленное зрѣлище христіанскаго и отечественнаго человѣколюбія. Тезоименитая нынѣ, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Александровна, еще прежде, въ званіи Цесаревны, приняла на себя постоянный подвигъ человѣколюбія, даровавъ Свое покровительство и материнское попеченіе многимъ смиреннымъ дочерямъ служителей алтара, дабы усовершенствованнымъ воспитаніемъ ихъ усовершить внутреннее устройство священнослужительскихъ семействъ и чрезъ то благотворно дѣйствовать и на семейный бытъ народа. Потомъ, уже съ высоты Престола, Она простерла сострадательный взоръ на подвизающихся нынѣ во брани за вѣру, Царя и отечество, на ихъ особенныя, при трудныхъ подвигахъ, нужды, на ихъ раны, на ихъ семейства, и въ собственномъ домѣ открыла для нихъ источникъ бла-

готовленій, давъ съ тѣмъ вмѣстѣ вѣрное направленіе и потокамъ народнаго человѣколюбія. Нельзя при семъ не вспомнить и подвиговъ Благочестивѣйшія Царицы-Матери ¹⁾, а также и Великія Княгини Елены Павловны, которыя чрезъ избранныхъ, приготовленныхъ, снабженныхъ и посланныхъ ими служительницъ человѣколюбія ежедневно и ежечасно посѣщаютъ страждущихъ отъ ранъ и болѣзней подвижниковъ отечества и подаютъ имъ всякую благопотребную помощь и христіанское утѣшеніе. Христе Боже, благословивый послужившихъ Тебѣ вѣрою и любовью во дни Твоего пещованія! Благослови и нынѣ служащихъ Тебѣ въ лицѣ меньшихъ братій Твоихъ, которые во имя Твое и за имя Твое подвизаются! При этомъ мысль витія естественно и невольно перенеслась на самое мѣсто военныхъ дѣйствій, по истинѣ безотрадную картину представлявшее. Всѣ ужасы войны, которой конца еще далеко не было видно, встали предъ его мысленнымъ взоромъ. Мысль о неправдѣ воевавшихъ противъ Россіи ясно представлялась уму его. Но и ободреніи страдальцевъ за вѣру православную, Царя Русскаго православнаго и за Россію, надеждою побѣды при тогдашнихъ обстоятельствахъ войны, нельзя было употребить въ проповѣди. Поэтому мудрый проповѣдникъ касается военныхъ событій слѣдующими многозначущими, но въ то же время и чрезвычайно осторожными словами: „Христе Царю! Призри на Твое достоиніе. Благословенъ еси, *посылавшій жезломъ беззаконіа наша* (Псал. 88, 33). Благословенъ еси, *не разоряя милости Твоея отъ насъ* (ст. 34), *дай крѣпость Царю нашему* (1 Цар. 2, 10), и вѣрному войнству Его. Но *доколь грѣшники, Господи, доколь грѣшники восхвалятся, проповѣдаютъ и воумножатъ неправду* (Псал. 93, 34)? *Доколь вознесется врагъ* (Псал. 12, 3) пренеподвѣй? Уже онъ не чрезъ певѣрныхъ возстаетъ на Твоихъ вѣрныхъ: но Твое имя на себѣ посящихъ сдѣлать друзьямъ врагамъ Твоимъ и врагамъ Твоему православному народу: и тогда какъ необычайно напряженные дѣйствія военнаго искусства и военныхъ силъ не доста-

¹⁾ Вдовствующей Императрицы Александры Ѳеодоровны († 1860).

влияють имъ торжества, онъ внушилъ имъ причислить къ военнымъ средствамъ разбой, грабительство, зажигательство, убіеніе безоружныхъ, истребленіе мирной собственности гражданъ и поселянъ, святотатство, поруганіе святыни. *Воскресни, Боже, суди земли: яко Ты насльдидиши во встѣхъ изыпныхъ* (Псал. 81, 8). Но, *Господи, да не яростію Твоею обличиши насъ, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши насъ* (Псал. 6, 1). Аминь“¹⁾. Дѣйствительно на югѣ Россіи происходили событія, способныя привести въ содрганіе всякаго человѣка, а не только христіанина и добраго сына отечества. Вѣсти одна другой печальнѣе приходили оттуда. Французы, вмѣстѣ съ своими союзниками-христіанами и нехристіанами, производили такія безобразія и жестокости, которыя нѣсколько не уступали дѣйствіямъ ихъ предковъ въ Россіи въ 1812 г. Правда, Севастополь еще держался, благодаря своимъ твердынямъ и героизму защитниковъ его; но за то и осада его была такъ упорна и жестока, что спасти его становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе трудно, особенно въ виду того, что непріятель уже заняли многіе важныя въ стратегическомъ отношеніи пункты на Крымскомъ полуостровѣ и такимъ образомъ приближался къ Севастополю вѣ сѣ суши, грозя его въ то же время и съ моря. И хотя повелитель французовъ Наполеонъ III поторопился въ 1854 году объявить, что онъ въ томъ же году возьметъ эту крѣпость: однако онъ былъ правъ, говоря, что въ отношеніи ко взятію ея вопросъ только во времени. Уже отъ 27 августа 1855 года митрополитъ Филаретъ писалъ намѣстнику лавры Антонію: „Говорятъ, въ Петербургѣ недавнія вѣсти съ юга не успокоительны. Но что такое, ясно не знаю. *Господи, спаси Царя, и услыши ны азъ онъ же (аще) день призовемъ Тя* (Псал. 19, 10)“²⁾. Не имѣя такимъ образомъ точныхъ свѣдѣній о событіяхъ на югѣ за послѣдніе дни августа, святитель Московскій на день тезоименитства Государа Императора 30 августа приготовилъ бесѣду на текстъ: *умножися на мя неправда гордыхъ: азъ же*

¹⁾ Соч. Филар. V, 318—319.

²⁾ Письма Филар. къ Антон. III, 345.

всплмъ сердцеѣмъ моимъ испытая заповѣди Твоя (Псал. 118, 69), и произнести ее въ Чудовѣ монастырѣ. Уже самый избранный текстъ показывалъ, о чемъ будетъ говорить проповѣдникъ, о какой неправдѣ гордыхъ и о какомъ средствѣ для того, чтобы успѣшнѣе всего противостоять этой неправдѣ. И дѣйствительно, проповѣдникъ касается въ своей бесѣдѣ того предмета, который составлялъ злобу дня для людей того времени. Начинаетъ онъ свою бесѣду указаніемъ на торжество дня: „Священное и возлюбленное имя Александра, говоритъ онъ, созвало насъ во храмъ, и соединило въ молитвѣ вѣры, надежды и благодарности. Съ благоговѣніемъ чтимъ память святаго Александра Невского, который силою вѣры отражалъ и вещественное оружіе враговъ отечества, и мысленное оружіе враговъ православной церкви; и предъ сильнымъ невѣрнымъ властителемъ исповѣдалъ свою вѣру такъ, что своимъ прямодушіемъ и дерзновеніемъ обезоружилъ его. Съ утѣшеніемъ воспоминаемъ, продолжаетъ витія, Александра Благословеннаго, который вмѣстѣ съ вѣрнопопавшими, также одушевляясь вѣрою и надеждою на Бога, не только исцѣлилъ рану, нанесенную Россіи поработителемъ многихъ царствъ, проникшую до сердца ея, но и державу врага до сердца пронзилъ, и это не къ смерти, а къ исцѣленію отъ порабощенія. Съ благодареніемъ и надеждою молимся о Александрѣ второмъ, наслѣдовавшемъ имя, благословенное прежде, въ залогъ благословеній будущихъ“. Послѣ такого начала или вступленія витія дѣлаетъ искусный переходъ къ главному предмету бесѣды, говоря: „Любовь къ Царю не желала бы уменьшать свѣтлость настоящаго дня никакимъ облакомъ непріятной мысли, но та же любовь не можетъ и одинъ день провести безъ заботливыхъ мыслей о тяжкомъ подвигѣ, въ который Царь и отечество намѣ поставлены неправдами бывшихъ союзниковъ, а нынѣ враговъ нашихъ“. И за тѣмъ указываетъ самую тему проповѣди въ словахъ: „По истинѣ, Россія можетъ нынѣ приносить Богу правды древнюю жалобу: *умножися на мя неправда гордыхъ*“. Раскрывая, далѣе, эту тему, святитель-витія бѣглымъ, но по обычаю острымъ, проникательнымъ взоромъ проходитъ все теченіе Крымской компаніи

за новое въ Россіи царствованіе, мѣтко характеризую націи, воевавшія противъ Россіи прежде и вновь вступившія въ союзъ съ врагами противъ нея, яркими чертами изображая характеръ тѣхъ, со стороны Россіи искреннихъ, а со стороны большей части враговъ ея коварныхъ, попытокъ установить миръ, которыя имѣли мѣсто также въ новое царствованіе п т. д. „Послѣ неправды сосѣда,—говоритъ витія, указывая на Австрію,—который, бывъ защищенъ Царемъ Россіи отъ сальнаго мятежника, вмѣсто благодарности, нарушилъ царственные договоры и древнія права святыхъ мѣстъ, утѣснилъ православныхъ христіанъ, и тѣмъ началъ распрю, сколько еще родилось неправдъ! Возсталъ *неправда гордыхъ* ¹⁾, которая не могла спокойно смотрѣть на побѣдоносное могущество Россіи. впрочемъ ни для какого царства и народа не тягостное, а для многихъ благотворное; и, судя по себѣ. не хотѣла вѣрить правдѣ Россіи; вымышляла мечтательныя на нее подозрѣнія и обвиненія, и раздражала ими умы народовъ. Возбуждалась неправда своекорыстія ²⁾, и, не довольствуясь многими уже широкими путями къ пріобрѣтеніямъ, взыскала открыть себѣ новыя, оружіемъ и кровопролитіемъ. Была ли правда въ предпріятіи миротворчества ³⁾, когда предложившіе условія мира, какія они нашли безобидными для обѣихъ разногласящихъ сторонъ, получивъ на оныя согласіе Россіи, вмѣсто того, чтобы соединиться съ нею, и поддерживать общее уже съ нею дѣло мира, обратились на сторону противника ея, и возгласили войну? Была ли правда и въ другомъ подобномъ предпріятіи, когда довѣренныя воюющихъ и не воюющихъ державъ нашли путь, которымъ всѣ они полагали возможнымъ дойти до мира, но двѣ державы вновь обратились рѣшительно на путь войны ⁴⁾, не оправдывая сего никакими причинами, и скры-

1) Указывается на французскъ, которые, въ царствованіе императора Николая, трепетали могущества Россіи, а теперь пожелали сломить это могущество.

2) Разумѣется Англія съ ея коммерческими намѣреніями и предпріятіями.

3) Разумѣется неудачная попытка къ возстановленію мира, предпринятая припо кончинѣ императора Николая по почину самихъ же западныхъ державъ на Вѣнскомъ конгрессѣ.

4) Разумѣются Англія съ Франціей.

вая свои намѣренія? Не явны ли несправды войны, въ которой враги наши свои неудачи противъ укрѣпленныхъ мѣстъ думаютъ вознаграждать опустошеніемъ беззащитныхъ, вѣроломно употребляютъ знамя мира, чтобы убивать или грабить не ожидающихъ битвы, не щадятъ немошняго пола и возраста, оскорбляютъ святыню поруганіемъ и святотатствомъ? Есть ли правда въ союзѣ, въ который вступили христіане съ невѣрными противъ христіанъ, съ желаніемъ, договоры въ пользу христіанъ, по праву заключенные, безъ права уничтожить,--въ которомъ защищающіе попираютъ защищаемаго ¹⁾, въ который не побужденіями справедливости, а угрозами и прельстительными обѣщаніями стараются вовлечь царей и народы, чтобы они проливали кровь за дѣло, для нихъ чуждое? ²⁾ Такое безотрадное положеніе вещей, естественно, могло вызывать уныніе. Всякій Россіянинъ могъ отъ всего сердца восклицать съ поэтомъ того времени:

«Европа противъ насъ. Окружено врагами
«Отечество со всѣхъ сторонъ,
«Кровавый часъ насталъ, и очередь за нами,
«Новсюду мечъ ужь обнаженъ.
«Мы слышимъ клеветы, мы знаемъ оскорбленія
«Тысячеглавой лже газетъ,
«Изъѣвъ, зависти и страха порожденъ...
«Друзей у нашей Руси нѣтъ!» ³⁾

Поэтому и при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ войны, гибельной и для враговъ Россіи впрочемъ не менѣе чѣмъ для Русскихъ, нужно было не споспѣшествовать унынію, а по возможности ограничивать его и скорбь растворять утѣшеніемъ, наблюдая, конечно, при семъ должную мѣру и осторожность. Такъ и поступаетъ нашъ святитель--вита. „Что при семъ думаешь ты, христіанинъ Россіянинъ?“ спрашиваетъ

¹⁾ Защита Турціи для Англіи и Франціи была только поводомъ для своекорыстныхъ цѣлей, ради которыхъ онѣ не прочь были и поглотить права Турціи, чего опять уже и были на Вѣнскомъ конгрессѣ, не утѣшавшіеся впрочемъ пока успѣхомъ.

²⁾ Здѣсь разумѣется привлеченіе Італіи, Испаніи и другихъ мелкихъ государствъ Европы (Германскихъ) къ союзу Англіи и Франціи.

³⁾ Русск. Арагелъ 1888, т. III, стр. 258.

онъ послѣ изображенія *неправды гордыхъ*; не смущаешься ли, что такъ много пощущено неправдѣ? *Не ревнуй лукавствующимъ*, поучаетъ онъ, отвѣчая на сіи вопросы словами Св. Писанія; *ниже завиди творщикамъ беззаконіе: зане, яко трава, скоро изсохнутъ, и яко земліе злаки скоро отпадутъ* (Псал. 36, 1. 2). Израиль страдалъ; Фараонъ причинялъ ему страданія: Израиль избавленъ; Фараонъ погибъ. Сепнахиримъ и его многочисленное войско вторглись въ предѣлы іудейскаго царства, ругались надъ Іерусалимлянами и надъ Езекією, и даже хулили Бога; Езекія молился: Сепнахиримъ и его войско погибли; Езекія и Іерусалимъ спасены. Древнюю жалобу на *умножившуюся неправду гордыхъ* напомнилъ я, и на неправду, пынѣ противъ насъ умножившуюся, указалъ вамъ, братія, не для того, чтобы увелачить вашу скорбь, или поколебать вашу твердость, но чтобы найти вамъ и себѣ утѣшеніе, подкрѣпленіе и охрапленіе отъ зла. Вслушаемся внимательно въ слова древняго противоборца неправды, не найдемъ ли въ нихъ щита для огражденія себя отъ нея, и оружія для отраженія нападеній ея. *Умножися, говоритъ, на мя неправда гордыхъ*. Если неправда умножилась; если она устремляется на тебя: что же ты дѣлаешь? какъ защищаешься отъ нея? чѣмъ отражаешь ее? Покажи образецъ, особенно намъ безоружнымъ. Онъ продолжаетъ: *изъ же аспѣмъ сердцемъ моимъ испытаю заповѣди Твоя, Боже!*—Видите ли достопримѣчательный образъ подвига противъ нападающей неправды? Неправда возстаетъ противъ праваго: а онъ *аспѣмъ сердцемъ испытуетъ заповѣди Божія*, какъ бы хранилище побѣдоносныхъ оружій противъ неправды. Но что можетъ онъ сдѣлать заповѣдями Божиими противъ неправды, которая рѣшилась не бояться ихъ?—Онъ можетъ испытаніемъ заповѣдей Божиихъ, испытаніемъ себя по заповѣдямъ Божиимъ, признаніемъ своихъ грѣховъ, покаяніемъ въ нихъ, исправленіемъ отъ нихъ, побѣждать неправду въ самомъ себѣ; а вслѣдствіе того, видно, онъ увѣренъ, что возможетъ побѣдить неправду и внѣ себя. Въ самомъ дѣлѣ, если правда Божія попускаетъ неправдѣ враговъ съ силою нападать на насъ, то, конечно, потому наиболѣе, что мы, будучи правы предъ врагами нашими, въ то

же время не правы предъ Богомъ; а если мы вѣрнымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ вступимъ въ миръ и союзъ съ Богомъ: то, безъ сомнѣнія, Богъ правды не лишитъ насъ всецѣльной своей защиты. Царство Божіе въ мірѣ давно постановило, написало и провозгласило свой договоръ, въ лицѣ Израиля, со всѣми царствами человѣческими, слѣдующій: *еще сегоднѣ послушаете гласа Господа вашего, хранити и творити заповѣди Его: предастъ тебѣ Господь Богъ враги твои, сопротивляющіи тебѣ сокрушены предъ лицемъ твоимъ.* (Втор. 28, 1. 7). Кто выкинулъ въ сказанное теперь: тотъ не будетъ думать, что онъ, или кто другой изъ насъ, не участникъ въ происходящей нынѣ брани за отечество противъ неправедныхъ враговъ. Нѣтъ. Всѣ до одного мы въ ней участвуемъ,—если не въ ея дѣлѣ, то въ ея успѣхѣхъ. Нашею вѣрою, молитвою, покаяніемъ, безпорочностью, благодѣланіемъ, короче, исполненіемъ заповѣдей Божіихъ мы привлекаемъ силу и помощь Божію себѣ и защитникамъ отечества, съ такимъ непоколебимымъ мужествомъ за него подвигающимся: нашимъ забвеніемъ заповѣдей Божіихъ, нашими грѣхами удаляемъ себя отъ силы и помощи Божіей; и что, если болѣе между нами удаляющихъ благодать Божію, нежели привлекающихъ ее?—Въ исторіи браней народа Божія видимъ, что послѣ того, какъ Іисусъ Навинъ съ войскомъ чудесно перешелъ Іорданъ, открывшій для сего свое дно, чудесно низложилъ Іерихонъ звукомъ трубъ и восклицаніями воиновъ,—внезапно, при нападеніи на малый городъ, воины Израильскіе были отражены и поражены. Смutilись и вожьдъ и войско, не понимая, почему отступила отъ нихъ помощь Божія. Почему же?—*Рече Господь ко Іисусу: сопротивнии людие: сего ради не могутъ сынове Израилевы стати предъ лицемъ враговъ своихъ* (Ис. Нав. 7, 10—12). Дѣло въ томъ, что Ахаръ изъ добычи Іерихонской взялъ золотой сосудъ, деньги и одежду, что воздемя было запрещено подъ клятвою. Преступники истреблены: и Божія помощь и побѣда возвратились къ войску Израильскому. Если одинъ грѣшникъ и одинъ грѣхъ такъ былъ опасенъ: koliko должно быть опаснѣе множество грѣховъ многихъ грѣшниковъ! Вразумимся и убѣдимся,—заключаетъ по-

сему поучительную бесѣду свою витія,—что наша собственная неправда для насъ вреднѣе чужой; что страшнѣе нашихъ враговъ—наши грѣхи. Станемъ крѣпко противъ сихъ домашнихъ враговъ. Надежное противъ нихъ оружіе близъ насъ: оно въ словѣ Божиѣмъ, въ заповѣдяхъ Божиихъ и въ нашей совѣсти! Тогда, какъ *умножился* на насъ *неправда гордыя*, мы со смиреніемъ и съ особенною ревностію *осмыслимъ да испытаемъ заповѣди* Божіи, чтобы въ вѣрномъ ихъ исполненіи находить нашу безопасность и спасеніе. Аминь“¹⁾. Произнесъ эту бесѣду святитель Филаретъ, конечно, въ присутствіи всѣхъ властей и избраннаго общества, собравшихся въ Чудовъ монастырь по случаю высокотожественнаго дня тезоименитства новаго Государя Императора, и какъ мы говорили выше, не зная всѣхъ печальныхъ подробностей происходившаго на югѣ Россіи. „Миръ вамъ, отецъ намѣстникъ, и братіи обителей,—писалъ онъ отъ 31 августа, слѣдовательно на другой день послѣ произнесенія этой бесѣды, памѣстнику Лавры Антонію.—„А моя душа пригорьбна есть. Праздники наши Господь обращаетъ въ плачь. Вчера священнослуженіе совершилъ я съ миромъ, не зная вѣсти, уже распространявшейся. Но вопедъ къ генераль-губернатору²⁾ къ объѣду, встрѣчаю слова: какая печальная вѣсть! Спрашиваю, что это значитъ, и узнаю о паденіи Севастополя. Хотя это не совсѣмъ неожиданное, и я думалъ и прежде, что не надѣжно устоять ему, но чрезвычайно сильнымъ разрушительнымъ средствамъ враговъ, дѣйствующимъ на одно средоточіе: но тѣмъ не менѣе сильно поразила меня сія вѣсть съ возникающими отъ нея мыслями о послѣдствіяхъ. Господь да умилосердится *надъ* нами грѣшными“³⁾. Подлинно печальна была вѣсть о паденіи Севастополя,—этой послѣдней и самой сильной твердыни, на которой опиралась вся надежда Крымской нашей арміи, и на которую преимущественно посему обращено было вниманіе враговъ. Кому бы не приписывать

1) Соч. Филар. V, 319—323.

2) Графу А. А. Закревскому.

3) Письма Филар. къ Антон. III, 346.

вину этого паденія, прежнему ли главнокомандующему князю Меншикову, не укрѣпившему достаточно Севастополя въ свое время, или его преемнику, князю М. Д. Горчакову, ¹⁾ не счѣтившему защитить городъ и крѣпость и вызывавшему недовольство въ обществѣ своими лапидарными, какъ бы скрывавшими истинное положеніе вещей, извѣстіями съ театра военныхъ дѣйствій, во всякомъ случаѣ за послѣднее время уже ясно было, что Севастополю, подъ убійственнымъ огнемъ непріятельскихъ орудій, долго держаться было нельзя. Роковая развязка приближалась. Она наступила даже позднѣе нежели какъ можно было ожидать, чѣмъ Севастополь обязанъ былъ, конечно, героизму защитниковъ его. Взятіе Севастополя стоило врагамъ не менѣе огромныхъ пожертвованій людьми и деньгами, какъ и Русскимъ — потеря его. Сами враги и безпристрастные свидѣтели даже за то время отдавали полную справедливость мужеству Севастопольскаго гарнизона и защитниковъ крѣпости вообще. Но долѣе было невозможно Русскимъ героямъ держаться въ немъ. Наступило 27 августа 1855 года. Главнокомандующій князь Горчаковъ телеграфировалъ Государю: „Въ 12 часовъ по полуночи. Непріятель получаетъ почти ежедневно новыя подкрѣпленія. Бомбардированіе продолжается огромное. Уронъ нашъ болѣе 2.500 человекъ въ сутки. — Въ часъ по полудни. Войска Высшаго Императорскаго Величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ, за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, было не возможно. Войска переходятъ на сѣверную сторону, отбивъ окончательно 27 августа шесть приступовъ изъ числа семи, поведенныхъ непріятелемъ на Западную и Корабельную стороны. Только изъ Корнилова бастіона не было возможности его выбить. Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окровавленные развалины“ ²⁾. По поводу

¹⁾ Скопчившемуся въ 1861 году въ званіи генераль-фельдмаршала. О его распоряженіяхъ въ Крыму, не всегда удачныхъ, см. записки сенатора К. П. Лебедева въ *Русск. Архивъ* за 1889 г. т. I, стр. 143 и дал. Срав. также *Сборникъ рукописей о Севастопольской оборонѣ*, III, 417. 420 и дал. 431. 444 и дал. и др. Спб. 1873.

²⁾ Русскій Вѣстникъ, 1880 г., т. 145, стр. 916.

паденія Севастополя святитель Филаретъ, со словъ одной изъ сестеръ милосердія, возвратившихся изъ Крыма, передаетъ, въ письмѣ къ намѣстнику Лавры Антонію, писанномъ въ началѣ ноября 1855 года, слѣдующее сказаніе: „Была нѣкая Прасковья, фамиліи не помню, которая хаживала въ мою домовую церковь и часто бранила покойнаго діакона Димитрія, по тому случаю, что она свою теплую одежду клала на амвонъ, а онъ, приходя говорить ектенію, отодвигалъ оную ногою. Сія пріѣхала въ Крымъ на свой счетъ. Путевыя издержки ей заплатили: но въ число сестръ ее не приняли по ея странному нраву, и по тому, что употребляла вино. Она построила въ Севастополѣ небольшой домъ для 20 раненыхъ, и ходила за ними. Однажды пришла она къ одной знакомой своей, и выпросила для себя шелковое платьѣ. На вопросъ: для чего? Отвѣчала: нынѣ мой послѣдній день; прощай. Потомъ пошла къ князю Горчакову, и къ графу Сакену, и сказала тоже. Вожди по обычаю отвѣчали ей желаніемъ многихъ лѣтъ. Отъ нихъ пошла она на одну изъ батарей, гдѣ ее знали, и даже замѣчали, что при ея присутствіи не бываетъ убитыхъ. Здѣсь сказала она: поберегите меня нынѣ; если сбережете меня, сбережете Севастополь; если меня не будетъ, и Севастополя не будетъ. Прилетѣла бомба, и разорвала ее на 16 или 18 частей. Это было недѣли за двѣ до оставленія нашими войсками южной стороны Севастополя“ ¹⁾. Естественнымъ послѣдствіемъ паденія Севастополя былъ упадокъ духа въ войскахъ и во всѣхъ слояхъ народа. „Государство потеряло голову,—пишетъ современникъ событій о на строеніи Россіи за то время,—общество забыло тактъ, семейства въ траурѣ“ ²⁾. Чтобы поднять духъ войска, Государь Императоръ рѣшился самъ навѣстить южную армію. Его путешествіе, и раньше того предполагавшееся, было ³⁾ чрезъ Москву на югъ, состоялось въ сентябрѣ мѣсяцѣ. 1-го сентября около полуночи Государь Императоръ, съ Государынею

¹⁾ Письма Филарета къ Ант., III, 361.

²⁾ Русск. Архивъ, 1889, I, 143. Записки К. Н. Лебедева.

³⁾ Именно въ апрѣлѣ, о чемъ см. Письма Фил. къ Ант. III, 329.

Императрицею и другими Высочайшими Особами, прибылъ въ Москву, впервые по своемъ воцареніи. „До сихъ поръ,— писалъ отъ 1 сентября, еще до прибытія Царской Фамиліи, святитель Филаретъ къ намѣстнику Антонію,—погода неблагоприятна для нынѣшняго прибытія, и для заграничнаго срътенія. И мысль о Севастополѣ наводитъ сумракъ. Господь да даруетъ, еже къ миру и утѣшенію“ ¹⁾. Въ Москву Государь прибылъ благополучно и, согласно предположенію, на другой день по прибытія Его, именно 2 сентября состоялся Высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ. Митрополитъ Филаретъ при этомъ встрѣтилъ Его слѣдующею рѣчью: „Благочестивѣйшій Государь! Твой древлепрестольный градъ, которому особенною судьбою даровано было съ радостію предчувствія принять Тебя вступающаго въ жизнь, принести первое благодареніе Жизнодавцу, даровавшему Тебя Россіи, первую молитву о Твоемъ преуспѣяніи, надобно ли изъяснять, съ какими чувствованіями видятъ Тебя, какъ исполненіе своихъ моленій, предчувствій, надеждъ, какъ начало новыхъ успихъ надеждъ отечества?—Глубоко чувствуетъ онъ сію царскую мялость, что Ты, пріявъ необъятное бремя необъятнаго царства, и съ тѣмъ вмѣстѣ необычное послѣдіе,—необходимое продолженіе праведной брани, среди усугубленныхъ царскихъ подвиговъ, напелъ однако время воспомануть Твою колыбель—Москву, и даровать ей Твое лицезрѣніе.—Но это не все. Съ благоговѣніемъ постигаемъ высшую мысль Твоего настоящаго прішествія. Ты поспѣшаешь въ святилище Твоего наслѣдственнаго Царскаго освященія, вознести Твою Царственную молитву къ *Давающему спасеніе царемъ* (Псал. 143, 10), при предствительствѣ святыхъ Его, и особенно святителя Петра, благословившаго рожденіе сей столицы, и святителя Алексія, благословившаго Твое рожденіе, и пріявшаго Тебя въ свои объятія отъ священной купели. *Жизнь силъ да послетъ Тебѣ Господь отъ Сіона* (Псал. 109, 2), и Твоя твердость да превозможетъ усилія, Твоя прозорливость — ухищренія враговъ Россіи. Уразумѣть нынѣшнюю молитву

¹⁾ Письма Фил. къ Ант. III, 347.

Твою Россію, и миллионы сердець сольются въ одну всецерковную, всероссійскую молитву *о державѣ, побѣдѣ, мирѣ, здравіи и спасеніи Твоемъ*“. Къ этому молитвенному воззванію свитатель-вѣстѣ счелъ нужнымъ присоединить еще „желаніе узрѣть“ Царя „вскорѣ съ знаменіемъ священнаго помазанія въ Его Родительскомъ и Прародительскомъ Вѣнцѣ, среди благословеній Неба и Россіи“ ¹⁾. Такимъ образомъ, всегда осторожный, вѣстѣ и здѣсь очень осторожно и сдержанно коснулся самаго больнаго мѣста царя и Россіи,—Крымской войны, не считая удобнымъ и приличнымъ церковной каедрѣ говорить объ этой войнѣ, съ одной стороны, такъ самоувѣренно-гордо, а съ другой,— такъ откровенно-смѣло, какъ говорили нѣкоторые москвичи того времени ²⁾. Между тѣмъ Государь Императоръ, по древнему царскому обычаю, счелъ долгомъ своимъ посѣтить и лавру преподобнаго Сергія, всегдѣшняго молитвенника предъ Богомъ за Русскую землю. Посѣщеніе лавры состоялось 6 сентября. Къ тому времени прибылъ въ лавру и настоятель ея, митрополитъ Филаретъ, и встрѣтилъ Государя Императора здѣсь такою рѣчью: „Благочестивѣйшій Государь! Если бы мы сказали, что Твоимъ и Твоего Августѣйшаго Семейства пришествіемъ обрадованы мы: это было бы слово сердца, но только по Твоему спосожденію достойное Твоего вниманія. Можемъ сказать то, что вполне достойно Твоего вниманія и даже сорадованія. Радуется сему посѣщенію Тобой нынѣшній духовный Гостепріимецъ Преподобный Отецъ нашъ Сергій. Ибо святые на небеси, блаженствуя въ любви Божіей, еще находятъ радость и въ любви къ земнымъ ближнимъ, когда видятъ ихъ подвижащихся приближаться къ Богу и могутъ по вѣрѣ споспѣшествовать сему своими молитвами. Итакъ отъ сердца Сергіева пріими слово срѣтенія: *благословенъ грядый во имя Господне*. Вниди подъ кровъ крѣпкаго молитвеннаго подвижника за Россію и чрезъ него и вмѣстѣ съ нимъ принеси Святой

¹⁾ Соч. Филар. V, 323—324.

²⁾ См. напр. статьи М. И. Погодина въ *Московскія Вѣдомостыя* за это время и житіе о немъ сенатора Лебедева въ *Русск. Архивъ* 1889, I, 142 и дал.

Троицѣ молитву вѣры и упованія. Сила молитвы есть чистѣйшій и обильнѣйшій источникъ силы державной и владычественной. Благословившій великаго князя Димитрія ¹⁾ на побѣду надъ невѣрными,—подвизавшійся невидимо и очевидно за Россію въ бѣдственные дни оскудѣваго престолонаслѣдія ²⁾, не допустившій до своей обители Галловъ, опустошавшихъ столицу ³⁾,—съ тою же и нынѣ любовію къ Царю и царству Русскому воздвигаетъ въ защиту ихъ молитвенныя руки, какъ нѣкогда Моисей въ защиту Израиля, съ тою разностію, что у небеснаго молитвенника не изнемогаютъ руки, какъ у земнаго. Видитъ преподобный Сергій Твою къ Нему любовь, возвышаемую смиреніемъ, и тѣмъ съ большимъ дерзновеніемъ взывать будетъ къ *Возносящему смиренныхъ*, да дастъ Тебѣ *блага*, которыхъ просишь для Себя и для Россіи“ ⁴⁾. По первоначальному предположенію ⁵⁾, Государь Императоръ съ Государыней Императрицей въ лаврѣ же и ночевали. На слѣдующій день, 7 сентября, Государь Императоръ, въ видахъ еще большаго ободренія и подъема духа войскъ дѣйствующей арміи и усиленія молитвъ о небесной помощи, взялъ отъ св. мощей Преподобнаго Сергія чудотворную икону явленія Божіей Матери Преподобному Сергію, находящуюся надъ южными вратами алтаря Троицкаго Лаврскаго собора близъ раки Преподобнаго, и обыкновенно взимаемую на поприще военныхъ дѣйствій въ важныхъ случаяхъ. При этомъ митрополитъ Филаретъ опять говорилъ рѣчь, съ обращеніемъ ея, въ формѣ молитвы, къ самому Преподобному Сергію: „Преподобне Отче Сергіе! Отъ юности возлюбивъ отечество небесное, Ты однако и земнаго отечества не пренебрегъ, но возлюбилъ оное крѣпкою духовною любовію. Посему еще въ земномъ житіи твоёмъ благовѣрнаго князя Димитрія твоею молитвою и прозорливымъ совѣтомъ къ брапи противъ невѣрныхъ подкрѣплялъ, почему

¹⁾ Димитрій Іоанновичъ Донскаго въ 1380 году въ виду приближенія татаръ съ Мамаемъ во главѣ.

²⁾ Въ 1610 и 1611 годахъ.

³⁾ Въ 1812 г., хотя обитель Сергіева отстоятъ лишь на 64 вер. отъ Москвы.

⁴⁾ Соч. Филар. V, 540—541.

⁵⁾ См. о томъ *Письма Фил. къ Антон. III*, 343.

и побѣда надъ врагами послѣдовала. И по преселеніи твоёмъ въ отечество небесное не престалъ ты на отечество земное простирать покровительствующіе взоры. Когда оно въ бѣдственныя дни потрясеннаго престола, и даже въ первые дни престола возстановленнаго, много страдало отъ враговъ: знаменія твоей противъ нихъ невидимой помощи были такъ ясны, и такъ признаны, что благочестивый царь Михайлъ, за внезапное пораженіе одного изъ жесточайшихъ враговъ Россіи, Твоей обители, Тебѣ особенно благодареніе приносилъ ¹⁾; а преемникъ его, благочестивый царь Алексій, за полученную надъ врагомъ побѣду и посланіе благодарственное къ тебѣ писалъ; и сей твой образъ, какъ знаменіе спасенія, и въ полкахъ его носимъ былъ ²⁾. И по сему примѣру онъ носимъ былъ также и въ полкахъ императора Петра Перваго и въ ополченіи Александра Перваго во дни нашествія на Россію двадцати народовъ. Се и нынѣ Благочестивѣйшій Самодержецъ нашъ Александръ Николаевичъ, наследовать съ престоломъ и вѣру своихъ предковъ, желаетъ сей твой образъ вѣрному своему воинству явить, какъ знаменіе Божіа, по твоимъ молитвамъ, благословенія и покровительства. Благослови, Преподобне Отче, сіе дѣло вѣры. И моими недостойными руками только видимо, невидимо же твоими святыми руками, преподаждь Благочестивѣйшему Самодержцу сей образъ твой, и съ нимъ посѣти и посѣщай христолюбивое воинство его. И не престани взывая ко Господу сялъ, да проститъ намъ грѣхъ, которыми привлекаемъ на себя скорби, благословитъ Благочестивѣйшаго Царя нашего и воинство его благословеніемъ благостыннымъ и да даруетъ ему побѣду миротворную и побѣдоносный миръ ³⁾. Въ послѣднихъ словахъ этой рѣчи—молитвы, какъ и прежнія бесѣды и рѣчи чрезвычайно осторожно касавшейся вопроса о войнѣ и побѣдѣ, мы ин-

¹⁾ Разумѣется пораженіе одного изъ осаждавшихъ Лавру вождей Польскихъ Лисовскаго въ день памяти препод. Сергія 25 сент. 1616 г., о чемъ, равно какъ и объ отношеніи къ сему со стороны царя Михайла Феодоровича см. въ *Описаніи Троиц. Лавры*, стр. 115 и дал. Москва, 1873.

²⁾ О семъ см. тамъ же, стр. 133 и дал.

³⁾ Соч. Фил. V, 541—542.

димъ прикровенное указаніе и на дальнѣйшую, затаенную цѣль поѣздки Государя Императора на югъ Россіи — положить конецъ убійственной войнѣ, унесшей столько жизней изъ всѣхъ классовъ народа. — Между тѣмъ 8-го сентября Государь Императоръ съ остальными Высочайшими особами уже былъ опять въ Москвѣ, возвратившись сюда наканунѣ вечеромъ, а раннимъ утромъ того же 8 числа вернулся изъ Лавры въ Москву и митрополитъ Филаретъ къ литургіи, послѣ которой и послѣ „молебна о въ путь шествующемъ Государѣ Императорѣ, благодарилъ Его и Императрицъ за посѣщеніе Лавры, поздравилъ Государи Наслѣдника со днемъ рожденія и простился съ Государемъ“ ¹⁾, который 8-го же сентября и выѣхалъ изъ Москвы на югъ. На другой день 9 сентября утромъ въ Успенскомъ соборѣ снова былъ молебенъ о путешествующемъ Государѣ Императорѣ; а въ часъ по полудни митрополитъ Филаретъ совершалъ на красной площади напутственное молебствіе имѣвшему сопровождать Государя Императора въ Его путешествіи на югъ полку Императорскихъ стрѣлковъ (стрѣлковому полку Императорской Фамиліи) „въ присутствіи Государины Императрицы Александры Ѳеодоровны, всѣхъ юныхъ великихъ князей и двухъ великихъ княгинь“, при чемъ далъ имъ образъ отъ Преподобнаго Сергія и кресты ²⁾. А главное,—святитель-вѣстия не оставилъ воиновъ безъ отеческаго наставленія, сказавъ имъ слѣдующую рѣчь: „Братія воины царской рати! Съ утѣшеніемъ видимъ васъ, идущихъ на защиту Отечества. Исполняете священный долгъ: и тѣмъ лучше исполняете, что на сей подвигъ васъ вызвала свободно ваша добрая воля и любовь къ Царю и Отечеству. Тѣмъ паче благословить васъ Богъ, любящій добровольныя жертвы; тѣмъ болѣе признательно будетъ вамъ отечество, если подвигъ, такъ ревностно

¹⁾ *Письма Фил. къ Ант.* III, 349. Литургію и молебенъ совершалъ викарій, преосвященный Алексій.

²⁾ Тамъ же. Юные великіе князья: Александръ, Владиміръ и Алексій Александровичи; великіи княгини: супруга великаго князя Константина Николаевича, Александра Юсифовны, и принцесса Нидерландская Анна Намовна. См. *Собр. мѣстн. и отзв. Филар.* IV, 36—37.

начатый, столь же *ревностно* продолжите и совершите. Если бы на какой домъ напали разбойники: кто изъ семейства, имѣя силу и возможность, не возсталъ бы на защиту себя и своихъ, и общаго достоянія? Не съ бѣльшимъ ли самопожертвованіемъ должно возстать противъ враговъ, которые на великій домъ Царя нашего,—на Россію, напали безъ правды и, нарушивъ законы честной войны, позволяютъ себѣ разбойническія хищенія и опустошенія? Нѣкогда, во время нападенія иноплеменниковъ на землю народа Божія, Иессей трехъ старшихъ сыновъ своихъ послалъ на брань за отечество; а младшаго Давида посылалъ потомъ доставить имъ пищу въ походѣ: и сей носитель пицци сдѣлался внезапнымъ воиномъ и побѣдителемъ враговъ. Такъ праведные жертвуютъ отечеству тѣмъ, что имѣютъ любезнѣйшаго: такъ и праведный Богъ даетъ благородному самопожертвованію давнюю помощь и силу. Братія! по вѣрѣ и вы народъ Божій: продолжайте и подвигами являть въ себѣ народъ Божій. Для такого народа не оскудѣетъ дивная помощь Божія. Вотъ святой образъ Христа Спасителя, которымъ Государыня Императрица Марія Александровна благословляетъ васъ, съ молитвою благочестивѣйшаго Ея сердца, да воинствуете съ именемъ Господа Иисуса Христа, и да будете благодатию Его всегда крѣпки, непоколебимы въ мужествѣ и побѣдоносны. Вотъ и еще изъ обители Преподобнаго отца нашего Сергія святой образъ, съ которымъ соединено воспоминаніе о крѣпкихъ молитвахъ его за Россію и воинство ея, и о Божіей чрезъ нихъ помощи, а также воспоминаніе и о вѣрѣ нашихъ предковъ, которые подобный сему образъ носили въ полкахъ своихъ, какъ знаменіе покровительства и помощи свыше. Да соприсутствуетъ онъ вамъ къ утѣшенію вашей вѣры, къ утвержденію надежды на помощь Божію; и да будетъ знаменіемъ вышняго благословенія на подвигъ и побѣду“¹⁾. Это Высочайшее посѣщеніе Сергіевой Лавры митрополитъ Филаретъ самъ описалъ и свое описаніе помѣстилъ въ *Московскихъ Вѣдомо-*

1) Соч. Филар. V, 542—543.

стяж¹⁾. Относительно иконы, взятой изъ Лавры Государемъ Императоромъ при отправленіи въ дѣйствующую армію, митрополитъ Филаретъ далъ слѣдующую резолюцію отъ 19 октября: „1) Какъ древняя икона Видѣнія Божіей Матери Преподобному (*Серію*) при посѣщеніи Государемъ Императоромъ Лавры, 7 дня сентября сего 1855 года, взята Его Величествомъ для дѣйствующей арміи, и какъ бывало прежде, можетъ по времени быть возвращена; и какъ потомъ отъ Государыни Императрицы присланъ списокъ съ сей иконы для поставленія на ея мѣсто, во время ея отсутствія: то въ описи о вышеозначенной ikonѣ впредь до усмотрѣнія отмѣтки не дѣлать. 2) Съ прописаніемъ сей резолюціи послать ризничему (*Лаврскому*) указъ, который долженъ храниться при описи“²⁾. Подлинная икона возвращена была уже въ іюлѣ слѣдующаго 1856 года³⁾. Кромѣ подъема духа воиновъ, одушевленія ихъ на борьбу съ непріателемъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, путешествіе Государя Императора къ дѣйствующей арміи на югъ Россіи имѣло цѣлю, какъ мы замѣчали выше, и его задушевное желаніе—прекратить убійственную войну возобновленіемъ переговоровъ о мирѣ, особенно въ виду долженствовавшей быть коронаціи. Полтора мѣсяца Государь Императоръ пробылъ на югѣ при дѣйствующей арміи, одушевляя ее своимъ присутствіемъ, лично участвуя въ распоряженіяхъ военными дѣйствіями и всячески стараясь потушить пламя борьбы предложеніями вступать въ переговоры о мирѣ и самими переговорами, хотя эти переговоры, за несговорчивостію враговъ, и не привели пока къ благопріятному результату. Война продолжалась и по отбытіи Государя Императора съ юга. Предъ своимъ отбытіемъ изъ лагеря военныхъ дѣйствій Государь Императоръ, для большаго одушевленія вои-

¹⁾ Срал. о семъ *Письма Филар.* къ *Ант.* III, 348 и его же *Письма къ Высоч. Особ. и др. лиц.* II, 26 и дал. Тверь, 1868. См. *Моск. Вѣдом.* 1855, № 112; отсюда описаніе перепечатано было и въ *Вѣдомостяхъ Моск. город. полиціи* за то же время.

²⁾ *Изв. изъ Общ. Истор. и древн.* 1880, кн. 2, стр. 21 сообщенія о. архим. Григорія: «Изъ бумагъ Моск. митр. Филарета».

³⁾ См. *Письма Филар.* къ *Ант.* III, 416.

новъ, издалъ 31 октября приказъ по войскамъ, въ которомъ горячо благодарилъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя, исполнѣ признавалъ великія заслуги арміи въ текущую войну и высоко восхвалялъ воинскія доблести ея. 5 ноября Государь Императоръ былъ уже въ Москвѣ; а 6 ноября, предъ вступленіемъ Его въ Успенскій соборъ, святитель Филаретъ встрѣчалъ Его новою рѣчью, слѣдующаго содержанія: „Благочестивѣйшій Государь! Въ одну изъ трудныхъ брапей народа Божія съ иноплемениками любовь вѣрноподданныхъ царю Давиду возбудила въ нихъ такую заботу о его безопасности, что они умоляли его: *не изыдеши съ нами на брань, да не угасимъ свѣтильника Израилева* (2 Цар. 21, 17). Съ подобнымъ чувствомъ смотрѣли мы во слѣдъ Тебѣ, когда Твоя ревность о благѣ Твоего народа и любовь къ вѣрному воинству внезапно устремили Тебя туда, гдѣ наибольшая опасность бранная. Тѣмъ съ болѣею радостію видимъ Твое возвращеніе послѣ того, какъ Твоимъ присутствіемъ и Твоимъ личнымъ дѣйствованіемъ въ устроеніи брани, Ты даровалъ непоколебимому въ мужествѣ воинству Твоему новое одушевленіе, и слѣдственно новую силу. Такъ дѣйствуется въ царствѣ, гдѣ союзъ Царя съ народомъ освященъ вѣрою, закономъ, вѣками, гдѣ Царь и народъ живутъ одною общею жизнію единодушія и взаимной любви. Господа силъ и Отца свѣтовъ, даровавшаго намъ въ Твоей царственной дѣятельности *свѣтильникъ Израилевъ*, не престаемъ и не престанемъ умолять, да даруетъ Тебѣ духомъ силы разрушить силу враговъ и свѣтомъ правды разсѣять мракъ вражды и ухищреній и такимъ образомъ угасить пламень брани и распространить тихій свѣтъ мира отъ Твоей и на другія державы“ ¹⁾. Нельзя не видѣть опять величайшей мудрости, искусства и осторожности въ рѣчи святителя Филарета, и далеко ниже ея рѣчь, которою въ ту же осень встрѣтилъ Государя Императора въ Одессѣ знаменитый витія, архіепископъ Херсонскій Иннокентій (Борисовъ) ²⁾. Въ то же

¹⁾ Соч. Филар. V, 544.

²⁾ Въ запискахъ сенатора Лебедева о томъ времени мы читаемъ: «Вотъ Государь и возвратился. Принятіе ему въ Одессѣ Иннокентія, кромѣ доволно счаст-

время въ послѣднихъ словахъ рѣчи святителя Филарета еще яснѣе видны указанія на искреннее желаніе Государя Императора возстановить миръ и на переговоры о мирѣ. Не смотря на то, что и по отбытіи Государя Императора изъ южной арміи Крымская война продолжалась, сѣмя мирныхъ предложений и переговоровъ, брошенное любвеобильнымъ Монархомъ Русскимъ, не совсѣмъ пропало даромъ. Война стала продолжаться уже не съ прежнимъ ожесточеніемъ и сами враги стали мало по малу сознавать, что дальнѣйшимъ веденіемъ ея они не выиграютъ болѣе, чѣмъ сколько выиграли достигнутыми уже, особенно взятіемъ Севастополя, успѣхами, тѣмъ болѣе, что Россія не безъ успѣха дѣйствовала въ Закавказскомъ краѣ противъ Турціи. Не даромъ, по отбытіи Государя Императора изъ Москвы, въ ноябрѣ святитель Филаретъ (отъ 10 ноября) писалъ намѣстнику Лавры Антонію: „Государя Императора срѣтили мы благополучно. Опъ здравствуетъ и благодушествуетъ. Изволилъ сказать, что предъ образомъ, взятымъ изъ Лавры, съ утѣшеніемъ молился вмѣстѣ съ войскомъ, и у него оставилъ онныя“¹⁾.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

лпваго начала, и тяжело и непріятно. Привѣтствія Филарета 1 сентября и 6 ноября несравненно лучше. *Русск. Архивъ* 1889, I, 149. Привѣтствіе преосв. Инноцентія можно читать въ собраніи его сочиненій въ *Моск. Вѣдом.* 1855 г. № 135 и въ другихъ изданіяхъ.

¹⁾ *Письма Ф. къ Ант.* III, 362.

Отношеніе раскола къ государству въ царствованіе Петра I-го.

Петръ Великій, по складу своихъ убѣжденій, менѣ всего былъ расположенъ преслѣдовать подданныхъ за ихъ религіозныя заблужденія. Предоставляя Церкви заботиться о религіозно-правственной жизни народа, Петръ считалъ неумѣстнымъ принудительное вмѣшательство государства въ область совѣсти. „Мы, объявляя государь въ указѣ отъ 16 апрѣля 1702 г., человѣческой совѣсти приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пешихъ о блаженствѣ души своей“¹⁾. Помимо того Петръ, какъ государь особенно дорожившій практическими интересами государства, не могъ одобрять гоненій раскольниковъ за вѣру потому, что преслѣдованія раскольниковъ лишали государство многихъ рабочихъ рукъ и полезныхъ силъ. Относительно раскольниковъ Петръ прямо высказывался, что „если они хорошіе граждане, то пусть вѣруютъ чему хотятъ; когда нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособить ни огонь, ни мечъ; а мученикамъ за глупость быть,—ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“. При такихъ взглядахъ государя естественно было, что „Великому Петру монаршую область пріемлющу, гоненія и бури утишишася, муки о староцерковнѣмъ благо-

¹⁾ Полное собр. зак. IV 1910. «Состояніе раскола при Петрѣ» Елсонецкаго, стр. 130.

честіи преставаху царскимъ милосердіемъ“¹⁾. Въ 1714 году Петръ законодательнымъ порядкомъ призналъ за раскольниками право открыто оставаться при своихъ убѣжденіяхъ подлѣ условіемъ платежа двойнаго оклада²⁾. Вѣротерпимость правительства къ раскольникамъ устраняла одинъ изъ главныхъ мотивовъ, усиливавшихъ доселѣ въ расколѣ непріязненное отношеніе къ государству и открывала раскольникамъ возможность къ возвращенію на путь обще-гражданской жизни русскаго народа. Несмотря однако на это, среди раскольниковъ петровской эпохи не только не обнаруживается *общаго* стремленія къ примиренію съ государствомъ, къ сближенію съ православнымъ гражданскимъ обществомъ, а напротивъ замѣчается болѣе развитіе и распространеніе противогосударственнаго направленія въ расколѣ. Въ дѣятельности Петра Великаго расколъ въ лицѣ многихъ своихъ послѣдователей усматривалъ наиболѣе сильное обнаруженіе антихристіанскаго богоборнаго духа, водворившагося со времени „новшества“, Никона въ Россіи. Безусловно осудивъ всѣ реформы Петра, расколъ самого государя провозгласилъ послѣднимъ антихристомъ... Причины, которыя повліяли на выработку такихъ взглядовъ на государя и его дѣятельность, заключались въ характерѣ реформъ Петра и отчасти его личнаго поведенія. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этихъ причинъ, обстоятельно выясненныхъ въ нашей литературѣ³⁾, мы ограничимся краткимъ указаніемъ на нихъ. Всѣ реформы Петра Великаго вытекали изъ одного основнаго стремленія государя—устроить русскую жизнь на началахъ и по образцу западно-европейской гражданственности, которая казалась преобразователю идеаломъ гражданского благоустройства. Но это стремленіе шло въ разрѣзъ съ издавна укоренившимся въ

¹⁾ Слова изъ расколоучителя Сем. Денисова въ соч. «Виноградъ Россійск.».

²⁾ «Буде раскольникъ, голорилось въ указѣ, ко Св. Церкви не обратится, а похотитъ быть въ раскольниковской прелести, такіе приходили бы и записывались бы въ платежъ двойнаго оклада, объявляя доношеніями о себѣ безъ всякаго сомнѣнія и страха» (Пол. Соб. Зак. V, 2996).

³⁾ См. у Щанова «Русскій Расколъ Старообр.», а также въ книгѣ Елеопскаго, въ статьѣ Сахарова (Странникъ 1862 г. 1—3 и др.).

русскомъ народѣ нерасположеніемъ ко всему иновѣрному—иноземному, доходившимъ до крайней петерпимости ¹⁾. Насколько непріязненно смотрѣлъ русскій народъ въ эпоху Петра на сближеніе съ иностранцами и подраженіе ихъ жизни, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ патріарха Іоакима, сказанныхъ имъ въ завѣщаніи молодымъ государямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ. „Да никако они, государи, попустятъ православнымъ въ своей державѣ съ еретиками иновѣрцамъ, съ латини, лютеры общенія въ содружествѣ творити, но яко враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ удалитися да повелѣваютъ своимъ царскимъ указомъ... Наипаче воспоминаю, продолжаетъ патріархъ, еже бы иновѣрцамъ еретикамъ... костеловъ,.. кирокъ... въ государствѣ всеконечно не давали строить нагдѣ, нбыхъ... иностранныхъ обычаевъ... и въ платіи премѣнъ по иноземски не вводить, ибо тѣмъ благочестіе христіанскаго царства въ удобствѣ имать прострѣтися“ и пр. въ этомъ родѣ ²⁾. Если патріархъ, стоявшій значительно выше современнаго ему русскаго общества по уму и образованію, такъ неблагоклонно смотрѣлъ на иноземцевъ и считалъ опаснымъ для христіанскаго благочестія „введеніе въ платіи премѣнъ по иноземски“, то масса народа, еще менѣе способная отдѣлять отъ благочестія и вѣры житейскіе обычаи и гражданскіе порядки, никакъ уже не могла помириться съ увлеченіемъ Петра иноземнымъ вліяніемъ. Еще въ ранніе годы царствованія Петра народъ, видя близкое общеніе молодого государя съ „лютеры и кальвини“, заявлялъ свое неудовольствіе ³⁾. Но тогда недовольные могли извинять дѣйствія Петра увлеченіемъ молодости и надѣялись, что со временемъ государь оставитъ „молодыхъ лѣтъ дѣла“... Надежды не оправдались. Возмужавшій Петръ не только не покинулъ дружбы съ иноземцами, но самъ отправился за границу учиться у поганыхъ нѣмцевъ. Изъ невѣрныхъ земель

¹⁾ Подробное изображеніе и выясненіе этой черты русскихъ—въ кн. Щанова „Русскій Р. Старообр.“ (114 и др.).

²⁾ Исторія Соловьева т. XV 154. Щанова, Расколъ, р. Старообр. ст. 119; „Состояніе раскола при Петрѣ“ Елеонскаго 29.

³⁾ Исторія Соловьева XIV. 220 (3 изд.).

царь вернулся нѣмцемъ по наружности ¹⁾ и припался за преобразование русской жизни на иноземный ладъ,—поспѣшное, крутое. Петръ не умѣлъ дѣйствовать постепенно и не любилъ медлить. Какъ скоро преобразователь признавалъ полезнымъ, а, слѣдовательно, необходимымъ для государства то или другое мѣропріятіе, онъ спѣшилъ его приводить въ исполненіе, не жалѣя никакихъ средствъ, не обращая вниманія, насколько его реформы расходятся съ убѣжденіями и вѣковыми привычками его подданныхъ. Какъ извѣстно, Петръ по возвращеніи изъ за-границы (1699 г.) началъ свою дѣятельность насильственнымъ введеніемъ брадобритія ²⁾. Между тѣмъ ношеніе бороды было стариннымъ русскимъ обычаемъ. Какъ обычай наиболѣе древній и устойчивый, борода стала однимъ изъ „символовъ русской народности“, съ которымъ при этомъ соединялось религіозное значеніе. Въ противоположность брадобритію латинянь,—этой „еретической выдумкѣ на соблазнъ и растлѣніе добрыхъ нравовъ“ ³⁾, ношеніе бороды считалось признакомъ православія. Важное религіозное значеніе бородѣ придавали не только масса простаго народа, но и представители духовенства. Отцы стоглаваго собора внушали надъ бритыми „не служить, ни сорокоустія пѣти“ ⁴⁾. Патриархъ Іоакимъ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ подвергалъ брадобрійцевъ церковному отлученію ⁵⁾. Современникъ Петра п. Адріанъ въ изданномъ имъ пастырскомъ посланіи убѣждалъ русскихъ хранить бороду, „яко богосозданное знаменіе, чествовидное благолѣпіе“, избѣгать брадобритія, какъ тягчайшаго богопротивнаго грѣха ⁶⁾. При такихъ воззрѣніяхъ есте-

¹⁾ Ученый наблюдатель русской жизни Меккленз Уоллесъ остроумно сравниваетъ впечатлѣніе, испытанное русскимъ народомъ при видѣ бритаго и въ нѣмецкомъ костюмѣ православнаго царя съ тѣмъ чувствомъ, которое испытали бы набожные католики, если бы ихъ папа явился предъ ними въ костюмѣ турецкаго султана, окруженный кардиналами изъ нашей... (См. Журн. Древ. и Нов. Россія 1879 г. XII. 511).

²⁾ Исторія Соловьева XIV т. 253 стр. (по 3-му изд.).

³⁾ Есиповъ «Расколъ дѣла» XVIII ст., извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной Канцеляріи.

⁴⁾ Есиповъ «Расколъ дѣла» ibid II т., прил. 73 стр.

⁵⁾ Исторія Соловьева XIV т. 252.

⁶⁾ Есиповъ Раск. д. XVIII, II; прилож. 60. 64 71. 89 и др.

ственно, что насильственное введеніе бранобритія вызвало сильнѣйшее негодованіе въ народѣ.

За бранобритіемъ послѣдовали вскорѣ распоряженія о перемѣнѣ лѣтосчисленія, указы о пошеніи, вмѣсто русскаго, — нѣмецкаго платья, обязательные для людей всѣхъ чиновъ, опричь духовнаго чина, извозчиковъ и пахотныхъ крестьянъ¹⁾. Эти распоряженія шли также въ разрѣзъ съ коренными привычками²⁾ народа и не только оскорбляли національное чувство народа, но и казались „нарушеніемъ вѣры и закона“, и потому вызвали сильнѣйшее неудовольствіе. По поводу указа — начинать новый годъ съ 1 января, вмѣсто 1 сентября, не только „отъ простаго народа, но и отъ многихъ благородныхъ“ начались роптанія..., всѣ говорили, что царь не имѣлъ права перемѣнять порядокъ, установленный самимъ Богомъ³⁾. Много рѣзкихъ протестовъ заявлено было противъ бранобритія и нѣмецкаго платья⁴⁾. Но Петръ не зналъ уступокъ и каралъ за ослушаніе даже въ мелочахъ⁵⁾. Такимъ образомъ, уже первые шаги государя въ преобразованіи русской жизни вызвали сильное раздраженіе противъ него. По мѣрѣ расширенія государственной дѣятельности Петра раздраженіе подданныхъ стало усиливаться. Преобразуя государство, Петръ работалъ безъ устали самъ, но требовалъ положительно непосильной работы и отъ подданныхъ на пользу государства. Требованія Петра ложились такимъ тяжкимъ бременемъ на плечи народа, какого не налагалъ еще ни одинъ изъ русскихъ государей до Петра Великаго. „Какъ послалъ Богъ его (Петра) на царство, говорили въ народѣ, такъ и свѣтлыхъ дней не

1) Полное Соб. З. IV. 1741 1887. Ист. Соловьева XV. 136.

2) Болѣе дорогое, неудобное платье „поганыхъ“ нѣмецъ было при этомъ мало подходящимъ къ условіямъ русской жизни. Достаточно сопоставить нѣмецкіе башмаки и русскую грязь.

3) «Состояніе раскола» Елеонскаго.

4) Примѣры — въ Ист. Солов. XV. 130. 150. Еяп. II. 169. 177. 181. 184.

5) Какъ далеко заходила требовательность государя въ преобразованіи даже костюма, можно судить по указу (П. Соб. З. V. 2874), которымъ Петръ под страхомъ каторги запрещалъ подбивать нѣмецкіе башмаки русскими гвоздями и «скобками».

видали... тягота пошла на міръ" ¹⁾... Эта тягота очень рельефно изображается въ одномъ изъ подметныхъ писемъ ²⁾, написанномъ Докукинымъ „отъ многой туги и скорби“. „Зрите, о правовѣрные,... пишеть онъ, како мы здѣсь... божественнаго дара (человѣческаго достоинства и свободы) отрѣзаемы, свободной ³⁾ жизни лишаемы, гоними изъ дому въ домъ, изъ мѣста съ мѣсто, изъ града въ градъ, ⁴⁾ оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ, земледѣльства также, руководѣльства и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ лишились ⁵⁾. Вездѣ бѣдами погружаемы, на правежахъ стоя отъ великихъ и неспосныхъ податей ⁶⁾ и обороновъ... многіе умерщвляемъ" и проч. „Все то найде намъ скорбь и туга веяя“, заключаетъ свои жалобы Докукинъ, „по зависти діавольской отъ пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ, которые „влѣзли окаянные, яко хищницы волцы въ стадо Христово“. Этихъ хищниковъ однако „щедро и благоутробно... себѣ воспріяли, всѣми благами ихъ наградили, а христіанъ своихъ бѣдныхъ бьютъ на правежахъ... поморили и до основанія всѣхъ раззорили" ⁷⁾. Народъ горько жаловался, пытался противиться слою. Но Петръ не только не внималъ жалобамъ народа, но съ болшею настойчивостію продолжалъ свои реформы, съ усилен-

¹⁾ Исторія Соловьёва, XV. 136.

²⁾ Напечатано въ сборн. Еянова I, 182—4 и др. Письмо Докукина—типическій образчикъ многочисленныхъ жалобъ, какія заявлялъ народъ на реформы Петра.

³⁾ Доселѣ обычное и допльно свободное передвиженіе населенія въ русскомъ государствѣ сильно было ограничено со времени введенія Петромъ ревизіи и паспортовъ.

⁴⁾ Кромѣ частныхъ наборовъ въ военную службу по указамъ Петра тысячи народа изъ разныхъ мѣстъ стонились для работы на верфяхъ, при сооруженіи крѣпостей, при прорытіи каналовъ и т. д. Случалось, что крестьяне изъ Архангельской губ. должны были идти на работу въ Азонтъ, изъ Воронежа въ Петербургъ. (Расколъ Старообр. Щапова 491 и др. 501—503).

⁵⁾ Отликая народъ отъ хозяйства на казенную работу, Петръ рядомъ указовъ почти совсѣмъ запретилъ крестьянамъ заниматься промыслами для своей пользы. II. С. З. IV т. №№ 1775. 1819 и др.

⁶⁾ Кромѣ подушной подати, несмыслимой доселѣ на Руси, Петръ назначилъ пошлины съ рыбныхъ ловель, мельницъ и пр. Подробно исчисляеть подати и оброки Посомковъ (см. у Щапова Р. Р. ст. 481 и др.

⁷⁾ Есиловъ. Раск. дѣла XVIII в. I. 184.

ною суровостью наказывалъ противниковъ вводимыхъ имъ порядковъ ¹⁾. „Тягота“ гражданскихъ мѣропріятій Петра вызывала сильное раздраженіе противъ реформатора. Частная жизнь Петра, его личное поведеніе представляло много такого, что подрывало уваженіе къ авторитету государя, которое только и могло нѣсколько сдерживать народное недовольство реформами. Русскій народъ привыкъ видѣть въ государѣ прежде всего благочестиваго сына Православной Церкви. Между тѣмъ Петръ далеко не отличался набожностью своихъ предковъ ²⁾ и подавалъ плохой примѣръ соблюденія благочестивыхъ обычаевъ, всегда дорогихъ для народа. Въ день новаго года, напримѣръ, вопреки древнему обычаю, Петръ не явился на кремлевской площади въ царскомъ облаченіи, не принялъ благословенія отъ патріарха, не „здравствовалъ“ народъ съ новолѣтіемъ. За то въ этотъ самый день пировалъ у Шенна, много пилъ и рѣзалъ боярскія бороды. (Мельниковъ Истор. Очер. П. 71—72). Мало того, что Петръ плохо соблюдалъ уставы церкви (напр. посты), онъ открыто совершалъ кощунственные потѣхи. Оскорбительною и возмутительною для религіознаго чувства является, напр. забава Петра, извѣстная подъ именемъ „всепьянѣйшаго, всепутѣйшаго собора“. Много поводовъ къ осужденію Петра подавала его семейная жизнь. Внѣбрачныя связи Петра при законномъ супружествѣ, затѣмъ насильственное расторженіе брака съ царицей Евдокією и женитьба на Екатеринѣ, иноземкѣ, женщиנѣ низкаго рода, наконецъ жестокое обращеніе съ царевнечемъ Алексѣемъ,— все это не могло не возмущать народнаго чувства, не колебать царскаго авторитета въ глазахъ подданныхъ ³⁾. Нагляднымъ примѣромъ того невыгоднаго впечатлѣнія, какое производила въ народѣ семейная жизнь Петра, можетъ служить

1) Жестокія казни, дѣлая система мучительныхъ пытокъ, бывшихъ въ ходу при Петрѣ, составляютъ самое темное пятно въ исторіи великаго работника земли русской.

2) Петръ не любилъ читать по богомольямъ, не особенно почиталъ церковь, не соблюдалъ постовъ, любилъ веселья пиръ, разгулышы попойки. Солов. XV. 126. Есиповъ II. 39. 76. 77. 96. 100. 185 и др.

3) Есиповъ. II, 81, 100, 101.

разсказъ въ I томѣ Есипова: „Алексѣй Лампадчикъ“. Архимандритъ Свирскаго монастыря не пѣлъ молебновъ въ царскіе дни, запрещалъ молиться за царицу Богу потому, что считалъ незаконнымъ бракъ царя съ Екатериной, какъ заключенный въ духовномъ родствѣ и безъ благословенія перваго архіерея. „Сего ради, заявлялъ архимандритъ, незаконнаго брака Св. Соборная Апостольская Церковь и всѣ благочестивые христіане соболѣзнуютъ, плачутъ и скорбятъ“¹⁾. Недовольный поведеніемъ Петра, не сочувствуя его реформамъ, народъ еще въ первые годы государственной дѣятельности преобразователя сталъ задумываться надъ тѣмъ, какъ объяснить антинаціональный характеръ преобразованій Петра и его странное, столь несовмѣстимое съ установленными понятіями о государѣ, поведеніе. „Нѣмцы его обошли...“²⁾. Вотъ первое объясненіе. Но предполагаемый обманъ царя нѣмцами казался слишкомъ продолжительнымъ. Въ народѣ стало возникать сомнѣніе, дѣйствительно-ли Петръ природный *русскій* государь. Распространились слухи, что царь — не настоящій сынъ Алексѣя Михайловича и Наталіи Кирилловны. Кто же онъ? Въ отвѣтъ на это создавались различныя фантастическія сказанія о происхожденіи Петра. Такъ одни говорили, что Петръ сынъ нѣмки и былъ взятъ Натальею Кирилловною, чтобы подмѣнить имъ родившуюся у нея дочь: царица, совершивъ подлогъ, выдала сына нѣмки за своего изъ боязни гнѣва предъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который будто бы грозилъ беременной царицѣ: „ежели ты нынѣ паки дочь родишь, велю тебя постричь“³⁾. Другіе, обращая вниманіе на то, что введеніе нѣмецкихъ порядковъ началось по возвращеніи Петра изъ-за границы, давали такое объясненіе происхожденія реформа-

¹⁾ Есиповъ I, 147—150.

²⁾ Исторія Соловьева XV, 130. Объяснилъ дѣйствія Петра временнымъ заблужденіемъ, нѣкоторые усердно молились Богу о излужденіи Петра, обращеніи царя на путь истинный, заказывали акафисты. Есип. II, 192—193.

³⁾ Есип. I. 591. 592. Соловьевъ XV. 131. 133. Ходила въ народѣ и такая басня: «какъ царь былъ въ Стекольномъ (искаж. Стокгольмъ), а стекольное царство держитъ дѣвица; та дѣвица надъ государемъ ругалась.... велѣли бросить въ темницу, а нынѣ Петра послала въ Россію Шведъ»...

тора. „Нѣмцы погубили настоящаго царя Петра у себя, а къ намъ прислали другаго, своего же нѣмца, чтобы обосурманить православныхъ“. Вообще мысль, что Петръ не царской крови, не русскаго рода, а нѣмецъ, или шведъ была очень распространена въ народѣ ¹⁾. Но и на этой мысли не остановились. Нашлось еще болѣе подходящее объясненіе. Издавна еще въ русскомъ народѣ во времена политическихъ переворотовъ, сильныхъ народныхъ бѣдствій, общественныхъ потрясеній возникали мистическіе толки о наступленіи „последнихъ временъ“, о скоромъ воцареніи антихриста ²⁾... Съ появленіемъ раскола подобные толки особенно оживились и распространились въ массѣ. Антихристъ былъ любимой темою проповѣди всѣхъ расколоучителей. Нѣкоторые изъ нихъ указывали, какъ на время воцаренія антихриста, на послѣдніе годы XVII ст. ³⁾. Страшныя казни стрѣльцовъ съ ужасными пытками въ тайной канцеляріи, первыя реформы Петра какъ разъ, падали на конецъ XVII в. При всеобщемъ смиреніи умовъ, при широкомъ распространеніи толковъ объ антихристѣ, о скорой кончинѣ міра, стояло мало развитому въ умственномъ отношеніи человѣку остановиться на сопоставленіи Петра съ мысленнымъ образомъ антихриста, сложившимся подъ вліяніемъ мистическихъ книгъ и тетрадокъ того времени, и невольно являлось предположеніе, не есть-ли Петръ давно ожидаемый антихристъ. И вотъ еще въ 1700 г. мы встрѣчаемъ въ Москвѣ нѣкоего книгописца Григорія Талицкаго ⁴⁾, который не только самъ принялъ къ мысли, что Петръ антихристъ, но и ревностно пропагандировалъ это ученіе въ народѣ устно и посредствомъ написанныхъ имъ тетрадокъ, ссылаясь въ подтвержденіе своего ученія на „бытейскія и пророческія книги“. Ученіе Талицкаго встрѣтило себѣ со-

¹⁾ Раскольн. дѣла XVIII в. Есипова II. 109. Прил. 101. 102. Солов. XV.

²⁾ Шаповъ, «Русскій Р. Ст.».

³⁾ См. напр., Матеріалы для ист. р. изд. подъ ред. проф. П. И. Субботина, томъ VII. 423. 424 и др.

⁴⁾ Свидѣніи о Талицкомъ и его ученіи у Есипова: Раск. дѣла XVIII ст. I. —8, 59—84. Истор. Соловьева XV. 134. Шаповъ «Земство и расколъ», 68 стр.

чувствіе во многихъ лицахъ изъ разныхъ классовъ общества ¹⁾. Проповѣдая, что Петръ—антихристъ, Талицкій внушалъ народу „не слушаться государя, который только мучить, не платить ему податей“. Фанатикъ собирался даже печатать листы „для возмущенія народа къ бунту... и на государево убійство“. При этомъ Талицкій имѣлъ въ виду рекомендовать и замѣстителя Петра на престолѣ, князя М. Черкаскаго для того, что „онъ человекъ добрый“ ²⁾. По доносу одного дьяка, Талицкаго осудили на смертную казнь копченіемъ... Талицкій умеръ, по свидѣтельству современника, безъ раскаянія, ожесточенъ ³⁾. Но не умерло вмѣстѣ съ нимъ ученіе о Петрѣ, какъ антихристѣ ⁴⁾. Начиная съ Талицкаго до конца царствованія Петра, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ людей, принадлежащихъ къ православной Церкви, которые высказываютъ убѣжденіе, что Петръ—антихристъ и на разные лады примѣняютъ это объясненіе къ петровской дѣятельности. Въ числѣ такихъ людей были лица самаго разнообразнаго положенія въ обществѣ: священники, монахи, офицеры, посадскіе, крестьяне ⁵⁾ и др. Въ народѣ ходили тетрадки, подметныя письма, гдѣ говорилось о наступленіи послѣднихъ временъ, пришествіи антихриста, явственныя признаки котораго указывали въ дѣйствіяхъ Петра ⁶⁾. Тетрадки читали съ жаромъ, покупали за дорогую цѣну, хотя и знали, что за это можно очутиться подвѣшаннымъ за ребро ⁷⁾. Ошеломленная народная мысль, видимо, жадно ухватилась за идею о Петрѣ, какъ антихристѣ и въ ней находила наилучшее объясненіе его дѣятель-

¹⁾ Въ числѣ сочувствовавшихъ ему былъ даже епископъ (Тамбовскій) Игнатій, который плакалъ, слушая Талицкаго, цѣловалъ его тетрадки. (Есип. I. 6).

²⁾ Есиповъ I, 61.

³⁾ Елеонскій «Состояніе раскола при Петрѣ» 49.

⁴⁾ Въ народѣ потомъ вспоминали Талицкаго, какъ мученика. Въ 1704 г. напр. старецъ Симопова монастыря говорилъ: «Талицкій мученикъ святъ» (Ист. Солов. XV 134).

⁵⁾ Есип. I, 22: 11—12. 14. Исторіи Соловьева XVI, 30. 31. Отеч. Зап. 167 т. 465. 461—463. 468—472. Въ числѣ духовныхъ лицъ встрѣчаемъ даже духовника кн. Меншикова, попа Лебедку.

⁶⁾ Есипова II, 27. 58—59. 82. 93. 150. Прилож. къ II т. 227.

⁷⁾ Ibid. II, 27.

ности. Съ пропагандою о Петрѣ, какъ антихристѣ, ходилъ дьячекъ г. Тамбова, потомъ монахъ Трегуляевскаго монастыря, Самуилъ Выморковъ ¹⁾. Послѣдній пришелъ къ убѣжденію, что Петръ — антихристъ, путемъ критической оцѣнки дѣйствій Петра и сопоставленія ихъ съ предсказаніями объ антихристѣ въ Кирилловой книгѣ и др., распространенныхъ въ то время „писаніяхъ“ подобнаго характера. Особенно возмутили и показались антихристіанскими Самуилу распоряженія Петра въ церковной сферѣ (указы напр., стѣснившіе поступленіе въ монашество и др.) и введеніе брадобритія. „Въ Кирилловой книгѣ писано, рассуждалъ между прочимъ Самуилъ, что антихристъ всѣ заповѣди святыя сокрушить и своихъ заповѣданій велитъ держаться, ... и вотъ его заповѣди: все къ тому, какъ прочь отвести отъ монашества“ ²⁾. Въ самомъ имени преобразователя Самуилъ усмотрѣлъ исполненіе пророчества объ антихристѣ въ Кирилловой книгѣ: „во имя Петра имать сѣсти гордый князь міра сего — антихристъ“ ³⁾. Увидѣлъ Самуилъ отъ свѣтлыхъ писаній, „что... антихристъ принявъ область прельстити міръ“, ... бѣжалъ отъ заповѣданій антихриста и другихъ припашалъ къ тому бѣгству въ горы, пустыни... Если среди православныхъ подданныхъ Петра могла возникать и пользоваться сочувствіемъ мысль, что царь — послѣдній антихристъ, то тѣмъ болѣе эта мысль должна была укрѣпиться и распространяться среди раскольниковъ. Расколъ еще до Петра потерялъ уваженіе къ правительству и провозгласилъ русскихъ православныхъ государей нечестивыми слугами антихриста и высказалъ ожиданіе, что Русь на горшео будетъ происходить царями нечестивыми. Съ тѣмъ предубѣжденіемъ, какое поселялъ расколъ въ своихъ послѣдователяхъ противъ нечестивыхъ государей, уже легко было усмотрѣть въ личности Петра и его реформахъ признаки послѣдняго

¹⁾ Объ этой любопытной во многихъ отношеніяхъ личности обстоятельная статья г. Семенова (От. Зап. 167 т.). Статья о Самуилѣ въ жур. Др. и Нов. Россія, 1879 г. III, повторилъ содержаніе ст. Семенова и много ничего не прибавляетъ.

²⁾ Отел. Зап. 167 т., 463 стр.

³⁾ Ibid, 454.

антихриста. Дѣйствительно, ученіе о Петрѣ, какъ антихристѣ, съ особенною настойчивостію пропагандировалось среди раскольниковъ. Въ разпыхъ концахъ Россіи раскольники на разные лады развивали эту идею, подбирая въ подтвержденіе такого взгляда на государя разлчные факты, дѣйствительные и вымышленные изъ жизни и государственной дѣятельности преобразователя. „Нынѣ антихристъ пришелъ,... царь принялъ звѣриный образъ,... носить собачьи кудри (парикъ)..., нарядилъ людей бѣсомъ,... велитъ бороды брить, солдатамъ руки печатать,... какой онъ царь“!... говорили раскольники въ Москвѣ ¹⁾. „Нынѣ пошли царскіе роды неистовы,... толковали раскольники, жившіе на Тагилѣ рѣчкѣ,... царь дѣлаетъ Богу противно... посту не можетъ воздержать и платье возлюбилъ шведское, со шведами ѣсть и пьетъ,... а паче того догадывайся, что царицу русскую извелъ... антихристъ онъ! ²⁾. Какъ пріѣхалъ царь въ Москву (изъ-за-границы), читаемъ въ одной рукописи раскольнической, все сталъ творить по жидовски... У патріарха благословенія не принялъ ³⁾, къ мощамъ не пошелъ потому, что зналъ: сила Господня не допустить его, окающаго, до св. мѣста... Някого изъ царскаго роду не видѣлъ, боясь, что обличать его, скажутъ: ты—не царь, а жидъ проклятый... Да онъ же жидовицъ съ блудницами вѣмцами пляшетъ... пьетъ вино... нелѣпо, безобразно и глумится въ пьянствѣ, своихъ же пьяницъ оваго святѣйшимъ патріархомъ нарицаетъ, овыхъ митрополиты... себе же протодіакономъ, горло веліе имѣяи и срамоты со священными глаголами смѣшивая, велегласно вопія... на поруганіе святыхъ... Самъ табакъ пьетъ и другимъ пить повелѣваетъ, а при благочестивыхъ царехъ тѣмъ, кто табакъ пьетъ, носы рѣзали... Бояръ перебрилъ, въ нѣмецкіе кафтаны обрядилъ, патріаршій чинъ упраздни... у Бога восемь лѣтъ укралъ, чая да не явится въ людяхъ прореченное о немъ тайновидцемъ исчисленіе временъ, да не явится антихристомъ пришедшимъ, *еже и бысть*“ ⁴⁾.

¹⁾ Есвл. II, 96, 101.

²⁾ Ibid. 39, 40, 41. Ср. 93, 81, 79.

³⁾ Ср. Соловьев. XIV, 275.

⁴⁾ Мельниковъ, «Ист. Очер. пол.», 73, 74.

„Эхъ, трудно вато жить стало, жаловался одньнъ зажиточный раскольникъ въ Сибири, прежде въ народѣ способнѣе было; правосудіа не стало, христіане на поруганіи съ той поры, какъ антихристъ сталъ на землѣ“ ¹⁾. „Нынѣ царство антихриста, проповѣдывали на Керженцѣ ²⁾, царь Петръ-антихристъ“. Въ книгахъ написано, что онъ, антихристъ, лукавъ и къ церкви прибѣженъ будетъ“... „Петръ ходитъ въ церковь и въ церк-вахъ нынѣ святости нѣтъ, для того ему и не возбраняется“ (т. е. Богъ попускаетъ антихристу ходить въ церковь потому, что тамъ святости нѣтъ). Въ военныхъ подвигахъ Петра раскольники видѣли тоже подтвержденіе мысли, что онъ — антихристъ. „Государь непріятельскіе города беретъ боемъ, а иные лестью, и то де по писанію сбывается... Царь-градъ онъ возьметъ... и соберетъ жидовъ всѣхъ, и съ ними, жидами, пойдетъ въ Іерусалимъ и тамъ станетъ царствовать... и познають, что онъ антихристъ; и по немъ сей вѣкъ сконча-ся“ ³⁾. Изъ многочисленныхъ толковъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, ходившихъ среди раскольниковъ въ царствованіе Петра, впоследствии составилось извѣстное „Сказаніе объ антихристѣ, иже есть Петръ Первый“, распространенное во множествѣ списковъ среди раскольниковъ ⁴⁾. Въ этомъ произведе-ніи ученіе о Петрѣ, какъ антихристѣ, развивается весьма подробно и обставляется возможными для раскольниковъ доказательствами. Содержаніе этого произведенія мы не будемъ излагать здѣсь, такъ какъ оно появилось уже въ послѣ-петровское время. Существенныя мысли въ немъ мы надѣ-емся передать тогда, когда будемъ излагать взгляды на отно-

¹⁾ Есавловъ II, 7, 8. Ср. 86 стр.

²⁾ Есавловъ I, 562, 564. 565.

³⁾ Есавловъ II, 59, 96, 100.

⁴⁾ Это произведение (яиче еще озаглавленное: «Собраніе отъ Св. Писаній объ антихристѣ») напечатано въ «Сборникъ правит. свѣдѣній о раскольникахъ» Кельсѣва (II вып. 245—247 стр.) и въ жур. «Чтенія М. Общ. исторія и друг.» 1863 г., кн. I. Въ рукописной библи. Казан. Дух. Акад. есть нѣсколько рукопис-ныхъ сборниковъ, гдѣ помѣщено это произведение, только въ неодинаковой редакціи и подъ различными заглавіями (№№ 1777, 2021, 2068 и др.). Судя потому, что во всѣхъ редакціяхъ есть ссылка на Ломоносова, можно признать, что «Ска-заніе» написано не ранѣе половины XVIII в.

шеніе къ государству секты странниковъ, среди которыхъ и составила наиболѣе распространенная редакція „Сказанія“.

Люди, признавшіе Петра антихристомъ, очевидно не могли, оставаясь послѣдовательными въ своихъ убѣжденіяхъ, подчиняться узаконеніямъ, исходящимъ отъ государя богопротивнаго и богоборнаго.

Мы видѣли, что еще въ самомъ началѣ петровскихъ реформъ, Талицкій убѣждалъ не слушаться государя, не платить ему податей и хотѣлъ бунтовать народъ „на государево убійство“. Среди раскольниковъ находилось много фанатиковъ, которые пытались уже привести въ исполненіе намѣреніе Талицкаго. Были примѣры, что раскольники проникали даже во дворецъ, съ цѣлью убить царя ¹⁾. Въ обширныхъ бунтахъ противъ государства при Петрѣ, — Астраханскомъ (1705 г.) и Булавинскомъ (1708 г.) раскольники принимали самое дѣятельное участіе. Руководители Астраханскаго бунта, призывая къ возмущенію народъ, мотивировали свой призывъ тѣмъ, что „царь старую вѣру премѣнилъ, ввелъ все латинское, велѣлъ бороды брить, платье нѣмецкое носить ²⁾. Атаманъ Булавинъ въ призывныхъ къ бунту грамотахъ заявлялъ: „мы стали за старую вѣру... и за васъ, всю чернь... Вы, голытьба, пагіе, босые, идите со всѣхъ народовъ... Злые бояре и нѣмцы жгутъ и казнятъ напрасно, и вводятъ еллинскую вѣру“ ³⁾. Такимъ образомъ въ бунтахъ социальныя мотивы тѣсно связывались съ мотивами религіозными. Союзъ людей, враждовавшихъ противъ государства по совершенно различнымъ побужденіямъ, понятенъ. Для „голытьбы“ старая вѣра была оправданіемъ ихъ мятежа противъ государства, для раскольниковъ „голытьба“ представляла прекрасное орудіе для борьбы съ антихристовымъ нечестивымъ государствомъ. Непріязнь раскольниковъ, участвовавшихъ въ бунтахъ, къ нечестивому правительству была крайне сильная. Шереметевъ, усмиравшій бунтъ, такъ отзывался о мятежникахъ-старовѣрахъ: „такого су-

¹⁾ Елеонскій, «Сост. раск. при Петрѣ, 111. 112 стр.

²⁾ Песторія Соловьева XV, 141.

³⁾ Соловьевъ, XV, 266.

масброднаго люду отъ роду не видалъ; вельми насъ имѣють за отпадшихъ отъ благочестія и надуты страшною противъ насъ злобою¹⁾. Астраханскій и Булавинскій бунты были подавлены. Очевидное преимущество силы на сторонѣ „нечестиваго“ государства не допускало возможности успѣшной, активной борьбы съ антихристовою властью. Поэтому для раскольниковъ, ставшихъ богопреступными гражданскія распоряженія реформатора, оставалось возможнымъ только пассивное сопротивление государству, — уклоненіе отъ исполненія его нечестивыхъ требованій. Для ревнителей древняго благочестія особенно несправедливымъ дѣломъ была запись въ ревизію²⁾, наравивъ съ „нечестивыми“ и въ раскольникъ списки подѣ двойной окладъ, что трактовалось ими, какъ отреченіе отъ вѣры и признаніе „власти звѣря“ надъ собою. Болѣе фанатичные изъ раскольниковъ прямо заявляли: „творите съ нами что хотите, а мы Св. Отецъ прещенія боямся, гордому звѣрю... самовластному пастырю въ послушество отдатися не хотимъ, въ книга его самоумышленныя и законопреступныя писатися не будемъ и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ“. И такъ, фанатиковъ оказалось не мало³⁾. Особенно фанатичное упорство оказывали сибирскіе раскольники, которые-нерѣдко заявляли столь ужасную „даю?“ на руссійское благочестіе и на высочайшую власть, каковая и отъ самыхъ язычноплеменныхъ обрѣтется не можетъ⁴⁾. Не всѣ, конечно, были способны заявлять государству свои нескрѣпленныя взгляды на его дѣятельность и оказывать открытое сопротивленіе ему, такъ какъ за это приходилось очень жестоко расплачиваться. Реформаторъ, снисходительный къ религіознымъ заблужденіямъ, не терпѣлъ среди своихъ подданныхъ людей, пори-

1) Соловьевъ XV, 159.

2) Ревизія и подушная подать, какъ неслыханныя десселѣ и крайне обременительныя для народа, осуждались даже такими интеллигентными людьми петровской эпохи, какъ Посошковъ. «Въ исчисленіи душевномъ, лишеть оны, не чаю проку быть,... душа есть не осязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая»... (у Щалова, Р. р. старообр. 481 стр.)

3) Есмн. II, 266. 268.

4) Собр. пост. по части раск. по вѣд. Св. Синода, I. 111—112.

цавшихъ его политическія стремленія, противившихся его гражданскимъ мѣропріятіямъ. Раскольники по многочисленнымъ примѣрамъ знали, что оговоренныхъ въ словѣ и дѣлѣ государевомъ, въ тайной канцеляріи не щадили. Тамъ обичны были приговоры „жечь огнемъ на крѣпко, повѣсить за ребро, колесовать руки, ноги“¹⁾. Поэтому для большинства раскольниковъ, не желавшихъ подчиняться законопреступнымъ требованіямъ государства и не способныхъ къ мученичеству за вѣру, болѣе подходящимъ средствомъ къ тому, чтобы избавиться отъ антихристіанской власти, было бѣгство и укрывательство. Бѣгство во времена антихриста рекомендовали „благочестивымъ“ еще первые расколоучители. Такое же наставленіе преподавали проповѣдники ученія о Петрѣ, какъ антихристѣ. И бѣгство раскольниковъ отъ гражданского общества—самое распространенное явленіе въ Петровскую эпоху²⁾. Такъ какъ правительство очень зорко слѣдило за раскольниками во внутреннихъ предѣлахъ государства и очень тщательно разѣскипывало³⁾ уклонявшихся отъ гражданскихъ обязанностей, то масса бѣглецовъ старалась пробраться на окраины Россіи и за границу⁴⁾. Когда бѣглецамъ грозила опасность попасть въ руки сыщиковъ, то нѣкоторые прибѣгали и къ самоубійству⁵⁾. Наконецъ, раскольники, менѣе рѣшительные и болѣе привязанные житейскими интересами къ гражданскому общежитію (главнымъ образомъ зажиточные крестьяне, купцы) допускали сдѣлку съ совѣстію, жили въ „потаенномъ расколѣ“, выдавая себя наружно за православныхъ гражданъ, дабы избавиться отъ ненавистной записи въ раскольниковы списки и отъ другихъ стѣснительныхъ для раскола узаконеній.

Благодаря податливости на посулы низшаго духовенства и гражданской администраціи, потаенныхъ раскольниковъ было

1) Напр. Есиповъ, II, 103.

2) Полное собр. зак. VI. 40. 52. Ист. Солов. XVIII. 212. Шаповъ Р. р. стар. 513.

3) Соб. пост. по ч. р. I, 13. 14. 28.

4) Шаповъ Р. р. стар. 530 и др.

5) Есип. II. 207.

очень много при Петрѣ ¹⁾. Укрывательство раскольниковъ отъ платежа двойнаго оклада вызывало строгія мѣры правительства. Указомъ Петра отъ 1718 г. ²⁾ живущихъ въ укрывательствѣ раскольниковъ, какого бы они званія ни были ³⁾, приказано было посылать на галеры въ вѣчную работу. Правительство командировало ⁴⁾ отъ себя лицъ съ спеціальною цѣлью розыскивать потаенныхъ раскольниковъ и принуждать ихъ къ платежу двойнаго оклада. Когда потаенныхъ раскольниковъ открывали, то одни „рѣшительно чинились указу противны, положеннаго окладу платить не хотѣли и отрекались не обратно, и за это были биты кнутомъ, лишались поздрей, посылались въ каторгу ⁵⁾. Другіе обращались въ бѣгство; нѣкоторые, наконецъ, особенно дорожившіе удобствами жизни, рѣшались жертвовать своими убѣжденіями, записывались подъ двойной окладъ.

На ряду съ раскольниками, крайне враждебно относившимися къ государству, мы встрѣчаемъ въ царствованіе Петра не мало и такихъ, которые признали возможнымъ совмѣстить въ своей жизни противленіе Никоіанской церкви съ покорностію „еретическому“ правительству, приверженность къ старой вѣрѣ съ усерднымъ исполненіемъ гражданскихъ повинностей въ преобразованномъ государствѣ. Въ мирное и покорное отношеніе къ государству поставили себя тѣ раскольническія общечитія, которыя возникли въ концѣ XVII в. на окраинахъ Россіи и образовались изъ раскольниковъ, бѣжавшихъ во время гоненій за противленіе православной церкви. Пока раскольникамъ приходилось скитаться по лѣсамъ и пустынямъ, спасаясь отъ преслѣдованій, они были проник-

¹⁾ Цановъ Р. р. стар. 543—545. 539. Есип. II. 273. Какъ много было потаенныхъ раскольниковъ, можно судить потому, что въ однихъ Нижегород. предѣлахъ оказалось ихъ въ 1718—1719 г. 46,965 чел.

²⁾ Есип. II, прил. 262.

³⁾ Среди раскольниковъ попадались чины администраціи—напр. ландрахтеръ Нестеровъ. Есип. II, 268.

⁴⁾ Въ Нижегород. губ. въ 1718 г. посланъ былъ калитанъ Ржевскій, въ Новгородскую губ. поручикъ Контѣловъ (Есип. II. 266. 277). Собр. пост. по ч. раск. по вѣд. Св. Синода. I. 8—13. Ср. 44. 87.

⁵⁾ Есип. II. Прил. 194. 195. 202. 205.

нута религиознымъ фанатизмомъ. Подавленные мыслью о пришествіи антихриста, о скорой кончинѣ міра, скитальцы больше думали о смерти, нежели о потребностяхъ и интересахъ жизни. Кончина міра однако не наступила въ ожидаемое время. Религиозный фанатизмъ естественно сталъ ослабѣвать. Преслѣдованіе преслѣдованій дало возможность подумать о жизни и позаботиться о ея устройствѣ на новыхъ началахъ. Вдали отъ Никоніанскихъ властей, на широкомъ просторѣ степей и лѣсовъ бродячіе ревнителѣ старой вѣры стали обосновываться на опредѣленныхъ мѣстахъ и заводить общины различныхъ наименованій и устройствъ ¹⁾. Благодаря энергіи, свойственной русскому народу, в корпоративному труду сплотившихся во время гоненій раскольниковъ, прежніе скитальцы скоро успѣли создать обширныя богатыя общины, гдѣ жизнь старовѣровъ потекла въ покоѣ и довольствѣ. Въ Выговской пустыни напр., по свидѣтельству расколовивческаго историка Ивана Филиппова ²⁾, всякое изобиліе умножалось и распространялось отъ пашень, торговъ, морскихъ промысловъ, ³⁾ вездѣ изобилѣствующе, скоту умножающемуся, конскіе дворы... конями вспопыхуясь и доилицы дворы огуствѣваху... словомъ „безъ всякой тѣлесной нужды братство успокоевалось“ ⁴⁾. Подобнымъ образомъ и Стародубскія слободы раскольниковъ, по словамъ прот. А. Іоаннова, протрапствомъ и добротою равнялись нѣкоторымъ городамъ русскимъ, въ нихъ процвѣтали торговля и промышленность. Заботясь объ устройствѣ матеріальнаго благосостоянія, раскольники общежительные въ эпоху Петра дѣйательно работали для удовлетворенія своихъ религиозныхъ потребностей. Среди общежительныхъ расколъ-

¹⁾ «Скиты», «пустыни», слободы глав. образ. организовались въ предѣлахъ Полковскихъ, Стародубскихъ (Черн. губ.), Керженскихъ (Нижег. губ.), и Сибирскихъ (см. ист. р. п. Макарія 265 стр. Щиголь, Р. р. стар. 250 и др. Прав. Собес. 1873. № XI)

²⁾ «Исторія Выговской пустыни».

³⁾ Подробныя свѣдѣнія о хозяйственно-промышленной дѣятельности Выговской пустыни, кромѣ «Исторіи» Ив. Филиппова, можно читать въ книгѣ Щиголь «Земство и расколъ», и въ ст. Арсеньева (Ист. В. 1883. I т.)

⁴⁾ Выговское общежитіе имѣло не только хлѣбные амбары и скотные дворы, но и больницы, странноприимныя дома.

никовъ первый разъ состоялось опредѣленное рѣшеніе давно поставленнаго жизнію вопроса организаціи общественнаго богослуженія ¹⁾. Принимая ту или иную іерархію, общежительные раскольники усердно работали надъ вышнимъ благоустройствомъ богослуженія. Благодаря матеріальному достатку, раскольники настолько успѣвали въ этомъ, что ихъ богослуженіе по благолѣпію обстановки (церковная утварь, пѣніе и др.) казалось образцовымъ по тому времени. Для большинства раскольниковъ, при ихъ обрядовомъ взглядѣ на благочестіе, благолѣпная вышность, исполненіе церковно-обрядовыхъ дѣйствій въ духѣ „древняго православія“, оказывались вполне достаточными для удовлетворенія религиознымъ потребностямъ. По мѣрѣ же развитія матеріальнаго достатка и церковнаго благоустройства среди общежительныхъ раскольниковъ, жизнь для нихъ въ такомъ видѣ становилась все болѣе и болѣе привлекательною. Въ той средѣ, въ которой ранѣе люди стремились только къ аскетическимъ подвигамъ, постоянно готовились къ переходу въ вѣчность и въ ниду ожидаемой кончины міра, направлялись на сумасбродное мученичество и самоубійство, теперь усиливалось желаніе сохранить за собою подолыне и попрочнѣе укрѣпить пріобрѣтенныя трудами блага и удобства жизни. Опасность для благосостоянія общежительныхъ раскольниковъ болѣе всего грозила со стороны государства. Но, если въ эпоху гоненія

¹⁾ Первые расколуичи разномыслили между собою по вопросу о томъ, кому должны ревнители «старой вѣры» устоять право богослуженія, коль скоро прекратилось существованіе священства до-Никоновскаго постановленія. Въ эпоху Петра среди общежительныхъ раскольниковъ вопросъ объ іерархіи былъ рѣшенъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, послѣ того окончательно установившихся въ расколѣ и раздѣлившихъ ревнителей старыхъ обрядовъ на двѣ главные половины: поповщину и беспоповщину. Одни раскольники (на Вяткѣ, Стародубѣ), за неизмѣнимъ священникомъ древне-православнаго посвященія, рѣшили принимать къ себѣ бѣглыхъ поповъ отъ православной церкви и у нихъ испрашивать всѣ духовныя требы (по одной рукописи расколы. первое соборное опредѣленіе о пріемѣ бѣглыхъ поповъ состоялось въ 1701 г. В. К. Д. А. № 2123). Другіе напали возможнымъ въ дѣлѣ спасенія ограничиться нѣкоторыми таинствами и церковными службами, предоставляя, за неимѣніемъ пріюса, священства въ антихристово время, право совершенія ихъ лицамъ неосвященнымъ, мирнымъ. (Полемскія общины во главѣ съ Выговскою пустыней).

на раскольниковъ за вѣру эта опасность была неминуема для громаднаго большинства, то въ царствованіе Петра она оказалась легко устранимою для людей съ умомъ и житейскимъ тактомъ. Выговское общежитіе, главный центръ безпоповщинскаго раскола въ Россіи, руководимое талантливыми и по тому времени очень образованными братьями Денисовыми ¹⁾, первое показало образцовый примѣръ тѣхъ отношеній къ государству, при которыхъ раскольники, оставаясь вѣрными древнему благочестію, могли какъ нельзя лучше и въ царствованіе Петра обезпечить спокойствіе и довольство своей внутренней жизни. Въ 1702 г. Петръ во время похода на шведовъ вмѣстѣ съ войскомъ проходилъ близъ Выговской пустыни. Представители Выговскаго общежитія вышли къ нему на встрѣчу и выразили готовность служить Его Величеству, гдѣ и какъ повелитъ ²⁾. Государь не замедлил указать имъ родъ службы. Черезъ нѣсколько времени явился къ Выговцамъ посланный отъ государя съ царскимъ предписаніемъ, чтобы Выговцы „въ работѣ повѣнцѣ-скимъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое вспоможеніе по возможности своей“ ³⁾. За это въ указѣ старовѣрамъ обѣщалась свобода „жити въ той Выговской пустынѣ и по старопечатнымъ книгамъ службы своя Богу справляти“ ⁴⁾. Выговцы, „высмотрѣвши указъ и посовѣтовавъ между собою“, рѣшили исполнять предписанія правительства. „Отъ того времени, какъ рассказываетъ исторія Выговской пустыни, нача Выговская пустынь быти подъ игомъ работы Его Императорскаго Величества“ ⁵⁾. Съ 1705 г. выговцы пріискивали и по-

¹⁾ Бр. Денисовы преемственно управляли Выговской пуст. съ теченіи почти 40 л. (Хронолог. Павла Любоп. въ сбор. Попова II, 204 стр.). Объ ихъ жизни, дѣятельности и значеніи въ расколъ можно читать статьи Н. Барсова въ Прав. Об. 1865 г. II—III т., Е. Барсова (Тр. Киев. Дух. Ак. 1866 г. I т.), Усова въ Истор. В. 1886 г. IV.

²⁾ Пр. об. 1865 г. 423 стр. XVIII т.

³⁾ Ист. В. пуст. Ив. Филиппова, 114 стр. Повѣнцѣскіе заводы устроены были для приготовленія оружія на войну со шведами.

⁴⁾ Исторія В. П. 114.

⁵⁾ Иго работы, впрочемъ, было очень не тяжелое особенно въ сравненіи съ тѣмъ игомъ, какое несло большинство народа. Лучшимъ доказательствомъ этого служить сообщеніе того же автора, что послѣ «наложенія ига» начали люди съ

дымали руду для повѣнецкихъ заводовъ, съ 1714 г. ломали известъ, и этою рудою и известью тѣ заводы содержались безъ остановки ¹⁾. Когда Петръ издалъ распоряженіе о томъ, чтобы строить суда по новой формѣ, выговцы въ числѣ первыхъ подали примѣръ исполненія воли государя ²⁾. Вполнѣ довольный ³⁾ работами Выговцевъ, Петръ предоставилъ имъ значительныя привиллегіи предъ другими въ исполненіи гражданскихъ повинностей. Выговцы не платили двойнаго оклада, попласть съ своихъ торговъ и промысловъ, получали въ надѣль разныя земли и угодья „противъ иныхъ погостовъ льготнѣе“, въ своей внутренней жизни были свободны отъ вмѣшательства государственной администраціи и управлялись своими выборными, брали свободно паспорта на отлучки въ разныя мѣста Россіи „для промысловъ“ ⁴⁾. Подобныя льготы еще болѣе способствовали развитію благосостоянія общезначительныхъ раскольниковъ. Располагая значительными матеріальными средствами, выговцы вели обширную пропаганду въ пользу раскола, привлекая къ себѣ массу народа. Подъ покровомъ обители „гономівъ“ въ „отишіи“ ⁵⁾ сей пустыни пріймаху отдохновеніе, получаху образы благочестія, добродѣтельные виды взымаху“. Путешествуя для торговыхъ промысловъ по всей Россіи, руководители Выговской пустыни скупали множество древнихъ книгъ, рукописей, принадлежностей древней церковной утвари. Въ Выговской пустыни устроилась библіотека, развилась литературная дѣятельность ⁶⁾. При такомъ развитіи

разныхъ городовъ, старовѣрства ради, отъ гоненія собиравшися и поселитися на Выговской пустыни». (Истор. В. Пуст. 115 стр.).

1) Начальникъ заводовъ Геншпекъ давалъ самыя лестныя отзывы объ исполненности раск. въ работѣ. (Ксвл. I, 388).

2) Ист. В. II 140 стр.

3) Готовность служить интересамъ государства проявилъ при Петрѣ также раск. общины въ Стародубѣ. (Полное Истор. изв. врот. Іоаннова (по изд. 1831 г.) 190 и 191 стр.)

4) Елецкій, сост. р. при Петрѣ 133, 134. Пр. Об. 1865 г., т. XVIII, 427, 428.

5) Для зауряднаго крестьянства, обремененнаго „даньми многими“ и страдающаго отъ притѣсеній администраціи, жизнь въ „отишіи“ Выговской пустыни была настолько привлекательна, что масса православнаго люда сворачивалась въ расколъ.

6) Собранныя литературныя богатства дали возможность талантливымъ братьямъ

внутренняго благосостоянія выговцевъ, понятно, они должны были очень дорожить расположеніемъ государства, которое содѣйствовало этому развитію и обезпечивало пользованіе его благами. И выговцы, дѣйствительно, всячески старались выразить свое уваженіе и покорность государству, чтобы сохранить за собою спокойствіе и безопасность своей внутренней жизни. Усердно исполняя государственныя работы, выговцы отправляли часто къ государю посланныхъ съ гостинцами („ово живыхъ и стрѣляныхъ оленей, ово коней сѣрыхъ пару, ово быковъ большихъ“ и пр.) и съ вѣрноподданическими письмами¹⁾. Императоръ „всегда милостиво и весело принимаше гостинцы выговцевъ и письма ихъ всѣмъ въ слухъ читаше, и, хотя отъ кого со стороны и клеветы были, онъ тому не внимаше“. Тогда какъ отъ многихъ другихъ раскольниковъ при Петрѣ I часто слышалась „лая“ на Высочайшую власть, — настоятель Выговской пустыни, Андрей Денисовъ, писалъ „разительный важный панегирикъ въ девяти резонахъ, витѣйственно изражающій высоту, отличіе въ Россійскихъ вѣнценосцахъ перваго Императора Петра Алексѣевича и особенно его покровительство старовѣрческой церкви²⁾. Братъ Андрей—Семень также сочинялъ похвалыя слова „царюющимъ великимъ особамъ“³⁾. Въ знаменитыхъ Поморскихъ отвѣтахъ на вопросы іеромонаха Неофита, посланнаго въ качествѣ миссіонера въ Выговскую пустыню⁴⁾, мы встрѣчаемъ пространное разсужденіе объ отношеніи къ государству, содержаніе котораго составляетъ прямую проти-

Денисовымъ сдѣлать опытъ теоретическаго обоснованія того, что сложилось въ расколынической религіозной жизни подъ давленіемъ обстоятельствъ. Въ своихъ произведеніяхъ Денисовъ положилъ основы догматики безпоповщины и поповщины, обставивъ свои богословскія сочиненія замѣчательно обширною ерудиціею. Доказательства, собранныя въ «Поморскихъ» и «Дьякоповыхъ» отвѣтахъ въ сираниіе раскола, до сѣхъ поръ остаются среди раскольниковъ самыми основательными.

¹⁾ Истор. В. дус., 140 стр. Есип. I. 290, 301.

²⁾ Каталогъ Пав. Любоп. въ сбор. Попова, 42 стр.

³⁾ Каталогъ Пав. Любоп. въ сбор. Попова, 173 стр.

⁴⁾ О миссіи Неофита, о происхожденіи и значеніи «Поморскихъ отв.» чит. Истор. р. Макаріа 378. Чит. об. ист. 1859 г. III. Пр. об. 1865. XVIII т. 614—517.

воположность „сказанію“ о Петрѣ, какъ антихристѣ. Въ послѣднемъ собраніи всѣ враждебные взгляды на государство въ петровскую эпоху и отрицательное отношеніе къ дѣятельности государя доведено до крайней степени. Въ „Поморскихъ отвѣтахъ“ наоборотъ возводятся въ теорію и обставляются доказательствами уваженіе и полная покорность, которыя заявляли государству выговцы. Основываясь на той мысли, что самъ Христосъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ вмѣстѣ съ религіозными обязанностями исполнять и гражданскія требованія государства („воздадите убо яже Кесарева Кесареви“), выговскіе пустынножители въ „Поморскихъ отвѣтахъ“ признаютъ своимъ долгомъ „всеусердно воздавати всевѣрныя служенія, покорность, честь державнѣйшему, богопоставленному, богопомазанному Императору“. Что государственная власть вообще—богопоставленное учрежденіе, и что Божиимъ помазанникамъ—царямъ пужно повиноваться, раскольники, конечно, не могли никакъ отвергнуть. Но для нихъ камнемъ претыканія являлось „неблагочестіе“ представителей государственной власти со времени реформъ Никона. Составители „Поморскихъ отвѣтовъ“ устраняютъ это затрудненіе тѣмъ соображеніемъ, что подданные не въ правѣ ставить свои отношенія къ государству въ зависимость отъ религіозно-правственныхъ убѣжденій представителей гражданской власти. „Нѣсть намъ дѣло, заявляютъ выговскіе пустынножители, государственное православіе судити... Намъ нужно свое православіе соблюсти и свое житіе по Божѣ управлять... Мы сомнѣваемся о внесенныхъ отъ Никона новопреданіяхъ, но не сомнѣваемся о богопоставленнѣмъ самодержавствѣ богопомазаннаго императора Петра перваго“. Коль скоро ревнители древняго благочестія не сомнѣваются въ достоинствѣ предрекающей власти, какъ богопоставленной, богопомазанной, то уже вполне естественно съ ихъ стороны сохранять уваженіе къ государю и исполнять всѣ вѣрноподданническія обязанности. „Мы государя нашего всеговѣнно почитаемъ и всеусердно прославляемъ, за Его Милосердное Величество Бога молимъ... И прочія отъ Бога почтенныя всероссійскихъ градоправителей, военачальниковъ... персоны должны почитати и Бога за нихъ молити, яко отъ Бога

почтешныя, яко за радѣтели государства, яко за вѣрныя и доброхотныя служители великому государю“¹⁾. Подобные взгляды на государство и отношеніе къ нему въ связи съ усерднымъ исполненіемъ казенныхъ работъ вполне удовлетворяли Петра. Поэтому, не смотря на усевявшееся въ послѣдніе годы царствованія нерасположеніе государя къ раскольниковъ²⁾ вообще, выговцы сохранили свои привилегіи и не подвергались стѣсненіямъ со стороны государства³⁾. Итакъ въ отношеніяхъ раскольниковъ къ государству въ петровскую эпоху замѣчаются два противоположныя направленія. Одни раскольники, продолжая развивать далѣе противогосударственныя взгляды, заявленные расколомъ въ предшествующую эпоху, въ царствованіе Петра признаютъ антихристіанскимъ, богоборнымъ дѣломъ не только покровительство еретикамъ и гоненіе государствомъ „православныхъ“, но переносятъ враждебные взгляды въ сферу чисто гражданскихъ узаконеній государства, провозглашаютъ самаго государя антихристомъ, проповѣдуютъ противленіе „законопреступнымъ распоряженіямъ“ Петра по устройству гражданской жизни народа. Другіе раскольники находятъ возможнымъ стать въ мирныя и почтительныя отношенія къ государству, уважать представителей гражданской власти, не „истязуя ихъ благочестіемъ“. Ученіе Поморскихъ отвѣтовъ, служащее обобщеніемъ мирныхъ взглядовъ на государство, можетъ быть рассматриваемо, какъ дальнѣйшее развитіе ученія тѣхъ раскольниковъ до петровской эпохи, которые не одобряли активной борьбы съ „гонительнымъ“ государствомъ и учили терпѣливому мученичеству. Взгляды на государя, какъ антихриста, и вытекающее отсюда ученіе о противленіи государственнымъ узаконеніямъ, какъ богоборнымъ,—съ одной стороны, и ученіе Поморскихъ отвѣ-

1) «Поморскіе отвѣты» въ рукоп. Биб. Каз. Дух. Акад. № 1702, листы: 320 об., 273—275. «Поморскіе отвѣты» напечатаны въ Маниловскомъ Никольск. Мон. 1884 г. Въ печ. кн. см. стр. 161.

2) Въ указѣ отъ 1 Іюля 1724 г. расколъ объявлялся «справотѣрю противнымъ и злодѣйственнымъ», противъ него предписывалось принимать самыя строгія мѣры.

3) Подъ двойной окладъ Выгонцы начали записываться уже съ 1726 г., съ «радостью окуная древнее благочестіе».

товъ съ другой, — составляютъ, такъ сказать, два крайнихъ полюса, между которыми вращаются и развивается политическое ученіе раскола въ продолженіи всей его исторіи. Различныя направленія въ развитіи и примѣненіи къ жизни основныхъ воззрѣній на государство, выработанныхъ расколомъ въ разсмотрѣнные періоды, — въ послѣпетровское время съ опредѣленностію приурочиваются къ тѣмъ или инымъ сектамъ раскола. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ говорить объ отношеніи къ государству не раскольниковъ вообще, а представителей наиболѣе выдающихся сектъ старообрядческаго раскола.

С. Г. С.

(Продолженіе будетъ).

Современное отношеніе римско-католической церкви къ рабочему вопросу.

(Окончаніе *).

XII.

Въ сущности папская энциклика по рабочему вопросу превращаетъ этотъ вопросъ въ ученіе о христіанскихъ братствахъ, союзахъ и общинахъ, которые должны находиться подъ теовратическимъ или религіозно-нравственнымъ надзоромъ и управленіемъ католическаго духовенства. Папа приравниваетъ эти союзы къ средневѣковымъ цехамъ, гильдіямъ и корпораціямъ; но это не вѣрно. Средневѣковые цехи, гильдіи и корпораціи имѣли въ виду лишь защиту бѣдныхъ работниковъ отъ угнетенія феодальныхъ господъ; между тѣмъ какъ современные союзы рабочихъ имѣютъ въ виду единственно возвышеніе заработной платы и развитіе матеріальнаго благосостоянія среди нихъ. Ихъ нельзя даже сравнивать съ благотворительными католическими орденами и обществами, которые такъ многочисленны были въ католической церкви въ средніе вѣка, да многочисленны и теперь. Вотъ почему, какъ говорятъ авторитеты политико-экономической науки, тѣ самые «рабочіе союзы», которые такъ восхваляетъ и рекомендуетъ папская энциклика теперь, не далѣе какъ лѣтъ десять тому съ небольшимъ повсюду подвергались одинаковому порицанію и поношенію: въ печати, на ораторской трибунѣ, съ церковной ка-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 15, 1892 г.

оёдры и въ парламентѣ ¹⁾. Ясно поэтому, что первоначальная мысль о «рабочихъ союзахъ» есть чисто социалистическая мысль. Ее высказывали и старались осуществить на опытѣ п сент-симонисты, и социаль-демократы, и государственные социалисты, и всякіе другіе социалисты. Но наша, вѣдѣя за своимъ духовенствомъ, хочетъ сообщить этимъ союзамъ особенный, исключительно христіанскій характеръ. Уже давно, какъ говорятъ католическіе писатели, социаль-демократы пытаются основать свои союзы на самопомощи, на единствѣ матеріальныхъ интересовъ, на достиженіи чисто временныхъ выгодъ. Такъ потребительское общество (Consumverein) старается доставить своимъ членамъ дешевую пищу, общество взаимнаго кредита (Vorschussverein)—кредитъ за умѣренные проценты, общество сырыхъ матеріаловъ (Rohstoffverein)—материалъ для обработки, по дешевой цѣнѣ и т. д. Эти ближайшія, чисто матеріальныя цѣли, печерниваютъ всю сущность подобныхъ союзовъ; такъ какъ помимо этихъ цѣлей у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ общихъ связей; а потому индивидуальный эгоизмъ въ каждое мгновеніе угрожаетъ разрушить достиженіе общихъ цѣлей этихъ союзовъ. Правда въ этихъ союзахъ непрестанно твердятъ о саморазвитіи, солидарности: но истинной самопомощи и солидарности люди могутъ достигнуть только въ христіанствѣ и при посредствѣ христіанства; потому что только христіанство указываетъ прямой путь надлежащаго развитія духовныхъ и тѣлесныхъ силъ и сообщаетъ истинные мотивы для возбужденія и приведенія въ движеніе всѣхъ силъ рабочаго класса; между тѣмъ какъ либерализмъ и радикализмъ не указываютъ никакихъ другихъ мотивовъ къ этой самопомощи и солидарности, кромѣ голода и жажды удовольствій, часто искусственно развиваемыхъ и поддерживаемыхъ. И въ наказаніе за это, какое страшное паденіе совершается съ этими людьми, отречшимися отъ христіанства и его вѣчныхъ идей!.. Католическіе писатели неодобрительно также смотрятъ и на государственную помощь рабочимъ. Лассаль хотѣлъ осуществить планъ организаціи рабочихъ союзовъ посредствомъ помощи или ссуды капиталовъ изъ государственной кассы. Католическіе писатели от-

¹⁾ «Сѣверн. Вѣстн.» тамъ-же, стр. 285.

вергаютъ самый принципъ этой помощи и говорятъ, что налагать на зажиточные классы опредѣленный налогъ для составленія въ пользу рабочаго сословія необходимаго капитала, это значитъ самовольно вторгаться въ права собственности и слишкомъ расширять государственныя права обложенія налогомъ, что не можетъ не сопровождаться возбужденіемъ крайняго недовольства и во всякомъ случаѣ угрожаетъ потрясеніемъ обществу и прекращеніемъ мирнаго, закономѣрнаго и правильнаго развитія государственной жизни. Напа тоже говоритъ, что социалисты, своими стараніями уничтожить личную собственность и передать ее въ распоряженіе государству, въ сущности, идутъ противъ интересовъ рабочаго сословія; ибо лишаютъ его свободы распоряженія собственнымъ заработкомъ и всякой возможности пріобрѣсть твердый капиталъ для улучшенія условій своей жизни. Итакъ, средствами, какія предлагаетъ міръ, никогда не удастся осуществить превосходную идею рабочихъ союзовъ и въ особенности производительныхъ ассоціацій въ такой мѣрѣ, чтобы она соотвѣтствовала громадному числу рабочихъ и степени ихъ нужды.

Иное дѣло, говорятъ католическіе писатели, христіанскіе союзы, основанные «на вѣрѣ, милосердіи и любви», и находящіеся подъ благотворнымъ надзоромъ и руководствомъ церкви. Товарищество есть исполнѣ естественный и основной законъ человѣческой жизни и христіанство поэтому можетъ оказывать лишь дружелюбную поддержку стремленіямъ настоящаго времени помочь рабочему сословію при посредствѣ товариществъ. Характерно названіе ихъ корпораціями (Körperschaft). Вѣдь тѣло (Körper) есть совершеннѣйшее соединеніе частей, оживленныхъ высшимъ жизненнымъ принципомъ, душою. Поэтому только тѣ товарищества достойны этого названія, которыя имѣютъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ душу и чрезъ нее объединяютъ всѣхъ членовъ товарищества. Только христіанство можетъ вселить въ нихъ эту душу; и эта душа есть христіанская любовь, христіанское милосердіе и христіанская благотворительность. Коль скоро люди вступаютъ въ товарищества подъ вліяніемъ этого духа; то рядомъ съ ближайшею цѣлію ихъ союзовъ является еще высшая, разумнѣйшая, святѣйшая связь,

которая проникаетъ всѣхъ членовъ союза и незамѣтно, какъ духовная сила, преобразуетъ ихъ изъ простыхъ товариществъ во внутреннее одухотворенное общество (*Kongregshaft*). Однимъ словомъ товарищества новѣйшаго социализма, либерализма и гуманизма суть механическіе союзы людей, соединенныхъ единственно во имя интереса, какой они доставляютъ. Христіанскіе же союзы суть живые организмы, возникающіе изъ живыхъ началъ христіанской вѣры, любви и милосердія. Поэтому будущность въ области товарищескихъ стремленій принадлежитъ только христіанству. «Разрушили старыя христіанскія общества, говоритъ Кеттелеръ, и занялись тѣмъ, чтобы покончить съ послѣдними остатками, послѣдними камнями этого величественнаго зданія. Но это новое зданіе есть жалкая химера—зданіе на пескѣ. Христіанство должно снова начать это строеніе и этимъ возвратитъ рабочимъ товариществамъ ихъ истинное значеніе, ихъ жизненную силу и ихъ дѣйствительныя выгоды».

Въ сущности католическіе писатели говорятъ объ общественной благотворительности и на ней хотятъ создать новое теократическое царство. Состоятельны ли однако эти надежды? Благотворительность, основанная на любви и милосердіи, конечно есть исполнѣ христіанская добродѣтель; она не была извѣстна классическому міру; ни языческая *liberalitas* (собственно щедрость), ни *largililas* (собственно расточительность), ни даже *beneficium* (собственно имущество) ничего не имѣютъ общаго съ нею. Въ христіанствѣ она впервые дала роскошныя плоды и подъ вліяніемъ религіознаго воодушевленія была доведена даже до общенія имуществъ; но крайней мѣрѣ, такъ было на зарѣ христіанства. Можно ли, однако, полагать ее въ основу экономической жизни современныхъ народовъ и на этой основѣ создавать теократическое царство въ христіанскомъ мірѣ? Намъ кажется, что рѣшеніе этого вопроса не можетъ быть затруднительно ни для кого. Конечно, всякій человѣческій союзъ для своей прочности долженъ утверждаться на вѣрѣ въ Бога, на признаніи Его святой воли, на чистой христіанской совѣсти; религіозное освященіе, гдѣ оно возможно по самому существу дѣла, сообщаетъ наибольшую устойчивость

человѣческимъ союзамъ. Но примѣнимо ли это къ экономическимъ условіямъ современной жизни? Безусловно нѣтъ. Ни религіознаго одушевленія, ни религіозной вѣры, ни сильнаго развитія истинно христіанскихъ благотворительныхъ чувствъ нельзя искать на Западѣ, а потому тамъ нельзя создавать всеобщаго благосостоянія на этихъ основахъ. Когда Юліанъ Отступникъ искусственно хотѣлъ внушить языческимъ жрецамъ христіанскую благотворительность, то всѣ усилія его оказались напрасными, именно потому у жрецовъ не достало религіознаго одушевленія, а у людей богатыхъ и расположенія жертвовать своимъ имуществомъ въ пользу бѣдныхъ. Не можетъ ли тоже самое явленіе повториться и въ наше время, особенно когда всѣ католическія иллюзіи создать всемірное теократическое царство окажутся напрасными и неосуществимыми? Благотворительность—прекрасное, благородное чувство; но на ней, какъ и на всякомъ чувствѣ, нельзя создавать никакихъ прочныхъ и устойчивыхъ учреждений; потому что и она, какъ всякое чувство, по самому существу своему, подвержена колебаніямъ, измѣчивости и даже совершенному охлажденію. Благотворительность могла бы быть твердою опорою всеобщаго благосостоянія рабочихъ лишь въ томъ случаѣ, если бы она была соединена или, какимъ либо особеннымъ путемъ юридическихъ узаконеній, соотнесена съ справедливостью; но именно этого-то ей всегда будетъ не хватать, пока она не потеряетъ христіанскаго характера, т. е. свободного проявленія христіанской любви, и пока не превратится въ юридическое принужденіе. Еслибы милостынею и благотворительностію можно было уничтожить несправедливо удручающую трудолюбивыхъ людей бѣдность: то, конечно, во всемъ христіанскомъ мірѣ уже давно не было бы людей бѣдныхъ. Ясно такимъ образомъ, что благотворительность не можетъ служить краеугольнымъ камнемъ всеобщаго благосостоянія. Нѣтъ, благотворительностію можно только смягчать до нѣкоторой степени дѣйствія несправедливости, проявляющіяся бѣдностію немущихъ людей; но ею нельзя уничтожать самихъ причинъ несправедливости. Мы не говоримъ уже о томъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ благотворительность, особенно же разви-

тая въ широкихъ размѣрахъ, можетъ оказывать по крайней мѣрѣ въ наши времена, даже деморализующее вліяніе, съ одной стороны, на людей принимающихъ благотворительныя жертвы и привлекающихъ жить на чужой счетъ, а съ другой—и на самыхъ благотворящихъ, порождая у нихъ опасное самообольщеніе и ложную гордость, какъ много исполнившихъ весь нравственный долгъ посредствомъ раздачи милостыни людямъ немощнымъ.

Впрочемъ папская энциклика разсуждаетъ о благотворительности не столько вообще, сколько примѣнительно къ рабочимъ союзамъ. Это послѣднее обстоятельство сообщаетъ ей нѣсколько иной характеръ; но дѣло отъ этого нѣсколько не измѣняется. Своимъ рѣшеніемъ рабочаго вопроса папа близко примыкаетъ къ сторонникамъ «рабочихъ союзовъ» (Trades Unionistes), т. е. къ тѣмъ социалистамъ, которые стремятся къ увеличенію заработной платы, улучшенію положенія рабочихъ, уменьшенію рабочихъ часовъ и пр., образуя изъ себя корпораціи или ассоціаціи и стремясь установить размѣры справедливой платы, а для этого помогая имѣть основной фондъ, приобретаемый или путемъ какъ благотворительности, такъ и вкладовъ, подъ руководствомъ католическаго духовенства. Папа высказываетъ горячее одобреніе подобнымъ союзамъ и надѣется достигнуть ихъ развитія и распространенія при посредствѣ церкви, т. е. духовенства. Какимъ же образомъ? Какимъ путемъ? Путемъ нравственнаго воздѣйствія всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ и на людей имущихъ, т. е. предпринимателей и хозяевъ, и на самыхъ рабочихъ; и затѣмъ путемъ взаимнаго вліянія другъ на друга силою убѣжденія и справедливаго образа дѣйствій. Можно удивляться тому, что папа идеализируетъ тѣ союзы, которые должны утверждаться совершенно на иныхъ началахъ. И это удивленіе высказываемо было многими. Въ своемъ напримѣръ, открытомъ письмѣ къ папѣ пзвѣстный политико-экономъ, Генри Джоржъ, говоритъ: «Тѣ лица, которыя говорятъ вамъ о возможности поднятія рабочими союзами заработной платы путемъ однихъ лишь нравственныхъ убѣжденій, разсказываютъ такія же точно сказки, какъ если бы они начали утверждать, что существуютъ тигры, которые питаются апельсинами».

ми. А потому ожидать, чтобы рабочіе союзы превратились въ такія учрежденія, какими предполагаете ихъ вы, придется такъ же долго, какъ и того, чтобы огонь сдѣлался холоднымъ, а ледъ теплымъ»... Въ самомъ дѣлѣ, будутъ ли рабочіе союзы дѣйствовать активно или пассивно, но во всякомъ случаѣ, они, для своего сохраненія и развитія, должны будутъ прибѣгать къ нѣкоторому насилію и принужденію. Они должны будутъ прибѣгать къ нимъ и въ отношеніи къ своимъ хозяевамъ, и въ отношеніи къ рабочимъ—союзникамъ, и въ отношеніи къ остальнымъ рабочимъ, не входящимъ въ союзъ, принуждая ихъ подчиниться ихъ требованіямъ. Везъ соблюденія этихъ условій, самое существованіе подобныхъ союзовъ немыслимо. Вотъ почему тотъ же политико-экономъ пишетъ напѣ: «Вы употребляете выраженія, или утверждаете принципы такого рода, что самый крайній изъ приверженцевъ этихъ союзовъ (Trade Unionist) могъ бы привести ихъ, чтобы оправдать не только стачки и всякій стоворъ противъ другихъ лицъ (boycott), отвергающихъ союзъ, но и защитить насиліе, гдѣ только оно понадобится!.. Вы говорите о недостаточной платѣ рабочимъ, какъ результатѣ жадности богатыхъ хозяевъ; вы предполагаете нравственное право рабочихъ получать занятіе за плату высшую, чѣмъ та, которую имъ эти хозяева желаютъ дать, и вы такъ настоятельно въ заключеніе отрицаете право человека работать за плату, какую онъ только пожелаетъ, что подали справедливый поводъ Стэду въ его распространенномъ журналѣ «Review of Reviews» совсѣмъ не двусмысленно объявлять, что вы рассматриваете такъ называемый «blacklegging», т. е. соглашеніе отдѣльныхъ людей работать за плату, предлагаемую хозяиномъ, и ниже установленной рабочимъ союзомъ,—какъ преступленіе!»..

Католическіе писатели говорятъ, что тамъ, гдѣ люди соединяются во имя христіанства и въ христіанскомъ духѣ, тамъ сознательно или бессознательно, кромѣ ближайшихъ цѣлей союзовъ, достигается еще и другая, болѣе благородная цѣль, состоящая въ развитіи христіанскаго милосердія, христіанской любви и состраданности,—цѣль, которая, подобно солнцу, изливаетъ свой свѣтъ и свою теплоту на внутреннія отношенія всѣхъ членовъ союза;

именно христіанство производить это, оно дѣйствительно есть источникъ свѣта, жизни и теплоты. Прекрасно. Но дѣло въ томъ, что въ самой основѣ рабочихъ союзовъ нѣтъ христіанскаго духа, или онъ не можетъ проявляться во всей своей силѣ. Христіанство говорить намъ: «не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь»; между тѣмъ въ этихъ союзахъ, во имя самосохраненія, должны говорить и дѣйствительно говорить: «дѣлай другимъ то, чего себѣ не желаешь». Что можетъ быть, напримѣръ, выше и великодушнѣе благотворительности? Но бываютъ случаи, когда и она оказывается нежелательною для членовъ кружка. Извѣстенъ фактъ съ щедрою благотворительностію барона Гирша, пожертвовавшаго 50,000,000 франковъ для переселенія своихъ единоплемениковъ—евреевъ въ Америку. Когда наплывъ этихъ переселенцевъ очень усилился, тогда члены прежнихъ еврейскихъ рабочихъ союзовъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ протестовали противъ потери работы и пониженія заработной платы вследствие усиленія еврейской эмиграціи, и на митингѣ единодушно была принята слѣдующая резолюція: «Мы требуемъ отъ барона Гирша, чтобы онъ освободить насъ отъ своей «благотворительности» и взять назадъ свои милліоны, которые вмѣсто благословенія превратились для насъ въ проклятіе и источникъ нищеты»¹⁾. Итакъ кружковые интересы не всегда совпадаютъ съ интересами общественными. Тоже должно происходить и съ католическими союзами рабочихъ. Союзы, о которыхъ хлопочутъ добрые католики, въ сущности имѣютъ въ виду не столько небесныя, сколько земныя блага, хотя и подъ непремѣннымъ распоряженіемъ и управленіемъ католическаго духовенства. Союзы эти добрые католики хотятъ превратить въ орудіе демократическихъ домогательствъ, восстановленія свѣтской власти папъ и возвращенія средневѣковыхъ порядковъ жизни, хотя и въ новыхъ формахъ. Но именно это и поставляетъ католическую церковь въ величайшее противорѣчіе съ интересами другихъ сословій и даже свѣтскими властями. И вотъ прошло немало времени послѣ обнародованія энциклики по рабочему вопросу, и папа уже жалуется, что «слова мира, справедливости и

¹⁾ «Сѣверн. Вѣстн.», тамъ-же, стр. 172—173.

милосердія», высказанныя имъ въ его энцикликѣ, не произвели желаннаго дѣйствія и даже подали поводъ «недостойнымъ людямъ» побудить правительства прекратить наломивчества рабочихъ въ Римѣ. Лейб XIII осуждаетъ эти правительственные распоряженія и замѣчаетъ, что европейскимъ правителямъ слѣдовало бы опасаться тѣхъ темныхъ массъ, которыя далеки отъ церкви, «презираютъ ея наставленія и глумятся надъ ея авторитетомъ». Но что значать его осужденія? Правда онъ торжественно заявилъ при этомъ, что правительственные затрудненія, противоположаемыя стремленіямъ церкви, не смущаютъ его церковь и она выполнитъ свое призваніе, хотя бы даже и для блага тѣхъ людей, которые упорно враждуютъ съ нею; но это значить, что ультрамонтанская партія не можетъ мириться съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится теперь, и готовится къ новой, рѣшительной и упорной борьбѣ. Какъ будетъ вестись эта борьба и къ чему приведетъ она, покажетъ время.

Но центръ затрудненій скрывается не здѣсь, не въ сословныхъ антипатіяхъ и не въ свѣтскихъ правительствахъ. Никакое правительство, будь оно самое абсолютническое, не можетъ имѣть ничего противъ улучшенія быта рабочихъ классовъ, противъ развитія среди нихъ христіанскаго духа и христіанской любви, если бы къ этому не примѣшивалась клерикальная домогательствъ и теократическія мечтанія о полнотѣ власти. Центръ затрудненій скрывается скорѣе въ томъ глубокомъ противорѣчій, которое существуетъ между теократическими формами жизни и современнымъ социалистическимъ движеніемъ среди рабочихъ. Да, между папскою теократіею и современными социалистическими домогательствами рабочихъ лежитъ цѣлая, непроходимая пропасть... Еще первые славянофилы папы утверждали, что Западъ пораженъ тяжкимъ, неискѣнимымъ недугомъ; что въ основѣ его культуры лежатъ риллія начала; что мишурный блескъ этой культуры не можетъ остановить или скрыть начинашагося разложенія Западно-европейскихъ обществъ. Славянофилы высказывали эти убѣжденія при взглядѣ на европейскій пролетаріатъ, но они не видѣли еще того страшнаго недуга, который въ наше время извѣстенъ подъ

именемъ социализма. Прошло не много времени послѣ нихъ, и вотъ для всѣхъ стало ясно, что пролетаріатъ и его порожденіе—соціализмъ есть послѣдовательный прямой и логическій выводъ изъ тѣхъ началъ, которыя были положены въ основу европейской культуры. Теперь не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ ясно сознаютъ, что западно-европейскій социализмъ есть послѣдній и неизбежный результатъ всего хода европейской культуры, хотя о какомъ то всеобщемъ разложеніи не можетъ быть и рѣчи. Въ чемъ же состоитъ сущность этой культуры? Если сущность культуры надобно полагать въ религиозныхъ вѣрованіяхъ, въ религиозно-нравственной атмосферѣ, которою живетъ и дышитъ извѣстный народъ: то не побоялся сказать, что самая эта атмосфера заражена на Западѣ опасными миазмами. Въ жизни европейскихъ народовъ отражается историческій ходъ развитія самой римской церкви. Историческимъ ходомъ своего развитія эта церковь шла отъ преобладанія къ преобладанію, отъ захвата власти къ новому захвату, отъ накопленія богатствъ къ новому накопленію. Что же удивительнаго, если этотъ духъ непрерывныхъ домогательствъ послѣдовательно воплощается теперь во всѣхъ слояхъ европейскихъ обществъ, начиная отъ самыхъ высшихъ и кончая самыми низшими? *Praecepta docent, exempla trahunt* (наставленія учатъ, примѣры увлекаютъ). Антагонизмъ, домогательства, потребность побѣды, говорить одинъ отечественный писатель, вотъ истинный стимулъ всего западнаго историческаго движенія, именно онъ составляетъ *типъ*, по которому эта исторія движется. Надобно ли припоминать патрициевъ и плебеевъ, оптиматовъ и пролетаріевъ, Италію и пожираемые ею провинціи, чтобы признать это справедливымъ въ отношеніи къ языческому Риму? Надобно ли говорить о государствѣ и церкви, феодальномъ строѣ и королевской власти, католицизмѣ и реформаціи, монархіи и революціи, капитализмѣ и нищенствѣ, чтобы признать это же вѣрнымъ и относительно христіанской Европы? Здѣсь нѣтъ и помину о другомъ *типѣ* историческаго развитія, о типѣ мирнаго, гармоническаго и братскаго развитія культурной жизни: здѣсь вся исторія, безъ какого либо остатка и въ каждой части своей, во всякомъ біеніи

нульса своего есть борьба — съ жаждой умереть или побѣдить ¹⁾. То же самое совершается и въ наше время. Если первоначально католическое духовенство съ напоемъ во главѣ вело борьбу съ верховною властію за обладаніе духовными и матеріальными благами: то затѣмъ эта же борьба послѣдовательно переходила и переходить въ остальнымъ сословіямъ. Такъ прежде всего, какъ говорятъ наши публицисты, «дворянство, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, пользуясь тѣми или иными историческими обстоятельствами, отвоевало свои права у верховной власти, и, конечно, эти отвоенныя права, не связанныя съ обязанностями, употребило въ свою пользу и во вредъ народу». За дворянствомъ на историческую арену выступило *третье сословіе*, которое, «пользуясь тѣми или иными историческими комбинаціями, вступая въ тѣ или иные союзы, вырвало силою или хитростію свои права у верховной власти и у дворянскаго сословія, и уже необходимымъ роковымъ процессомъ смело и сметаетъ съ лица земли какъ дворянство, такъ и верховную власть, а изъ правъ своихъ извлекаетъ всю пользу для себя, злоупотребляя ими въ отношеніи къ остальному народу». Именно таковъ главный характеръ дѣятельности современной намъ могущественной *буржуазіи* и ея домогательства. Но буржуазіею не оканчиваются сословныя переговоры. За буржуазіею слѣдуетъ *четвертое сословіе*, сословіе рабочихъ, быть можетъ, не болѣе нравственное, но во всякомъ случаѣ болѣе многочисленное и болѣе трудолюбивое. Люди этого сословія въ свою очередь заявляютъ притязаніе на такія же права, какими пользуются члены буржуазнаго сословія. Они никакъ не могутъ понять, почему нѣсколько сотенъ и даже тысячъ рабочихъ должны всю жизнь трудиться, чтобы доставлять всѣ блага жизни одному богатому фабриканту или предпринимателю, который злоупотребляетъ ихъ довѣріемъ и который въ одинъ день расходуетъ на свои удовольствія больше, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ могутъ расходовать въ теченіи цѣлаго года на свои существенныя нужды. Вотъ сущность рабочаго вопроса! «*Четвертое со-*

¹⁾ См. статью: „*Можетъ ли быть мозаична историческая культура*“? В. Розанова. «Моск. Вѣдом.» 1892 г. № 99.

slavis ломится въ дверь исторіи; и оно выломаетъ эту дверь, ворвется на историческую арену» ¹⁾, съ цѣлю развить свою особенную культуру, отличную и отъ феодальной, и отъ буржуазной. Таковъ историческій ходъ европейской жизни, сложившійся подъ вліяніемъ римской церкви. Можетъ ли поэтому папа со всѣми своими епископами остановить послѣдовательный, логическій и роковой ходъ этой жизни? Можетъ ли римская церковь переменить свой характеръ, отказаться отъ своихъ притязаній и домогательствъ, отречься отъ своего теократическаго властвованія и преобладанія, столь несогласнаго съ общимъ движеніемъ нынѣшнихъ рабочихъ, чтобы этимъ путемъ одушевить европейское общество новымъ духомъ,—духомъ мира, единенія, доброжелательства и любви? Намъ кажется, что нѣтъ. Полуразрушающееся зданіе европейской жизни, этотъ домъ, *раздѣлившійся на ся*, не можетъ уже быть прочнымъ; потому что въ самомъ основаніи зданія заложенъ фундаментъ полудязычскій и полухристіанскій,—фундаментъ феодализма, буржуазнаго эгоизма, клерикальных и всѣхъ возможныхъ домогательствъ. Домъ еще не разрушенъ окончательно, но онъ требуетъ капитальныхъ поправокъ.—Папа указываетъ въ своей церкви великую соціальную силу и говоритъ, что одна только эта церковь—можетъ спасти современное общество отъ окончательнаго разложенія. Но онъ же первый не довѣряетъ силѣ этой церкви, силѣ проповѣдуемаго имъ христіанства, когда съ робостію осматривается кругомъ себя и осторожно призываетъ государственную помощь къ его соціальной миссіи. Еще яснѣеказывается эта робость и недоувѣріе къ этой силѣ, когда въ своей энцикликѣ папа подноситъ европейскому обществу такое питье, какое равно не можетъ пиваться ни высшему, ни низшему сословію, ни богатымъ, ни бѣднымъ, ни счастливымъ, ни обездоленнымъ; и питье это есть устарѣлая схоластическія теоріи съ «возстановленіемъ папской теократіи», съ ея двумя мечами—свѣтскимъ и духовнымъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать известную долю истины въ слѣдующихъ словахъ о. Владиміра

¹⁾ См. Моск. Вѣд. 1899 г. № 65.

Гегге, высказанныхъ имъ по поводу обнародованія папской энциклики по рабочему вопросу: «Въ папской церкви великія христіанскія доктрины пераплавились; онѣ замѣнены язычествомъ и вытравлены безчисленными суевѣріями, которыя удаляютъ отъ религіи всѣхъ разумныхъ людей. Итакъ напрасно папа взываетъ къ христіанскимъ доктринамъ; всѣмъ извѣстно,—что онѣ омертвѣли, даже въ глазахъ клира. Папа объявляетъ, что въ виду вѣчности и будущей жизни всѣ люди—богатые и бѣдные—не должны усвоить такую важность временной земной жизни. Но эта теорія не можетъ имѣть успѣха. Человѣчество имѣетъ свою земную жизнь, и именно ею оно занято. Безсмертіе несколько не помогаетъ рѣшенію этого вопроса. Люди богатые наслаждаются благами, и часто болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, бѣдные же не пользуются ими достаточно, а громадное большинство умираетъ въ нищетѣ. Надо было возстановить равновѣсіе, вотъ въ чемъ состоитъ весь социальный вопросъ. Сказать бѣдному, умирающему отъ голода, что онъ будетъ вознагражденъ въ будущей жизни, значитъ издѣлываться надъ нимъ. Дѣло идетъ не о будущей жизни, а о жизни настоящей, и именно эту жизнь надо было улучшить для всѣхъ тѣхъ, которые не могутъ ею пользоваться. Легко составлять фразы о будущей жизни въ великолѣпныхъ палатахъ Ватикана, гдѣ накоплены милліоны и гдѣ никто не нуждается ни въ чемъ; но нельзя сказать того же самаго о ветхой хижинѣ, гдѣ нѣтъ ничего, и даже хлѣба. Обитателей подобныхъ жилищъ нельзя *питать греческими календами*»¹⁾.

Но будемъ справедливы. Папа немного сдѣлалъ для рѣшенія рабочаго вопроса; но и то, что онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ, имѣетъ свое значеніе. Мы замѣчали уже, что на Западѣ ведется глухая, но тѣмъ не менѣе упорная борьба между двумя теоріями: социальнотеократическою и социальногосударственною; та и другая теорія усваиваютъ себѣ абсолютное значеніе. Гегге, напримѣръ, отождествляетъ современное государство съ судьбою древнихъ; Гегель

призналъ Наполеона I, послѣ Іенскаго сраженія, воплощенною міровою душою и говорилъ, что государство есть высочайшій разумъ и высочайшая нравственность, развиваемые абсолютнымъ духомъ. Гегельянскія, т. е. пантеистическія воззрѣнія на государство, очень живы и въ наше время. Именно подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній еще недавно императоръ Вильгельмъ II торжественно провозгласилъ: „*Suprema lex, regis voluntas*“ (верховный законъ—воля государя); именно подъ вліяніемъ этихъ же воззрѣній и современныя намъ государственные социалисты (Katheder-Socialisten) требуютъ признанія за государствомъ безусловныхъ правъ. Это значитъ, что государству должна быть подчинена не только церковная, но и вообще религіозно-нравственная жизнь народа. Что же удивительнаго, если люди, воспитанные на католическихъ началахъ, видятъ въ подобныхъ воззрѣніяхъ возобновеніе язычества, незнакомаго христіанскаго откровенія и потому поставившаго государство превыше всего? Что удивительнаго, если они не могутъ мириться съ подобными воззрѣніями? Такимъ образомъ своею теоріей христіанской теократіи папа ведетъ борьбу и съ древними и съ новыми язычествомъ. Въ этомъ состоитъ оправданіе и папской теократіи и новѣйшихъ католическихъ домогательствъ по рабочему вопросу. Крайности могутъ быть уравниваемы только крайностями. Справедливо также замѣчаютъ, что социальная агитація настолько развилась теперь на Западѣ, что католическая церковь изъ опасенія—если не растерять совершенно свою паству, то, по крайней мѣрѣ, изъ желанія оградить ея отъ соблазна и искушенія, должна была, такъ сказать, ориентироваться въ социальномъ вопросѣ, высказать свой взглядъ на него и выработать опредѣленный образъ дѣятельности въ этомъ отношеніи. Ясно такимъ образомъ, что на западѣ идетъ новая группировка партій. Теперь консерваторы уже начинаютъ сознавать неудовлетворительность существующаго общественнаго строя и хотятъ замѣнить его видоизмѣненными прежними формами; теперь и отступники отъ либерализма помогаютъ образовывать изъ себя правильную организованную партію съ явнымъ характеромъ антикапиталистической и антилиберальной партіи вообще. Такимъ обра-

¹⁾ L'Union Chretienne, 1891, Juillet, p. 191.

зомъ и тѣ и другіе сходятся въ общемъ недовольствѣ существующимъ наличнымъ строемъ общества и все громче и громче выражаютъ желаніе социальныхъ реформъ. Изъ сліянія обѣихъ этихъ партій, столь враждебныхъ пылкимъ либерально-католическому строю европейскихъ государствъ, безъ сомнѣнія, должно возникнуть новое устройство, объединяющее въ себѣ характеристическія черты обѣихъ партій. Каково же будетъ это объединеніе, или лучше—новое социальное устройство? Кто это можетъ сказать и даже предвидѣть? Несомнѣнно только, что будущее устройство европейскихъ обществъ для своего мирнаго разрѣшенія, которое повидимому уже начинается, должно будетъ сохранить характеристическія черты обѣихъ партій, доказавъ на опытѣ безплодность попытокъ насильственныхъ преобразованій и возможность достиженія улучшеній въ союзѣ съ законными властями. Поэтому говорить о какомъ либо коренномъ или роковомъ разложеніи европейскихъ обществъ, какъ говорили объ этомъ прежніе славянофилы, по меньшей мѣрѣ, было бы и преждевременно, и неосновательно. Во всякомъ случаѣ, папская энциклика по рабочему вопросу въ тѣхъ пунктахъ своего ученія, въ которыхъ она выдвигается надъ обычными римско-католическими воззрѣніями и говоритъ во имя чистаго христіанства, стараясь быть безпристрастной, является выраженіемъ пастырской мудрости, глубокой скорби и искренняго благожеланія христіанскимъ народамъ. А это во всякомъ случаѣ показываетъ большой политическій умъ папы и вѣрное пониманіе современнаго положенія Европы. Справедливо также замѣчаютъ, что если бы лѣтъ двадцать тому назадъ въ папскомъ посланіи была прочитана фраза: «люди очень немногочисленные, но достаточные и даже очень богатые наложили почти рабское ярмо на безчисленную толпу пролетаріевъ»: то подобную фразу сочли бы социалистическою и самого папу причислили бы къ передовымъ социалистамъ. Теперь не то. Теперь сплошь и рядомъ можно встрѣчать подобныя выраженія въ папской энцикликѣ, и никто не возстаетъ противъ нихъ. Это знаменіе времени. И безъ сомнѣнія, рѣчь папы, облеченнаго на Западѣ священнымъ авторитетомъ среди католиковъ и занимающаго вы-

сокое положеніе вообще, не можетъ оставаться пренебреженною всѣми, имѣющими власть и заинтересованными рѣшеніемъ рабочаго вопроса. Вотъ уже пять лѣтъ наша настойчиво обращаетъ вниманіе на опасность, угрожающую еврпейскому обществу и на необходимость принятія нѣкоторыхъ мѣръ для улучшенія положенія рабочаго сословія. И рѣчь наша произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ; она возбудила движеніе въ католическомъ мірѣ и заставила правительства, какъ протестантскія, такъ и католическія обратить серьезное вниманіе на положеніе рабочихъ. Скажемъ даже больше. Римская церковь зорко слѣдитъ за развитіемъ рабочаго вопроса и принимаетъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи его. Пусть эта дѣятельность не отличается особеннымъ безкорыстіемъ; пусть въ ней не видно вполне проявленія чистой христіанской любви къ меньшимъ братьямъ; пусть здѣсь, подъ покровомъ приличныхъ фразъ и двумѣсленныхъ дѣйствій, скрываются лишь хлопоты о собственной власти и о возстановленіи своего средневѣковаго вліянія на жизнь еврпейскихъ народовъ. Тѣмъ не менѣе римская церковь первая пришла на помощь рабочимъ, первая стала собирать капиталы, образовывать католическіе союзы рабочихъ и во многихъ подобныхъ союзахъ вводитъ лучшій духъ, который побораешь и преодолеваетъ распространеніе атеистическихъ воззрѣній, ограничиваетъ пороки и поддерживаетъ справедливыя заявленія рабочихъ, какъ совѣтомъ, такъ и дѣломъ. Протестантскія церкви въ этомъ отношеніи стоятъ позади. Еще датскій епископъ Мартенсенъ замѣтилъ, что римская церковь въ этой своей дѣятельности несомнѣнно заслуживаетъ уваженія, хотя бы даже согласно съ своей природой и съ своими мѣстными преданіями она и вела между рабочими свою латинскую пропаганду. Среди протестантовъ нѣтъ такого оживленія и одушевленія, что главнымъ образомъ зависитъ отъ отсутствія среди протестантскихъ церквей единства, корпоративной независимости и матеріальныхъ средствъ, которыми обладаетъ римско-католическая церковь ¹⁾. Еще въ большей мѣрѣ это же самое надобно утверждать

1) «Христіанское ученіе о нравственности». 1890. Т. 11. стр. 605.

о католической церкви въ наше время. Послѣ обнародованія энциклики «De conditione orbis» католическое духовенство энергически начинаетъ вести формальную пропаганду въ пользу рабочихъ; не только въ провинціяхъ, но и въ столичныхъ городахъ стали появляться теперь духовныя лица, даже высокопоставленные, на сходкахъ рабочихъ и въ социалистическихъ собраніяхъ. Католическіе священники и монахи, хорошо знакомые съ ученіями и трудами социалистическихъ дѣятелей и писателей, принимаютъ живое участіе въ преніяхъ, смѣло пренирируютъ съ социалистическими ораторами антирелигіознаго направленія и систематически проводятъ идею, что социальный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только католическою церковью, что папа—лучшій другъ рабочихъ и что законныя требованія неимущихъ и обездоленныхъ несколько не расходятся съ ученіемъ католической церкви. Всегдашніе посѣтители этихъ собраній и сходовъ сначала съ недоумѣніемъ встрѣчали среди себя католическихъ священниковъ и монаховъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже враждебно; но мало по малу они начинаютъ уже свыкаться съ этимъ новымъ явленіемъ. Съ священниками и монахами начинаютъ спорить уже довольно сдержанно и почтительно; многіе внимаютъ ихъ рѣчамъ спокойно, не прерывая ораторовъ, а нѣкоторые даже съ явнымъ участіемъ и сочувствіемъ. Мало по малу то тамъ, то здѣсь начинаютъ возникать католическія ассоціаціи съ цѣлью улучшенія положенія рабочихъ и членами этихъ ассоціацій становятся лица высокопоставленные, ученые, литераторы и даже люди богатые. Католическая церковь такимъ образомъ вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ антихристіанскимъ социализмомъ. Все это безусловно заслуживаетъ одобренія. Все это показываетъ жизненность и энергію католическаго духовенства и дѣлаетъ ему честь, не смотря на ошибки, увлеченія и даже заблужденія многихъ членовъ его. И кто вѣруетъ въ живую силу христіанства, тотъ ни на минуту не станетъ сомнѣваться, что Божественный промыселъ самыя ошибки, заблужденія и увлеченія, столь обычныя въ римской церкви, можетъ обратить во благо народовъ.

Е. Истоминъ.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА и ФИЛОСОФІЯ.

(Продолженіе *).

Каждое отдѣльное лицо, каждый человѣкъ, по философіи Достоевскаго, есть прежде всего сынъ своего народа, плоть отъ плоти его. Поэтому для каждого нормальная нравственная жизнь возможна лишь въ тѣсномъ союзѣ съ жизнью цѣлаго народа. Но это положеніе Достоевскій, слѣдуя славянофильству, признавалъ безспорнымъ главнымъ образомъ въ отношеніи къ народу русскому. Исторія сдѣлала русскій народъ христіанскимъ по преимуществу; поэтому нравственный духъ составляетъ, можно сказать, существо этого народа. Понятно, что всякій, кто отрѣшается отъ народной жизни, тотъ неминуемо утрачиваетъ равновѣсіе нравственного духа; въ такомъ человѣкѣ неизбежно совершается процессъ разложенія нравственности, подобно тому какъ часть тѣла, отдѣленная отъ него, подвергается разложенію. Такой процессъ разложенія нравственного духа естественно представляется какъ процессъ *большевничья*. Символомъ и какъ бы нагляднымъ выраженіемъ отрѣшенности отъ основъ народной жизни представляется *удиненіе*, обитаніе въ темномъ углу, удаленномъ отъ живаго общенія съ людьми. Самый процессъ разложенія нормальной нравственной жизни состоитъ въ томъ, что, уединившись, человѣкъ дѣлается мечтателемъ, занимается только тѣмъ, что *думаетъ*, а потому живетъ жизнью фантастическою, либо сочиненною,

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1892 г., № 14.

а не дѣйствительною. Признаки нравственнаго, или иначе душевнаго, разстройства человѣка, оторваннаго отъ народной жизни, таковы: такъ какъ основное начало народной жизни—*любовь*, то отрѣшеніе отъ народной жизни выражается прежде всего въ раздражительности, мелочной обидчивости, особенно же въ ненависти. Раскольниковъ, по совершеніи преступленія, почувствовалъ ненависть къ наиболѣе близкимъ къ нему лицамъ—къ матери и сестрѣ. А возрожденіе нравственнаго духа у него началось съ того, что, почувствовавъ влеченіе къ Сонѣ Мармеладовой, которая казалась ему не менѣе его несчастной, хотя и другимъ образомъ,—прежде всего ей открылся въ томъ, что совершилъ злодѣяніе и тѣмъ самымъ возбудилъ въ ней симпатію и даже любовь къ себѣ какъ человѣку глубоко несчастный, а затѣмъ, по настоянію ея, повинился предъ людьми и объявилъ о своемъ преступленіи; наконецъ, уже на каторгѣ, куда послѣдовала за нимъ и Соня Мармеладова, возлюбившая его, любовь этой смиренной и глубоко преданной своему, добровольно избранному, жребію, женщины рѣшительно торжествуетъ надъ нравственнымъ педугомъ Раскольникова, и снова пріобщаетъ его къ жизни народной. „Какъ это случилось, онъ и самъ не зналъ, но вдругъ, что-то какъ бы подхватило его и какъ бы бросило къ ея ногамъ. Онъ плакалъ и обнималъ ея колѣни. Въ первое мгновеніе она ужасно испугалась, и все лицо ея помертвѣло. Она вскочила съ мѣста и, задрожавъ, смотрѣла на него. Но тотчасъ же, въ тотъ же мигъ она все поняла. Въ глазахъ ея засвѣтилось безконечное счастье; она поняла, и для нея уже не было сомнѣнія, что онъ любить, безконечно любить ее, и что настала же наконецъ эта минута... Они хотѣли было говорить, но не могли. Слезы стояли въ ихъ глазахъ. Они оба были блѣдны и худы; по въ этихъ больныхъ и блѣдныхъ лицахъ уже сіяла заря обновленнаго будущаго, полнаго воскресенія въ новую жизнь. Ихъ воскресила любовь; сердце одного заключало безконечные источники жизни для сердца другаго.—Они положили ждать и терпѣть. Имъ оставалось еще семь лѣтъ; а до тѣхъ поръ столько нестерпимой муки и столько безконечнаго счастья. Но онъ воскресъ, и онъ зналъ это, чувствовать вполне всѣмъ обновив-

нимся существомъ своимъ... Да и что такое эти всё, *всѣ* муки пропало! Все, даже преступленіе его, даже приговоръ и ссылка казались ему теперь, въ первомъ порывѣ, какимъ то вѣбнимъ страшнымъ, какъ бы даже и не съ нимъ случившимся фактомъ. Онъ, впрочемъ, не могъ въ этотъ вечеръ долго и постоянно о чемъ нибудь думать, сосредоточиться на чемъ нибудь мысляю; да онъ ничего бы и не развѣшилъ теперь сознательно; онъ только чувствовалъ. *Взвѣсно діалектики наступила жизнь*, и въ сознаніи должно было выработаться что-то совершенно другое". (См. копецъ романа Преступленіе и Наказаніе). Въ чемъ же именно состояло возрожденіе Раскольниковъ въ новую жизнь? Любовь, какъ *исключное* начало народной жизни, выражается въ религіозной идеѣ Бога. Богъ есть любовь. Отпаденіе отъ народной жизни должно быть вместе съ тѣмъ утратою религіозной вѣры; впаденіе въ невѣріе это другой важнѣйшій признакъ оторванности отъ народной жизни. „Да можетъ и Бога-то совѣмъ нѣтъ“, говоритъ Раскольниковъ Сонѣ. „Я не вѣрю въ будущую жизнь“, говоритъ онъ Свидригайлову (Ч. IV, гл. I и IV). „О молчите, молчите! вскрикнула Соня, всплеснувъ руками. Отъ Бога вы отошли, и васъ Богъ поразилъ, дьяволу предалъ“ (Ч. V, гл. IV). Понятно, что возрожденіе въ новую жизнь должно состоять въ восстановленіи утраченной религіозной вѣры. — „Подъ подушкой его лежало Евангеліе. Онъ взялъ его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, изъ которой она читала ему о воскресеніи Лазаря. Въ началѣ каторги онъ думалъ, что она замучитъ его религіей, будетъ заговаривать о Евангеліи и навязывать ему книги. Но къ величайшему его удивленію, она ни разу не заговаривала объ этомъ, ни разу даже не предложила ему Евангелія. Онъ самъ попросилъ его у ней незадолго до своей болѣзни, и она молча принесла ему книгу. До сихъ поръ онъ ея и не раскрывалъ. Онъ не раскрывалъ ея и теперь, но одна мысль промелькнула въ немъ: *разомъ могутъ ея убѣжденія не быть теперь и моими убѣжденіями?* Ея чувства, ея стремленія по крайней мѣрѣ...“

Все предъидущее ясно показываетъ, что Достоевскій представлялъ преступленіе какъ процессъ психическій, соверша-

ющійся въ душѣ преступника какъ бы роковымъ образомъ, помимо его воли. Да и какъ иначе это можетъ быть? Дѣло въ томъ, что каждый русскій человѣкъ необходимо долженъ имѣть въ себѣ общенародныя свойства, свойства народнаго духа. Свойства же эти таковы, что ими исключается возможность какого бы то ни было зла нравственнаго, возможность порока и преступленія. Слѣдовательно только искаженіе народныхъ свойствъ, разложеніе народнаго духа въ человѣкѣ, т. е. въ отдѣльномъ лицѣ, или даже въ отдѣльномъ классѣ, можетъ сдѣлать это лицо и этотъ классъ преступнымъ, порочнымъ. А искаженіе и разложеніе народнаго духа не слѣдуетъ ли представлять какъ процессъ болѣзненный, патологическій, совершающійся съ нѣкоторою необходимостію, какъ только дано условіе, отъ котораго зависитъ начало, возникновеніе такого процесса. Условіе это—оторванность отъ народной жизни; условіе это создано конечно историческими причинами. Итакъ, повторяемъ, преступленіе, порокъ—не свободное дѣйствіе, не произведеніе свободной воли, а процессъ патологическій, болѣзненный,—послѣдствіе душевнаго расстройства. Кто, въ самомъ дѣлѣ, способенъ добровольно посягнуть на „благообразіе“ и цѣльность внутренней своей личности, кто захочетъ исказить и разбить образъ своего духа? Само по себѣ такое намѣреніе было бы свидѣтельствомъ, что благообразіе духа утрачено; оно можетъ возникнуть лишь въ душѣ подвергшейся искаженію. Если бы однако это было такъ на самомъ дѣлѣ, еслибы точно преступленіе было скорѣе послѣдствіемъ душевнаго расстройства, чѣмъ злой воли, тогда злое дѣло не предпринималось бы съ такою тщательною и очевидно преднамѣленною и долговременною обдуманностію.—Придумывается цѣлая теорія для оправданія замыслимаго преступленія; ясно намѣчается цѣль для него,—цѣль долженствующая кореннымъ образомъ измѣнить всю послѣдующую жизнь виновника преступленія; человѣкъ, страдающій душевнымъ расстройствомъ, способенъ ли проявлять такую заботливость объ устроеніи своей будущности? Въ особенности же страннымъ представляется, что самъ Раскольниковъ смотритъ на совершеніе преступленія какъ на процессъ патологическій, какъ на болѣзнь, и однако это ему нисколько не мѣ-

шаетъ именно преступленіе избрать средствомъ для выхода изъ своего стѣсненнаго положенія, и также для того, чтобы испытать свою мощь. Гдѣ же видно, чтобы человѣкъ рассчитывалъ на болѣзнь, какъ на способъ поправленія своихъ обстоятельствъ; и потомъ, что значить этотъ страхъ, по совершеніи преступленія, какъ бы не обнаружилась его вина. Положимъ, что общепринятый взглядъ на преступленіе иной, несходный со взглядомъ самаго преступника, но что до того? тутъ-то и постоять было за истину; вѣдь Раскольниковъ всего болѣе прельщала мысль — выступить смѣло и рѣшительно съ новымъ словомъ. Или быть можетъ Раскольниковъ, послѣ своего злодѣянія, почувствовалъ раскаяніе и слѣдовательно созналъ свое заблужденіе? къ удивленію онъ и далѣе все продолжаетъ стоять на своемъ и ни малѣйшаго раскаянія у него не оказывается. Однимъ словомъ, если преступленіе есть явленіе душевной болѣзни, то ни предъидущая исторія преступленія (до совершенія его), ни послѣдующая его исторія въ романѣ Достоевскаго непонятна. „Сначала его занималъ одинъ вопросъ: почему такъ легко отыскиваются и выдаются почти всѣ преступленія и такъ явно обозначаются слѣды почти всѣхъ преступниковъ? Онъ пришелъ мало по малу къ многообразнымъ и любопытнымъ заключеніямъ, и по его мнѣнію главнѣйшая причина заключается не столько въ матеріальной невозможности скрыть преступленіе, какъ въ самомъ преступникѣ; самъ же преступникъ, и почти всякій, въ моментъ преступленія, подвергается какому-то упадку воли и разсудка, смѣняемыхъ напротивъ того дѣтскимъ феноменальнымъ легкомысліемъ, и именно въ тотъ моментъ, когда болѣе необходимы разсудокъ и осторожность. По убѣжденію его, выходило, что это затмѣніе разсудка и упадокъ воли охватываютъ человѣка подобно болѣзни, развиваются постепенно и доходятъ до высшаго своего момента незадолго до совершенія преступленія, продолжаютъ въ томъ же видѣ въ самый моментъ преступленія и еще нѣсколько времени послѣ него, судя по индивидууму; затѣмъ проходятъ такъ же, какъ проходитъ всякая болѣзнь... Дойдя до такихъ выводовъ, онъ рѣшилъ, что съ нимъ лично, въ его дѣлѣ, не можетъ быть подобныхъ болѣзненныхъ перево-

готовъ, что разсудокъ и воля останутся при немъ, неотъемлемо, во все время исполненія задуманнаго, единственно по той причинѣ; что задуманное имъ—„не преступленіе“. (Ч. 1, гл. VI). Нельзя не подивиться тому, что Раскольниковъ убійство не считаетъ преступленіемъ; что же можно назвать послѣ этого преступленіемъ? Не свидѣтельствуетъ ли такой странный взглядъ на свое дѣло о душевномъ разстройствѣ Раскольникова? А если такъ, то быть можетъ и все разсужденіе Раскольникова о преступленіи, какъ дѣйстви, сопровождаемомъ болѣзненнымъ состояніемъ преступника, есть только бредъ человѣка душевно больного? Но дѣло въ томъ, что самъ Достоевскій изображаетъ душевное состояніе Раскольникова именно такъ, *какъ оно и должно быть по понятіямъ Раскольникова о преступленіи*, слѣдовательно Достоевскій самъ признаетъ эти понятія вѣрными. „Послѣдній же день (предъ совершеніемъ преступленія), такъ нечаянно наступившій и все разомъ порѣшившій, подѣйствовалъ на него почти совѣмъ механически: *какъ будто его кто-то взялъ за руку и потянулъ за собой, неотразимо сильно, съ неестественною силою, безъ возраженій. Точно онъ попалъ ключкомъ одежды въ колесо машины, и его начало въ нее втягивать*“. (Тамъ же). Если же мы должны признать сужденія Раскольникова о преступленіи вѣрными, то не слѣдуетъ ли признать такъ же вѣрнымъ и то его мнѣніе о своемъ дѣлѣ, что оно не есть преступленіе? Вотъ какъ Раскольниковъ разъясняетъ Сонѣ свой взглядъ на содѣянное имъ злодѣяніе. „Я вотъ тебѣ сказалъ давеча, что въ университетѣ себя содержать не могъ. А знаешь ли ты, что я, можетъ, и могъ?... Да я *озмился* и не захотѣлъ. Именно *озмился*. Я тогда, какъ паукъ, къ себѣ въ уголъ забился. Ты вѣдь была въ моей канурѣ, видѣла... А знаешь ли, Соня, что низкіе потолки и тѣсныя комнаты душу и умъ тѣснятъ! О, какъ ненавидѣлъ я эту кануру! А все-таки выходить изъ нея не хотѣлъ. Нарочно не хотѣлъ! По суткамъ не выходилъ и работать не хотѣлъ, и даже ѣсть не хотѣлъ, все лежалъ... И все думалъ... Я тогда все себя спрашивалъ: зачѣмъ я такъ глупъ, что если другіе глупы, и коли я знаю ужъ на вѣрно, что они глупы, то самъ не хочу быть умнѣе? Потомъ я узналъ, Соня, что если ждать пока всѣ станутъ ум-

ными, то слишкомъ узкъ долго будетъ... Потомъ я еще узналъ, что никогда этого и не будетъ, что не переменяются люди, и не передѣлать ихъ никому, и труда не стоитъ терять! Да, это такъ! Это ихъ законъ... И я теперь знаю, Соня, что кто крѣпокъ и силенъ умомъ и духомъ, тотъ надъ ними и властелинъ! *Кто мною посмѣетъ, тотъ у нихъ и правъ.* Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣ! такъ доселѣ велось и такъ всегда будетъ. Только слѣпой не разглядить... Я догадался тогда, что власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ одно только: стоитъ только посмѣть. У меня тогда одна мысль выдумалась, въ первый разъ въ жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывалъ! Никто! Мнѣ вдругъ ясно, какъ солнце, представилось, что какъ же это ни единый до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелѣпости, взять просто за просто все за хвостъ и стряхнуть къ чорту! Я... я захотѣлъ *осмѣлиться* и убить... я только осмѣлиться захотѣлъ, Соня, вотъ вся причина... Не деньги нужны мнѣ были когда я убилъ... Мнѣ другое надо было узнать, другое толкало меня подъ руки: мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣй узнать, вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? смогу ли я переступить, или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять или нѣтъ? тварь ли дрожащая, или право имѣю... Я хотѣлъ тебѣ только одно доказать: что чортъ то меня тогда потащилъ, а ужъ послѣ того мнѣ объяснилъ, что не имѣлъ я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь какъ и всѣ. Насмѣялся онъ надо мной, вотъ я къ тебѣ и пришелъ теперь! Принимай гостя! Если бъ я не вошь былъ, то пришелъ ли бы я къ тебѣ?... Я себя убилъ, а не старушонку!—Ну, что теперь дѣлать, говори!—Что дѣлать? Поди сейчасъ, сію же минуту, стань на перекресткѣ, поклонись, поцѣлуй сначала землю, которую ты осквернилъ, а потомъ поклонись всему свѣту, на всѣ четыре стороны и скажи всѣмъ вслухъ: „я убилъ!“ Тогда Богъ опять тебѣ жизни пошлетъ...—Нѣтъ! не пойду я къ нимъ, Соня. Не будь ребенкомъ, Соня, тихо проговорилъ онъ:—Въ чемъ я виноватъ передъ ними? Зачѣмъ пойду? Что имъ скажу? Все это одинъ

только призракъ... Они сами миллионами людей изводятъ, да еще за добродѣтель почитаютъ. Плуты и подлецы они, Соня!... Не пойду. И что я скажу: что убилъ, а денегъ взять не посмѣлъ, подъ камень спряталъ? прибавилъ онъ съ ѣдкою усмѣшкой.—Такъ вѣдь они же надо мной сами смѣются будутъ, скажутъ: дуракъ, что не взялъ. Трусъ и дуракъ! Ничего, ничего не поймутъ они, Соня, и не достойны понять... Я можетъ на себя *еще* наклепалъ, мрачно замѣтилъ онъ, какъ бы въ задумчивости,—можетъ я *еще* человекъ, а не вошь, и поторопился себя осудить... Я еще поборюсь". (Ч. V, гл. IV).

Въ этомъ признаніи своемъ Раскольниковъ говорить, что *ему первому и никому больше* пришла въ голову мысль, посредствомъ убійства, испытать себя—точно ли онъ выше другихъ людей и можетъ позволить себѣ то, что для другихъ недозволительно, достать ли у него духа пренебречь преградою, которая большинствомъ людей признается непреодолимою, однимъ словомъ, почему бы человекъ не могъ стать выше закона, если только онъ чувствуетъ въ себѣ достаточно для того силы. Въ разговорѣ же съ Порфиріемъ, развивая въ сущности ту же самую мысль, онъ, какъ мы видѣли, говоритъ однако, что ничего новаго на самомъ дѣлѣ онъ не высказываетъ, что тоже самое тысячу разъ было напечатано и прочитано. Не показываетъ ли эта сбивчивость Раскольникова въ оцѣнкѣ своей идеи, что въ дѣйствительности онъ не владѣлъ ни разсудкомъ, ни волею, какъ онъ воображалъ о себѣ, что значить и его слѣдуетъ признать также психически больнымъ, каковымъ, по его же мнѣнію, долженъ быть всякій преступникъ; къ тому же заключенію приводитъ и то, что Раскольниковъ озлился, какъ самъ онъ характеризуетъ бывшее свое состояніе до преступленія, что, по словамъ его же, тѣсныя комнаты и низкіе потолки тѣснятъ умъ и душу. Не видно ли отсюда, и это собственно для насъ важно, что Достоевскій ничего иного не могъ видѣть въ Раскольниковѣ, какъ только душевно больного и таковымъ именно намѣревался его представить? Но такое заключеніе нельзя признать вѣрнымъ. Не только общія разсужденія Раскольникова о болѣзненномъ состояніи преступника, во время совершенія преступленія, Достоевскій очевидно самъ

раздѣляетъ, ибо взглядъ Раскольниковъ на преступленіе видимо отразился на изображеніи самаго Раскольника, т. е. взглядъ этотъ принадлежитъ въ сущности самому Достоевскому, но даже взглядъ Раскольника на собственное его преступленіе, какъ на дѣло совершенное имъ съ сохраненіемъ полной свободы воли и разсудка (почему Раскольниковъ и не считаетъ его за преступленіе, которое совершается всегда лишь въ болѣзненномъ состояніи), Достоевскій не считаетъ за выраженіе болѣзненнаго состоянія, т. е. простою иллюзіею психически больного человѣка. Что это такъ, видно изъ слѣдующаго. Въ романѣ *Подростокъ* читаемъ: „представь,—это говорить герою романа его отецъ Верзиловъ,—Петръ Ипполитовичъ (чиновникъ изъ тѣхъ, которые любятъ разсказывать анекдоты) вдругъ сей часъ сталъ тамъ увѣрять этого другаго рябаго постояльца, что въ англійскомъ парламентѣ, въ прошломъ столѣтіи, нарочно назначена была комиссія изъ юристовъ, чтобы разсмотрѣть весь процессъ Христа передъ первосвященникомъ и Пилатомъ единственно, чтобы узнать, какъ теперь это будетъ по нашимъ законамъ, и что все было произведено со всею торжественностью съ адвокатами—прокурорами и съ прочимъ... ну и что присяжные принуждены были вынести обвинительный приговоръ“... (Ч. II, гл. V, отд. III).

Это говоритъ человѣкъ не помѣшанный, а между тѣмъ мысль, выраженная этимъ анекдотомъ, та же, что высказывается Раскольниковымъ въ оправданіе своего преступленія, именно, что люди необыкновенные стоятъ выше законовъ обязательныхъ лишь для обыкновенныхъ смертныхъ; отсюда слѣдуетъ далѣе, что если смотрѣть на преступленіе Раскольника такъ, какъ самъ онъ на него смотрѣлъ, именно какъ на пробу сдѣланную имъ для того, чтобы узнать не есть ли онъ въ числѣ необыкновенныхъ людей, то въ такомъ случаѣ можно признать его правымъ въ томъ, что онъ отличаетъ себя отъ обыкновенныхъ преступниковъ, которые совершаютъ преступленіе не иначе какъ въ состояніи полнаго психическаго расстройства, тогда какъ Раскольниковъ свое преступное дѣло совершилъ съ полною свободою разсудка и воли. Конечно, убійство умышленное во всякомъ случаѣ есть тягчайшее преступленіе; но Рас-

кольниковъ рѣшили лишить жизни старуху, которую онъ считалъ какъ бы достойною кары за свое зловерное ремесло (простовщичество) ¹⁾. Притомъ же дѣло не въ убійствѣ; вмѣсто убійства могло быть иное преступленіе. Раскольниковъ смѣшалъ убійство съ обычнымъ преступленіемъ, состоящимъ въ нарушеніи установленнаго властью закона, который въ другое время можетъ быть и отмѣненъ. Наконецъ въ запискахъ изъ подполья мы читаемъ такое разсужденіе: „Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То есть, онъ хотъ и вовсе не глупъ, но ужъ за то неблагодаренъ такъ, что поискать другаго, такъ не найти. Вѣдь я, напримѣръ, нисколько не удивляюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія (когда, благодаря просвѣщенію и наукѣ, установится равновѣсіе интересовъ и всѣ будутъ благоденствовать), возникнетъ какой нибудь джентльменъ, съ неблагородной, или, лучше сказать, съ ретро-

¹⁾ Раскольникову, незадолго до совершеннаго имъ преступленія, случайно пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующаго разговора между лицами ему вовсе неизвѣстными: «нѣтъ, вотъ что и тебѣ скажу (слова студента офицеру). Я бы эту проклятую старуху убилъ и ограбилъ, и утѣрю тебя, что безъ великаго зазору совѣсти... Позволь, и тебѣ серьезный вопросъ задать хочу. Я сейчасъ, конечно, пошутилъ, но смотри: съ одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому ненужная, и напротивъ, всѣмъ вредная, которая сама не знаетъ для чего живетъ, и которая завтра же сама собой умретъ. Понимаешь? Понимаешь?—Ну, понимаю, отиѣчалъ офицеръ. Съ другой стороны, молодая свѣжій силы, пропадающій даромъ безъ поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастыри! Сотни, тысячи, можетъ быть, существованій направленныхъ на дорогу; десятки семействъ спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія... Убей ее и возьми ея деньги, съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощію посвятить потомъ себя на служеніе всему человѣчеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь: не загладится ли одно, крошечное преступленіе въ тысячами добрыхъ дѣлъ?.. Да и что значить на общихъ вѣсахъ жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не болѣе какъ жизнь вши, таракана, да и того не стоить, потому что старушонка предна. Она чужую жизнь заѣдаетъ... Конечно она недостойна жить, замѣтилъ офицеръ,—но нѣтъ тутъ природа.—Эхъ, братъ, да нѣтъ природу исправляютъ и направляютъ, а безъ этого пришлось бы потонуть въ предрассудкахъ. Безъ этого ни одного бы великаго человѣка не было...—Вотъ ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мнѣ: убьешь ты самъ старуху, или нѣтъ?—Разумѣется, нѣтъ! Я для справедливости...—А по моему, коль ты самъ не рѣшаешься, такъ нѣтъ тутъ никакой и справедливости». (Ч. I, гл. VI). Раскольниковъ, вѣроятно, подумалъ при этомъ, что для торжества справедливости нужна лишь смѣлость, на что не всякій однако способенъ.

градной и насмѣшливою фizioноміей, упреть руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного разу логой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логарифмы отправились къ чорту, и чтобы намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непременно послѣдователей найдеть: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, которой бы, кажется, и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любитъ дѣйствовать такъ, *какъ хотѣлъ*, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода, хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это ужъ моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотѣніе, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, фантазія, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествія, — вотъ это-то все и есть та самая пропущенная (въ теоріяхъ развивающихъ мысль, что человѣкъ потому только дѣлаетъ зло, что не знаетъ своихъ выгодъ, и что если бы разъяснить ему эти выгоды, тогда онъ не сталъ бы поступать дурно), самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи (общественнаго благоустройства) постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непременно вообразили они, что человѣку надо непременно благоразумно выгоднаго хотѣнія? Человѣку надо — одного только *самостоятельнаго хотѣнія, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела*. (Ч. 1-я, гл. VII). Не это ли самое, только иначе, говорить и Раскольниковъ? Напомнимъ его слова, которыя выше приведены. Ему страннымъ показалось, какъ это никто до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нечѣпости, взять просто все за хвостъ и стряхнуть къ чорту. Кто наиболѣе дорожить самостоятельностью хотѣнія и кто наиболѣе способенъ имѣть самостоятельное хотѣніе? По теоріи Раскольникова обыкновенные люди приучены къ послушанію; значитъ необыкновенные люди должны отличаться самостоятельною волею, они-то именно ни какъ не

могутъ сладить съ обычнымъ порядкомъ вещей. Но развѣ самостоятельная воля непременно должна проявить себя посредствомъ преступленія, а не иначе? Между прочимъ и этимъ способомъ. Порокъ и преступленіе, когда встрѣчаются у людей образованнаго класса, можно еще изъяснять оторванностію этихъ людей отъ народной жизни, такъ какъ послѣдствіемъ этой оторванности должно быть разложеніе нравственнаго духа, не всѣмъ, конечно, проявляемое въ одинаковой степени. Но какъ смотрѣть на преступленія, совершаемыя людьми изъ народа? Въ этомъ случаѣ взглядъ на происхожденіе преступленій долженъ быть очевидно иной. Люди съ натурою цѣльной, нетронутою тлетворнымъ вліяніемъ ложной цивилизаціи, способны къ сильнымъ всепоглощающимъ страстямъ. Такъ въ романѣ *Идіотъ*, купеческій сынъ Рогожинъ убиваетъ женщину, которую онъ страстно любилъ, единственно подъ вліяніемъ неудовлетворенной страсти. Страсть часто бываетъ причиною преступленій, совершаемыхъ людьми изъ простаго народа, но это причина не единственная, а главное—причина частная, неимѣющая общаго значенія. Должна быть причина, имѣющая столь же общее значеніе въ отношеніи цѣлаго народа, какъ оторванность отъ народной жизни служитъ такою общею причиною преступленій и пороковъ въ обществѣ образованномъ. Такою именно причиною Достоевскій признавалъ очевидно потребность самостоятельнаго хотѣнія; ибо что такое широта русской натуры, о чемъ Достоевскій нерѣдко упоминаетъ, какъ не разгулъ воли, стремящейся къ самостоятельности и потому неспособной умыститься въ узкихъ и тѣсныхъ рамкахъ обыденной дѣйствительности. Въ *Запискахъ изъ мертвцаго дома* Достоевскій приходитъ къ тому заключенію, что обитатели этого дома, вообще ссыльно-каторжные—люди все даровитые и быть можетъ наиболѣе даровитые изъ народа. А кто же и отличается широтою натуры, страстью къ самостоятельности и свободѣ, какъ не даровитые люди?

Одинокіе обитатели темныхъ угловъ, похожихъ на гробъ или шкафъ, раздраженные и озлобленные на весь свѣтъ, а всего болѣе на самихъ себя, вслѣдствіе грызущаго ихъ сознанія своего безсилія—это не единственный классъ людей, несущихъ на

себѣ кару за историческую вину разобщенности отъ народной жизни. Въ противоположность уединеннымъ мечтателямъ, которые только тѣмъ и занимаются, что все думаютъ и думаютъ, а сдѣлать что либо чувствуютъ себя не въ силахъ,—люди старшаго поколѣнія, поклонники и любители женской красоты—прожигаютъ жизнь, предаются до самозабвенія чувственнымъ наслажденіямъ, которыми они такъ дорожатъ, что всегда готовы для достиженія таковыхъ вѣсѣмъ пожертвовать и вѣсѣмъ пренебречь, что дорого и свято для людей обыкновенныхъ. Романическій культъ женской красоты, господствовавшій въ сороковыхъ годахъ, у послѣдователей этого культа выпродился въ необузданный циническій развратъ; вмѣсто ниллеровской заоблачной мечтательности мы видимъ безумный разгулъ животныхъ эгоистическихъ страстей. Представители этого направленія нравовъ преимущественно изъ высшей аристократической среды, выставленные въ романахъ Достоевскаго,—не что иное, какъ варіантіи на одну тему,—такъ же какъ и одинокіе мечтатели—всѣ представляютъ собою видоизмѣненіи одного общаго типа. Тѣ и другіе, взятые вмѣстѣ, составляютъ контрастъ: одни—люди неимущіе, угрюмые, заброшенные, погруженные въ себя, чуждаются общества. Другіе, напротивъ, занимаютъ видное положеніе въ обществѣ, располагаютъ всѣми средствами для открытой и разнообразной общественной жизни; одни—теоретики, незнающіе условій и потребностей жизни, которые поэтому сочиняютъ для себя жизнь, вмѣсто того, чтобы брать ее такою, какова она есть; другіе же—практики, презирающіе и осмѣивающіе всякія теоретическія измышленія мечтателей или философовъ и преслѣдующіе лишь одну цѣль—какъ бы воспользоваться отъ жизни вѣсѣмъ, что только она можетъ дать, ни чѣмъ не брезгать и заставить все служить себѣ. Есть однако родственная связь между тѣми и другими. Да и можетъ ли быть иначе: вѣдь представители той и другой категоріи болѣютъ однимъ недугомъ,—именно безпочвенностію. Хотя развратъ составляетъ особенную черту людей, наслаждающихся и довольныхъ собою, но не безвинны въ томъ же порокѣ и люди раздраженные, одинокіе мечтатели. „Дома я (говоритъ одинъ изъ такихъ мечтателей), во первыхъ всего больше читалъ. Хо-

тѣлось заглушить внѣшними ощущеніями все непрерывно внутри меня напивавшее. А изъ внѣшнихъ ощущеній было для меня въ возможности только одно чтеніе. Чтеніе, конечно, много помогало,—волновало, улаждало и мучило. Но по временамъ наскучало ужасно. Все таки хотѣлось двигаться и я вдругъ погружался въ темный, подземный, гадкій—не развратъ, а развратиска. Страстишки во мнѣ были острыя, жгучія отъ всегдашней, болѣзненной моей раздражительности“ и т. д. Записки изъ подполья (Ч. II, гл. 1-я). Съ другой стороны, и наслаждающіеся не чужды скептицизма, свойственнаго разраженнымъ, да онъ для нихъ и необходимъ; какъ бы возможно было для нихъ безъ оглядки погружаться въ бездну разврата, если бы они не подкрѣпляли себя сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Сомнѣніе, отрицаніе, невѣріе—это черты общія для всѣхъ безпочвенныхъ русскихъ людей; между тѣмъ какъ даже разбойники изъ простаго народа сохраняютъ свою вѣру и тѣмъ похваляются предъ людьми изъ образованнаго класса, не менѣе ихъ виновными въ злодѣяніяхъ ¹⁾).

Мы видѣли каковы, по изображенію Достоевскаго, тѣ мечтатели, которые отворачиваются отъ дѣйствительной жизни и потому живутъ жизнью сочиненною, фантастическою. Теперь посмотримъ на людей другой категоріи, на людей пользующихся жизнью. Вотъ каковы признанія одного изъ таковыхъ. „Знаете ли, говоритъ князь Валковский, что когда-то я изъ каприза даже былъ метафизикомъ и филантропомъ, и вращался чуть ли не въ такихъ идеяхъ какъ вы? Это впрочемъ было ужасно давно, въ золотые дни моей юности. Помню, я еще тогда приѣхалъ къ себѣ въ деревню съ гуманными цѣлями и разумѣется

¹⁾ Въ романѣ *Бѣсы* Ѳедька разбойникъ укоряетъ Петра Степановича, главнаго изъ анархистовъ, въ томъ, что онъ въ Бога не вѣруетъ. «И знаешь ли ты чего сталъ достоинъ уже тѣмъ однимъ пунктомъ, что въ самаго Бога, Творца истиннаго, пересталъ, по разврату своему, вѣровать? Все одно, что идолопоклонникъ и на одной линіи съ татаринѣмъ или мордой состоишь...—Ахъ, ты пьяная харя! Самъ образа обдѣраешь, да еще Бога проповѣдуешь! — Я видѣлъ, Петръ Степановичъ, гонорю тебѣ это вѣрно, что обдѣиралъ; но я только земьчугъ поспиналъ, и почему ты знаешь, можетъ и моя слеза предъ горнякомъ Всевышняго въ ту самую минуту преобразилась, за твою обиду мою, такъ какъ есть токъ въ токъ самый сей сирота, не имѣи насущнаго даже пристанища» (Ч. III, гл. IV, 111).

скучалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ; и вы не повѣрите, что тогда случилось со мной? Отъ скуки я началъ знакомиться съ хорошенькими дѣвочками... Да ужъ вы не гримасничаете ли? О, молодой мой другъ! да вѣдь мы теперь въ дружеской сходимъ. Когда жъ и покутить, когда жъ и распахнуться! Я вѣдь русская натура, неподдѣльная русская натура, патриотъ, люблю распахнуться, да и къ тому же надо ловить минуточку и наслаждаться жизнью. Умремъ и—что тамъ! Ну, такъ вотъ съ и влочился. Помню еще у одной пастушки былъ мужъ, красивый молодой мужичекъ. Я его больно наказалъ и въ солдаты хотѣлъ отдать (прошлые проказы, мой поэтъ), да и не отдалъ въ солдаты. Умеръ онъ у меня въ больницѣ... У меня вѣдь въ селѣ больница была на двѣнадцать кроватей,—великолѣпно устроенная, чистота, полы паркетные. Я впрочемъ ее давно ужъ уничтожилъ, а тогда гордился ею: филантропомъ былъ; ну, а мужичка чуть не засѣкъ за жену... Ну, что вы опять гримасу соорили? Вамъ отвратительно слушать? Возмущаетъ ваши благородныя чувства? Ну, ну успокойтесь! все это прошло. Это я сдѣлалъ, когда романтизировалъ, хотѣлъ быть благодѣтелемъ челоувѣчества, филантропическое общество основать... въ такую тогда колею попалъ. Тогда и сѣкъ. Теперь не высѣку; теперь надо гримасничать; теперь мы всѣ гримасничаемъ,—такое время пришло... Послушайте: любите вы женщинъ? А я люблю о нихъ говорить за ужиномъ... Вотъ что, мой поэтъ, хочу вамъ открыть одну тайну природы, которая кажется вамъ совсѣмъ неизвѣстна. Я увѣренъ, что вы меня называете въ эту минуту грѣшникомъ, можетъ быть даже подлецомъ, чудовищемъ разврата и порока. Но вотъ что я вамъ скажу, если бы только могло быть (чего впрочемъ, по челоувѣческой натурѣ, никогда быть не можетъ), если бы могло быть, чтобъ каждый изъ насъ описалъ всю свою подноготную, но такъ, чтобы не побоялся изложить не только то, что онъ боится сказать и ни за что не скажетъ людямъ, не только то, что онъ боится сказать своимъ лучшимъ друзьямъ, но даже и то, въ чемъ боится подѣ-часъ признаться самому себѣ,—то вѣдь на свѣтъ поднялся бы тогда такой смрадъ, что намъ бы всѣмъ надо было задохнуться. Вотъ почему, говоря въ скобкахъ, такъ хоро-

ни наши свѣтскія условія и приличія. Въ нихъ глубокая мысль — не скажу нравственная, но просто предохранительная, комфортная, что разумѣется еще лучше, потому что нравственность въ сущности тотъ же комфортъ, т. е. избрѣтена единственно для комфорта. Но объ этомъ послѣ. Заклучу же такъ: вы меня обвиняете въ пороки, развратѣ, безнравственности, а я можетъ быть только тѣмъ и виноватъ теперь, что *открываю* другихъ и больше ничего... Есть особое сладострастіе въ этомъ внезапномъ срывѣ маски, въ этомъ цинизмѣ, съ которымъ человѣкъ вдругъ высказывается предъ другимъ въ такомъ видѣ, что даже не удостоиваетъ и постыдиться передъ нимъ... Былъ я знакомъ, когда-то, съ одной барыней; была она не первой молодости, но красавица первостепенная... Она слыла холодной какъ крещенская зима и запугивала всѣхъ своею недостигаемою, своею грозною добродѣтелью. Не было во всемъ ея кругѣ такого не терпимаго судьи какъ она. Она карала не только пороки, но даже малѣйшую слабость... Молодые женщины трепетали ея взгляда и сужденія. И что жъ? Не было развратницы развратнѣе этой женщины, и я имѣлъ счастье заслужить вполнѣ ея довѣренность... Эта насмѣшка надъ всѣмъ, о чемъ графиня проповѣдывала въ обществѣ какъ о высокомъ, недоступномъ и ненарушимомъ, и наконецъ, этотъ внутренній, дьявольскій хохотъ и сознательное попираніе всего, чего нельзя попирать, — вотъ въ этомъ-то и заключалась самая яркая черта этого наслажденія, которому она втайнѣ предавалась. Да, это былъ самъ дьяволъ во плоти, но онъ былъ непобѣдимо очарователенъ... *Эта женщина понимала жизнь и умѣла ею воспользоваться*... Конечно я признаю, что самостоятельность можетъ явиться и совершенно въ противоположномъ, но будемъ говорить попросте, mon ami... согласитесь сами, вѣдь все это вздоръ... — Что же не вздоръ? — Не вздоръ — это личность, это я самъ... *Все для меня и весь міръ созданъ*... Послушайте, мой другъ, я еще вѣрую въ то, что на свѣтѣ можно хорошо пожить. А это самая лучшая вѣра, потому что безъ нея даже и худо-то жить нельзя: пришлось бы отравиться... Я уже давно освободилъ себя отъ всѣхъ путъ и даже обязанностей. Я считаю себя обязаннымъ только тогда, когда это

мнѣ принесетъ какую-нибудь пользу. Вы разумѣется не можете такъ смотрѣть на вещи... Вы толкуете по идеалу, по добродѣтелямъ... Но, другъ мой, я вѣдь самъ готовъ признавать все, что прикажете: но что же мнѣ дѣлать, если я навѣрно знаю, что въ основаніи человѣческихъ добродѣтелей лежитъ глубочайшій эгоизмъ. И чѣмъ добродѣтельнѣе дѣло, — тѣмъ болѣе тутъ эгоизма. *Люби самого себя, — вотъ одно правило, которое я признаю.* Жизнь — коммерческая сдѣлка; даромъ не бросайте денегъ, но пожалуй платите за угожденіе, и вы исполните всѣ свои обязанности къ ближнему, — вотъ моя нравственность, если ужъ вамъ непременно ее нужно, хотя признаюсь вамъ, по моему лучше и не платить своему ближнему, а *скупить заставить его платить даромъ.* Идеаловъ я не имѣю и не хочу имѣть; тоски по нимъ никогда не чувствовалъ. Въ свѣтѣ можно такъ весело, такъ мило прожить и безъ идеаловъ. Я люблю значеніе, чинъ, отель; огромную ставку въ карты. Но главное, главное женщины... и женщины во всѣхъ видахъ... Вы не смотрите на меня, что я дорожу предразсудками, держуся извѣстныхъ условій, добиваюсь значенія; вѣдь я вижу, что я живу въ обществѣ пустомъ: но въ немъ покажеть тепло, и я ему поддакиваю... Угрызеній совѣсти у меня никогда не было ни о чемъ. Я на все согласенъ, было бы мигъ хорошо, и насъ такихъ легіонъ“ ¹⁾.

Развратъ болѣею частію у Достоевскаго представляется чертою нравовъ высшаго образованнаго класса, имѣющаго всѣ средства для того чтобы, наслаждаться жизнью. Поэтому тѣ женщины изъ низшихъ классовъ, наиболѣе близкихъ къ народу, которыя ведутъ порочный образъ жизни, обыкновенно оказываются въ романахъ Достоевскаго вынужденными на такой образъ жизни нищетою, эгоизмомъ и деспотизмомъ ихъ родныхъ и опекуновъ. Сами же по себѣ эти жертвы общественнаго зла до того чувствуютъ себя пригнетенными и опозоренными ихъ горькою участью, что это чувство униженія и смиренія служитъ для нихъ какъ бы охралою влутренней ихъ личности

¹⁾ Униженные и оскорбленные. (Ч. III, гл. X.).

отъ растлѣнія и порчи, а вмѣстѣ съ тѣмъ невольно возбуждаетъ къ нимъ влеченіе въ постороннихъ людяхъ.

Такимъ образомъ, ищущіе въ жизни одного лишь наслажденія, жертвующіе ради этой цѣли и честью, и совѣстью, и достоинствомъ, по всей справедливости, должны считаться отщепенцами отъ своего народа совершенно ему чуждыми,—гораздо въ большей степени, чѣмъ уединенные обитатели угловъ. Ибо есть нѣкоторая черта, свойственная мечтателямъ, которую слѣдуетъ признать также присущею характеру народа, и нельзя поэтому сказать, что мечтатели вовсе ничего общаго не имѣютъ съ народомъ. Ихъ сближаетъ съ народомъ собственное имъ влеченіе къ смѣлымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ,—эта широта натуры, которая сказывается въ великодушномъ пренебреженіи всѣмъ мелочнымъ, узкимъ и одностороннимъ, въ отсутствіи сухаго и расчетливаго благоразумія, и въ готовности всѣмъ пожертвовать и на все пойти ради торжества излюбленной идеи. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы и у романтиковъ, ставящихъ себѣ конечною цѣлью—насладиться жизнью, было полное отсутствіе народныхъ свойствъ. Если не у всѣхъ, то по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ русскихъ людей изъ этой категоріи, мы замѣчаемъ неопредѣленную, но тѣмъ не менѣе мучительную тоску по чѣмъ-то высшемъ, всеобъемлющемъ, которая не дозволяетъ имъ оставаться въ томъ же положеніи, дѣлаетъ ихъ жизнь крайне тревожною, и выражается въ безцѣльномъ и безпредметномъ повидимому скитальчествѣ по разнымъ странамъ свѣта. Объ этомъ скитальчествѣ, какъ особой чертѣ русскаго дворянства, вотъ что говоритъ Верзиловъ—одно изъ главныхъ лицъ въ романѣ—*Подростокъ*. „У насъ созданъ вѣками какой-то еще нигдѣ невиданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ—типъ всемірнаго *большаго* за всѣхъ. Это—типъ русскій, но такъ какъ онъ взятъ въ высшемъ культурномъ слоѣ народа русскаго, то, стало быть, я имѣю честь принадлежать къ нему. Онъ хранитъ въ себѣ будущее Россіи. Насъ можетъ быть всего только тысяча человекъ,—но вся Россія жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу... Замѣть себѣ, другъ мой, странность: всякій французъ можетъ служить не только своей Франціи, но

даже и человечеству, единственно подъ тѣмъ лишь условіемъ, что останется наиболѣе французомъ, равно—англичанинъ и нѣмецъ. Одинъ лишь русскій, даже въ наше время, то есть, гораздо еще раньше, чѣмъ будетъ подведенъ всеобщій итогъ (когда окончательно опредѣлится судьба всѣхъ народовъ), получилъ уже способность становиться наиболѣе русскимъ, именно лишь тогда, когда онъ наиболѣе европеецъ. Это и есть самое существенное національное различіе наше отъ всѣхъ... Я во Франціи—французъ, съ нѣмцемъ—нѣмецъ, съ древнимъ грекомъ—грекъ и, тѣмъ самымъ, наиболѣе русскій. Тѣмъ самымъ я—настоящій русскій и наиболѣе служу для Россіи, ибо выставляю ея главную мысль. Я—піонеръ этой мысли... Пусть бы я и ничего не сдѣлалъ въ Европѣ, пусть я ѣхалъ только скитаться (да я и зналъ, что ѣду только скитаться), но довольно и того, что я ѣхалъ съ моею мыслью и съ моимъ сознаніемъ. Я повезъ туда мою русскую тоску... Русскому Европа такъ же драгоценна, какъ Россія... Европа такъ же была отечествомъ нашимъ, какъ и Россія. О, болѣе! Нельзя болѣе любить Россіи, чѣмъ люблю ее я, но я никогда не упрекалъ себя за то, что Венеція, Римъ, Парижъ, сокровища ихъ наукъ и искусствъ, вся исторія ихъ—мнѣ милѣй, чѣмъ Россія. О, русскимъ дороги эти старыя, чужіе камни, эти чудеса стараго Божьяго міра, эти осколки святыхъ чудесъ; и даже это намъ дороже, чѣмъ имъ самимъ! У нихъ теперь другія мысли и другія чувства, и они перестали дорожить старыми камнями... Тамъ консерваторъ всего только борется за существованіе; да и петролейщикъ лѣзетъ лишь изъ за права на кусокъ. *Одна Россія живетъ не для себя, а для мысли, и согласись, мой другъ, знаменательный фактъ, что вотъ уже почти столѣтіе, какъ Россія живетъ рѣшительно не для себя, а для одной лишь Европы! А имъ? О, имъ суждены страшныя муки прежде, чѣмъ достигнуть царствія Божія*" ¹⁾. Замѣчательно, что скитальче-

¹⁾ Подростокъ. (Ч. III, гл. VII, 111). «Я представляю себѣ, что бой уже кончился и борьба улеглась. Послѣ проклятій, комментъ грязи и свистковъ, настало затѣшное, и люди остались одни, какъ желали: великая прежняя идея оставила ихъ... Осиротѣвшіе люди тотчасъ же стали прижиматься другъ къ другу тѣснѣе и любовнѣе... Исчезла бы великая идея безсмертія, и приходилось бы замѣнять

ство, на которое указывается здѣсь, какъ на характерную черту высшаго образованнаго класса, есть въ сущности свойство народнаго духа, хотя повидимому именно эта черта наиболѣе служить выраженіемъ и послѣдствіемъ оторванности отъ народной жизни. Вѣдь и въ простомъ народѣ тоже есть склонность къ скитальчеству. „Вась, Макарь Ивановичъ, говоритъ докторъ, просто тоска беретъ, тоска по волюшкѣ, да по большой дорожкѣ—вотъ и вся болѣзнь; отвыкли по долгу на мѣстѣ жить. Вѣдь вы—такъ называемый страпникъ? Ну, а бродяжничество въ нашемъ народѣ почти обращается въ страсть. Это я не разъ замѣтилъ за народомъ. Нашъ народъ—бродяга по преимуществу“. Хотя на эти слова доктора герой романа (подростокъ) и возражаетъ, что бродяги „скорѣе мы съ вами, и всѣ, сколько здѣсь ни есть, а не этотъ старикъ, у котораго намъ съ вами еще поучиться, потому что у него есть твердое въ жизни, а у насъ, сколько насъ ни есть, ничего твердаго въ жизни“... Однако изъ характеристики Макара Ивановича

ее; и весь великій избытокъ прежней любви къ Тому, который и былъ Безсмертіе, обратился бы у всѣхъ на природу, на міръ, на людей, на всякую близину. Они возлюбили бы землю и жизнь неуждливо и въ той мѣрѣ, въ какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенною, уже не прежнюю любовью. Они стали бы замѣчать и открывали бы въ природѣ такіе явленія и тайны, какихъ и не предполагали прежде, ибо смотрѣли бы на природу новыми глазами, взглядомъ любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спѣшили бы цаловать другъ друга, торопись любить, сознавая, что дни коротки, что это все, что у нихъ остается. Они работали бы другъ на друга, и каждый отдавалъ бы немень все свое состояніе и тѣмъ однимъ былъ бы счастливъ. Каждый ребенокъ зналъ бы и чувствовать, что вселенная на землѣ ему какъ отецъ и мать. Пусть завтра послѣдній день мой, думалъ бы каждый, смотря на заходящее солнце; но все равно, я умру, за то останутся всѣ они, а послѣ нихъ дѣта ихъ,—и эта мысль что они останутся, все также любя и трепеща другъ за друга, замѣнила бы мысль о загробной встрѣчѣ... Милый мой, прервалъ онъ вдругъ съ улыбкой, все это фантазія, даже самая невѣроятная; но я слишкомъ ужъ часто представлялъ ее себѣ... Я не про міръ мою говорю: вѣра моя велика, и—деистъ, философскій деистъ, какъ вся наша тысяча... но замѣчательно, что я всегда кончалъ картину мою лѣднѣемъ, какъ у Гейне, «Христа на Балтійскомъ морѣ». Я не могъ обойтись безъ Него, не могъ не вообразить Его наконецъ, посреди ослѣпшихъ людей. Онъ приходилъ къ нимъ, простиралъ къ нимъ руки и говорилъ: Какъ могли вы забыть Его? И тутъ какъ бы пелена упала со всѣхъ глазъ и раздавался бы великій восторженный гамъ новаго и послѣдняго воскресенія... (Тамъ же Ч. III, гл. VII, 111).

вовсе не видно, что именно твердое есть у него; скорѣе можно придти къ противоположному заключенію на основаніи хотя бы слѣдующихъ его словъ: „трудно человѣку знать про всякій грѣхъ, что грѣшно, а что пѣтъ: тайна тутъ, превосходящая умъ человѣческій“; когда же его спросили, что называетъ онъ тайною, то вотъ какъ онъ выражается: „Тайна что? Все есть тайна, другъ, во всемъ тайна Божія. Въ каждомъ деревѣ, въ каждой былинкѣ эта самая тайна заключена. Птичка ли малая поетъ, али звѣзды всѣмъ сонмомъ на небѣ блещутъ въ ночи—все одна эта тайна, одинаковая. А всѣхъ большая тайна—въ томъ, что *душу человека ни толкъ святый ожидаетъ*“. „Науку съ измлада почиталъ, и хотъ самъ не смысленъ, но на то не ропщу: не мнѣ, такъ другому досталось... не всякому и наука въ прокъ. Всѣ то невоздержаны, всякій то хочеть всю вселенну удивить, а я то, можеть, и пуще всѣхъ, колибъ былъ искусенъ. А будучи теперъ весьма не искусенъ, какъ могу превозноситься, *когда самъ ничего не знаю*?“ Итакъ, что же имѣеть твердаго Макаръ Ивановичъ и чему можно у него научиться, когда самъ онъ ничего не знаетъ. И смиреніе свое Макаръ Ивановичъ отъ того производитъ, что ничего не знаетъ; не потому ли и тайну во всемъ видить, что не искусенъ и не обладаетъ научнымъ знаніемъ? ¹⁾ Впрочемъ и люди ученые, по признанію Макара Ивановича, не могутъ похвалиться полнымъ благополучіемъ, даже тѣ, которые вовсе не превозносятся своимъ знаніемъ. „Человѣкъ чистый и ума высокаго, говоритъ онъ объ одномъ изъ людей науки, и небезбожникъ онъ. Въ ѣмъ ума гущина, а сердце не спокойное. Таковыхъ людей очень много теперъ пошло изъ господскаго и изъ ученаго званія. И вотъ что еще скажу, самъ казнить себя человѣкъ. А ты ихъ обхо-

¹⁾ Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, по поводу словъ Макара Ивановича о томъ, что называетъ онъ тайною, подростокъ замѣчаетъ ему: «всѣ эти тайны давно открыты умомъ, а что еще не открыто, то будетъ открыто все, совершенно наверно и, можеть быть, въ самый короткій срокъ». И далѣе самъ Макаръ Ивановичъ говоритъ объ одномъ ученомъ, который, показывая ему микроскопъ, сказалъ такъ: «видишь каплю воды, какъ слеза чиста: ну, такъ посмотри, что въ ней есть, и увидяшь, что механики (sic) скоро всѣ тайны Божія размышутъ, ни одной намъ съ тобой не оставить—такъ и сказалъ это, запомнилъ и», добавляетъ Макаръ Ивановичъ.

ди и имъ не досаждай, а передъ ночнымъ сномъ ихъ поминай на молитвѣ, ибо *таковыя Бога ищутъ*“ (Ч. III, гл. II, 111; гл. I, 111). Человѣкъ изъ народа, твердый въ своихъ вѣрованіяхъ, можетъ ли сказать, что кто-либо ищетъ Бога? Это очень тонкое и недостаточно вразумительное выраженіе. Зачѣмъ Бога искать, когда Богъ вездѣ и близъ насъ есть? Сказано: ищите царствія Божія. Но это другое дѣло. Искать царствія Божія значитъ искать, домогаться правды, ибо не въ томъ ли правда, чтобы воля Божія царствовала. Но правды ищетъ человекъ, потому что мало ее находить въ дѣйствительности. Итакъ, Бога искать можетъ ли тотъ, для кого Богъ есть нечто иное какъ правда, справедливость, любовь, согласіе, т. е. для кого идея Бога имѣетъ точно такой смыслъ, какой ей придаетъ Достоевскій. Если русскіе люди ищутъ Бога, то это значитъ только, что они мечтаютъ о томъ времени, когда воцарится любовь и жаждутъ этого.

Изъ всего предыдущаго не очевидно ли, что оба класса людей, оторванныхъ отъ народной жизни, какъ бѣдствующіе мечтатели, такъ и наслаждающіеся всѣми благами романтики одинаково содержатъ въ себѣ черты показывающія, что связь ихъ съ народнымъ духомъ не совершенно разрушена, что тотъ же духъ, который живетъ въ народѣ, проявляется и въ нихъ болѣе или менѣе, что этотъ духъ заключается въ свойственной всѣмъ русскимъ людямъ жаднѣ общенія и любви со всѣми, въ предпочтеніи мирнаго сожитія всѣхъ между собою всякимъ инымъ благамъ; русскій человѣкъ имѣетъ отверзтую душу для всего что только способствуетъ воцаренію правды. Стремленіе ко взаимному общенію такъ велико въ русскомъ народѣ, что всѣ общественныя различія и неравенства теряютъ всякое значеніе въ глазахъ русскаго человѣка; въ каждомъ онъ готовъ видѣть прежде всего своего брата, и въ этомъ именно заключается существо русской религіозности. „Макаръ Ивановичъ! вскричалъ докторъ—безбожникъ я или нѣтъ?—Ты то безбожникъ? Нѣтъ ты—не безбожникъ, степенно отвѣчалъ старикъ, пристально посмотрѣвъ на него:—нѣтъ, слова Богу! ты человѣкъ веселый.—А кто веселый, тотъ ужъ небезбожникъ? пронически замѣтилъ докторъ.—Это въ своемъ родѣ—мысль, замѣтилъ Вер-

зиловъ, но совѣмъ не смѣясь.—Это сильная мысль! воскликнулъ я невольно, поразившись идеей. Докторъ же оглядывался вопросительно.—Ученыхъ людей этихъ, профессоровъ этихъ самыхъ, началъ Макаръ Ивановичъ, слегка потупившись:—я сначала, ухъ, боялся: не смѣлъ я предъ ними, ибо паче всего опасался безбожника. Душа во мнѣ, мысля, едина; ежели ее погублю, то сыскать другой не могу; ну, а потомъ ободрился. Что же, думаю, не боги же они, а такіе, какъ и мы, подобострастные намъ человѣки. Да и любопытство было большое: Узнаю, что, молъ, есть такое безбожіе? Только, другъ, потомъ и самое любопытство это прошло.—Безбожника—человѣка я, можетъ, и теперь побоюсь; только вотъ, что другъ Александръ Семеновичъ: безбожника то я совѣмъ не стрѣчалъ ни разу, а стрѣчалъ за мѣсто его суетливаго—вотъ какъ лучше объявить его надо. Всякіе это люди; и большіе и малые, и глупые и ученые, и даже изъ самаго простаго званія бываютъ, и все суета. Ибо читаютъ и толкуютъ весь свой вѣкъ, насытившись сладости книжной, а сами все въ недоумѣніи пребываютъ и ничего развѣшить не могутъ... Малый человѣкъ и нуждается, хлѣбца нѣтъ, ребятюкъ сохранить нечѣмъ, на вострой соломкѣ спать, а *все въ немъ сердце веселое, легкое*; и грѣшить и грубить, а *все сердце легкое*. А большой человѣкъ опивается, объѣдается, на золотой кучѣ сидитъ, а *все въ сердцѣ у него одна тоска*. Иной всѣ науки прошелъ—и все тоска. И мысля такъ, что чѣмъ больше ума прибываетъ, тѣмъ больше и скуки. Да и то взять: учать съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, а чему же они научали добруму, чтобы *міръ былъ самое прекрасное и веселое и всякой радости преисполненное жилище*“. (Ч. III, гл. II, 111).—А что, Левъ Николаевичъ, давно я хотѣлъ тебя спросить, вѣруешь ты въ Бога или нѣтъ? По поводу этого вопроса князь (идіотъ) говорить такъ: ...на счетъ вѣры я, на прошлой недѣлѣ, въ два дни четыре разныя встрѣчи имѣлъ. Утромъ ѣхалъ съ однимъ С—мъ. Я еще прежде о немъ много слыхивалъ, и между прочимъ какъ объ атеистѣ. Онъ человѣкъ дѣйствительно очень ученый, сверхъ того на рѣдкость хорошо воспитанный. Въ Бога онъ не вѣруетъ. Одно только меня поразило: что онъ вовсе какъ будто не про то говорилъ, во все время, и потому именно по-

разило, что и прежде, сколько я ни встрѣчался съ невѣрующими и сколько ни читалъ такихъ книгъ, все мнѣ казалось, что и говорятъ они, и въ книгахъ пишутъ со всѣмъ будто не про то, хотя съ виду и кажется, что про то... Вечеромъ я остановился въ уѣздной гостинницѣ переночевать, и въ ней только что одно убійство случилось... Два крестьянина, и въ лѣтахъ, и непьяны, и знавшіе уже давно другъ друга, пріятели, напились чаю и хотѣли вмѣстѣ, въ одной каморкѣ, ложиться спать. Но одинъ у другаго подглядѣлъ, въ послѣдніе два дня, часы серебряные... Этотъ человѣкъ былъ не воръ, былъ даже честный и, по крестьянскому быту, совсѣмъ небѣдный. Но ему до того понравились эти часы, и до того соблазнили его, что онъ наконецъ не выдержалъ: взялъ ножъ и, когда пріятель отвернулся, подошелъ къ нему осторожно сзади, намѣтился, возвелъ глаза къ небу, перекрестился, и проговоривъ про себя съ горькою молитвой: Господи, прости ради Христа! зарѣзалъ пріятеля съ одного раза... На утро я вышелъ по городу побродить,—вижу шатается по деревянному тротуару пьяный солдатъ. Подходить ко мнѣ: купи, баринъ, крестъ серебряный, всего за двугривенный отдаю; серебряный. Вижу въ рукѣ у него крестъ и, должно быть, только что снялъ съ себя, на голубой, крѣпко заношенной ленточкѣ, но только настоящій оловянный... я вынулъ двугривенный и отдалъ ему, а крестъ тутъ же на себя надѣлъ,—и по лицу его видно было, какъ онъ доволенъ, что надуль глупаго барина, и тотъ-часъ же отправился свой крестъ пропивать... Вотъ иду я и думаю: нѣтъ, этого христопродавца подожду еще осуждать. Богъ вѣдь знаетъ, что въ этихъ пьяныхъ и слабыхъ сердцахъ заключается... Чрезъ часъ, возвращаясь въ гостинницу, наткнулся на бабу съ груднымъ ребенкомъ... Ребенокъ ей и улыбнулся, по наблюденію ея, въ первый разъ отъ своего рожденія. Смотрю, она такъ набожно вдругъ перекрестилась. Что ты, говорю, молодка? Я вотъ, говорить: точно такъ какъ бываетъ материна радость, когда она первую отъ своего младенца улыбку запримѣтитъ, такая же точно бываетъ и у Бога радость, всякій разъ, когда Онъ съ неба завидитъ, что грѣшникъ предъ нимъ отъ всего своего сердца на молитву становится. Это мнѣ баба сказала,

почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно религіозную мысль, такую мысль, въ которой вся сущность христіанства разомъ выразилась, то есть, все понятіе о Богѣ, какъ о нашемъ родномъ отцѣ и о радости Бога на человѣка, какъ отца на свое родное дитя—главнѣйшая мысль Христова... Слушай, Паросень, ты давеча спросилъ меня, вотъ мой отвѣтъ: сущность религіознаго чувства ни подѣ какія разсужденія, ни подѣ какіе проступки и преступленія и не подѣ какіе атеизмы не подходитъ; тутъ что-то не то, и вѣчно будетъ не то... Но главное то, что всего яснѣе и скорѣе — *на русскомъ сердцѣ* это замѣтишь,—таково мое заключеніе". (Идіотъ, Ч. II, IV). Мысль здѣсь выраженная очевидно такова: какъ атеизмъ въ отношеніи теоретическомъ, такъ преступленіе въ отношеніи практическомъ только повидимому исключаютъ религіозную вѣру и несовмѣстимы съ ней; на самомъ же дѣлѣ атеизмъ есть заблужденіе ума, при которомъ сердце можетъ быть здраво и слѣдовательно сущности религіозной вѣры не касается, подобно тому какъ преступленіе есть временное заблужденіе сердца, при которомъ вѣра можетъ еще сохраняться, т. е. оставаться глубоко скрытою въ душѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ невольное обращеніе преступника къ Богу въ моментъ совершенія самаго преступленія. Какое отсюда получается понятіе о вѣрѣ религіозной? Она состоитъ въ чувствѣ родственной связи, кровнаго единства всѣхъ людей, у которыхъ одинъ Отецъ небесный, объемлющій всѣхъ своею любовію. Это чувство родства и братскаго единенія между людьми наиболѣе живо въ русскомъ народѣ; у другихъ же народовъ оно значительно ослаблено и даже заглушено многими историческими причинами, породившими ложное понятіе о братствѣ, главнымъ образомъ католичествомъ, которое заботу о хлѣбѣ насущномъ поставило выше всего ¹⁾. Означен-

¹⁾ «Католичество, говоритъ князь Мышкинъ, все равно, что вѣра не христіанская—это во первыхъ, а во вторыхъ, католичество римское даже хуже самаго атеизма!.. Атеизмъ только проповѣдуетъ пулю, а католицизмъ идетъ дальше: онъ искаженнаго Христа проповѣдуетъ, имъ же обогатившаго и поруганнаго, Христа противоположнаго! Онъ антихриста проповѣдуетъ... По моему римскій католицизмъ даже не вѣра, а рѣшительное продолженіе западной римской имперіи, и въ немъ все подчинено этой мысли, начиная съ вѣра»... (Идіотъ, ч. IV, гл. VII).

ное чувство временно помрачается и у русскихъ людей ложною западною цивилизаціею, но коль скоро образованные русскіе люди знакомятся непосредственно съ жизнью Запада, то заглухшее въ нихъ народное чувство вновь пробуждается съ новою силою, и тогда по справедливости они видятъ свое призваніе въ томъ, чтобы способствовать возбужденію и распространенію того же чувства и на Западѣ. Высшія формы быта и вообще плоды цивилизаціи прельщаютъ и приковываютъ къ себѣ духъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, но болѣе глубокое чувство, происходящее изъ духа народнаго, иное говоритъ имъ; оно имъ подсказываетъ, что все, чѣмъ Западъ гордится, одна лишь суета. Отсюда нѣкоторая двойственность замѣчается въ характерѣ просвѣщенныхъ русскихъ людей: трудно имъ совершенно слиться съ народомъ, а съ другой стороны, они не могутъ не чувствовать и хотя бы смутно не сознавать того, что идеалы западнаго человѣчества и весь строй тамошней жизни имъ совершенно чужды, не соразмѣрны съ ихъ духомъ, хотя и привычны для нихъ по ихъ воспитанію и образованію. Эта раздвоенность въ душѣ образованныхъ русскихъ людей, замѣченная Достоевскимъ, наглядно изображена имъ въ лицѣ Верзилова. „Знаете, говоритъ Верзиловъ въ своемъ семейномъ кругу, мнѣ кажется, что я весь точно раздваиваюсь... Право, мысленно раздваивалось и ужасно этого боюсь. Точно подлѣ васъ стоитъ вашъ двойникъ; вы сами умны и разумны, а тотъ непременно хочетъ сдѣлать подлѣ васъ какую нибудь бессмыслицу, и иногда превеселую вещь, и вдругъ вы замѣчаете, что это вы сами хотите сдѣлать эту веселую вещь, и Богъ знаетъ зачѣмъ, то есть, какъ-то не хотя хотите, сопротивляясь изъ всѣхъ силъ хотите. Я зналъ, однажды, одного доктора, который на похоронахъ своего отца, въ церкви, вдругъ засвисталъ. Право, я боялся придти сегодня на похороны (Макара Ивановича), потому что мнѣ съ чего-то пришло въ голову непремѣнное убѣжденіе, что я вдругъ засвищу или захохочу, какъ этотъ несчастный докторъ, который довольно не хорошо кончилъ... Знаешь, Соня, вотъ я взялъ опять образъ (который остался въ наслѣдство отъ Макара Ивановича), и знаешь, мнѣ ужасно хочется теперь, вотъ сію секунду, ударить его объ печку, объ этотъ

самый уголъ. Я увѣренъ, что онъ разомъ расколется на двѣ половины—ни больше, ни меньше... Соня, я вовсе не объ этомъ пришелъ говорить; я пришелъ что-то сообщить, но совсѣмъ другое. Прощай, Соня (незаконная жена Верзилова изъ его дворовыхъ дѣвокъ,—женщина кроткая и богобоязненная), я отправляюсь опять странствовать, какъ уже нѣсколько разъ отъ тебя отправлялся... Ну, конечно, когда нибудь приду къ тебѣ опять,—въ этомъ смыслѣ ты не минуема. Къ кому же мнѣ и придти, когда все кончится? Вѣрь, Соня, что я пришелъ къ тебѣ теперь, какъ къ ангелу... Не подумай, что съ тѣмъ, чтобъ разбить этотъ образъ, потому что, знаешь ли что, Соня, мнѣ все таки вѣдь хочется разбить... Вдругъ опъ съ послѣднимъ словомъ своимъ, стремительно вскочилъ, мгновенно выхватилъ образъ изъ рукъ Татьяны и, свирѣпо размахнувшись, изо всѣхъ силъ ударилъ его объ уголъ изразцовой печки. Образъ раскололся ровно на два куска... Не прими за аллегорію. Соня, я не послѣдство Макара разбилъ; я только такъ, чтобъ разбить... А все таки къ тебѣ вернусь, къ послѣднему ангелу! А впрочемъ, прими хоть и за аллегорію... (Подростокъ, ч. III, гл. X, 11). Достоевскій видимо много значенія придавалъ этой утверждаемой имъ раздвоенности въ душѣ образованныхъ русскихъ людей. Въ этомъ онъ усматривалъ главное послѣдствіе и выраженіе оторванности отъ народной жизни. Не здѣсь ли должно искать объясненія того, что Раскольниковъ, по изображенію Достоевскаго, хотя очевидно все время сохраняетъ свободу разсудка и воли, такъ что душевно больнымъ признать его никакъ нельзя, однакожъ совершаетъ преступленіе и рѣшается на такое дѣло какъ бы по влеченію нѣкоторой посторонней и непонятной для него силы... Но существуетъ ли подобная двойственность у людей вполне здоровыхъ и нормальныхъ, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ и такой степени, какъ изображается у Достоевскаго, или же въ самомъ дѣлѣ всѣ образованные русскіе люди представлялись Достоевскому душевно-больными, и не есть ли такой взглядъ на образованное общество неминуемый выводъ славянофильской теоріи объ этомъ предметѣ.

П. Липинскій.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ФИЛОСОФІИ.

(Продолженіе *).

Лейбницъ.—Готфридъ Вильгельмъ Лейбницъ родился въ Лейпцигѣ въ 1646 г. Рано лишившись отца, первоначальнымъ своимъ образованіемъ онъ былъ обязанъ главнымъ образомъ самому себѣ. Собственнымъ самообученіемъ онъ достигъ того, что 12 лѣтъ отъ роду онъ уже бѣло читалъ по-латыни и разбиралъ по-гречески. 15-ти лѣтъ онъ поступилъ въ университетъ въ своемъ родномъ городѣ—для изученія права, но вмѣстѣ съ тѣмъ занимался и философіей. Къ этому времени относится его знакомство съ сочиненіями Декарта, которые оказали на него сильное вліяніе. Послѣ двухлѣтняго университетскаго ученія, Лейбницъ въ 1663 г. получилъ степень доктора философій, а скоро послѣ того въ Нюрнбергскомъ университетѣ (въ Альтдорфѣ) получилъ степень доктора правъ. Отказавшись отъ профессорской кафедры, которую ему предлагали въ Альтдорфѣ, Лейбницъ съ тѣхъ поръ велъ многоподвижную жизнь, полную самой разнообразной дѣятельности, и достигъ блестящаго положенія и значенія. Большею частію онъ жилъ при разныхъ европейскихъ дворахъ, гдѣ исполнялъ самыя разнообразныя порученія и занятія. Лейбницъ былъ самымъ многообъемлющимъ умомъ, и всестороннимъ ученымъ и самобытнымъ мыслителемъ, и юристомъ и богословомъ, политикомъ и историкомъ, математикомъ и языковѣдомъ; всюду онъ вносилъ свои плодотворныя идеи и въ самыя разнообразныя отрасли зна-

* См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 12, 1892 г.

нія и жизни оказалъ большія услуги. Лейбницъ умеръ въ 1716 г., осыпанный при жизни своей многими почестями и титулами ¹⁾).

Самый главный пунктъ въ философіи Лейбница составляетъ теорія *монадъ*.

Монадологія Лейбница.—Философія Лейбница основывается на новомъ понятіи тѣла, а отсюда—на новомъ понятіи субстанціи. По ученію Лейбница, не въ протяженіи состоитъ сущность тѣла, какъ признавали это Декартъ и Спиноза; сущность тѣла есть сопротивленіе, слѣдовательно дѣятельность, потому что говорить о сопротивленіи—значитъ говорить о дѣятельности. Но дѣятельность есть выраженіе *силы*, поэтому сила и есть сущность тѣла, матеріи. Значитъ по сущности своей тѣло не есть что либо противоположное духу; какъ духъ, такъ и тѣло имѣютъ одинаковую сущность и эту сущность составляетъ сила; поэтому „сила и должна быть мыслима какъ субстанція, и субстанція можетъ быть мыслима только какъ сила“. Такъ какъ существо субстанціи составляетъ сила, то нельзя допускать, чтобы въ основаніи всего лежала одна субстанція. Всякая вещь обнаруживаетъ присутствіе въ себѣ силы. Нельзя допустить, чтобы одна и та же сила дѣйствовала въ различныхъ вещахъ, т. е. какъ бы дѣлилась между ними, ибо сила по существу своему есть нечто нематеріальное, непротяженное, а потому *недѣлимое, простое*. Поэтому, гдѣ замѣчается какое либо дѣйствіе, тамъ должно предполагать и особую дѣйствующую силу; но всякая вещь есть особый центръ дѣятельности, слѣдовательно, сколько есть вещей, столько же нужно признать и самостоятельныхъ, простыхъ, недѣлимыхъ силъ, или субстанцій, т. е. ихъ нужно признать безконечное множество. Эти безконечно многія субстанціи, составляющія основаніе всякой реальности, Лейбницъ называетъ *монадами* (*monades*—единица). Каждая монада, какъ сущность простая и недѣлимая, есть сущность особая, отличная отъ всѣхъ другихъ монадъ, *исключаю-*

1) Главнѣйшія сочиненія Лейбница, относящіяся къ философіи, суть: Монадологія, Теодицея, Начала природы и благодати, Новые опыты о человѣческомъ разумѣ, Новал система природы (все эти сочиненія написаны на французскомъ языкѣ). *Meditationes de cognitione, veritate et ideis.*

щая ихъ, а потому не сливающаяся съ другими монадами; какъ исключаящая все другое, каждая монада единственно въ себѣ самой имѣетъ основаніе своей дѣятельности, есть сущность совершенно замкнутая въ себѣ и недоступная для всякаго посторонняго вліянія, есть сила вполне *самодѣятельная*.—Поскольку монады исключаютъ другъ друга, онѣ непроницаемы, и эта непроницаемость ихъ составляетъ принципъ вещественности или матеріальности; именно, непрерывное дѣйствіе силы непроницаемости является какъ протяженіе, а вслѣдствіе этого монады являются какъ матеріальныя тѣла, такъ что то, что мы называемъ тѣломъ, есть только феноменъ, воспринимаемое чувствами проявленіе силы непроницаемости.—Какъ сущность самодѣятельная, монада обладаетъ двумя способностями: представленіемъ и стремленіемъ. Какъ сила вполне сомодѣятельная, каждая монада въ своей дѣятельности, въ своемъ развитіи выражаетъ то, что изначала дано въ ея внутреннемъ существѣ, значитъ она изначала содержитъ въ себѣ въ возможности или *идеально представляетъ* всѣ послѣдующія свои дѣйствія и состоянія, всѣ свои отношенія къ другимъ монадамъ, и ея развитіе должно быть мыслимо какъ переходъ отъ одного представленія къ другому; самый же переходъ этотъ совершается въ силу присущаго ей внутренняго побужденія или *стремленія*. Всѣ монады по природѣ своей одинаковы въ томъ отношеніи, что всѣ суть силы представляющія,—каждая монада прямо представляетъ только саму себя, свое собственное содержаніе, но въ себѣ и чрезъ себя представляетъ и всю совокупность вещей, поэтому каждая монада есть „микрокосмъ“, „зеркало вселенной“. Но въ тоже время каждая монада отлична отъ всѣхъ другихъ, такъ что нѣтъ двухъ монадъ тождественныхъ; различіе монадъ состоитъ въ томъ, что хотя всѣ монады отображаютъ въ себѣ вселенную, но всѣ отображаютъ ее различно—сообразно своему положенію въ ряду другихъ монадъ, и хотя всѣ монады имѣютъ представленія, но одніе изъ нихъ совсѣмъ не сознаютъ своихъ представлений, другіе хотя и сознаютъ ихъ, но смутно, третьи имѣютъ ясно сознаваемые представленія. Душа человѣческая есть монада, обладающая послѣдняго рода представленіями, она есть болѣе совершенное отображеніе вселенной и

вслѣдствіе этого она имѣть ясное и отчетливое познаніе о мірѣ.

Теорія предустановленной гармоніи.—Поскольку каждая монада отображаетъ вселенную различнымъ образомъ, вселенная представляетъ зрѣлище необыкновеннаго разнообразія; но такъ какъ всѣ монады отображаютъ одну и ту же вселенную, то при этомъ разнообразіи господствуетъ строгое единство. Единство въ разнообразіи есть гармонія, и она основывается на томъ, что существуетъ соотвѣтствіе между состояніями одной монады и состояніями другихъ монадъ. Соотвѣтствіе это не можетъ устанавливаться собственною самодѣятельностію монадъ, потому что онѣ, какъ сущности совершенно замкнутыя въ себѣ, не могутъ имѣть никакого прямого воздѣйствія другъ на друга,—монада души, напримѣръ, не можетъ дѣйствовать на монады тѣла и наоборотъ; поэтому соотвѣтствіе между монадами можно объяснить только тѣмъ, что оно первоначально—при самомъ созданіи міра *предустановлено* Богомъ. Въ силу предустановленной Богомъ гармоніи, напримѣръ, душа и тѣло такъ же необходимо согласуются между собою, какъ необходимо должны согласоваться двое часовъ, совершенно одинаково устроенныхъ и точно провѣренныхъ.

По Лейбницу, существованіе міра необходимо ведетъ къ признанію бытія Бога, какъ Творческой причины его. Безъ признанія Бога, существованіе міра не имѣло бы „достаточнаго основанія“. „Необходимо, говоритъ Лейбницъ, чтобы достаточное основаніе стояло внѣ ряда случайныхъ (условныхъ) вещей и заключалось въ бытіи необходимомъ, имѣющемъ въ самомъ себѣ основаніе своего существованія; иначе мы никогда не получимъ достаточнаго основанія. Это-то послѣднее основаніе сущаго и называется Богомъ“.

Оптимизмъ Лейбница.—Какъ произведеніе премудраго, всеблагаго и всемогущаго Бога, существующій міръ, по воззрѣнію Лейбница, долженъ быть лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ; ибо если бы былъ возможенъ міръ лучше того, который дѣйствительно существуетъ, то премудрость божественная его избрала бы, благодѣтельность божественная его восхотѣла бы, а всемогущество Божіе должно бы его создать. Чтобы оправдать

это оптимистическое воззрѣніе на міръ, Лейбницъ доказываетъ, что если въ мірѣ и существуетъ несовершенство, зло, то это необходимо и служитъ только условіемъ наилучшаго устройства міра въ его цѣломъ. По мнѣнію Лейбница, если стать на надлежащую точку зрѣнія, то нельзя не увидѣть, что всякое такъ называемое зло,—всѣ естественные недостатки (метафизическое зло), физическія бѣдствія (физическое зло), пороки (нравственное зло) суть не болѣе, какъ необходимыя тѣни въ картинѣ, необходимыя диссонансы въ музыкѣ, безъ которыхъ невозможно художественное созданіе. Это суть только средства и условія для добра, подобно тому какъ гроза служитъ средствомъ для очищенія воздуха; безъ существованія того, что намъ кажется какимъ-либо зломъ, сотворенныя силы не знали бы препятствій, безъ препятствій не было бы борьбы, а безъ борьбы не было бы и торжества побѣды; безъ борьбы со зломъ дѣйствія человѣка не имѣли бы никакого нравственнаго достоинства. Итакъ „все служитъ къ лучшему въ лучшемъ изъ возможныхъ міровъ“.

Изъ приверженцевъ и продолжателей философіи Лейбница болѣе значительное вліяніе на ходъ развитія философіи имѣлъ *Вольфъ*.

Вольфъ. Его значеніе въ философіи.—Христіанъ Вольфъ (род. въ Бреславлѣ въ 1679 г., занималъ профессорскую кафедру сначала въ Лейпцигѣ, потомъ въ Галле, потомъ въ Марбургѣ и, наконецъ, опять въ Галле, гдѣ и умеръ въ 1754 года) не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ; въ главныхъ своихъ взглядахъ онъ держался Лейбница, хотя нѣкоторыхъ наиболѣе смѣлыхъ его мыслей и не принялъ, а нѣкоторыя видоизмѣнилъ и преобразовалъ. — Такъ, что касается монадъ, то вмѣстѣ съ Лейбницомъ Вольфъ признаетъ ихъ за единичныя, недѣлимыя силы, лежація въ основаніи всего сущаго; соглашается и съ тѣмъ, что дѣятельность монадъ можетъ быть только внутренняя. Но онъ не признаетъ, что дѣятельность монадъ ограничивается только представленіемъ и что всѣ монады одарены этою дѣятельностію. Чтобы объяснить тѣлесное движеніе, онъ утверждаетъ, что дѣятельность монадъ можетъ быть различная и что въ основаніи тѣлеснаго нужно признать силы другого

рода, чѣмъ въ основаніи духовнаго бытія. Такимъ образомъ Вольфъ разрушаетъ основную идею Лейбницевою монадологіи о коренномъ единствѣ духовнаго и тѣлеснаго, души и тѣла и возвращается къ дуализму Декарта. Признавъ душу и тѣло различными субстанціями, Вольфъ тѣмъ самымъ разрушаетъ ту духовную связь, которая у Лейбница въ понятіи монады связывала порядокъ всѣхъ существъ. вмѣстѣ съ этимъ въ философіи Вольфа разрушается понятіе внутренней цѣлесообразности вещей; цѣль вещей поставляется не въ нихъ, а внѣ ихъ, за ними признается, собственно говоря, не цѣлесообразность, а только цѣлепригодность или полезность; такимъ образомъ внутренняя цѣлесообразность превращается во внѣшнюю и жизнь обращается въ машину.

Не смотря на недостатокъ оригинальности и самостоятельности философствованія, Вольфу принадлежитъ большая заслуга и въ области философіи. Его заслуга главнымъ образомъ заключается въ томъ, что онъ первый соединилъ все, относящееся къ области философскаго знанія, въ одно цѣлое и этому цѣлому сообщилъ строгую систематическую форму, точно разграничивъ всѣ отдѣльныя части философіи и всѣмъ частямъ указавъ опредѣленное мѣсто и опредѣленную задачу ¹⁾.

Въ самой разработкѣ своей обширной системы Вольфъ старался примѣнить строгій математическій методъ и дѣйствительно разработалъ ее съ самою добросовѣстною основательностію; этимъ свойствомъ своей философіи, какъ замѣчаетъ Кантъ, онъ пробудилъ въ Германіи угасшій было здѣсь духъ основательности. И Гегель называетъ Вольфа за его методичность учителемъ Германіи. Немаловажная заслуга Вольфа состоитъ и

¹⁾ Философію Вольфъ опредѣляетъ какъ науку о возможномъ, т. е. о томъ, что не заключаетъ въ себѣ противорѣчій, и соответственно двумъ главнымъ способностямъ человѣка—познавательной и дѣятельной (желательной) раздѣляетъ всю философію на теоретическую философію или *метафизику* и *практическую философію*; объемъ этихъ частей предпосылается логика. Метафизика въ свою очередь дѣлится на онтологію (наука о сущемъ вообще), космологію, психологію и рациональную теологію; практическая философія подраздѣляется на этику (наука о человѣкѣ, взятомъ отдѣльно), экономику (наука о человѣкѣ, какъ членѣ семейства) и политику (наука о человѣкѣ, какъ гражданинѣ).

въ томъ, что онъ „научилъ философію говорить и писать по нѣмцки“. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что философія Вольфа при своей основательности отличается удобопонятностію и ясностію, было причиною того, что эта философія скоро сдѣлалась популярною и приобрѣла широкое господство; нѣкоторое время она совершенно царила въ Германіи.

2. Эмпирическое направленіе въ новой философіи.

Баконъ.—Основателемъ эмпирическаго направленія въ новой философіи былъ Баконъ, который поэтому, на ряду съ Декартомъ, поставляется во главѣ новой философіи. Баконъ родился въ 1561 г., былъ при Іаковѣ I хранителемъ великой печати Англіи, потомъ сталъ великимъ канцлеромъ и барономъ Веруламскимъ, наконецъ виконтомъ Албанскимъ. Баконъ отличался истинною преданностію наукѣ, но какъ нравственный характеръ былъ не безъ значительныхъ слабостей, изъ которыхъ главными были честолюбіе и страсть къ роскоши. Умеръ въ 1626 г. Баконъ не создалъ какого-нибудь цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія; главной задачей его философскаго ученія было указаніе средствъ, которыя могутъ способствовать улучшенію состоянія человѣческихъ знаній, и его значеніе въ исторіи философіи главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что онъ привелъ во всеобщее сознаніе важное значеніе опыта и индукціи, какъ главнѣйшихъ орудій истинно-научнаго знанія¹⁾.

Ученіе Бакона о познаніи, о значеніи опыта и индукціи.—Сознавая всю неудовлетворенность состоянія знаній въ предшествовавшее ему время, Баконъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости полного преобразования науки, чтобы она не вращалась только въ безплодной діалектической игрѣ понятіями и въ пустыхъ словопреніяхъ, какъ было въ средніе вѣка, но чтобы служила къ пользѣ и величію человѣчества. Признавая главнымъ причинами неудовлетворительнаго состоянія науки въ средніе вѣка, съ одной стороны, рабское поклоненіе древ-

¹⁾ Главныя сочиненія Бакона суть: *De dignitate et augmentis scientiarum*, *Novum organum scientiarum*; эти сочиненія собственно суть части одного заманливаго Баконемъ обширнаго труда — подъ заглавіемъ *Instauratio magna*.

нимъ авторитетамъ, которые больше любили разсуждать о вещахъ, нежели изучать ихъ, и, съ другой стороны, пренебреженіе къ опыту, которое открывало широкій входъ въ науку невѣжественному суевѣрію и предразсудкамъ. Баконъ указываетъ, что улучшение состоянія человѣческихъ знаній возможно будетъ только тогда, когда познающій разумъ освободится отъ подчиненія всякимъ авторитетамъ, очиститъ себя отъ всѣхъ предвзятыхъ мнѣній и предразсудковъ и обратится къ непосредственному изученію природы. Поэтому преобразование науки, по мнѣнію Баконъ, главнымъ образомъ должно состоять въ томъ, чтобы опытъ поставленъ былъ единственнымъ основаніемъ всякаго научнаго знанія. Наука должна быть вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности, и „только та есть истинная философія, говоритъ Баконъ, которая вѣрнѣ всего передаетъ голосъ самого міра и написана какъ бы подъ диктовку міра, не прибавляетъ чего-нибудь своего, но только повторяетъ и отражаетъ“. А чтобы вѣрно воспринимать и истолковывать голосъ природы, нужно прежде всего устранить тѣ ложныя представленія, обманчивые образы, которые укоренились въ человѣческомъ умѣ, предъ которыми, какъ предъ *кумирами* (*idola*), опыты привыкъ преклоняться. Эти обманчивые образы бываютъ четырехъ родовъ: одни корепятся въ общихъ свойствахъ человѣческой природы (*idola tribus*), другіе вытекаютъ изъ индивидуальныхъ особенностей людей (*idola specus*), третьи имѣютъ свой источникъ въ общественныхъ отношеніяхъ (*idola fori*) и четвертые распространяются появляющимися различными ученіями (*idola theatri*). Освободившись отъ обманчивыхъ представленій, умъ долженъ обратиться всецѣло къ опыту. Путемъ опыта, т. е. наблюденій и экспериментовъ, нужно сначала собрать возможно большее количество фактовъ, а потомъ эти факты должны быть методически переработаны. Въ этомъ случаѣ должна найтись себѣ примѣненіе правильная индукція. Та индукція, которой училъ Аристотель (индукція „черезъ простое перечисленіе“), совсѣмъ недостаточна, она приводитъ къ ненадежнымъ выводамъ, которые могутъ потерять всякое значеніе отъ одного встрѣтившагося противорѣчащаго имъ факта. Чтобы посредствомъ индукціи можно было достигнуть вполне со-

стоятельныхъ выводовъ, для этого, во-первыхъ, нужно дѣлать индуктивное обобщеніе съ строгою постепенностію; отъ частнаго нельзя переходить сейчасъ же къ самому общему, но нужно постепенно, шагъ за шагомъ, восходить отъ менѣе общаго къ болѣе общему, пока не получится самыя общія положенія (аксіомы или законы). При этомъ, во вторыхъ, нужно устранивать все случайное и стараться доказать самую невозможность существованія такихъ фактовъ (отрицательныхъ инстанцій), которые могли бы противорѣчить выводамъ индукціи, такъ чтобы противъ этихъ выводовъ „уже нельзя было на демонстративныхъ основаніяхъ привести ни одного противорѣчающаго свидѣтельства, никакой отрицательной инстанціи“. Для этого въ индуктивномъ изслѣдованіи, прежде чѣмъ дѣлать какой нибудь выводъ, нужно стараться отыскивать отрицательныя инстанціи, идти имъ на встрѣчу. „Мы должны проходить черезъ отрицательныя условія къ положительнымъ, постоянно исключая случайное“. Полученные такимъ путемъ индуктивные выводы затѣмъ должны быть провѣрены опытами, и если эта провѣрка подтвердитъ ихъ, то тогда они должны быть признаны несомнѣнно достоверными, т. е. эти выводы будутъ выражать дѣйствительныя законы природы.—Такъ опытъ и правильная индукція, по мнѣнію Бакона, дадутъ человѣку возможность познать природу вещей, какова она есть въ дѣйствительности; а это познаніе должно расширить могущество человѣка надъ природой, ибо наука и могущество нераздѣльны: „мы столько можемъ, сколько знаемъ“.

Въ прямой связи съ ученіемъ Бакона стоитъ ученіе *Локка*, который въ духѣ эмпиризма старался изслѣдовать самое происхожденіе человѣческаго познанія и чрезъ то опредѣлить его границы и степень его объективнаго значенія.

Локкъ.—Джонъ Локкъ, соотечественникъ Бакона, родился въ 1632 г. Въ молодости онъ занимался преимущественно естествознаніемъ и медициной, но посвящалъ время и изученію философіи. Естественнo-научныя занятія раскрыли ему безжизненность схоластической философіи и, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе на то, что онъ явился рѣшительнымъ поборникомъ философскаго эмпиризма. Локкъ не избралъ себѣ какого нибудь

опредѣленнаго служебнаго поприща и предпочиталъ отдаваться свободной литературной дѣятельности. Умеръ въ 1704 г. Главнѣйшее сочиненіе Локка есть „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“. Въ этомъ сочиненіи и отрицательно,—посредствомъ критики ученія о врожденныхъ идеяхъ, и положительно Локкъ доказываетъ то основное положеніе, что все наше знаніе происходитъ изъ опыта.

Локкова критика ученія о врожденныхъ идеяхъ.—Такъ какъ во времена Локка господствовало ученіе, признававшее извѣстныя *прирожденные* души идеи, т. е. такія основоположенія, первоначальныя истины (теоретическія и практическія), которыя существуютъ въ душахъ раньше всякаго опыта, то Локкъ прежде всего подвергаетъ критику это ученіе. Защитники этого ученія какъ на доказательство природности извѣстныхъ идей указывали на ихъ всеобщность и первоначальность; Локкъ, наоборотъ, доказываетъ, что всѣ идеи, которыя выдаются за природныя, не могутъ быть признаны ни всеобщими, ни первоначальными. Что онѣ не первоначальны, это, по Локку, видно изъ того, что онѣ сознаются людьми не раньше другихъ идей, опытное происхожденіе которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; въ развитіи разума и познаніи, напротивъ, частныя наблюденія всегда предшествуютъ сознанію общихъ основоположеній и всякимъ общимъ истинамъ. Что такъ называемыя природныя идеи не всеобщы, т. е. принимаются не всѣми, это, по Локку, доказывается тѣмъ, что дѣти, идіоты, а также цѣлая масса людей безъ образованія не обнаруживаютъ никакого понятія о тѣхъ истинахъ (аксіомахъ) и принципахъ, которые обыкновенно считаются врожденными. Думать, что эти истины и принципы существуютъ (начертаны) въ разумѣ всѣхъ людей, но лишь не всѣми сознаются, значитъ допускать противорѣчіе,—„существовать въ разумѣ“ значитъ „быть въ сознаніи“, а потому говорить, что нѣчто есть въ разумѣ, но только это не сознается, все равно, что говорить, что нѣчто и есть и не есть въ разумѣ.—Вслѣдствіе всего этого Локкъ утверждаетъ, что въ душахъ нѣтъ ничего приржденнаго, что душа первоначально есть *tabula rasa*, *чистая бумага* (доска), на которой ровно ничего не написано. Откуда же и какъ на этой бумагѣ появляются письма?

Ученіе Локка о происхожденіи познанія, его границахъ и достовѣрности.—По ученію Локка, душа, будучи первоначально пустою, наполняется содержаніемъ только путемъ внѣшнихъ впечатлѣній и путемъ внутренняго наблюденія надъ тѣмъ, что происходитъ въ душѣ вслѣдствіе дѣйствія на нее внѣшнихъ предметовъ; такимъ образомъ источникомъ познанія Локкъ признаетъ двоякаго рода опытъ: внѣшній—*ощущеніе* и внутренній, который онъ называетъ *рефлексією*. Этими двумя путями непосредственно получаютъ „простыя“ идеи (представленія); всѣ онѣ даются намъ извнѣ и являются отраженіемъ отдѣльных разнообразныхъ качествъ предметовъ; при чемъ одинъ изъ простыхъ идей имѣютъ дѣйствительное сходство съ тѣмъ, что есть въ самихъ предметахъ (это идеи „первичныхъ“ качествъ, каковы: вещественность, фигура, движеніе), другія такого свойства не имѣютъ (это идеи „вторичныхъ“ или производныхъ качествъ предметовъ, каковы, напримѣръ, цвѣта, звуки). Простыя идеи составляютъ первоначальный матеріалъ познанія. Какъ изъ буквъ чрезъ соединеніе ихъ образуются слоги и слова, такъ изъ простыхъ идей разумъ собственно своею дѣятельностію образуетъ „сложныя“ идеи. И такъ какъ простыя идеи происходятъ изъ опыта, то и сложныя идеи, какъ образующіяся изъ простыхъ, имѣютъ, слѣдовательно, тотъ же источникъ. *Nihil est in intellectu, quod non antea fuerit in sensu*¹⁾. Все познаніе собственно состоитъ въ тѣхъ операціяхъ, какія разумъ производитъ надъ идеями, и главными умственными операціями здѣсь являются: сравненіе, соединеніе и отвлеченіе. Мы замѣчаемъ, что одинъ идеи находятся въ согласіи другъ съ другомъ, а другія—нѣтъ; наше познаніе и имѣетъ своимъ предметомъ усмотрѣніе связи и соответствія, или же несогласія и несоответствія нашихъ идей. Сравнивая, соединяя и отвлекая идеи, мы такимъ путемъ получаемъ всѣ наши общія и отвлеченныя понятія и развиваемъ всю систему нашихъ знаній. Отсюда очевидно, что въ нашемъ познаніи мы не выходимъ за предѣлы нашихъ идей, въ немъ мы имѣемъ дѣло только съ

¹⁾ Лейбницъ, опровергая Локкову теорію познанія, дополнилъ это положеніе Локка такъ: *nihil est in intellectu, quod non antea fuerit in sensu, nisi intellectus*.

идеями и никакъ не съ вещами. Всѣ наши общія понятія, всѣ идеи о сверхчувственномъ, какъ простые продукты нашего ума, нисколько не выражаютъ того, что принадлежитъ дѣйствительному существованію вещей. Образы общія понятія, нашъ разумъ дѣлаетъ не болѣе, какъ устанавливаетъ знаки, посредствомъ которыхъ онъ удобнѣе обозрѣваетъ безконечное разнообразіе представленій, а поэтому мы ничего не знаемъ о томъ, что такое обозначаемыя нашими понятіями вещи сами въ себѣ. Но это однако не значитъ, чтобы все въ нашемъ познаніи было призрачно и обманчиво, чтобы наше познаніе совсѣмъ было лишено свойства достовѣрности. Нужно различать двоякую достовѣрность: субъективную (или формальную), основывающуюся на согласіи нашихъ идей однѣхъ съ другими, и объективную (или реальную), состоящую въ согласіи нашихъ идей съ самою дѣйствительностію. Что касается субъективной достовѣрности, то она можетъ принадлежать нашему познанію—независимо отъ того, будетъ ли оно обладать объективною достовѣрностію или нѣтъ. Субъективною достовѣрностію и обладаютъ всѣ наши познанія, какъ скоро они представляютъ собою правильно составленныя положенія: такъ, напримѣръ, математическія положенія имѣютъ несомнѣнную силу, хотя въ дѣйствительности и нельзя найти чего либо соответствующаго имъ. Что касается объективной достовѣрности, то въ строгомъ смыслѣ она принадлежитъ только простымъ идеямъ и изъ нихъ собственно только тѣмъ, которыя соответствуютъ „первичнымъ“ качествамъ предметовъ. Но и всѣ сложныя идеи, *насколько* онѣ имѣютъ согласіе съ простыми идеями, должны быть признаны также объективно достовѣрными. Совсѣмъ не имѣютъ никакого соответствія съ содержаніемъ простыхъ идей образуемыя разумомъ понятія о субстанціяхъ (сущностяхъ). Въ этихъ понятіяхъ мы мыслимъ лишь нѣчто неизвѣстное, что должно существовать какъ носитель тѣхъ качествъ, которыя производятъ въ насъ простыя идеи. Но хотя всякая субстанція есть только умственный знакъ чего-то неизвѣстнаго, но все же этотъ знакъ обозначаетъ что-то, *что дѣйствительно существуетъ*, имѣетъ свой архетипъ (первообразъ) внѣ насъ, и въ этомъ смыслѣ субстанція имѣетъ объективную реальность. Такъ, мы не зна-

емъ, что такое душа, что такое Богъ, что такое внѣшній міръ по своему существу; но и душа, и Богъ, и внѣшній міръ несомнѣнно существуютъ. Наше собственное существованіе для насъ непосредственно очевидно. Въ существованіи Бога насъ убѣждаетъ то, что міръ долженъ имѣть своего Творца, такъ какъ изъ ничего ничего не можетъ сдѣлаться. Наконецъ, въ существованіи внѣшняго міра насъ убѣждаетъ то, что нашимъ простымъ идеямъ должны соответствовать внѣшнія реальности, такъ какъ нашъ умъ не въ состояніи образовать этихъ идей безъ содѣйствія чувственности.

Дальѣйшее развитіе Локкова эмпиризма представляетъ собою ученіе Юма.

Юмъ. Его ученіе о познаніи.—Давидъ Юмъ родился въ Эдинбургѣ въ 1711 г. Онъ извѣстенъ не только какъ философъ, но и какъ историкъ и какъ государственный человѣкъ. Умеръ въ 1776 г. ¹⁾ Въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ Юмъ прямо примыкаетъ къ воззрѣніямъ Локка на происхожденіе всѣхъ нашихъ познаній изъ опыта. Подобно Локку, Юмъ утверждаетъ, что содержаніе нашего знанія всецѣло занимаетъ или изъ внѣшнихъ чувствъ, или изъ внутренняго чувства; дѣятельность души въ познаніи состоитъ только въ разборѣ и соединеніи того матеріала, который получается этимъ путемъ. Порядокъ и связь, какіе существуютъ между нашими идеями, предполагаютъ особыя начала, по которымъ эти идеи группируются, и эти начала суть: *сходство, смежность* (въ пространствѣ и во времени) и *начало причинности*. Юмъ старается доказать, что эти начала, управляя соединеніемъ нашихъ идей, не выражаютъ никакого дѣйствительнаго необходимаго отношенія, которое бы принадлежало природѣ самыхъ вещей. Такъ, по началу сродства у насъ образуются общія или родовыя понятія. Нельзя думать, что эти понятія выражаютъ что реальное. Дѣйствительно существуютъ только отдѣльные предметы, а общія понятія не болѣе, какъ фикціи; они возникаютъ просто потому,

¹⁾ Главный философскій трудъ Юма есть «Исслѣдованіе о человѣческомъ разсудкѣ»; Юму принадлежатъ также: Исслѣдованіе о началахъ нравственности, Естественная исторія религіи, Исторія Англіи и другія сочиненія.

что мы привыкаемъ представлять себѣ сходныя идеи въ ихъ соединеніи и называть ихъ однимъ именемъ.—По началу смежности мы соединяемъ вмѣстѣ идеи отдѣльныхъ качествъ, которыя воспринимаются нами совместно существующими, и представляемъ, что въ самыхъ вещахъ есть нѣчто такое, что связываетъ и объединяетъ эти качества; это нѣчто мы мыслимъ какъ сущность или субстанцію. Но такъ какъ понятіе субстанціи нельзя свести на чувственное впечатлѣніе, то очевидно, что въ дѣйствительности ему ничего не соответствуетъ. Въ этомъ понятіи мы обманчиво принимаемъ за существующее вѣкъ насъ то, что на самомъ дѣлѣ есть только простая ассоціація нашихъ идей, и этотъ обманъ происходитъ оттого, что, вслѣдствіе многократнаго наблюденія извѣстныхъ качествъ совместно существующими, у насъ образуется привычка представлять эти качества какъ постоянно пребывающее нераздѣльное цѣлое. Поэтому Юмъ отвергаетъ существованіе всякихъ субстанцій, какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ.—Но болѣе всего Юмъ останавливается на изслѣдованіи начала причинности. Для науки понятіе причины несомнѣнно есть самое важнѣйшее, такъ какъ на немъ основывается всякое познаніе связи вещей. Спрашивается, какъ возникаетъ это понятіе? Несомнѣнно, что до понятія о причинномъ отношеніи вещей нашъ разумъ не могъ дойти *a priori*; познаніе *a priori* можетъ доходить только до чего-нибудь тождественнаго, но дѣйствіе и причина суть совершенно различныя вещи, и потому никакое самое тщательное размышленіе не можетъ открыть въ причинѣ ея дѣйствія. Нельзя также признать и того, что о причинномъ отношеніи вещей мы узнаемъ изъ опыта—внѣшняго или внутренняго. Внѣшній опытъ представляетъ намъ только непрерывную смѣну фактовъ и больше ничего,—онъ не даетъ намъ никакого указанія на то, что факты связаны между собою какимъ-либо внутреннимъ отношеніемъ. Точно также и наблюденія надъ нашею собственною душевною жизнью открываютъ намъ только одну послѣдовательность явленій, но нисколько не указываютъ намъ на причинное отношеніе между ними. Правда, мы думаемъ обыкновенно, что наша воля служитъ причиною нашихъ дѣйствій, и мы ежеминутно чувствуемъ, что

наши дѣйствія повинуются велѣніямъ воли, но при всемъ томъ связь воли съ нашими дѣйствіями остается для насъ все таки совершенно неизвѣстной,—мы ничего не знаемъ о томъ, какъ именно, чрезъ какія средства вліяніе воли осуществляется въ нашихъ дѣйствіяхъ. Итакъ ни а priori, ни въ опытѣ намъ не дается причинное отношеніе вещей. Какъ-же возникаетъ у насъ понятіе о причинѣ? Оно, по мнѣнію Юма, возникаетъ у насъ вслѣдствіе нашей привычки видѣть извѣстныя явленія постоянно связанными во времени. Эта связь явленій, которая открывается въ опытѣ, приучаетъ наше воображеніе переходить отъ явленія предшествующаго къ слѣдующему за нимъ и представлять, что послѣдующее явленіе постоянно и всегда *должно* слѣдовать изъ предшествующаго. Итакъ въ дѣйствительности существуетъ между вещами только отношеніе послѣдовательности, но мы сами произвольно превращаемъ это отношеніе въ причинную связь и образуемъ понятіе причинности. Это понятіе, слѣдовательно, не имѣетъ никакого объективнаго значенія.

Скептическій выводъ Юма.—Если всемъ нашимъ общимъ (родовымъ) понятіямъ, а также понятіямъ субстанціи и причинности не соответствуетъ никакая объективная реальность, то отсюда прямымъ выводомъ является то, что наука, ставящая своей задачей познаніе основъ и необходимой связи вещей, должна быть признана невозможной для человѣческаго разума. Мы должны ограничить наше познаніе единственно только тѣмъ, что дается въ опытѣ. Отъ эмпирически даннаго мы не имѣемъ права дѣлать заключенія къ трансцендентному (къ тому, что выходитъ за предѣлы опыта), какъ Богъ и безсмертіе души. Мы также не имѣемъ права утверждать, что существуютъ внѣшніе предметы и существуетъ душа, какъ субстанціи. Наше достовѣрное познаніе ограничивается только кругомъ тѣхъ идей, которымъ образуются у насъ изъ чувственныхъ воспріятій, и кромѣ сходства, сосуществованія и послѣдовательности нашихъ идей намъ ничего достовѣрно не извѣстно.

Эмпиризмъ, основанный въ Англіи Бакономъ и скоро сдѣлавшійся здѣсь господствующимъ направленіемъ, не былъ про-

веденъ здѣсь до своихъ крайнихъ послѣдствій; напротивъ, тѣ смѣлые, но далеко еще не крайніе выводы, къ которымъ, выходя изъ началъ эмпиризма, пришли частію Локкъ, а главнымъ образомъ Юмъ, скоро вызвали въ Англіи противодѣйствіе эмпирическому направленію. Это противодѣйствіе выразилось, съ одной стороны, въ появленіи идеализма (въ философіи Берклея) и съ другой стороны, въ возникновеніи философіи „здраваго смысла“ (философіи Шотландской школы).—Между тѣмъ, перенесенный на континентъ—во Францію, эмпиризмъ скоро доведенъ былъ здѣсь до самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ и перешелъ сначала въ крайній сенсуализмъ (Кондильяка), а потомъ въ матеріализмъ (французскаго просвѣщенія XVIII вѣка).

Противодѣйствіе эмпирическому направленію философіи въ Англіи.

Берклея.—Джорджъ Берклея родился въ Ирландіи въ 1685 г., былъ впослѣдствіи епископомъ Клейнскимъ. Это былъ безупречно нравственный человѣкъ по жизни, глубоко честный мыслитель и обладалъ самыми основательными познаніями не только въ богословіи и философіи, но и въ естественныхъ наукахъ. Умеръ въ 1753 г. ¹⁾. Главной задачей Берклея была борьба противъ матеріалистическаго направленія и потому, хотя онъ въ главныхъ основаніяхъ своей философіи прямо примыкаетъ къ эмпиризму Локка, но въ своихъ выводахъ существенно расходится съ Локкомъ и принимаетъ полемическое направленіе противъ него. Подобно Локку, Берклея отвергаетъ врожденныя идеи и признаетъ, что наше познаніе основывается на нашихъ ощущеніяхъ. Но тогда какъ Локкъ усволяетъ (какъ и обычное мнѣніе усвоетъ) ощущеніямъ объективное значеніе, признавая, что они являются въ насъ отраженіемъ реальной внѣшней дѣйствительности, Берклея утверждаетъ, что всѣ наши ощущенія суть нѣчто чисто субъективное. Относительно нѣкоторыхъ ощущеній уже Локкъ долженъ былъ признать, что они выражаютъ не то, что присуще вещамъ самимъ въ себѣ,

¹⁾ Изъ философскихъ сочиненій Берклея болѣе замѣчательны: Новая теорія зрѣнія, Начала человѣческаго познанія, Разговоры Гиласа съ Филоноусомъ.

а то, что принадлежит собственно только чувствующему субъекту (каковы, на примѣръ, ощущенія цвѣта, звука); но вмѣстѣ съ этимъ относительно другихъ ощущеній Локкъ допускалъ, что они выражаютъ дѣйствительныя („первичныя“) качества вещей (какъ, на примѣръ, ощущенія протяженія, движенія). Въ этомъ взглядѣ Локка Берклею видѣть непоследовательность и заблужденіе. По мнѣнію Берклея, при *всѣхъ* нашихъ ощущеніяхъ, безъ исключенія, мы не выходимъ, такъ сказать, изъ предѣловъ самихъ себя. Подобно тому, какъ цвѣтъ существуетъ только для видящаго и звукъ—только для слышащаго, такъ и *все* вообще, что мы воспринимаемъ въ какихъ бы то ни было ощущеніяхъ, существуетъ только для ощущающаго субъекта. Существовать значитъ воспринимать и быть воспринимаемымъ,—*esse est percipi*; что не бываетъ воспринимаемо, то и не существуетъ. Изъ соединенія отдѣльныхъ воспріятій нашею представляющею дѣятельностію образуются идеи предметовъ, и очевидно, эти идеи не суть отображенія какихъ либо отличныхъ отъ нихъ, существующихъ внѣ представляющаго духа предметовъ; наши идеи и суть самыя объективно существующіе предметы, такъ что кромѣ идей никакихъ отличныхъ отъ нихъ вѣдѣнныхъ предметовъ нѣтъ. По обычному мнѣнію, внѣ насъ существуетъ міръ матеріальныхъ вещей, которыя дѣйствуютъ на насъ и производятъ въ насъ представленія; но эта мысль не можетъ быть допущена. Матеріальные предметы, если бы они и дѣйствительно существовали, не могли бы быть возбудителями въ насъ представленій — уже потому, что матеріи свойственна страдательность, инерція; притомъ совѣмъ нельзя понять, какъ матеріальные предметы, будучи совершенно отличны отъ духа, могли бы дѣйствовать на него и производить въ немъ нѣчто совершенно противоположное имъ—идеи. Поэтому нужно совершенно отвергнуть мнѣніе о существованіи внѣ насъ матеріальнаго міра, какъ причины нашихъ представленій. Наши представленія, какъ нѣчто духовное, могутъ происходить только отъ духа. Но нашъ духъ не можетъ считаться причиною всѣхъ возникающихъ въ немъ идей,—мы ясно сознаемъ, что многія идеи являются въ насъ совершенно независимо отъ нашей воли. Поэтому мы должны допустить, что

идеи постоянно существуютъ въ Духѣ Бесконечномъ, Богѣ, „Который знаетъ и содержитъ всѣ вещи и предлагаетъ ихъ нашему взору такимъ способомъ и по такимъ правиламъ, какія Онъ Самъ установилъ и какія у насъ называются законами природы“. Итакъ, то, что мы называемъ вѣшними предметами, суть только идеи, которыя существуютъ въ Богѣ и которыя мы получаемъ отъ Него; что мы называемъ природой, есть только соединеніе и преемственное теченіе идей; что мы называемъ законами природы, есть только постоянный порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ идеи одна за другой.

Нельзя не видѣть, что ученіе Берклея имѣетъ большое сходство съ ученіемъ Мальбранша. Разница между этими мыслителями заключается только въ томъ, что по Мальбраншу идеи, созерцаемыя въ Богѣ, суть общія сущности вещей, которыя содержатся въ самой божественной субстанціи,—по Берклею—идеи суть сами объективно существующія вещи и суть произведеніе или феноменъ божественной воли и разума.

Шотландская школа.—Тогда какъ эмпиризмъ въ томъ его видѣ, какъ онъ выразился главнымъ образомъ въ ученіи Локка, напелъ себѣ противника въ лицѣ Берклея,—тѣ одностороннія ученія, какія выведены были изъ началъ эмпиризма Юмомъ и Берклеемъ, вызвали противодѣйствіе себѣ со стороны шотландскихъ философовъ, основавшихъ то направленіе въ философіи, которое извѣстно подъ именемъ „философіи здраваго (или общаго) смысла“. Во главѣ этихъ философовъ стоитъ Томасъ Ридъ (род. въ 1710 г., былъ профессоромъ сначала въ Эбердинской королевской коллегіи, а потомъ въ Глазговскомъ университетѣ, умеръ 1796 г.). Изъ послѣдователей направленія, проложеннаго Ридомъ, болѣе замѣчательны: Дюгальдъ *Стюартъ* (род. въ 1753 г., былъ профессоромъ нравственной философіи въ Эдинбургѣ, умеръ 1828 г.) и въ позднѣйшее время *Гамильтонъ* (род. 1788 г., былъ профессоромъ сначала исторіи, а потомъ логики и метафизики въ Эдинбургѣ, умеръ 1856 г.).

Главныя положенія философіи здраваго смысла.—Такія явно одностороннія ученія, какъ скептицизмъ Юма и имматериализмъ (т. е. ученіе, отрицающее существованіе всего матеріальнаго) Берклея, были лишь послѣдовательнымъ развитіемъ того основ-

наго положенія эмпиризма (Локка), что наша душа первоначально является безсодержательной и все свое содержаніе приобрѣтаетъ только путемъ опыта, — изъ внѣшняго и внутренняго воспріятія. Если же это положеніе эмпиризма ведетъ къ такимъ слѣдствіямъ, принятію которыхъ прямо противится здравый человѣческій смыслъ, то, очевидно, оно должно быть ложно, — значитъ не все содержащееся въ человѣческомъ духѣ можетъ быть выводимо изъ опыта; таково первое положеніе, къ которому приходитъ философія здраваго смысла. И именно, по ученію Рида и его послѣдователей, то, что мы называемъ здравымъ смысломъ человѣческимъ, содержитъ въ себѣ нѣчто такое, чего нельзя ставить въ зависимость отъ опыта, но что должно быть признано первоначальнымъ въ человѣческомъ духѣ, вытекающимъ изъ самой природы познающей дѣятельности разума. Человѣческому разуму на всѣхъ ступеняхъ его развитія, какъ онъ проявляется и у грубаго невѣжды, и у глубочайшаго мыслителя, присущи нѣкоторыя такія сужденія, которыя обладаютъ принудительною самоочевидностію, исключающею всякую возможность сомнѣнія; такія сужденія Ридъ называетъ аксіомами, первыми началами, самоочевидными истинами, началами здраваго человѣческаго разсудка. Путемъ анализа эти начала могутъ быть открыты во всякомъ отдѣльномъ случаѣ познанія, но сами не могутъ быть выведены ни изъ какихъ другихъ истинъ и всего менѣе могутъ быть выведены изъ опыта, потому что они служатъ условіями самого опыта; очевидно, эти начала должны считаться послѣдними основаніями знаній. Открыть эти начала и на нихъ обосновать все наше познаніе — вотъ, по мнѣнію Рида, истинная задача здравой философіи.

Такъ какъ истины, входящія въ составъ человѣческихъ знаній, бываютъ двухъ родовъ: истины случайныя, т. е. случайно приобрѣтаемыя и высказываемыя, и истины необходимыя, т. е. научно обосновываемыя, то изъ анализа этихъ двухъ родовъ истинъ открываются и два рода началъ или принциповъ достовернаго знанія: начала истинъ случайныхъ и начала истинъ необходимыхъ. Для истинъ случайныхъ Ридъ находитъ 12 началъ; къ нимъ относятся, напримѣръ: убѣжденіе, что фактъ

мышленія ручается за достовѣрность существованія мыслящаго субъекта,—убѣжденіе, что наши ощущенія указываютъ на дѣйствительно существующіе внѣшніе объекты,—убѣжденіе, что другія намъ подобныя существа суть созданія живыя и разумныя и т. п. Для необходимыхъ истинъ, которыя соотвѣтственно различнымъ наукамъ раздѣляются на математическія, грамматическія, логическія, эстетическія, этическія и метафизическія, также есть особыя начала, къ которымъ Ридъ относитъ математическія и логическія аксіомы, положеніе, что всякое дѣйствіе должно имѣть свою причину, убѣжденіе въ существованіи закона цѣлесообразности и др. Кромѣ этихъ теоретическихкихъ началъ душѣ нашей присущи и нѣкоторыя первоначальныя практическія основоположенія, къ которымъ относится, напримѣръ, то, что каждый отвѣчаетъ только за то, что находится въ его власти.

Установливая какъ фактъ первоначальное содержаніе здраваго человѣческаго разума, открывая присущія ему всеобщія начала познанія, Ридъ и его послѣдователи находятъ въ этомъ опору и оружіе противъ всякихъ крайнихъ философскихъ направленій и ученій. Прежде всего, опираясь на начала здраваго смысла, Ридъ и его послѣдователи устраняютъ основное положеніе эмпиризма (Локка), что душа первоначально есть *tabula rasa*,—они доказываютъ существованіе знаній, независимыхъ отъ опыта; затѣмъ, противъ имматеріализма Берклея они доказываютъ бытіе чувственного міра, противъ скептицизма Юма—познаваемость предметовъ сверхчувственныхъ (человѣческаго духа, Бога). Бытіе чувственного міра доказывается, по Риду, тѣмъ, что всякое ощущеніе сопровождается непосредственнымъ „внушеніемъ“ относительно существованія внѣ насъ предметовъ, къ которымъ мы относимъ ощущенія, какъ качества, такъ что чувства, по Риду, имѣютъ двойное назначеніе: они доставляютъ намъ различныя ощущенія и въ тоже время поселяютъ непреодолимую вѣру въ существованіе ощущаемыхъ предметовъ. Какъ внѣшнія ощущенія сопровождаются непреодолимымъ убѣжденіемъ въ существованіи внѣшнихъ вещей, такъ всѣ, безъ исключенія, явленія нашего сознанія сопровождаются неустранимымъ „внушеніемъ“ относительно существо-

ванія нашего собственнаго духа—какъ основы этихъ явленій, вслѣдствіе чего бытіе нашего собственнаго духа представляется намъ еще болѣе несомнѣннымъ, чѣмъ бытіе внѣшнихъ вещей. Наконецъ, бытіе Бога также является такой истиной, которая совершенно очевидна для человѣческаго здраваго разума, потому что безъ признанія этой истины не могутъ быть объяснены ни происхожденіе всего существующаго, ни порядокъ и цѣлесообразность міра, ни нравственная жизнь человечества.

Переходъ эмпиризма въ сенсуализмъ и матеріализмъ во Франціи.

Возникшій въ Англіи эмпиризмъ, перенесенный въ XVIII в. во Францію, нашелъ здѣсь самую благопріятную почву для того, чтобы дойти здѣсь до самыхъ крайнихъ предѣловъ своего развитія. Такъ, выходя изъ началъ эмпиризма, *Нондильякъ* кладетъ основаніе крайнему сенсуализму, а изъ сенсуализма выходитъ матеріализмъ, во второй половинѣ XVIII в. сдѣлавшійся господствующимъ направленіемъ французскаго просвѣщенія и свое главное выраженіе нашедшій въ ученіи *энциклопедистовъ*.

Кондильякъ. — Бонно де Кондильякъ родился въ Греноблѣ 1715 г. Родившись въ бѣдной семьѣ, онъ посвятилъ себя духовной профессіи и достигъ званія аббата. Своими сочиненіями онъ приобрѣлъ впослѣдствіи такую извѣстность, что сдѣланъ былъ членомъ французской академіи. Умеръ въ 1780 г. ¹⁾. Въ своихъ раннихъ сочиненіяхъ Кондильякъ почти во всемъ слѣдовалъ Локку, но потомъ онъ пошелъ дальше его, преобразовавъ Локковъ эмпиризмъ въ чистый сенсуализмъ. Дальнѣйшій шагъ, который сдѣлалъ Кондильякъ, состоялъ въ томъ, что два источника опытнаго познанія, какіе признавалъ Локкъ, а именно ощущеніе и рефлексію, онъ свелъ къ одному источнику—къ ощущенію. По Кондильяку, ощущеніе есть единственный источникъ, изъ котораго приобретается все содержаніе

¹⁾ Болѣе важныя сочиненія Кондильяка суть: Трактатъ объ ощущеніяхъ, Трактатъ о животныхъ, Логика.

нашей духовной жизни,—изъ котораго происходятъ не только всѣ наши познанія, но всѣ вообще отправления и способности души; всѣ вообще психическіе процессы должны быть разсматриваемы какъ только видоизмѣненные и преобразованныя впечатлѣнія ощущенія. Отсюда главная задача философіи Кондильяка заключается въ томъ, чтобы вывести и объяснить различныя психическія отправления изъ этого единственнаго источника—изъ ощущеній. Происхожденіе различныхъ умственныхъ процессовъ и способностей Кондильякъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Когда возбуждается какое-нибудь чувство и это возбужденіе сопровождается сознаніемъ, то получается простое *ощущеніе*. Когда въ одно и тоже время появляется множество ощущеній одинаковой или почти одинаковой силы, то въ это время душа является совершенно бездѣятельной, — разнообразіе впечатлѣній препятствуетъ какой бы то ни было работѣ ума. Но если дѣйствуетъ только какое-нибудь одно ощущеніе, а другія или совсѣмъ бездѣйствуютъ, или же бываютъ слабы, то душа возбуждается этимъ однимъ ощущеніемъ и оно такимъ образомъ становится *вниманіемъ*, такъ что вниманіе не есть какая-либо новая душевная дѣятельность, а есть не болѣе какъ ощущеніе, получившее въ сознаніи перевѣсъ надъ другими. Если послѣ одного ощущенія явится другое и это другое ощущеніе превзойдетъ первое своею силою, то оно въ свою очередь также станетъ вниманіемъ. Но при этомъ первое ощущеніе не исчезаетъ совершенно, слѣды его остаются въ нашей душѣ. Вслѣдствіе этого наша внимательность можетъ относиться какъ къ испытываемымъ (настоящимъ) ощущеніямъ, такъ и къ испытаннымъ прежде (прошедшимъ), и если она относится къ чему-либо прошедшему, то она является какъ воспоминаніе или *память*; слѣдовательно, память есть опять только преобразованное ощущеніе. Если вниманіе раздѣляется между двумя ощущеніями, то возникаетъ *сравненіе* ихъ, ибо быть внимательнымъ къ двумъ идеямъ—то же самое, что сравнивать ихъ. Но сравнивая ихъ, мы не можемъ не замѣчать сходства или различія между ними, а это значитъ *судить*. Двойное сужденіе, т. е. одно заключенное въ другомъ, есть *умозаключеніе*. Обращеніе вниманія на одинъ только какой-нибудь признакъ пред-

мета есть *абстрація*. Вниманіе, относящееся къ цѣлой ассоціаціи представленій, есть *воображеніе*. Такъ всѣ отправленія умственныхъ способностей для Кондильяка оказываются только преобразованіемъ ощущенія. Подобнымъ же образомъ Кондильякъ объясняетъ происхожденіе и другихъ способностей души—способностей чувствованій и желаній. Получая ощущенія, душа не остается безучастною къ нимъ, а возбуждается *чувствомъ* удовольствія или неудовольствія. Если душа воспоминаетъ о какомъ нибудь прошломъ ощущеніи удовольствія, то отсюда въ ней происходитъ *желаніе*. Когда извѣстное какое-нибудь желаніе становится особенно живымъ и сильнымъ, то оно переходитъ въ *страсть*. Если желаніе сопровождается сознаніемъ возможности и необходимости его удовлетворенія, то оно превращается въ *волю*. Такъ, по мнѣнію Кондильяка, ощущеніе является единственнымъ основаніемъ всѣхъ дѣятельностей въ области практической.

Такимъ образомъ разумъ и воля человѣка, по Кондильяку, есть только преобразованная чувственность; наше *я* есть только совокупность ощущеній, переживаемыхъ нами и вызываемыхъ нашею памятью. Но Кондильякъ не былъ матеріалистомъ; онъ не допускалъ, чтобы матерія могла ощущать, и признавалъ не матеріальную душу. Однако матеріалистическій выводъ легко вытекалъ изъ философіи Кондильяка и этотъ выводъ скоро и сдѣлать былъ энциклопедистами.

Н. Страховъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Августа

1892 года.

Содержаніе. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный комитетъ денежныхъ пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ отъ неурожаи (продолженіе).—Епархіальныя пзвіщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 25 іюля—5 августа 1892 г., за № 1874, протоіерей кладбищенской Ісаяно-Усѣкновенской въ г. Харьковѣ церкви, Георгій *Волобуевъ*, назначенъ сверхштатнымъ членомъ Харьковской духовной консисторіи.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Слѣдствія о запасномъ капиталѣ духовенства Харьковской епархіи за первую половину сего 1892 года.

Отъ прошлаго 1891 года къ 1-му числу января 1892 года оставалось: а) наличными деньгами 88 р. 45 к.; б) билетами 100 р.; в) въ долгу за Харьковскимъ Епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ 87,938 р. 37 к. Итого 88,126 р. 82 к.

Съ 1-го января по 1-е іюля сего 1892 года поступило на приходъ: а) личныхъ взносов отъ духовенства епархіи и 2% вычета съ рубля, полученнаго духовенствомъ епархіи жалованья и окладныхъ отъ не получающихъ жалованья 5,755 р. 17 к.; б) процентовъ отъ Правленія епархіальнаго свѣчнаго завода на капиталъ духовенства, находящійся въ его распоряженіи и числящійся за нимъ въ долгу 4,085 р. 29 к.; в) процентовъ, полученныхъ поне-

чительствомъ по купону билета I-го внутренняго займа съ выигрышами 2 р. 37 к. и г) записана на приходъ по счету долговъ сумма, переданная Правленію Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода, по постановленію XII Епархіальнаго съѣзда, утвержденному 6-го октября 1887 года, 9,585 р. 29 к. Итого 19,428 р. 12 к.

А всего съ остаточными отъ прошлаго 1891 года на приходѣ значится: а) наличными деньгами 9,931 р. 28 к.; б) билетами 100 р.; в) въ долгахъ 97,523 р. 66 к. Итого 107,554 р. 94 к.

Съ 1-го января по 1-е іюля сего 1892 года поступило въ расходъ: а) согласно постановленію XII Епархіальнаго съѣзда, передано Правленію Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода 9,585 р. 29 к.; б) употреблено на страхованіе билета I-го внутренняго съ выигрышами займа 90 к.; в) выдано жалованья секретарю и писмоводителю попечительства 160 р.; итого 9,746 р. 19 к.

Затѣмъ къ 1-му іюля сего 1892 года въ остаткѣ состоитъ: а) наличными деньгами 185 р. 9 к.; б) билетами 100 р. и в) въ долгу за Харьковскимъ Епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ 97,523 р. 66 к.; итого 97,808 р. 75 к.

Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный Комитетъ денежныхъ и нищевыхъ пожертвованій, съ 15 сентября 1891 г. по 1 января 1892 г., въ пользу соотечественниковъ, бѣдствующихъ отъ неурожая.

(Продолженіе *).

Декабрь: Черезъ благочиннаго 3 округа, Лебединскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Покровской, зашт. г. Недригайлова 6 р. 10 к., Митрофаніевской, зашт. г. Недригайлова 3 р., Николаевской, сл. Терновой 16 р., Покровской, сл. Терновой 5 р., Арх. Михайловской сл. Ольшаной 5 р., Сергіе-Антоніевской сл. Ольшаной 8 р., Преображенской, сл. Морозовки 7 р., Феодоро-Стратилатовой, сел. Тучнаго 5 р., Екатерининской, с. Анненскаго 58 р. 88 к., Маріи Магдалинской, с. Бобрікѣ 5 р., Николаевской, с. Деркачей 2 р. 4 к., Иверско Богородичной, с. Бѣжевки 88 р. 80 к., Іоанно Воинской, с. Толстаго 1 р. 71 к., Рожд. Богородицкой с. Нижне-Верхосулки 2 р., Варваровской, с. Вышн. Верхосулки 11 р. 50 к., Предтечевской, с. Шмаковки 1 р. 24 к., Покровской, с. Лудыковки 1 р. 30 к., Николаевской, с. Голубовки 2 р. 20 к., Николаевской, с. Будѣ 70 к., (всего чрезъ благочин-

*) См. ж. «ВѢРА И РАЗУМЪ», 1892 г., № 15.

наго 3 округа Лебед. уѣзда 230 руб. 47 к.,) Отъ Вознесенской, ц. сл. Крынаевъ, Зміевскаго уѣзда, кружечнаго сбора за ноябрь: 1 р. 17 к., отъ Р. Богородичной, сл. Лагерей, того же уѣзда, кружечнаго сбора за ноябрь 1 р. 25 к. Чрезъ благочинническій совѣтъ 2 округа, Лебединскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Преображенской, сл. Ворожбы 3 р. 89 к., Успенской, сл. Межерича 2 р. 10 к. Собранные причтамъ 5 р., Преображенской, сл. Межерича 2 р., Покровской, сл. Межерича 1 р. 20 к., Крестовоздвиженской, сл. Межерича 1 р. Георгіевской хут. Повленково 1 р. 32 к., Покровской, с. Гринцовки 75 к., Николаевской, с. Груни 8 р. 29 к., Ильинской, хут. Андреевки 50 к., Рожд. Богородичной, с. Михайловки 1 р. 50 к., Арх. Михайловской, с. Кургана 1 р. 10 к., Николаевской, сл. Червленной 1 р., Успенской, с. Пристайловъ 2 р. 72 к., Николаевской, с. Боброваго 2 р. 63 к., Троицкой, с. Василевки 1 р. 40 к., Покровской, с. Каменнаго пригородка 2 р. Чрезъ благочиннаго 1 округа Лебединскаго уѣзда кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Городскихъ церквей: г. Лебедин: Успенской 16 р., Трехсвятительской 3 р., Николаевской 1 р., Покровской, 11 р. 6 к., Троицкой 4 р. 53 к., Воскресенской 2 р., Георгіевской 2 р. 52 к., Вознесенской, 2 р. 68 к., Пятницкой, с. Бережекъ 20 к., Дмитріевской, с. Вишкни 2 р. 60 к., Пятницкой, с. Великаго Исторона 1 р. 40 к., Михайловской, с. Малаго Исторона 1 р. 50 к., Николаевской, с. Вуймера 4 р. 10 к., Предтечевской, с. Рябушекъ 4 р. 85 к., Николаевской, с. Мартиновки 2 р. 5 к., Знаменской, с. Протопоповки 1 р. 55 к., Преображенской, с. Алешки 1 р. 15 к., Покровской, с. Алешки 3 р., Воскресенской, Ясеневаго 1 р. 10 к., Троицкой, с. Должика 2 р., Казанской, с. Чулаховки 10 р. Николаевской, с. Влѣзокъ 53 к., Троицкой, с. Бобрика 45 к., Николаевской, с. Боровеньки 1 р., Р. Богородичной, с. Будылки 3 р. 74 к. Чрезъ благочиннаго 1 округа, Валковскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: церквей города Валокъ: Преображенской 5 р. 17 к., Рожд. Богородичной 4 р. 14 к., Благовѣщенской 3 р. 20 к., Успенской 30 75 к., Георгіевской 14 р. 97 к., Тихоновской, сл. Сидоренковой 80 к., Успенской, сл. Коломакъ 1 р., Захарьевской, сл. Кинтакузовой 12 к., Покровской с. Алексѣевки 2 р. 40 к., Богородичной, с. Ковяговъ 6 р., Покровской, с. Колениковъ 5 р., Николаевской сл. Коломакъ 6 р., Троицкой, с. Покровки 15 р., Богородичной, с. Дорофѣевки 52 к., Николаевской, с. Высокополя 3 р. 60 к., Предтечевской, с. Снѣж-

кова 58 к., Троицкой, с. Перекопа, Захарьевской, с. Левандаровой 3 р. 55 к. Чрезъ благочиннаго 1 округа, Ахтырскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Покровской, г. Ахтырки 36 р., Всѣхсвятской, сл. Котельвы 20 р., Преображенской, сл. Котельвы 13 р., Троицкой сл. Котельвы 5 р., Пятницкой сл. Бакировки 5 р., Николаевской сл. Котельвы 4 р. 15 к., Арх.-Михайловской ц., г. Ахтырки 4 р. 15 к., Покровской, слоб. Котельвы 3 р., Андреевской, сл. Млинковъ 3 руб., Трехъ-Святительской, сл. Лутницъ 4 руб., Георгіевской, г. ахтырки 2 р., Казанской, с. Деревовъ 2 руб. Собрано лично священникомъ Всѣхсвятской ц. сл. Котельвы Георгіемъ Гревизарскимъ 81 р. Чрезъ благочиннаго 4 округа, Изюмскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за октябрь и ноябрь мѣсяцы: Васильевской, села Сергѣевки 4 р. 11 к., Предтечевской, с. Знаменскаго 11 р. Собрано причтомъ сей церкви 14 р. 7 к., Арх.-Михаловской, с. Приволья 50 р., Николаевской, сл. Долгичной 6 р. 7 коп., Скорбященской, сл. Богородичной 3 р. 17 коп., Преображенской, сл. Вылбасовки 2 р., Вознесенской, сл. Никольской 62 к., Николаевской, с. Шабельковки 8 р., Варваровской, с. Райскаго 1 руб. Собрано отъ прихожанъ 6 р., Георгіевской, с. Голой Долины 1 руб. 50 коп., Васильевской, с. Прелестнаго собрало отъ разныхъ лицъ 28 р. 93 к., Дмитріевской, с. Золотого Колодезя 3 р., Предтечевской, с. Пашковки 53 к. Пожертвовано крестьянами деревни Гусаровки 6 р., Акелининской, с. Некременнаго 1 р. 74 к., пожертвовано приходскимъ священникомъ, псаломщикомъ и церковнымъ старостою 26 к., Рожд.-Богородичной, сл. Христинца 2 руб. Отъ землевладѣльца К. Ф. Фиштергутъ 10 руб., отъ вдовы полковника Е. О. Васильевой 3 р., отъ крестьянина З. А. Попова 3 р., отъ мѣщанина г. Изюма Я. Извѣкова 2 р. (всего чрезъ благочиннаго 4 округа Изюмскаго уѣзда 167 руб. 16 коп.) Чрезъ благочиннаго 1 округа, Изюмскаго уѣзда, кружечнаго сбора и пожертвованій отъ частныхъ лицъ, собранныхъ церквами сего округа за ноябрь: Преображенской, г. Изюма 35 р., Крестовоздвиженской, г. Изюма 12 р. 20 к., Вознесенской, сл. Песокъ 16 руб., Варваровской, с. Бани-тольска 85 коп., Николаевской, сл. Цареборисовой 4 р. 15 коп., І. Милостиваго, сл. Рубцовой 50 коп., Ильинской, с. Лозоватаго 2 руб., Ахт. Богородичной, сл. Бугаевки 40 коп., Троицкой, сл. Крючковъ 1 руб. 40 коп., Вознесенской, сл. Савинецъ 22 руб., Успенской, слоб. Савинецъ 2 руб., Всѣхсвятской, сл. Залиманья 4 руб., Троицкой, сл. Гусаровки 2 руб., Николаевской, сл. Воло-

бுவекн 1 р., Покровской, с. Чепеля 4 руб., Арх.-Михайловской, сл. Левковки 3 р., Николаевской, сл. Опѣваковки 1 руб. 50 коп., Троицкой, сл. Малой Комышевахи 2 р., Софїевской, с. Стратилатовки 3 р. Пожертвовано Старобѣльскимъ Скорбященскимъ общек. жек. мон. 35 р.; чрезъ благоч. 2 округа, Купинскаго у., собранные имъ самимъ въ приходѣ 107 р.; чрезъ него же собранные духовен. 2 округа, Купинскаго уѣзда, въ своихъ приходахъ 261 р. 55 к.; чрезъ благочиннаго 2 округа, Ахтырскаго уѣзда, кружечн. сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Рожд.-Богородичной, с. Каменки 1 р. 55 к., Николаевской, сл. Вѣлен 5 р. 23 к. Вознесенской, с. Каменецкаго 1 р., Митрофанѣевской, с. Полянаго 2 р. 18 к., Николаевской с. Семеренекъ 2 р. 6 к., Георгїевской, с. Дерезокъ 1 р. 10 к., Казанской, с. Никитовки 1 р., Арх.-Михайловской, с. Печикъ 3 руб., Рожд.-Богородичной, сл. Баромли 5 руб., Христорождественской, сл. Баромли 3 р., Троицкой, сл. Баромли, 1 р. 50 к., Кресто-Воздвиженской, сл. Баромли 3 р., Тихоновской, сл. Ницахи 1 р. 50 к., Васильевской, сл. Солдатскаго 50 к., Благотѣщенскаго, сл. Тростянца 15 руб. 35 коп., Арх.-Михайловской, с. Радомли 1 р. 3 к.; чрезъ благочиннаго 2 округа, Изюмскаго уѣзда, круж. сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Троицкой, с. Славянска 10 р., Воскресенской, г. Славянска 3 р., Всѣхсвятской, г. Славянска 5 р., Покровской, с. Бѣленькой 2 р., Николаевской, сл. Дробышевой 3 р., Троицкой, сл. Кривой Луки 50 к., Петро-Павловской, сл. Лимаць 3 р., Покровской, сл. Маякъ 1 р. 50 к., Вознесенской, сл. Никифоровки 2 руб., Николаевской, сл. Николаевки 1 р., Григорьевской, сл. Новоселовки 2 р., Александро-Шевской, сл. Рай-Александровки 2 р., Арх.-Михайловской, сл. Райгородка 2 руб., Покровской, с. Рѣждодуба 2 руб., Покровской, с. Семеновки 1 р., Введенской, с. Студенки 4 р., Георгїевской, сл. Поповки 3 р., І.-Вогословской, сл. Шендрыгаловой 5 р., Рожд.-Богородичной, с. Щуровой 2 р., Николаевской, сл. Ямпольи 3 р. Чрезъ благочинническій совѣтъ 2 округа, Сумскаго уѣзда, круж. сбора отъ церквей сего округа за Ноябрь: Рожд.-Богородичной, г. Бѣлополя 29 р., Покровской, г. Бѣлополя 10 руб. 50 коп., Ильинской, г. Бѣлополя 6 р. 48 к., Преображенской, г. Бѣлополя 3 р. 24 к., Петро-Павловской, г. Бѣлополя 4 р. 52 коп., Успенской, сл. Климовки 4 р., Воскресенской, сл. Ворожбы 3 р., Троицкой, сл. Проруба 2 р. 90 к., Варваровской, сл. Искрисковщины 8 р., Арх.-Михайловской, с. Павловскъ 4 р. 80 к., Покровской, сл. Рѣчекъ 3 р. 54 к., Георгїевской, с. Воробьевки 3 руб.

75 коп., Всѣхсвятской, с. Вирей 3 р. 20 к., Ильинской, с. Ульяновки 6 р. 30 к., І.-Волнской, с. Андреевки 9 р. 55 к., Васильевской, с. Ястребеннаго 83 к., Успенской, с. Хотѣни 1 р. 80 к., Покровской, с. Писаревки 1 р. 80 к., І.-Волнской, с. Рогознаго 1 р., Рожд.-Богородичной с. Вольникова 2 р. 62 к., Вознесенской, сл. Стеуховки 2 р. 35 к.; чрезъ тотъ же благочин. совѣтъ вырученные отъ продажи собраннаго хлѣба по приходамъ: Покровскому, г. Бѣлополя 4 р., Успенской, сл. Климовки 10 р. 50 к., Покровскому, сл. Ворожбы 22 р., Успенскому, с. Хотѣни 4 р. 54 к. По подписному листу, чрезъ тотъ же благочин. совѣтъ: отъ Алексѣя А. Кононенко 3 р., Анны Пивоваровой 3 р., Іакова В. Балаценко 3 р., Николая и Варвары Лебедевыхъ 4 р., Дмитрія Ѳ. Кононенко 3 р., Виктора Пестриченко 3 р., Алексѣя Кононенко 1 р., Ивана Пивоварова 2 р., Стефана Кононенко 2 р., Петра Пивоварова 1 р., Ивана Водяникова 1 р., Павла Водяникова 1 р., Ивана Морозова 1 р., Вячеслава Гуляева 2 р., Е. Кононенко 1 р., отъ разныхъ лицъ 3 р. 55 к., неизвѣстнаго 5 р. (всего чрезъ благочин. совѣтъ 2 округа, Сумскаго уѣзда, 192 руб., 30 к.). Всего же съ 15 сентибря 1891 г., по 1-е января 1892 г., въ комитетъ поступило пожертвованій 23753 р. 21¹/₂ коп., изъ этой суммы отослано въ епархіальные комитеты губерній, пострадавшихъ отъ неурожая и часть въ уѣзды Харьковской губерніи, за то же время 18058 р. 89 к., а 5694 р. 32¹/₂ к. на 1-е января 1892 г. въ комитетъ имѣется въ наличности. Кромѣ денежныхъ пожертвованій въ комитетъ поступило за то же время пищевыми продуктами, а именно: отъ Сумскаго купца Н. А. Суханова ржи 1800 пуд., отъ сахарозаводчиковъ г. Ротермунда пшеницы 600 пуд., отъ прихожанъ слоб. Барпенковой, Изюмскаго уѣзда, собранные священникомъ Церковницкимъ разнаго хлѣба въ зернѣ 200 пуд., отъ прихожанъ той же слободы, собранные священникомъ Полницкимъ разнаго зерна 110 пуд., отъ прихожанъ слободы Большой Даниловки, Харьковскаго уѣзда, собранные свинц. Соболевымъ разнаго зерна 110 пуд. и сухарей поступило 832 пуд. 36 фун.—А всего 3652 пуд. 36 фун. Изъ этого количества отослано въ епархіальные комитеты губерній, пострадавшихъ отъ неурожая: ржи 1800 п., пшеницы 600 пуд., разнаго зерна 310 пуд. и сухарей 440 пуд. 29 фун.—всего 3150 пуд. 29 фун., а 502 пуд. 7 фун. (въ томъ числѣ 110 пуд. разнаго зерна и 392 пуд. 7 ф. сухарей) на 1-е января 1892 года въ складъ комитета имѣется въ наличности.

(Продолженіе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи, Ілія *Слюсаревъ*, опредѣленъ священникомъ Троицкой церкви сл. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Алексѣй *Краснокутскій*, опредѣленъ священникомъ Георгіевской церкви с. Дерновой, Ахтырскаго уѣзда.

— Священникъ церкви сл. Макортетинной, Старобѣльскаго уѣзда, Симеонъ *Кустовскій*, переведенъ, согласно прошенію, на священническое мѣсто въ сл. Александровку, того же уѣзда.

— Крестьянинъ Василій *Самченко* утвержденъ церковнымъ старостою Васильевской церкви с. Ястребскаго, Сумскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Безпорядки въ Америкѣ.—Положеніе русскаго народа въ Галиціи.—Японскіе ученіе.—Правительственное сообщеніе по поводу слуховъ о появленіи чумы въ Персіи.—Появленіе холеры въ западныхъ государствахъ.—Ходъ эпидеміи въ Харьковской губерніи.—Распрежденіе холерныхъ заболѣваній между различными классами населенія С.-Петербурга.—Одинъ изъ способовъ распространенія среди народа свѣдѣній о мѣрахъ предосторожности противъ холеры.—По поводу болзни заболѣть холерою.—Усиленіе религіозности въ средѣ простаго народа.—Наказаніе Божіе за кощунство.—Новошундизмъ.—Учрежденіе на окраинахъ Имперіи высшихъ совѣщаній по дѣламъ народнаго образованія.—Ограниченіе числа преподавателей въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ.—Цѣси учителямъ народныхъ училищъ.—Безплатные классы техническаго рисованія и черченія въ Москвѣ.—Мѣры къ возвышенію кустарнаго производства въ Новгородѣ.—Новая должность кустарныхъ техниковъ.—Назначеніе премій кустарямъ.—Мѣры къ прекращенію разорятельныхъ для крестьянъ переселеній.—Введеніе 4. класса пассажирскихъ вагоновъ.—Установленіе обязательной наслѣдственной доли въ имуществѣхъ умершихъ лицъ.—Изъ писемъ врачей къ пастырямъ церкви.

«Кіевское Слово» отмѣчаетъ рядъ безпорядковъ, показывающихъ какъ разлагаются въ Соединенныхъ Штатахъ Америки основны общественнаго порядка. Крупные безпорядки рабочихъ въ Гомстедѣ, близъ Питтсбурга, въ Сѣверной Америкѣ, ознаменовавшіеся извѣстною войной рабочихъ съ «пинкертоновцами», разохотили любителей всякихъ безпорядковъ. Въ Трасисити, въ штатѣ Теннесси, горные рабочіе, раздраженные привлеченіемъ арестантовъ на тамошніе горные заводы, подожгли зданіе, въ которомъ находились арестанты. Послѣдніе, въ числѣ 350 человекъ, были отведены горнорабочими на поѣздъ желѣзной дороги и желѣзнодорожные служаніе, подъ угрозами револьверомъ, принуждены были пустить поѣздъ обратно. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Трасисити

арестанты раздѣлили поѣздъ на двѣ части и пытались бѣжать, обмѣнявшись выстрѣлами съ желѣзнодорожными служащими. Какъ мрачный свѣтъ бросаютъ всѣ подобныя событія на государственный строй Соединенныхъ Штатовъ, такъ недавно провозглашавшійся чуть ли не за идеаль челоуѣческаго общежитія!

— Положеніе русскаго народа въ Галиціи, говоритъ «Галицкая Русь», въ настоящее время таково, что безъ сердечной боли объ этомъ и вспомнить нельзя. Куда ни посмотришь, вездѣ видишь сокращеніе правъ и невозможность пользоваться существующими законами. Законы австрійской конституціи предоставляютъ всѣмъ народностямъ свободное развитіе и равноправность, но они для русскихъ не имѣютъ дѣйствительнаго значенія. По закону въ Австріи свобода вѣровсповѣданій, а русская церковь этой свободой не пользуется; по закону всѣ пользуются равными правами, но русскіе не имѣютъ представителей, и правительство не знаетъ нуждъ народа, а печать слишкомъ ограничена, чтобъ откровенно высказывать народныя жалобы. Все это наводитъ «Галицкую Русь» на мысль, что слѣдовало бы воспользоваться посѣщеніемъ Галиціи императоромъ Францемъ-Иосифомъ и представить ему чрезъ депутацію меморіаль о дѣйствительномъ положеніи русскаго народа въ Галиціи.

— Министръ народнаго просвѣщенія въ Яионіи, г. Іеномота, обратился къ нашему правительству съ просьбой о разрѣшеніи нѣсколькимъ молодымъ японскимъ ученымъ прибыть въ Россію для изученія японскихъ рукописей и предметовъ древности, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Академіи Наукъ и другихъ ученыхъ учрежденіяхъ. На дняхъ, какъ сообщаютъ петербургскія газеты, послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ на эту просьбу.

— Въ прибавленіи къ «Правительственному Вѣстнику» напечатано слѣдующее: Въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ періодическихкихъ изданіяхъ появились перенечатки изъ «Каспія» и другихъ газетъ о появленіи въ Персіи подозрительной, по чумѣ, болѣзни «сра». По тщательномъ разслѣдованіи, оказалось, что въ Персіи въ настоящее время чумы или другой, близкой къ ней по признакамъ, болѣзни пугдѣ не констатировано; поводомъ къ возникновенію слуховъ послужила значительная въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Персіи смертность отъ холеры и одновременно съ послѣднею развитіе тифа и дифтерита. Первые свѣдѣнія въ этомъ отношеніи были получены еще въ концѣ іюня отъ врача миссіи въ

Тегеранѣ, который телеграммою отъ 23-го іюня донесъ, что, по слухамъ, въ сѣверной Персіи, близъ Себзеvara, появилась неопредѣленная болѣзнь съ нѣкоторыми признаками чумы и большою смертноcтью. Вслѣдствіе такого сообщенія, немедленно было сдѣлано распоряженіе объ усиленіи пограничнаго санитарнаго надзора; для выясненія же истиннаго характера обнаружившейся близъ Себзеvara болѣзни, признано необходимымъ командировать врачей. Вслѣдъ затѣмъ, отъ повѣреннаго въ дѣлахъ въ Тегеранѣ были получены свѣдѣнія, что чумы въ Персіи нигдѣ нѣтъ; подозрительная же болѣзнь въ Мезанавѣ, близъ Себзеvara, была холерою, въ острой формѣ. Такое сообщеніе было вполне подтверждено затѣмъ и донесеніями командированныхъ въ Персію врачей, которые, кромѣ того, увѣдомили, что въ той же мѣстности и сосѣдней съ нею оказались заболѣванія пятнистымъ тифомъ, въ нѣкоторыхъ же деревняхъ дифтеритомъ, людской же чумы нигдѣ не было наблюдаемо. Съ другой стороны, пограничныя съ Персіею власти стали получать отъ персидскихъ купцовъ извѣстія о появленіи особой болѣзни «ира», съ признаками, наблюдаемыми при чумѣ; болѣзнь эта, по сообщенію означенныхъ лицъ, появилась въ гор. Ардебилѣ, въ сѣверо-западной Персіи, находящемся въ недалекомъ разстояніи отъ Ленкорани; но и это извѣстіе было вскорѣ опровергнуто официальными сообщеніями со стороны нашей миссіи въ гор. Тавризѣ, увѣдомившей, что свѣдѣнія о болѣзни въ гор. Ардебилѣ, подъ названіемъ «ира», вымышлены, что слово это употребляется персіянами метафорически, въ условномъ смыслѣ, и что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ, вѣроятно, о холерѣ.

Въ устраненіе на будущее время возможности возникновенія подобнаго рода тревожныхъ слуховъ и для болѣе подробнаго изслѣдованія санитарнаго состоянія пограничныхъ мѣстностей Персіи, а равно наблюденія за таковыми, правительствомъ командированы особые врачи.

— По сообщенію «Нов. Вр.», азіатская холера появилась въ Гамбургѣ. Первый европейскій специалистъ по бактеріологіи, профессоръ Робертъ Кохъ, официально констатировалъ ея присутствіе. Ежедневно умираютъ десятки людей, и факты заболѣванія множатся ежечасно. Въ настоящее время въ городѣ царитъ настоящая паника. Железнодорожныя поѣзда изъ Гамбурга буквально переполнены бѣгущими отъ заразы. На улицахъ встрѣчаются всюду блѣдныя лица, встревоженные группы, испуганно разбѣгающіеся при появленіи украшеннаго краснымъ крестомъ санитарнаго эки-

пажа. Подобные печальные факты приходится видѣть довольно часто, что, само собою разумѣется, еще усиливает волненіе публики. Ёдкій запахъ карболки и хлора хватаетъ за горло, куда ни войдешь. Въ ресторанахъ къ каждому стакану воды подаютъ стеклянную чашку съ соляной кислотой, двѣ капли коей считаются предохранительнымъ средствомъ. На углахъ улицъ прибиты громадныя плакаты съ инструкціями санитарнаго вѣдомства. Съ боязливой жадностью читаютъ и оживленно комментируютъ ихъ группы первоначально удивляющихся жителей. Словомъ, картина куда не веселая. Гнетущій страхъ превращаетъ безшабашный и полный жизни и радости городъ въ молчаливую и грустную «холерную» пустошь. Хотя первые признаки холеры уже появились по другую сторону Берлина—въ Бреславлѣ, хотя даже и въ самомъ Берлинѣ съ 10-го по 27-е августа насчитывается 40 случаевъ холеры, но официально тутъ еще не допускается азиатской холеры. Само собою разумѣется, что германское правительство принимаетъ антихолерныя мѣры какъ для огражденія Берлина, такъ и для локализациі заразы. Тѣмъ не менѣе въ столицѣ уже замѣтны первые симптомы повального страха. Люди зажиточные снѣгаютъ уѣхать въ болѣе прохладныя и безопасныя мѣста, а газеты переполнены разсужденіями о холерѣ, совѣтами о мѣрахъ борьбы съ ней и пр. Ужасная, небывалая жара способствуетъ какъ развитію эпидеміи, такъ и нервному разстройству публики. Въ Берлинѣ температура доходитъ ежедневно до 27—28 град. Реомюра въ тѣни. Это уже чисто по-африкански. Оголенные деревья теряютъ листву пожженную солнцемъ. Зеленый дернъ въ скверахъ высохъ и красныя лужайки превратились въ печальныя желто-сѣрыя пустыни. Огороды пропадаютъ неудержимо, такъ что свѣжіе овощи приходится покупать чуть не на вѣсъ золота. Ежедневно слышишь о случаяхъ солнечнаго удара. Ни одинъ маневръ или ученіе не обходится безъ смертныхъ случаевъ. Тяжелое время, наполняющее всѣ сердца страхомъ передъ грозной тучей, надвигающейся изъ Гамбурга, передъ царившей смертію—холерой.

Изъ Роттердама сообщается, что тамъ на нѣмецкомъ пароходѣ «Jason», шедшемъ изъ Гамбурга въ Кельнъ, среди экипажа обнаружено шесть случаевъ холеры, изъ нихъ два сопровождались смертію.—Заявленные холерныя заболѣванія въ Мадридѣ и Барселонѣ официально приписываются не азиатской холерѣ. Въ испанскихъ портахъ производится осмотръ и дезинфекціи всѣхъ пассажировъ, за исключеніемъ идущихъ изъ Португаліи; француз-

ская граница охраняется въ санитарномъ отношеніи. — Въ Парижѣ 15-го августа было болѣе ста новыхъ случаевъ заболѣванія холерой, изъ нихъ 38 съ смертельнымъ исходомъ. Въ Менильмонтанѣ и Сентъ-Уанѣ эпидемія усиливается. — Изолированные случаи азіатской холеры засвидѣтельствованы и въ лондонскомъ южномъ кварталѣ Ламбетъ. Докторъ Тормъ, главный врачъ гигиенической коммисіи, утверждаетъ, что случаи, констатированные въ Гревзевдѣ, — азіатская холера. Туда холера завезена пароходомъ «Gemta» изъ Гамбурга эмигрантами, русскими евреями.

— По сообщенію «Хар. Губ. Вѣд.», съ начала появленія холеры по 20-е августа всего умерло въ нашей Имперіи 144,590 челов.

— По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ харьковскимъ губернаторомъ, съ 15 по 21 августа включительно, всего въ губерніи за недѣлю заболѣло 766 человекъ и умерло 262 человека. За послѣднюю недѣлю сравнительно съ предыдущими двумя въ Харьковской губерніи смертность уменьшилась болѣе, чѣмъ вдвое, а заболѣваемость уменьшилась на 40% сравнительно съ первою и на 33% сравнительно со второю недѣлею нынѣшняго мѣсяца. Всего съ начала появленія эпидеміи въ Харьковской губерніи по 20-е августа включительно умерло 2,057 человекъ.

— О распредѣленіи холерныхъ заболѣваній между различными классами населенія «Недѣля», группируя имѣющіяся ограниченныя свѣдѣнія, отзывается такъ: «Изъ данныхъ этого рода, относящихся къ Петербургу (въ другихъ мѣстахъ подобныхъ свѣдѣній не имѣется), видно, что за три дня, 8—10 августа, изъ общаго числа 265 заболѣваній приходилось: на крестьянъ 196, на военныхъ чиновъ 41, на мѣщанъ 21, служителей при разныхъ вѣдомствахъ 3, и сверхъ того заболѣло 3 дворянъ и чиновниковъ и 1 финляндскій гражданинъ. Выходитъ, что подавляющій процентъ приходится на тѣ классы, которые отличаются меньшимъ расположеніемъ къ гигиеническимъ предосторожностямъ, или не могутъ соблюдать ихъ по недостатку средствъ. Подобнаго-же рода свѣдѣнія сообщаетъ въ «Новостяхъ» В. О. Португаловъ на основаніи наблюденій въ Самарѣ. По его словамъ, въ первое время развитія холеры она имѣла тамъ почти исключительно подвальный или трупный характеръ. Заболѣвали въ убогой каморкѣ, въ чуланѣ и т. п., гдѣ почти невозможно было предохранять отъ заразы и окружающихъ больного. Другая обращающая на себя вниманіе особенность въ Петербургѣ — рѣзкое преобладаніе, въ средѣ холерныхъ, мужчинъ надъ женщинами. Первыхъ вдвое больше. Хотя

это можетъ быть объясняемо вообще преобладаніемъ мужчинъ въ городѣ, имѣющемъ большой элементъ пришлаго и постоянно смѣняющагося населенія, но лишь отчасти, такъ какъ это преобладаніе не столь велико, какъ разница въ числѣ мужскихъ и женскихъ заболѣваній».

— Говоря о трудностяхъ распространить въ народѣ понятія о способахъ беречься отъ холеры, «Церковный Вѣстникъ» указываетъ на стѣнные читальни: «Около стѣнной читальни всегда можно встрѣтить людей разныхъ сословій и возрастовъ. Въ праздничные дни читающіе просто толпятся около читальни. Нельзя ли ввести то же самое и въ нашихъ селахъ? Нечего и говорить, что стѣнные читальни, еслибъ онѣ повсемѣстно привились въ народѣ, могли бы послужить прекраснымъ средствомъ къ распространенію не только религіозныхъ, но и другихъ свѣдѣній, какія въ данное время признаны были бы полезными и необходимыми. Напримѣръ, нынѣ распространяются брошюры и листки, трактующіе о предосторожностяхъ противъ холеры. Но возможно ли распространить ихъ въ такомъ количествѣ, чтобъ они попали во всѣ захолустья и содержаніе ихъ всѣмъ стало извѣстно? Не проще ли и ближе къ цѣли было бы, еслибъ эти листки были вставлены въ рамки и развѣшаны въ церковныхъ караулахъ, идѣ народъ, приходящій въ церковь, могъ бы читать ихъ, хотя бы въ промежуткахъ между утреней и обѣдней?»

— Очень многіе люди, вслѣдствіе своей мнительности, будучи вполнѣ здоровыми, заболѣваютъ холерными припадками. Это констатировано еще при холерныхъ эпидеміяхъ 1836, 1848 и 1866 гг. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ слѣдующій случай, бывшій въ городѣ Диснѣ 7-го августа 1866 года. Жена мѣстнаго протоіерея Ѳ. С. Соловьевича умерла отъ холеры; на отпѣваніе и погребеніе приглашены были три священника, въ томъ числѣ и священникъ приходской церкви г. Дисны, о. Владиміръ Сулковскій, нынѣ уже умершій (онъ умеръ отъ чахотки). Послѣдній былъ до того мнителенъ, до того боялся зараженія холерою, будучи вполнѣ здоровымъ, что послѣ совершенія обряда погребенія жены протоіерея Соловьевича вообразилъ себя больнымъ и это воображеніе такъ сильно подѣйствовало на его организмъ, что онъ оказался дѣйствительно больнымъ, но не холерою, а холераною, отъ которой и излѣчился въ 2 — 3 дня. Въ настоящіе дни холерной эпидеміи харьковскіе врачи, по сообщенію «Юж. Кр.», констатировали случаи особаго психическаго разстройства отъ такой мнительно-

сти, или вѣрише боязни заболѣть холерою. Сущность этого разстройства сводится къ тому, что больные испытываютъ ощущенія тошноты, подступающей рвоты, позывы на низъ, судороги въ различныхъ частяхъ тѣла, мучительныя болевыя ощущенія, страхъ смерти и т. д. Словомъ, они одержимы всѣми припадками холеры, которой въ дѣйствительности у нихъ нѣтъ. Все сводится къ разстроенной психикѣ и къ болѣзненно-настроенному воображенію.

— Пастырскія наставленія и увѣщанія, какъ можно теперь сказать съ полною увѣренностью на основаніи несомнѣнныхъ извѣстій, не мало способствовали успокоенію встревоженнаго и напуганнаго населенія и вмѣстѣ усиленію религіозной настроенности въ массѣ народа, по мѣстамъ рѣзко бросающейся въ глаза и, можно сказать, характеризующей переживаемое тяжелое время. По наблюденіямъ, напримѣръ, выраженнымъ въ «Самар. Епарх. Вѣд.», болѣзнь, посѣтившая Самару, произвела въ населеніи большую перемену къ лучшему: церкви и въ будніи дни полны теперь молящимися, какъ въ праздникъ. Возглашеніе діакона: «Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите», не остается нынѣ только историческимъ воспоминаніемъ того, что къ трапезѣ Господней каждый день были приступающіе. По праздникамъ же и по субботамъ приступающихъ ко Св. Тайнамъ бываетъ не менѣе, чѣмъ въ субботу Великаго поста. Говѣютъ не однѣ женщины, не одни престарѣлые; готовится покаяніемъ и причащеніемъ встрѣтить посѣщающаго насъ и призывающаго къ себѣ болѣзнію Господа рабочій людъ, иногда не имѣющій свободы, чтобы поговѣть, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

— Молокане, какъ извѣстно, не признаютъ храмъ христіанскій мѣстомъ особеннаго присутствія Божія, и всякій предметъ въ немъ содержащійся и всякое священнодѣйствіе въ немъ совершающееся считаютъ не нужнымъ, даже богопротивнымъ. Имѣя такой взглядъ на храмъ Божій и такое мнѣніе о немъ, они всяческими словами поносятъ его и кощунствуютъ надъ каждымъ церковнымъ предметомъ. Но Богъ поругаемъ не бываетъ. Въ недалекомъ прошлое молоканинъ села Пановыхъ Кустовъ (Там. г.), Ефремъ Савельевъ Заранинъ, работалъ по найму въ маслобойнѣ крестьянина того же села С. Я. С.; въ одно время, по надобности, зашелъ туда бывшій въ то время церковнымъ старостою названнаго села крестьянинъ Никандръ Егоровъ Сафоновъ; тамъ же были въ то время и другіе крестьяне. Молоканинъ Ефремъ, увидѣвъ церковнаго старосту, и закуривая свою трубку, съ злою насмѣшкою сказалъ:

— Никандръ Егоровичъ! Я думаю, что въ числѣ вещей, которыми ты торгуешь въ церкви, есть и трубки; ты бы мнѣ подарилъ трубочку, а то моя трубка сдѣлалась уже негодною къ употребленію. Еще, я полагаю, что у тебя въ церкви много денегъ,— я знаю, что деньги эти не твои собственные, но ты ими распоряжаешься, какъ хозяинъ; ты бы мнѣ удѣлялъ по скольку-нибудь изъ церковныхъ денегъ на выпивку, а то мнѣ зачастую не на что бываетъ выпить.

Выслушавъ такое нелѣпое и жгучее злорѣчіе, церковный староста сдѣлался какъ ошеломленный и не нашелся, что сказать на это; но одинъ изъ слышавшихъ это злорѣчіе православный крестьянинъ села Протасова П. В. Н. сказалъ въ отвѣтъ:

— Ефремъ! какъ ты не боишься Бога? Ты не вѣрнись въ святость нашего христіанскаго храма—не вѣрь, Богъ съ тобою. Вольному воля. Зачѣмъ же ты такъ позоришь нашъ храмъ!

Послѣ этихъ обличительныхъ словъ молоканинъ и самъ сдѣлался точно ошеломленный; въ ту же минуту пошелъ на правую сторону сѣмяно-мятныхъ чугунныхъ шаровъ, гдѣ ему совершенно не было никакого дѣла (его дѣло было стоять по лѣвую сторону шаровъ и наблюдать за дѣйствіемъ ихъ, т. е. видѣть, когда нужно укрѣпить посредствомъ винта шары и когда ослабить ихъ), сталъ отвертывать сзади шаровъ желѣзную гайку, которая никогда не отвертывалась, какъ о томъ и другимъ говорилъ хозяинъ маслобойной машины, что должно быть извѣстно и Ефрему, потому что онъ хорошо ознакомился съ механизмомъ маслобойни, работалъ на ней нѣсколько мѣсяцевъ, и вдругъ закричалъ во весь голосъ. «Что такое случилось съ Ефремомъ?» говорятъ между собою всѣ бывшіе въ то время тамъ.—Смотрятъ, а онъ съ крикомъ, раздражающимъ душу, мотаетъ кистью правой своей руки измятой шарами.—Оказалось, что въ то время, когда молоткомъ отвертывалъ безъ цѣли упомянутую гайку, шары какимъ-то образомъ забрали въ тиски его руку и измяли ее.

— Такъ-то Ефремъ!—говорили ему видѣвшіе это. — Не говори лишняго, не прогнѣвай Вышняго. Въ одну минуту Богъ тебя наказалъ за твое злорѣчіе.

Волѣ полгода Ефремъ въ мучительныхъ страданіяхъ переносилъ боль своей руки и старался всѣми мѣрами уврачевать ее, но не могъ; измятая часть руки наконецъ отпала. «Там. Е. В.».

— Г. Скворцовъ описываетъ въ «Моск. Вѣд.» замѣчаемое въ послѣдніе годы развитіе въ Киевской губерніи штундизма

и различныхъ его толковъ. Въ большинствѣ случаевъ — говорить онъ — броженіе поддерживается не рационалистическими доводами проповѣдниковъ, а мистическимъ увлеченіемъ, массовымъ, чисто стаднымъ возбужденіемъ, доходившимъ у большинства до перво-патологической экзальтаціи. Нигдѣ нѣтъ такой массы трясущихся и вообще подверженныхъ такъ называемой большой истеріи, какъ въ Яхнахъ и Малополовецкомъ. Какія неистовства производила эта толпа сектантовъ во время своихъ богомоленій, это нужно видѣть, чтобы имѣть понятіе. Тутъ вы видите и слышите верченіе круговое, на подобіе хлыстовскаго кривлянія дервишей, хлопаніе въ ладоши, неистовые крики во все мужицкое горло чего-то на подобіе крика ала-ла, слышнаго на магометанскихъ мечетяхъ, подпрыгиваніе къ потолку «ловящихъ» духовъ, ужасная тряска руками, головой и всѣмъ тѣломъ, всевозможныя мучительныя движенія лицевыхъ мускуловъ, съ перекашиваніемъ рта до ушей, съ закатываніемъ глазъ подъ лобъ, звуки на подобіе трубныхъ, кричаніе по-птичье и бессмысленное лепетаніе въ видѣ перебора слоговъ и тарабарскихъ словъ, ничѣмъ не мотивированная слеза однихъ и смѣхъ другихъ. Все это вызываетъ потъ и страшное утомленіе въ бѣснующихся, но сектанты радуются этому, называя «работой Господу», свидѣтельствомъ духа. Въ числѣ главарей пахотилось и находится не мало женщинъ.

Ученіе новопутнистовъ близко осуществляетъ начала коммунизма, и въ семейныхъ отношеніяхъ исчезла всякая подчиненность и узы родства вслѣдствіе понятія о равенствѣ и братствѣ. Сектанты вездѣ распродаютъ положительно весь свой домашній скотъ и птицу на томъ основаніи, что работать на скотѣ теперь грѣхъ, ибо тварь прежде была повинна работѣ, но теперь, въ «полноту дней» и она должна быть освобождена отъ работы для мира, подобно тому, какъ они, сектанты, освобождены нынѣ отъ земныхъ заботъ и трудовъ по милости Отца своего и Спасителя. Хлыстовская заповѣдь о воздержаніи съ цѣлію изнуренія плоти въ послѣднее время все болѣе и болѣе находитъ сочувствіе среди напихъ сектантовъ. Въ нѣсколькихъ пунктахъ сектанты держали постъ въ теченіе цѣлаго дня и только разъ вечеромъ въ сутки употребляли пищу и то преимущественно растительную. Твердость въ этомъ случаѣ проявляютъ сектанты удивительную, не ѣдятъ даже и дѣти. Вслѣдствіе этого, не смотря на полное бездѣіе, состояніе здоровья послѣдователей новопутнизма представлялось въ самомъ жалкомъ и подорванномъ видѣ. Все это — блѣдные изнуренные люди. Распродавали сектанты

и все прочее изъ своего годами нажитого имуществва, что находили лишнимъ и не пужнымъ «на сіе время», не исключая кожуховъ, земледѣльческихъ и мастерскихъ орудій, запасовъ хлѣба, домашняго скарба и гүменныхъ строеній. Поля яровыя не засѣвали. Въ первое время появленія секты, въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ, сектанты, извѣстные подъ названіемъ малеванцы, вели домашній образъ жизни чисто эпикурейскій—всю задачу кратковременной, думали они тогда, жизни своей полагали въ возможно большихъ радостяхъ и наслажденіяхъ, которыя достигаются сладкою, вкусною пищею и питьемъ (хотя хмѣль ного не употребляютъ), полнымъ освобожденіемъ отъ труда и богатою одеждою. Въ первое время, пока не обнищали, въ каждой семьѣ можно было встрѣтить пшеничный хлѣбъ, чай, сахаръ, молоко и мясо. Когда мы въ первый разъ посѣтили сектантскіе новоштундовыя пункты, малеванцы были одѣты въ панскіе модные костюмы. Въ одномъ селѣ община закупила на сельской ярмаркѣ у евреевъ костюмовъ на 140 руб. сразу. Вообще сектанты ожидаютъ «царства искупителя» на землѣ, а не на небѣ. Нуждающихся пока итъ въ сектѣ, всякій бѣднякъ щедро надѣляется всѣмъ нужнымъ другими болѣе состоятельными братьями своими. Въ экономическомъ отношеніи довольно многочисленны нынѣ послѣдователи этой сумасбродной секты представляютъ собою въ существѣ разорившихся и промотавшихся членовъ сельскаго общества, которые въ теченіе многихъ лѣтъ едва ли могутъ поправить свое благосостояніе при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ труда и хозяйства, на что мало надежды, такъ какъ и ихъ здоровье, энергія и здравомысліе распатаны въ конецъ. Такимъ образомъ, въ селеніяхъ этихъ десятки семей являются не правоспособными плательщиками казенныхъ и общественныхъ повинностей и лягутъ въ этомъ отношеніи тяжелымъ бременемъ на православныхъ односельцевъ своихъ.

Заканчивая свои статьи о новоштундистахъ, г. Сковрцовъ сообщаетъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя сочла пужнымъ принять мѣстнаи власть въ предѣлахъ своихъ полномочій. По распоряженію генералъ-губернатора, графа А. П. Игнатьева, для выясненія истиннаго характера движенія и степени вредности его, въ маѣ мѣсяцѣ въ селенія, зараженные малеванскою ересью, была командирована особая комиссія изъ профессора университета св. Владиміра психіатра Снѣгорскаго, предводителя дворянства Шинювскаго, чиновника особыхъ порученій капитана Мердера и г. Сковрцова. По распоряженію графа Игнатьева—на основаніи заключе-

ній данныхъ комиссіею—сектантамъ воспрещены богомольныя ихъ собранія, которыя служатъ главнымъ средствомъ распространенія лжеученія и нервнаго возбужденія темной массы. Для надзора за сектантами командированы полицейскіе урядники, при чемъ всей земской полиціи имѣнено въ обязанность, подъ строжайшею отвѣтственностію, имѣть тщательное наблюденіе за дѣйствіями сектантовъ и не допускать безумныхъ поступковъ, возбуждающихъ тревогу въ умахъ населенія. Сельскимъ врачамъ предложено имѣть надзоръ за страдающими перво-патологическимъ разстройствомъ здоровья. Нѣсколько злостныхъ вожakovъ выселены изъ настоящаго ихъ мѣста жительства, больные психонаты помѣщены въ больницу. Пророчицъ предложено епархіальному началству помѣстить въ монастыри на увѣщаніе и для успокоенія ихъ экзальтированнаго состоянія. Уклоняющихся отъ собственныхъ работъ въ поляхъ и домахъ предложено мѣстнымъ властямъ посылать на первую очередь на общественныя работы и проч. Мѣры эти успѣли дать добрыя послѣдствія въ смыслѣ поправленія здоровья и успокоенія нервовъ, но во мнѣніяхъ своихъ сектанты все еще упорны, и едва ли скоро удастся поколебать ихъ заблужденія.

— Святѣйшій Синодъ окончательно рѣшилъ, какъ передаетъ «Гражд.», учредить на всѣхъ окраинахъ Имперіи высшія совѣщанія по дѣламъ народнаго образованія. Цѣль учрежденія такихъ совѣщаній будетъ состоять въ направленіи дѣятельности существующихъ церковно-приходскихъ школъ и должной постановкѣ учебнаго дѣла въ религіозномъ и учебно-воспитательномъ отношеніяхъ. Совѣщанія будутъ состоять, подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ, изъ нѣсколькихъ членовъ духовныхъ и свѣтскихъ властей.

— Министерство народнаго просвѣщенія, циркуляромъ на имя попечителей учебныхъ округовъ, предложило озаботиться объ ограниченіи числа преподавателей въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ. По разъясненію министерства, назначеніе учителей несоотвѣтственно потребности ведетъ, съ одной стороны, къ излишнимъ расходамъ на ихъ вознагражденіе, а съ другой—«безъ нужды увеличивается число лицъ, освобождающихся отъ исполненія воинской повинности». При этомъ замѣчено, что многія лица, изъ желанія приобрѣсти право на такое освобожденіе, зачастую домогаются учительскихъ мѣстъ, даже безъ всякаго вознагражденія. Согласно новымъ правиламъ, въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ должно быть не болѣе одного учителя или учительни-

ны и одинъ законоучитель, при томъ, однако, условіи, если число обучающихся въ школахъ не превышаетъ 40 человѣкъ. При большомъ числѣ учащихся могутъ быть открываемы параллельные классы, съ назначеніемъ для каждаго класса отдѣльнаго учителя по общимъ предметамъ. Что касается до преподаванія закона Божія, то оно должно вестись во всѣхъ классахъ однимъ законоучителемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда потребуется увеличеніе штата учителей противъ вышеозначенной нормы, на мѣста назначаются сверхштатныя учительницы или учителя изъ лицъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ не подлежащихъ отбыванію воинской повинности. Кроме того, для упорядоченія и упроченія дѣла народнаго образованія, министерство находитъ полезнымъ, чтобы на учительскія мѣста преимущественно назначались лица, имѣющія особыя письменныя предложенія, которыя должны быть выдаваемы училищными совѣтами, директорами или инспекторами народныхъ училищъ и канцеляріями попечителей учебныхъ округовъ и заключать въ себѣ удостовѣренія, что предъявители ихъ допущены къ исполненію учительскихъ обязанностей. «Юж. Кр.»

— «Нов. Вр.» сообщаетъ отрадное извѣстіе о томъ, что окончательно выработанъ проектъ положенія о назначеніи пенсій учителямъ народныхъ училищъ. Проектъ этотъ поступилъ уже на разсмотрѣніе департаментовъ государственной экономіи и законовъ и будетъ окончательно рѣшенъ въ предстоящую сессію Государственнаго Совѣта.

— Въ скоромъ времени въ Москвѣ при Богоявленскомъ монастырѣ, на Никольской, по инициативѣ преосвященнаго Александра, епископа Дмитровскаго, имѣютъ быть открыты бесплатные классы технического рисованія и черченія для пѣвчихъ мальчиковъ. Обученіемъ пѣвчихъ мальчиковъ техническому рисованію и черченію предполагается обезпечить пѣвчимъ ихъ существованіе на случай потери ими голоса. «Моск. Вѣд.»

— По сообщенію «Нов.», недавно въ средѣ новгородскихъ дѣятелей возникла благая мысль—прийти на помощь мѣстнымъ кустарямъ. Для этой цѣли предполагается открыть въ нѣсколькихъ мѣстахъ губерніи образцовыя мастерскія, издѣлія которыхъ наглядно укажутъ на возможную степень усовершенствованія, а самое изготовленіе предметовъ кустарнаго производства послужитъ прекрасною практическою школою для крестьянъ-подростковъ, которые будутъ обучаться или бесплатно, или за самую ничтожную плату. Завѣдываніе и обученіе будутъ поручены опытнымъ масте-

рамъ; а такъ какъ совмѣстно съ обученіемъ ремесламъ предположено обучать грамотности и началамъ рисованія и черченія, то всею вѣроятіе, что означенныя мастерскія будутъ открыты при нѣкоторыхъ существующихъ земскихъ школахъ. Вообще, вопросъ этотъ еще окончательно не выясненъ и выработка его поручена одному изъ членовъ губернской управы при участіи нѣкоторыхъ сочувствующихъ идеѣ гласныхъ, выразившихъ готовность оказать этому полезному дѣлу личное содѣйствіе.

— Министерство государственныхъ имуществъ, какъ слышало «Нол. Вр.», учреждаетъ должности кустарныхъ техникумовъ. Эти должности будутъ замѣщаться исключительно лицами, получившими высшее техническое образованіе, при чемъ на кустарныхъ техникумовъ будетъ возложено общее руководство надъ кустарями извѣстнаго района, занимающимися извѣстнымъ промысломъ.

— По словамъ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостей», въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ возбужденъ вопросъ о назначеніи кустарямъ, занимающимся выдѣлкой сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, особыхъ премій.

— Циркуляромъ отъ 6 марта было сообщено губернаторамъ о пріостановленіи разрѣшенія переселеній какъ на казенныя земли, такъ и на земли Кабинета Его Императорскаго Величества. Между тѣмъ, изъ имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній усматривается, что весьма многіе крестьяне, получивъ краткосрочные паспорта или безъ всякихъ письменныхъ видовъ, отправились въ текущемъ году на переселеніе вмѣстѣ со своими семьями, распродавъ предварительно все принадлежащее имъ имущество. Въ виду полного въ большинствѣ случаевъ разоренія крестьянъ, предпринимающихъ недозволенное переселеніе, теперь министерство проситъ губернаторовъ принять всѣ зависящія мѣры къ прекращенію переселенія тѣхъ крестьянъ, которые не представляютъ достаточныхъ доказательствъ возможности устроиться на новыхъ мѣстахъ жительства и не получаютъ установленнаго разрѣшенія. Такъ какъ, по словамъ циркуляра, пагубныя послѣдствія переселенія происходятъ главнымъ образомъ вслѣдствіе распродажи крестьянами по денежной цѣнѣ всего принадлежащаго имъ имущества и невозможности по возвращеніи на родину возстановить свое разоренное хозяйство, то министерство думаетъ, что надзоръ крестьянскихъ учреждений въ отношеніи самовольнаго переселенія долженъ состоять какъ въ воспрещеніи выдачи паспортовъ желающимъ переселиться, такъ и въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы

они не распродала своего имущества. Независимо отъ того, въ виду дошедшихъ до министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, что нѣкоторые земскіе начальники снабжаютъ лицъ, переселяющихся съ надлежащаго разрѣшенія, въ возможности полученія различнаго рода пособій по прибытіи на мѣста новаго жительства, министерство считаетъ необходимымъ разъяснить должностнымъ лицамъ и учреждениямъ, что на основаніи закона 13 іюли 1889 г. переселеніе на казенныя земли лицъ сельскаго состоянія и мѣщанъ производится исключительно на собственный ихъ счетъ безъ всякаго пособія со стороны казны. «Хар. Губ. Вѣд.».

— По сообщенію «Юж. Кр.», предполагается ввести обязательно для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ IV классъ пассажирскихъ вагоновъ, съ платою $\frac{3}{4}$ копѣйки съ версты и человѣка.

— Особая комиссія, работающая надъ составленіемъ новаго гражданскаго уложенія, обратила особенное вниманіе на установленіе обязательной наслѣдственной доли въ имуществахъ умершихъ лицъ, переходящей къ дѣти, независимо отъ желанія владѣльца имущества, а также независимо отъ того — родовое или благопріобрѣтенное имущество, и существуетъ или нѣтъ духовное завѣщаніе. «Хар. Губ. Вѣд.».

— Въ «Перм. Еп. Вѣд.» печатаются «Письма врача къ пастырямъ церкви». Приводимъ въ сокращеніи разъясненія автора сущности холеры и способовъ ея распространенія.

«Въ чемъ заключается суть поварьныхъ или заразныхъ болѣзней вообще и въ частности — холеры? Заразные (инфекціонныя) болѣзни обязаны своимъ происхожденіемъ особымъ ядовитымъ веществамъ — заразамъ, которыя, поступая въ человѣческій организмъ, отравляютъ его на подобіе обыкновеннымъ ядамъ. Природа или сущность этихъ ядовъ, по новѣйшимъ воззрѣніямъ науки, заключается въ развитіи низшихъ или простѣйшихъ организмовъ, носящихъ общее названіе микробовъ, или какъ ихъ нерѣдко, хотя и не всегда вѣрно, называютъ бактеріями или бациллами. Признается, что для всякой заразной болѣзни — существуетъ свой спеціальный болѣзнетворный микробъ. Эти микробы, поступая тѣми или другими путями въ тѣло человѣка (путемъ-ли вдыхаемаго воздуха, или чрезъ воду, или съ пищей и т. д.), проявляютъ здѣсь удивительную способность необыкновенно быстро размножаться и отравлять организмъ человѣка продуктами своей жизни, имѣющими самыя ядовитыя свойства. Переходя въ частности къ холерѣ, я долженъ сказать, что и здѣсь причиною болѣзни считается особая ба-

цѣлла, имѣющая видъ «запнятой», открытая проф. Кохомъ въ 1884 г. Наблюдать ее можно, напр. въ свѣжихъ холерныхъ изверженіяхъ подъ микроскопомъ и то только при большихъ увеличеніяхъ (въ 500 разъ). Знать жизненныя условія этихъ запнятыхъ, т. е. условія, при которыхъ онѣ могутъ быстро размножаться и наоборотъ—условія, при которыхъ онѣ легко уничтожаются—составляетъ самую важную и завѣтную задачу науки».

«Нужно твердо помнить, что настоящая такъ называемая азіятская холера есть болѣзнь заносная и безъ заноса откуда либо она никогда и нигдѣ не появляется, кромѣ своей родины, а родина ея только—Индія, откуда холерная зараза время отъ времени разносится по всему земному шару и обязательно самими людьми и всѣми предметами ихъ сопровождающими, какъ-то: багажемъ и всякаго рода товарами *). Мало этого. Бывали случаи, что холерная зараза пересылалась съ вещами чрезъ большія пространства. Приведу достовѣрный примѣръ—одна изъ многихъ. Въ 1873 г. женщина, возвратившаяся изъ сѣверной Америки, а именно изъ Сентъ-Луи, гдѣ въ то время свирѣствовала холера, въ городъ Мюльгаузенъ (въ Тюрингенѣ), получила черезъ нѣсколько недѣль свой багажъ, въ которомъ находилось грязное бѣлье и сладости. Поѣвши послѣднихъ со своею сестрою, у которой остановилась, и выпивъ бѣлье, она, какъ и сестра ея заболѣли холерою, и за симъ заболѣло еще шесть человѣкъ, жившихъ въ томъ же домѣ и пользовавшихся тѣмъ же ретирдомъ, въ который были вылиты изверженія первой больной. Въ то время въ Мюльгаузенѣ холеры не было. Бывали случаи, гдѣ зараза перевозилась, благодаря быстротѣ нынѣшнихъ сообщеній, на громадныя пространства и людьми съ виду здоровыми, имѣвшими лишь незначительный поносъ. Приведу случай вполне достовѣрный, повѣренный великимъ авторитетомъ въ этомъ вопросѣ—проф. Петтенкоферомъ. Въ 1865 г. одна женщина, повидимому здоровая, съ малолѣтнимъ ребенкомъ, одержимымъ поносомъ, перенесла холерный ядъ изъ Одессы черезъ обширныя земли, въ которыхъ холеры въ то время не было, прямо въ Альтенбургъ, гдѣ признаки болѣзни обнаружались у ней

*) Замѣчательно, что скорость распространенія холернаго яда ни сколько не превышаетъ скорости путей сообщенія. Когда не существовало пароходства, холера шла отъ Астрахани до Царицына и Саратова 2—3 недѣли: теперь же она распространялась со скоростью пассажирскихъ пароходовъ. Отсюда слѣдуетъ, что о переносѣ холернаго яда черезъ воздухъ на большія пространства не можетъ быть и рѣчи.

по прїѣздѣ на третій день, а на 5-й она скончалась, послѣ чего умеръ и ея ребенокъ. Этотъ случай положилъ начало тижкой эпидеміи въ названномъ городѣ и его окрестностяхъ».

«Холерная зараза можетъ попадать въ человѣка только черезъ ротъ. Изъ рта она проглатывается и попадаетъ въ желудокъ. Если желудокъ здоровъ, то холерныя запятыя обязательно перевариваются здѣсь вмѣстѣ съ пищей и такимъ образомъ дѣлаются совершенно безвредными для здоровья человѣка. Другое дѣло будетъ, если желудокъ находится въ катарральномъ состояніи, напр. послѣ пылства или пзиплства въ пищу; тогда онъ не можетъ переваривать хорошо пищу, а также и поавшихъ туда съ водой или пищей холерныхъ запятыхъ, которыя и успѣваютъ живыми пройти въ кишки и тамъ начинаютъ размножаться непомѣрно быстро. Размножаясь, онѣ во 1-хъ раздражаютъ кишечникъ и тѣмъ вызываютъ холерный поносъ, а во 2-хъ, размножаясь, онѣ выдѣляютъ изъ себя особый ядъ, который отравляетъ человѣка такъ же, какъ и всѣ другіе пзйбстныя яды. Смотря по количеству яда, и заболѣваніи холерой бывають разныя—то сильныя, то слабыя».

«Спрашивается теперь: чѣмъ же объяснить, что здоровый желудокъ служить такимъ прекраснымъ барьеромъ противъ холерныхъ запятыхъ? Это объясняется просто. Доказано, несомнѣнно, прямыми опытами, что въ кислыхъ жидкостяхъ холерныя запятыя не только не могутъ жить и развиваться, но напротивъ—гибнутъ въ нихъ. Въ нормальномъ же желудочномъ сокѣ всегда заключается кислота и именно соляная, благодаря присутствію которой желудочный сокъ и обладаетъ энергичною способностью переваривать пищу. Съ другой стороны, извѣстно, что у людей, страдающихъ катарромъ желудка, не рѣдко кислотность желудочнаго сока можетъ понижаться и по этому у нихъ пища часто переходитъ изъ желудка въ кишку въ неперевааренномъ видѣ, а слѣдовательно съ пей могутъ проходить и холерныя запятыя въ кишечникъ живыми, гдѣ онѣ встрѣчаютъ щелочную реакцію, очень выгодную для ихъ размноженія. Зная это, легко себѣ объяснить нѣкоторыя, на первый взглядъ, поразительные факты, какъ напримѣръ: самоотверженіе одного врача дошло до того, что онъ, желая доказать незаразительность холерныхъ испражнений, рѣшился выпить ихъ. И что же? Онъ остался здоровымъ, чѣмъ, конечно, доказалъ не то, что онъ хотѣлъ, а то, что желудокъ его находился въ то время въ нормальномъ состояніи и по этому переварилъ всѣхъ холерныхъ запятыхъ, которыя несомнѣнно заразительны».

«Изъ всего сказаннаго для каждаго должно быть ясно, почему всякое, даже легкое расстройство пищеваренія предрасполагаетъ къ заболѣванію холерою во время господствованія эпидеміи, почему такъ опасны въ холерное время всякія погрѣшности въ діетѣ, почему опасны простуда, чрезмѣрное утомленіе, безсонныя ночи, психическіе аффекты и столь многія другія условія, могущія отозваться не благопріятно на пищеварительной способности. Становится яснымъ также и то, почему люди одержимые катарромъ желудка, вслѣдствіе обычнаго злоупотребленія спиртными напитками, также люди пожилые или истощенные разными хроническими болѣзнями, наконецъ люди бѣдные, не обладающіе средствами для удовлетворительнаго своего пропитанія, всего легче дѣлаются жертвами холеры. Понятенъ также становится и обычный совѣтъ врачей пить въ холерное время по нѣскольку капель разведенной соляной кислоты въ отварной водѣ и особенно при плохомъ пищевареніи».

«Вотъ если мы будемъ теперь знать, что холерныя запятія живутъ и размножаются у больного человѣка исключительно въ кишечникѣ, то легко понять, что и выдѣляясь изъ больного человѣка онѣ могутъ только поносомъ и рвѣея рвотою. Короче сказать—холерный зараза распространяется только чрезъ изверженіе холерныхъ больныхъ. Отсюда слѣдуетъ, что если не обезвредить въ самомъ же началѣ холерныя изверженія и особенно если мы будемъ вливать ихъ въ сортиръ или куда либо въ почву, особенно около колодезевъ или рѣки, а также если будемъ мыть значительное холерными изверженіями бѣлье въ рѣкѣ, откуда беремъ воду для питья, то это значить, что мы будемъ рыть подъ собою яму!»

«Что дѣйствительно вода можетъ служить проводникомъ холерной заразы—въ этомъ почти нельзя сомнѣваться. Проф. Фёрстеръ приводитъ перечень городовъ въ Познани и Прусской Силезіи, въ которыхъ, не смотря на довольно оживленное сообщеніе съ мѣстностями, страдавшими отъ холеры, эта послѣдняя никогда не появлялась эпидемически; всѣ эти города имѣютъ одно общее—они снабжены безупречно чистой водой, проведенной изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ источниковъ. Д-ръ Магнамара доказалъ, что въ Калькутѣ число ежегодно умирающихъ отъ холеры рѣзко уменьшилось съ января 1870 г., когда начали дѣйствовать новые водопроводы: среднее число умиравшихъ съ 1866 по 1869 г. ежегодно было 4216, а въ 1870 и 1871 г.г. только 1175 ч. Города Карлсбадъ, Иса, Гроссенъ и Робинъ въ Германіи никогда не знали эпидемической холеры; всѣ они получаютъ отличную воду изъ отдаленныхъ источ-

никовъ. Въ городѣ Бейтенѣ съ 1831 по 1855 г. было шесть холерныхъ эпидемій; но послѣ того, какъ колодцы, которыми пользовались жители, изсыхли вслѣдствіе горныхъ работъ въ сосѣдней мѣстности, пришлось провести хорошую воду—и за послѣднія 19 лѣтъ (1856—1875 гг.) въ этомъ городѣ уже не было ни одной эпидеміи. Извѣстный путешественникъ по Египту Baker рассказываетъ, что онъ и его жена, отправившись на пароходѣ, шедшемъ изъ Soudoo въ Каиръ, на которомъ, во время свирѣпствовавшей кругомъ ихъ холеры, всѣ заболѣвали, по они не заболѣли, потому что не пили сырой воды изъ Нила. Но самый поразительный примѣръ приводитъ проф. Кохъ изъ своихъ наблюдений надъ холерой въ Индіи. Тамъ онъ нашелъ холерныхъ запятыхъ въ водѣ одного загрязненнаго пруда, на берегу котораго было индійское поселеніе. Изъ этого пруда жители брали воду для питья и тутъ же мыли грязное бѣлье своихъ холерныхъ больныхъ. Съ уменьшеніемъ эпидеміи въ этомъ селеніи было замѣчено и уменьшеніе числа запятыхъ въ водѣ пруда».

Итакъ, чистая вода—лучшая охрана отъ холеры, загрязненная же вода можетъ служить средой для размноженія и передачи холерныхъ запятыхъ здоровымъ людямъ. Вотъ почему необходимо всячески охранять отъ загрязненія тѣ источники водъ, откуда населеніе беретъ воду для питья.—Эти мѣста должны считаться священными для народа—какъ это и существуетъ на востоцѣ».

«Перехожу къ другому—еще болѣе важному проводнику холеры—къ почвѣ. Что почва особенно сильно загрязненная всякими нечистотами отъ человѣка и животныхъ, служитъ прекрасной средой для размноженія холернаго яда, который попадаетъ туда съ изверженіями холерныхъ больныхъ,—въ этомъ никто не сомнѣвается. Доказано, что существуютъ мѣстности, которыя вполне не воспримчивы къ заразѣ. Онѣ отличаются или чистотой почвы, или каменистымъ составомъ и вообще представляютъ мало нищи для холерныхъ запятыхъ. Знаменитый гигиенистъ нашего времени проф. Петтенкоферъ, весь центръ тяжести холерныхъ и брюшно-тифозныхъ эпидемій сводитъ къ загрязненію почвы и колебаніямъ почвенныхъ водъ. Приведу только одинъ примѣръ, доказывающій воочію вліяніе чистоты почвы на развитіе холеры и брюшнаго тифа. Проф. гигиены въ Вуда-Пештѣ Фодоръ имѣлъ терпѣніе изслѣдовать почву тѣхъ домовъ въ Вуда-Пештѣ, гдѣ появлялись случаи холеры или брюшнаго тифа и путемъ этихъ изслѣдованій доказалъ, что большее или меньшее загрязненіе почвы имѣетъ чрезвычайно большое вліяніе на развитіе

заразы въ ней и что степень загрязненія почвы оказываетъ воздѣйствіе не только на большее развитіе эпидеміи въ тѣхъ улицахъ, которыя отличаются наибольшимъ загрязненіемъ почвы, но это даже сказывается и на отдѣльныхъ домахъ; дома, въ которыхъ почва была болѣе загрязнена, поражались больше холерой и тифомъ, чѣмъ дома, въ дворахъ которыхъ она была чище».

«Воздухъ также можетъ переносить заразу, но только на небольшія пространства, такъ какъ доказано, что холерныя запятыя въ воздухѣ и особенно сухомъ быстро погибаютъ. Но все же нужно сильно остерегаться спертаяго воздуха, зависающаго отъ скученности и не чистаго содержащаго дома (если при этомъ еще здѣсь есть холерной больной) и особенно воздуха грязно содержимыхъ и можетъ быть зараженныхъ отхожихъ мѣстъ. Отсюда правило: въ холерное время по возможности не пользоваться чужимъ сортиромъ и если у себя дома нельзя имѣть отдѣльнаго сортира, то лучше вовсе не пользоваться сортиромъ, а на время эпидеміи употреблять такъ называемый земляной клозетъ въ самомъ простѣйшемъ видѣ. Для этого достаточно имѣть желѣзное ведро, стулъ и ящикъ съ запасомъ сухой, чистой, огородной, или же торфяной земли, просѣянной черезъ рѣдкое рѣшето и при ней лопатку. Послѣ каждаго пользованія стуломъ всыпается въ ведро помощью лопатки такое количество земли, чтобы прикрыть экскременты на столько, чтобы на поверхности не было сырости. При этомъ условіи абсолютно не должно быть никакого запаха, а по этому такой клозетъ можно держать гдѣ угодно. Такая смѣшанная съ экскрементами земля, будучи провѣтриваема гдѣ либо подъ навѣсомъ болѣе или менѣе долгое время, снова можетъ идти въ дѣло и такъ до 5 разъ и въ концѣ концовъ становится лучшимъ удобреніемъ для полей. Эта система самая древняя и въ то же время самая идеальная въ санитарномъ отношеніи, потому что здѣсь въ почву не попадетъ ни единой капли нечистоты. Кто разъ испытаетъ ее, тотъ навсегда откажется отъ всякихъ сортировъ—въ смыслѣ скопища нечистоты около жилища».

«Прекрасными переносчиками заразы могутъ служить и мухи. Онѣ могутъ садиться на холерныя изверженія и на своихъ лапкахъ переносить заразу въ другіе дома и тамъ передавать ее здоровымъ людямъ черезъ пищевыя вещества и воду. Отсюда вытекаетъ предостереженіе, чтобы всѣ пищевыя вещества, а также жидкости для питья, должны быть тщательно закрыты, чтобы на нихъ не могли садиться мухи».

«Такимъ образомъ зараза можетъ передаваться черезъ грязное и особенно сырое бѣлье (прачки часто заболѣвають холерой), платье, деньги, пищевые продукты, овощи, фрукты и вообще чрезъ всѣ предметы, которые побываютъ въ рукахъ людей нечистоплотныхъ и особенно имѣвшихъ дѣло съ холерными больными. Отсюда правило: всякую вещь (особенно пищевыя вещества), которая пріобрѣтается съ рынка, или откуда либо, необходимо тщательно обмывать, а что можно—лучше прокипятить или сварить, такъ какъ извѣстно, что осповательное кипяченіе убиваетъ всякую заразу».

«Однимъ словомъ пути для распространенія заразы могутъ быть весьма разнообразны и перечислить ихъ всѣ нѣтъ возможности да и надобности. Стоять только понять суть болѣзни и тогда всякая личная или общественная предосторожность должна явиться какъ логическій выводъ изъ основнаго понятія о заразѣ».

«Если мы попробуемъ теперь сдѣлать общій выводъ изъ всего сказаннаго, то увидимъ, что лучшею и, можно сказать, единственною защитою отъ холеры,—служатъ санитарныя улучшенія, результатомъ которыхъ является чистота почвы, воды и воздуха. Этимъ путемъ можно сдѣлать многія мѣстности совершенно невосприимчивыми къ холерѣ и брюшному тифу. Самымъ убѣдительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является для насъ Англія, которая, имѣя постоянныя сношенія съ Индіей, какъ подчиненной своей колоніей, тѣмъ не менѣе не боится холеры. Извѣстный англійскій статистикъ д-ръ Вухананъ говоритъ, что холера въ Англіи въ 1848 и 1849 гг. до введенія канализаціи и сплавной системы нечистотъ давала 267 случаевъ на 10,000 жителей городовъ; въ 1854 г., когда была введена канализація и санитарное состояніе улучшилось, смертность отъ холеры сразу упала на 84 на 10,000 жителей, а въ 1866 г. всего было 20 случаевъ на тѣ же 10,000 жителей».

«Но можетъ быть мнѣ возразятъ, что все это теперь уже поздно дѣлать, такъ какъ холерная эпидемія уже началась. На это я отвѣчу, что все это нужно не только для холеры, но еще болѣе необходимо для, такъ сказать, мирнаго времени, потому что у насъ всегда смертность такъ чудовищно велика, что и холерная эпидемія мало увеличиваетъ ее. Кроме того, холерная эпидемія въ будущее лѣто можетъ разразиться съ гораздо большей силой, чѣмъ нынче, какъ это и было въ прошлую эпидемію. Извѣстно, что въ 1870 г. холерная эпидемія въ предѣлахъ Пермской губерніи началась въ августѣ и окончилась въ концѣ сентября. Заболѣло всего

въ губерніи 215 чел. и умерло 23. Въ 1871 году эпидемія снова появилась въ іюнѣ и продолжалась 4 мѣсяца. Заболѣло 13,292 чел., умерло 3,343 ч. Въ 1872 году она снова началась въ іюлѣ и окончилась въ концѣ октября. Заболѣло 2,371 ч., умерло 544 чел. Слѣдовательно, если-бъ удалось теперь осенью и будущей весной сдѣлать хотя что нибудь основательное въ смыслѣ санитарной чистоты, то и это несомнѣнно спасло-бы много человѣческихъ жизней».

ОВЪЯВЛЕНІЯ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„ЖИВОЕ СЛОВО“

ПРЕОСВЯЩЕННАГО АМВРОСІЯ,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Цѣна книги 50 коп. съ перес.

Съ требованіями надобно обращаться: г. Харьковъ, въ редакцію журн. „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ:

1. О самоубійствѣ. *И. А. Невзорова*. Казань. 1891. Цѣна 50 к.
2. Мораль стоицизма и христіанское правоученіе. *Его-же*. Казань. 1892. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Продаются въ Казани у книгопродавцевъ: А. А. Дубровина (Гостиницъ дворъ) и Н. И. Вашихина (Воскресенская ул., д. Волдырева).

